

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Ю.В. Кобенко

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФРГ:
АМЕРИКАНИЗАЦИЯ И ЭКЗОГЛОСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Монография

Издательство
Томского политехнического университета
2014

УДК 811.112.2:811.111'373.45
ББК Ш143.24-3
К55

Кобенко Ю.В.

К55

Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции: монография / Ю.В. Кобенко; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. – 360 с.

ISBN 978-5-4387-0408-9

В монографии даётся комплексное описание языковой ситуации в Федеративной Республике Германии периода с 1945–2010 гг., включая так называемые «нулевые годы» (1945–1949), на основе методики диасистемного анализа экзогlossных языковых ситуаций. В центре внимания находятся наиболее репрезентативные экзогlossные тенденции, составляющие американизацию главного экспонента языковой ситуации – немецкого литературного языка – и фиксируемые в его системе и немецкой литературной речи в указанном временном диапазоне.

Труд адресован специалистам в области германистики и социальной лингвистики, лексикографам, переводчикам, а также всем интересующимся проблемами современного языкознания.

УДК 811.112.2:811.111'373.45
ББК Ш143.24-3

Рецензенты

Доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка ПГСГА
О.А. Кострова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии КемГУ
Р.Д. Керимов

ISBN 978-5-4387-0408-9

© ФГБОУ ВПО НИ ТПУ, 2014
© Кобенко Ю.В., 2014
© Обложка. Издательство Томского
политехнического университета, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Явление экзоглоссии в историческом развитии немецкого литературного языка	14
1.1. Специфика изучения языковых ситуаций и их компонентов в историческом развитии немецкого литературного языка.....	14
1.2. Понятия экзоглоссии и экзоглоссных тенденций.....	23
1.3. Теория экзоглоссии: уровневая структура и понятийный аппарат.....	29
1.4. Метаглоссные параметры теории экзоглоссии.....	35
1.5. Причины экзоглоссного развития немецкого литературного языка.....	38
1.6. Экзоглоссные страты и полиглоссия системы немецкого литературного языка.....	42
1.7. Признаки экзоглоссного характера развития немецкого литературного языка.....	48
1.8. Экзо- и эндоглоссная фазы развития немецкого литературного языка.....	53
1.9. Экзо- и эндоглоссные типы немецкой языковой политики.....	56
Выводы по главе I	61
Глава II. Анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.: системная часть	64
2.1. Анализ системы немецкого литературного языка в контексте американизации.....	64
2.2. Диафазный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.....	62
2.3. Диастратический анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.....	78
2.3.1. Фонетический уровень.....	80
2.3.2. Морфосинтаксический уровень.....	85
2.3.3. Графический уровень.....	97
2.3.4. Лексико-семантический уровень.....	105
2.3.4.1. Семантическое изменение словарного состава.....	111
2.3.4.2. Изменение словообразовательных моделей.....	130
2.3.4.3. Количественное изменение словарного состава.....	134
2.3.4.4. Типология англо-американских заимствований в немецком литературном языке.....	155
2.3.5. Прагматический уровень.....	164
Выводы по главе II	170

Глава III. Анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.:	
функциональная часть	172
3.1. Функционирование подсистем немецкого литературного языка в контексте американизации	172
3.1.1. Экzogлосные тенденции в функциональном стиле науки	173
3.1.2. Экzogлосные тенденции в функциональном стиле публицистики и прессы	183
3.1.3. Экzogлосные тенденции в официально-деловом функциональном стиле	197
3.1.4. Экzogлосные тенденции в разговорно-обиходном функциональном стиле	204
3.1.5. Экzogлосные тенденции в художественном функциональном стиле	208
3.2. Диафункциональный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.	218
Выводы по главе III	232
Глава IV. Регулирование немецкого литературного языка в рамках экzogлосной языковой ситуации	233
4.1. Принципы и модели немецкой языковой политики	233
4.2. Анализ текущих лингвоэкологических сценариев регулирувания немецкого литературного языка	244
4.3. Экзо-эндоглоссная (центричная) модель регулирувания немецкого литературного языка	249
Выводы по главе VI	256
Заключение	258
Библиография	264
Список сокращений	313
Приложение 1	314
Приложение 2	342
Приложение 3	359

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография посвящена комплексному описанию языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., главной особенностью которой выступает усиленное заимствование англо-американской лексики в состав немецкого литературного языка. Данный процесс обозначается термином «американизация» и вызывает значительный резонанс не только в рядах германистов, но также в широких общественных кругах в ФРГ и за рубежом. Так, Й.А. Бер пишет в контексте произошедших изменений в системе немецкого литературного языка о начале нового периода его истории с 1950 г.: «поздненововерхненемецкого» [Bär, 2000, с. 30]. Р. Мюллер вообще ставит под сомнение правомерность употребления атрибута «немецкий» и говорит о развитии некоего литературного языка на территории ФРГ, обладающего высокой степенью метаморфичности [Müller, 2002, с. 429]. Приведенные крайние точки зрения немецких лингвистов свидетельствуют, с одной стороны, об открытости проблемы, а с другой стороны, о неправомерности её ограничения отдельными аспектами, даже такими важными, как англо-американские заимствования. Речь идёт о характере развития немецкого языка и научном объяснении сложившейся языковой ситуации в ФРГ в целом. Проведённое нами в этом русле исследование продолжает традицию комплексного описания языковых ситуаций в национальных государствах, заложенную на материале немецкого языка А.И. Домашневым (1983). Вместе с тем, мы делаем акцент не на диалектно-территориальном варьировании, которое достаточно полно изучено (ср.: В.М. Жирмунский, 1956, 1968, 1976; А.И. Домашнев, 1967–2001; Н.И. Филичева, 1983; Л.Б.Копчук, 1997, 2001, 2005; О. Reichmann, 1964–2010; U. Ammon, 1972–2004), а на развитии немецкого литературного языка в ФРГ, выступающего, по свидетельству А.И. Домашнева, в качестве нормы для всех стран его распространения [Домашнев, 1983, с. 8]. При этом во главу угла поставлена проблема англоязычного влияния на всю систему немецкого литературного языка.

Отдельные аспекты этой проблемы нашли своё отражение в трудах таких отечественных германистов, как В.М. Жирмунский (1948), О.И. Москальская (1959), Я.Я. Нейдорф (1966), А.П. Майоров (1967), А.Л. Воронова (1973), М.М. Гухман (1977), Ю.Г. Коротких (1977, 1980), А.И. Домашнев (1983, 1989), Е.В. Розен (1991, 2006), О.В. Карнаухов (1998, 1999), Г.Н. Россихина (2001), М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва (2003), Н.М. Наер (2006), А.А. Романов (2007) и др.

В рамках диссертационных исследований заимствование лексики англоязычного происхождения в немецком литературном языке многократно изучалось отечественными учёными. В поле зрения исследователей попадали такие аспекты, как *ассимиляция и интернационализация англоамериканизмов* (Л.В. Слепухина, 1976; В.И. Трошкина, 1987; В.Н. Федорцова, 1994; С.В. Мангушев, 2002; Н.Л. Константинова, 2003; М.А. Кузина, 2006; Г.И. Каданцева, 2007; Н.А. Кулешов, 2009); *англоамериканизмы в свете неологической теории* (Л.В. Васильева, 2004; Е.И. Михеева, 2005; О.В. Олейник, 2006; Д.Д. Билибин, 2009; Л.В. Новикова, 2010); *функционирование англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка на различных этапах американизации* (Н.Д. Никифоров, 1987; А.В. Щербакова, 2001; Е.В. Жабина, 2001; М.И. Дойникова, 2008; М.С. Омельченко, 2010); *предпосылки заимствования англоамериканизмов в немецкий литературный язык* (Ю.М. Калашникова, 2005; Е.В. Гордишевская, 2005); *явление гибридизации заимствованных и немецких лексических единиц* (Н.Ю. Суворкина, 2004; М.Н. Озолина, 2008); *заимствование англоязычной лексики в различных лексико-семантических группах системы немецкого литературного языка* (Т.Г. Гавриленко, 1990; Е.В. Червова, 1993; О.В. Карнаухов, 2000; М.С. Романова, 2001; М.С. Шумайлова, 2005; А.А. Патрикеева, 2009; М.А. Банщикова, 2011; Е.В. Кербер, 2011); *проблемы кодификации англо-американских заимствований в немецком литературном языке* (Е.Л. Аруева, 1983; Н.В. Калинина, 1984; И.В. Лобанова, 2007) и др.

В зарубежном языкознании отдельные аспекты данной темы получили освещение в работах следующих германистов: англоязычные влияния в истории немецкого языка (Э. Юнгер, 1949; О. Бехагель, 1954; Ф.К. Вайскопф, 1955; Т. Фрингс, 1957; А. Бах, 1961; Ф. Чирх, 1965; А.У. Стенфорт, 1968; П. ф. Поленц, 1972, 1994, 2009; Й. Шильдт, 1984; В. Фирек, 1988; В. Беш, 1989; Д.Е. Циммер, 1996, 1998, 2007; В. Шмидт, 2006); ортологический статус и проблемы кодификации англоязычной лексики в немецком языке (Д. Нериус, 1973; Ю. Фицнер, 1978; Х.-Р. Штайнбах, 1984; Ю. Дреус, 1999; Д. Фридрихельм, 1999; Д. Штеффенс, 2002; Х.Ф. Майер, 2007; Е. Телленбах, 2002); типология и лексикографическая интерпретация заимствованных англоамериканизмов в немецком литературном языке (Б. Карстензен, 1965, 1986; Х.Х. Мунске, 1983, 2000, 2005; Т. Шиппан, 1992; П. Браун, 1993, 1998; Р.В. Эйхер, 1994; Н. Лангер, 1996; Х. Ленерт, 1998; Ю. Шиве, 1998; Г. Вольф, 1999; М.Л. Курцио, 1999;

Ч. Фельдес, 1999, 2011; Х. Глюк, 2000; Д. Герберг, 2002; Д. Нюблинг, 2010); языковая критика и проблемы интерференции англоамериканизмов в немецкой литературной речи (Х. Финк, 1996, 1997; В. Фойгт, 1997, 1999; Л. Гётце, 1998, 1999, 2000, 2003; У. Аммон, 1999, 2000; Ф. Дебус, 2001; В. Незер, 2002; В. Шефер, 2002; У. Линке, 2002; Х.-Г. Шмитц, 2002, 2009; О. Бак, 2003; С. Цабель, 2009; и др.).

Обилие работ в данной области исследования не снимает проблему комплексного научного осмысления сложившейся языковой ситуации в ФРГ. Кроме того, некоторые аспекты исследуемой проблематики ещё не получили исчерпывающего толкования, к примеру: феномен манипуляции носителями немецкого языка заимствованным материалом англо-американского происхождения; явление гетеролингвальной синонимии образца «англо-американский vs. немецкий» в немецком литературном языке и его лексикографическая интерпретация; феномен переозвучивания ранее заимствованных единиц в соответствии с фонетическими нормами (американского варианта) английского языка и сопутствующие этому ресемантизация и ретимологизация. Спорадично исследована и проблема ресурсной неоднородности (полиглоссии) лексического состава немецкого литературного языка в диахроническом аспекте в связке с её синхронической экспликацией – диглоссией, характеризующей многоуровневую вариативность заимствованной и собственной лексики. Нет единства в выделении периодов американизации немецкого литературного языка в исследуемом участке диахронии, что зримо усложняет объективацию временных рамок языковой ситуации. Существует также необходимость преодоления подхода к определению компонентов языковой ситуации по законодательно установленным официальным и государственным языкам, так как существует возможность политической мотивированности языковой политики государств.

Следует особо подчеркнуть, что целостная характеристика языковой ситуации в ФРГ исследуемого периода возможна только с выходом за рамки сугубо интралингвистического подхода, характеризующего работы структурной и исторической лингвистики (В.М. Жирмунский, 1948; О.И. Москальская, 1959; М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, 1983; А.И. Домашнев, 1983, 1989; Н.И. Филичева, 1992; В. Carstensen, 1986; P. v. Polenz, 2009; и др.): необходима перспектива рассмотрения данной языковой ситуации «извне», т.е. экстралингвистический подход, представленный в исследованиях в области социолингвистики (А.Д. Швейцер, 1976; Л.Б. Никольский, 1976; В.Я. Порхомовский, 1981; В.А. Виноградов, 1990, 2008; W. Viereck, 1988; I. Skattum, 1997, 2008; и др.).

Утверждение английского языка на роль языка-макропосредника в отдельных языковых ситуациях в странах Европы, и прежде всего в ФРГ требует осмысления причин этого явления и его последствий, касающихся развития языков в современном мире. В этой связи особую значимость приобретает проблема взаимодействия родственных языков на разных этапах их развития, поскольку немецкий язык является генетическим прародителем английского. Причины и следствия глобализации представлены в работе на материале изучения англо-американских влияний на развитие языковой ситуации в ФРГ.

Особую актуальность тема приобретает в контексте падения статуса немецкого языка с 1945 г. в ФРГ и за рубежом, вызванного, во-первых, статусом немецкого как «языка горизонтали», используемого лишь во внутриэтническом общении, по отношению к американскому варианту английского языка как «языку вертикали», обеспечивающего образование, социальный и карьерный рост (буквально продвижение вверх) и социальное размежевание (*language of high snobiety*); во-вторых, вытеснением немецкого языка из ряда дискурсов: науки, техники, философии, политики, психологии, финансов и бухгалтерского дела и, в-третьих, проистекающей отсюда непопулярностью немецкого языка на фоне корпусно-статусных преимуществ американского варианта английского языка.

Таким образом, следует признать чрезвычайно актуальной задачу разностороннего описания тенденций в языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., для которых в настоящей работе предлагается термин «экzogлоссные» в соответствии с типом исследуемой языковой ситуации (один из контактирующих языков является импортированным). Совокупность экzogлоссных тенденций в развитии немецкого литературного языка указанного временного диапазона обозначается в данном исследовании как «американизация».

Центральным для настоящей монографии является понятие «экzogлоссия» (греч.: *exo* = внешний, *glōssa* = язык, речь), обобщающее целостную картину изменений в определённой языковой ситуации. Данное понятие многозначно: во-первых, им обозначается период исторического развития литературного языка, в который большинство заимствований происходит из материала определённого языка-донора; во-вторых, экzogлоссией называется такой характер заимствования, при котором количество заимствованных или образованных на основе заимствованного материала единиц превосходит новообразования, созданные из собственных средств

языка-реципиента; в-третьих, под экзоглоссией понимается такое функционирование языка, при котором степень использования или цитирования средств языка-донора в речи чрезвычайно высока. В широком смысле экзоглоссия представляется как языковая ситуация, в которой предпочтение отдаётся не собственному (титульному) языку, а более престижному иностранному.

Введение понятия экзоглоссии в аппарат отечественной лингвистики позволяет глубже понять природу изменения литературных языков, раскрыть закономерности данного изменения, а также логично дополнить понятийно-терминологический аппарат социолингвистики, в котором уже присутствует термин «экзоглоссный», используемый для описания типов языковых ситуаций. Термин «экзоглоссия» выступает также важным звеном в понятийной цепи «экзоглоссия → диглоссия → полиглоссия», характеризующей этапы развития литературных языков, где «экзоглоссия» обозначает языковую ситуацию в историческом развитии литературного языка (диахронно), диглоссия – языковое состояние (синхронно), а полиглоссия – структурно-генетическую особенность литературного идиома.

Объектом исследования выступает языковая ситуация в ФРГ 1945–2010 гг. Предметом являются экзоглоссные тенденции в развитии немецкого литературного языка ФРГ указанного временного диапазона, свидетельствующие об американизации данного языка.

Фактический материал извлечён из ряда первичных и вторичных источников. *Первичными источниками*, отражающими реальное функционирование языка, послужили: 1) записи живой речи носителей языка во время научно-исследовательских стажировок автора монографии в ФРГ в период с 1997–2008 гг.; 2) корпус, извлечённый из а) текстовых материалов немецкоязычных печатных и электронных изданий «*Deutsche Welle*», «*Spiegel*», «*Focus*», «*Die Zeit*», «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», «*Die Welt*», «*Frankfurter Rundschau*», «*Hamburger Abendblatt*», «*Süddeutsche Zeitung*», «*Financial Times Deutschland*», «*Cosmopolitan*», «*Men's Health*» и б) аудио- и видеоматериалов каналов массового вещания ФРГ «*ARD*», «*N24*», «*Deutsche Welle*», «*Pro7*», «*WDR2*», «*Sat.1*» за период 1945–2010 гг.

Для исследования научной и художественной функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка указанного временного диапазона были проанализированы тексты следующих авторов: 1) W. Pohlit, A. Böge, G. Böhme, F. Oehme, A. Knoll, Th. Christaller, A.B. Kesel, E. Hörmannsdorfer, U. Dorau, H. Bremer, K. Strobach,

L.J. Seiwert, R. Volk, H.-J. Sinell (в стиле науки с выделением 759 англоамериканизмов); 2) I. Harms, M. Hammerschmitt, U.C. Schreiber, R. Krohn, E. Reiner, R. Rehmann, J. Petschull, I. Dische, E. Herrmann, Ch. v. Kamp (в художественном стиле с актуализацией 742 англоязычных вкраплений). К числу англоамериканизмов и англоязычных вкраплений в обоих стилях относятся также единицы, подверженные англо-американскому влиянию.

Собранный корпус текстовых материалов составляет 15 145 условных страниц и включает 7 212 лексических единиц и 326 грамматических конструкций. Корпус аудио- и видеоматериалов содержит 94 единицы вариативного произношения и 487 вариантных оппозиций образца «(американский) английский vs. немецкий».

В качестве *вторичных источников* привлекались: 1) одноязычные лексикографические издания «*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*» (2011); «*Duden Fremdwörterbuch*» (2010); «*Wahrig Fremdwörterlexikon*» (2010); 2) универсальный электронный справочник «*Duden, Langenscheidt, Brockhaus*» (1993–2009), электронный толковый словарь немецкого языка «*Wahrig.digital*» (2007); 3) онлайн-словари «*Winzer-Lexikon*» (2003), «*Weinsprache*» (2003), «*Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW). Online-Wörterbuch 4.0*» (2009), «*Roche Lexikon Medizin*» (2003), «*Lexikon der Medizin*» (2006), «*Chat-Slang: Lexikon der Internet Begriffe aus Chat, e-Mail, Forum und Newsgroups*» (2009), «*cyberslang.de: Die Sprache der Internet-Generation*» (1999–2010), «*www.at-mix.de: News und Online Lexikon zu Computer, Internet und eCommerce*» (2004–2010); 4) немецкие ортологические издания по исследуемой проблематике, вышедшие за период 2000–2010 гг.; 5) корпуса англо-американской лексики в немецком языке: а) «*Anglizismen-INDEX*» Союза немецкого языка VDS (до 2010), б) «*Anglizismen-Wörterbuch: der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945*» Б. Карстензена (1965–2001, продолженный с 1992 г. У. Буссэ), в) «*Neuer Wortschatz: Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen*» Д. Герберга (1990–1999); г) «*Anglo-amerikanische Wortliste*» В. Незера (2002); 6) списки «*Wörter des Jahres*» с 1977–2010 гг. и «*Unwörter des Jahres*» с 1991–2010 гг. Общества немецкого языка GfdS.

Цель данного исследования состоит в раскрытии экзогlossных тенденций на экстра- и интралингвистических уровнях системы немецкого литературного языка, а также в текстах его функционально-стилистических разновидностей в рамках языковой ситуации в ФРГ периода 1945–2010 гг.

В работе выявляются *наиболее эксплицитные и репрезентативные экзогlossные тенденции*, так как, по мнению Г. Лангнера, само понятие «тенденция» носит весьма обобщённый характер и никогда не замыкается одним уровнем языка и даже одним языком [Langner, 1980, с. 674]. Экзогlossные тенденции проявляются прежде всего в наддиалектной языковой форме, поэтому исследование сфокусировано на процессы в немецком *литературном* языке. Избранный принцип согласуется с экстра- и интралингвистической традициями описания языковых ситуаций, где признаки выделения компонентов последних (контактирующих идиомов) в целом совпадают с дифференциальными признаками литературного языка [ср.: Филичева, 1992, с. 18]. Исследование заимствований в речи как результата языкового контакта (коммуникативный аспект) или средств создания колорита (стилистический аспект) также традиционно проводится в системе функциональных стилей как форм существования литературного языка и не затрагивает диалектной сферы (ср.: Riesel, 1959; Брандес, 1983; Наер, 2006).

В предлагаемой монографии решаются следующие задачи:

- выводятся принципы, составляющие фундамент теории экзогlossии на основе анализа исторического развития немецкого литературного языка;
- разрабатывается понятийно-терминологический аппарат теории экзогlossии в соответствии с аспектами её лингвистической специализации;
- выявляется система метагlossных параметров для определения характера функционирования немецкого литературного языка как компонента исследуемой языковой ситуации;
- проводится комплексный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., предполагающий: определение хронологических рамок американизации немецкого литературного языка и раскрытие общих и частных экзогlossных тенденций на разных уровнях системы языка и его функционирования в художественной, обиходной, научной, профессиональной речи и в средствах массовой информации;
- определяется характер процесса заимствования англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка периода 1945–2010 гг.;
- рассматриваются ведущие сценарии регулирования немецкого литературного языка в условиях экзогlossного влияния американского варианта английского языка в соответствии с принципами языковой политики ФРГ;
- моделируется процесс функционирования немецкого литературного языка в условиях экзогlossии.

Общей методологической основой исследования, способствующей решению вышеперечисленных задач, является диасистемный подход к анализу языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., предполагающий выделение диафазного (диахронического), диастратического (структурно-функционального) и диафункционального (социолингвистического) аспектов теории экзоглоссии.

Корпус методов, применяемый в рамках этого подхода, включает в себя общенаучные и лингвистические: метод дефиниционного и контекстуального анализа, метод выделения крайних точек исторических процессов, метод семантической интерпретации, моделирующий, системно-функциональный, описательный, сопоставительный методы, а также метод композиционного и стилистического анализа. При необходимости привлекались приёмы элементарной статистики (выявление статистической значимости, исследования зависимостей, построение схем и таблиц) и графического изображения полученных результатов.

Теоретико-методологической базой исследования явились основные положения, выдвинутые ведущими отечественными и зарубежными учёными, в области *истории немецкого литературного языка* (В.М. Жирмунский, О.И. Москальская, М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, А.И. Домашнев, В.Н. Федорцова, Н.И. Филичева, Н.С. Чемоданов, V. Klemperer, P. v. Polenz, P. Braun, G. Wolff), *теории развития литературных языков* (М.М.Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.И. Филичева, Э.Г. Туманян, Л.В. Бронник, Г.П. Мельников, Н.Б. Вахтин, R. Keller, R. Müller, К.-Н. Vausch, G. Eckert, R. Schrodtt), *стилистики немецкого языка* (М.М. Гухман, Э.Г. Ризель, М.П. Брандес, Е.В. Шендельс, Н.М. Наер, Л.Б. Копчук, В. Sandig, M. Hoffmann, W. Fleischer, G. Michel, D. Faulseit, G. Kühn), *теории языковых контактов* (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, В.Ю. Розенцвейг, В.В. Кабакчи, В. Carstensen, W. Viereck, E. Haugen, W. Voigt, H.-G. Schmitz, H. Schuchardt), *лексикологии и грамматики немецкого литературного языка* (В.Г. Адмони, Е.И. Шендельс, Е.В. Розен, О.А. Кострова, В.Н. Федорцова, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва, Г.Г. Едиг, А.П. Дульзон, Ю.Г. Коротких, А.А. Уфимцева, И.И. Ревзин, Ю.М. Шемчук, F. Debus, L. Götze, D. Herberg, H. Paul, G. Helbig, E. Seebold, T. Schippan, H. Bussmann, Ch. Dürscheid, P. Eisenberg, W. Schmidt), *концепций экзоглоссии* (I. Skattum, K. Holter, B. Brock-Utne, S. Hochhaus, B. Heine, T. Skutnabb-Kangas, B. Gomes, H. Naarmann), *типологии языковых ситуаций* (Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, В.А. Виноградов, В.Я. Пархомовский, А.И. Коваль, Н.Б. Мечковская), *концепций языковой политики и языкового*

планирования в различных типах языковых ситуаций (С.Н. Кузнецов, В.Т. Клоков, Е.Б. Гришаева, Л.К. Граудина, М.А. Бородина, R.T. Bell, R. Noss, C. Paulston, H. Naarmann, C. Fabricius-Hansen, H. Christ, W. Münch, C. Földes, R. Hoberg, E.W.V. Hess-Lüttich, U. Linke).

Положения и полученные выводы могут быть применены при чтении вузовских курсов, в том числе по истории, лексикологии, грамматике, фонетике, стилистике немецкого языка, межкультурной коммуникации, лексикографии, при преподавании таких теоретических дисциплин, как теоретическая грамматика, теоретическая фонетика, германское языкознание, социолингвистика, а также при разработке спецкурсов по языковой политике и теории перевода, при написании курсовых и дипломных работ. Наблюдения и обобщения могут быть использованы также специальными нормализаторскими объединениями или комиссиями, задачей которых является разработка принципов языкового планирования с целью обеспечения адекватности языковой коммуникации в социуме и организации языковой политики на государственном уровне.

Работа прошла апробацию в виде докладов и выступлений на более чем 40 научно-практических конференциях международного, всероссийского, регионального и межвузовского уровня в России и за рубежом.

Автор выражает глубокую и искреннюю признательность кафедре немецкого языка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара) и лично доктору филологических наук, профессору О.А. Костровой, а также кандидату филологических наук, доценту кафедры немецкой филологии Кемеровского государственного университета Р.Д. Керимову за тщательное ознакомление с содержанием и положительные рецензии на монографию. Самые тёплые слова благодарности адресуются бессменному научному редактору, кандидату филологических наук, доценту кафедры иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета И.А. Черемисиной Харрер и, безусловно, заведующему указанной кафедрой, кандидату педагогических наук, доценту Н.А. Качалову за всестороннюю поддержку в период подготовки рукописи к изданию.

Критические замечания и суждения по содержанию работы будут приняты автором с благодарностью.

Глава I
**ЯВЛЕНИЕ ЭКЗОГЛОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

**§ 1.1. Специфика изучения языковых ситуаций и их компонентов
в историческом развитии немецкого литературного языка**

Изучение исторических периодов развития немецкого литературного языка традиционно включает освещение сложившейся *языковой ситуации*. Необходимо отметить, что в лингвистической практике конкурируют два подхода описания языковых ситуаций: *собственно-лингвистический*, или структурный, и *экстралингвистический* (социальный). Сосуществование двух противоборствующих подходов восходит к многолетней дискуссии об источнике языковых изменений, который, соответственно, может быть имманентным (структурным) и социальным. Имманентное языковое развитие происходит вследствие самопроизвольного, регуляторного включения языкового механизма, в то время как общественно-детерминированное (социальное) подразумевает реконструктивное вмешательство общества в развитие языка.

Однако, как справедливо замечает Э.Г. Туманян, в истории конкретного языка удельный вес имманентных изменений и их соотнесённость с общественно-детерминированными не является постоянной величиной. Изменения языков имеют двойственную природу: социально-детерминированную и стихийно самовозникающую под давлением внутренних импульсов [Туманян, 1999, с. 87, 96]. Р. Келлер также отказывается от рассмотрения языка как исключительно натурального (имманентного) или культурного (социального) продукта, обосновывая естественные языки как «феномены третьего вида», развивающиеся по принципу «невидимой руки» [Келлер, 1997, с. 271]. Согласно Р. Келлеру языковые изменения – неизбежные результаты использования языка человеком как средства воздействия на участников коммуникации и, следовательно, специальный случай социокультурных изменений [Келлер, 1997, с. 270–271]. Факторы, обуславливающие языковые изменения, обнаруживают также экстра- и интралингвистическую природу: экономия (стремление к компактности), вариация (стремление к альтернативным способам выражения), инновация (стремление к обновлению) и эволюция (воздействие общественных сил на языковое функционирование) [v. Polenz, 1991, с. 28–78].

Таким образом, описание языковых ситуаций должно строиться с учётом и структурной, и социолингвистической составляющих языкового развития, под которым в настоящем исследовании вслед за Г. Вольфом понимается «последовательный, целенаправленный процесс, предполагающий наличие помимо телеологической также регулятивной константы, т.е. *определённых тенденций и закономерностей языкового изменения*» [Wolff, 1999, с. 28].

Необходимость учёта экстралингвистических факторов языкового изменения обусловлена не только институциональным воздействием на природу языков (нормализаторская деятельность, политизация, создание апостериорных (искусственных) языков), но и тем, что социальные изменения оказывают наибольшее влияние на лексико-семантический и прагматический уровни языка и существенно определяют функциональную парадигму национальных языков. Среди типичных случаев взаимодействия внутренних и внешних факторов языкового изменения Л.П. Крысин называет «*новые общественные условия, которые являются ускорителями языковых процессов, внутренне обусловленных*» [Крысин, 1989, с. 26]. Как пишет В.М. Жирмунский, основные линии развития немецкого языка отражают изменения общественной идеологии, в конечном счёте обусловленные развитием общественно-экономических отношений [Жирмунский, 1948, с. 296]. А.И. Домашнев делает акцент на социальную функцию языка в структуре речи при описании языковой ситуации в ГДР [Домашнев, 1983, с. 215]. М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк также формулируют значимость экстралингвистической составляющей для изучения вопросов, связанных с историей языка: «*Разные исторические этапы в пределах одной и той же исторической формации порождают целый ряд вторичных социальных и культурно-исторических явлений и процессов, оказывающих воздействие на языковую ситуацию в целом и на развитие литературного языка, в частности*» [Гухман, Семенюк, 1983, с. 9]. Т.И. Вепрева постулирует, что на современном этапе развития языков изменения вызваны преимущественно социальными причинами [Вепрева, 2005, с. 20].

Параллельное использование аппаратов структурной и социальной лингвистики симптоматично для исследований в области истории немецкого языка. Так, отечественным и зарубежными германистами традиционно используются в исследованиях такие социолингвистические термины, как «*корпус языка*» («*Sprachkorpus*») [Домашнев, 1983, с. 188; Москальская, 2003, с. 32; Филичева, 2003, с. 4; Braun, 1993, с. 134; и др.], «*языковая*

политика» («*Sprachpolitik*») [Гухман, 1970, с. 538; Домашнев, 1983, с. 43; Götze, 1999, с. 5; и др.] и, безусловно, «языковая ситуация» («*Sprachsituation*») [Гухман, 1970, с. 504; Семенюк, 1996, с. 44; Филичева, 1992, с. 16; v. Polenz, 2009, с. 145; Stepanova, Černyševa, 2003, с. 169; и др.]. В немецкоязычной традиции широко употребляются также понятия «*Sprachpflege*» и «*Sprachkritik*» [Braun, 1993, с. 99; Götze, 2000, с. 27; Riesel, 1959, с. 450; Schippan, 1992, с. 102; Roth, 2004, с. 283; и др.].

Итак, описание языковых ситуаций преимущественно в призме изучения исторического развития немецкого языка позволяет разделить все подходы на интра- и экстралингвистические. К первой группе примыкают исследования, целью которых можно обозначить описание конститuentов функциональной парадигмы немецкого (литературного) языка, или актуализацию языкового состояния (В.М.Жирмунский, 1948; М.М.Гухман, Н.Н.Семенюк, 1983; А.И.Домашнев, 1983; Н.И.Филичева, 1992; О.И.Москальская, 2003; V. Klemperer, 1947; P. v. Polenz, 2009; и др.).

Так, Н.Н. Семенюк понимает под языковой ситуацией «совокупность коммуникативных средств, используемых определённым языковым коллективом в тот или иной период существования и развития языка», при этом к «коммуникативным средствам» учёная относит все основные формы существования конкретного языка в их различной социальной отнесённости, а также иностранные языки, используемые данным коллективом [Semenjuk, 1985, с. 1749].

Описание языковой ситуации в интралингвистическом ключе включает два основных момента: 1) выявление социальных процессов и историко-культурной ситуации; 2) анализ функциональной парадигмы немецкого языка определённого периода, в который входит также обзор основных памятников, литературных жанров и их соотношения.

В экстралингвистической традиции языковая ситуация определяется как «организованная» совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении [Швейцер, 1976, с. 79–80]. Под «организованной совокупностью языков» А.Д. Швейцер понимает взаимосвязь языков не только в силу тесных контактов между языковыми общностями, составляющими население одного политико-территориального объединения, но и своими отношениями к коммуникационному континууму данного общества и друг к другу [Швейцер, 1976, с. 80].

В социалингвистике языковая ситуация описывается посредством различных признаков – количественных, качественных и оценочных (эстимационных), на основе которых строится типология языковых ситуаций и подситуаций [Виноградов, 1990, с. 617].

При очевидных различиях обозначенные подходы отнюдь не являются взаимоисключающими: они опираются на границы определённой территории распространения языка и оперируют схожей методологической базой. Под описанием языковой ситуации в отношении определённого её компонента понимается его *функционирование*, а в отношении совокупности компонентов – *взаимодействие*.

Общим явлением для противоположных подходов представляется также размытость временных рамок языковой ситуации, что имеет решающее значение для определения тождества исследуемых компонентов. Однако если в социалингвистике установлен синхронный рубеж для фиксации динамики внутри языковой ситуации – 5 лет [Никольский, 1976, с. 15–18], то в исторической и структурной лингвистике жёсткая временная фиксация функционирования такого её компонента, как литературный язык, вряд ли возможна.

В настоящей монографии временной диапазон языковой ситуации задан логикой обстоятельств экстра- и интралингвистического характера и равен отрезку с 1945–2010 гг. (включая так называемые «нулевые годы» (нем.: *Nullerjahre*) 1945–1949 гг.), обозначаемого рядом исследователей как *американизация немецкого языка* (см. подробнее § 2.1.). В качестве компонентов языковой ситуации рассматриваются немецкий литературный язык (эндогlossный компонент) и американский вариант английского языка (экзогlossный компонент).

Немецкий литературный язык понимается здесь вслед за М.М.Гухман и Н.Н.Семенюк, с одной стороны, как компонент языковой ситуации и, с другой стороны, как одна «обработанная форма существования немецкого языка, как определенное его состояние» [Гухман, Семенюк, 1983, с. 5]. Немецкий литературный язык выступает в настоящей работе как основной конституент собственно немецкого ареала распространения немецкого языка – старой (до 1990 г.) и новой ФРГ (после 1990 г.), которая в определении А.И. Домашнева, является традиционным экспонентом системы немецкого языка в целях его исследования и изучения [Домашнев, 1983, с. 8]. Таким образом, из области исследования исключена историческая языковая ситуация ГДР, а также других немецкоговорящих стран и

ареалов дочернего языкового континуума (США, России, Казахстана, Австралии и т.д.). Немецкий язык рассматривается нами как *национально-гомогенный литературный язык, ограниченный национальной территорией Германии* [Домашнев, там же]. В зарубежной германистике для данной формы существования немецкого языка используется термин «*Binnendeutsch*» [ср.: Schippan, 1982, с. 11].

Устойчивыми дифференциальными признаками немецкого литературного языка являются: 1) обработанность и селективность; 2) полифункциональность (поливалентность); 3) тенденция к регламентации, соотношенная с селективностью; 4) гомогенность; 5) наддиалектность [Филичева, 1992, с. 18–22]. Как отмечают М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк, в разные периоды истории немецкого литературного языка соотношение между дифференциальными признаками не является стабильным, а степень и формы обработанности, наддиалектности, полифункциональности – неодинаковы [Гухман, Семенюк, 1983, с. 6].

Как отмечалось выше, существует необходимость преодоления подхода к выделению компонентов языковой ситуации на основании законодательной закреплённости в определённом административно-политическом образовании. Неправомерность такого подхода объясняется возможной политической мотивированностью языковой политики его субъектов. К примеру, английский язык (или его американский вариант) не является официальным языком в ФРГ согласно § 23 (1 абзац) Федерального закона об административном производстве (§ 23 Absatz 1 *Verwaltungsverfahrensgesetz (Bund)*), что не отражает его реальной коммуникативной мощности в данной стране и, следовательно, не позволяет его полномерно оценивать как компонент языковой ситуации.

Настолько же неправомерным, как и обозначенный выше подход, представляется определение коммуникативной мощности идиома – в особенности экзоглоссного – по присутствию его прямых носителей в самом административно-политическом образовании. При этом компонентами языковой ситуации могут выступать мёртвые (латынь) или апостериорные (эсперанто) языки, которые вообще не имеют говорящих на них как на L_1 , т.е. родном языке. Безусловно, данные о носителях с дифференциацией степени языкового родства (родной, иностранный, второй иностранный и т.д.) являются важным количественным признаком идиома, однако так называемая демографическая мощность компонентов языковой ситуации допускает присутствие говорящих на них и как на L_2 (билингвов), и как на

L₃ (три-, или мультилингвов), и т.д., т.е. виртуальный языковой контакт [ср.: Виноградов, 1990, с. 616]. Таким образом, присутствие американцев не является определяющим фактором для диагностируемой экзоглоссии в языковой ситуации в ФРГ.

Согласно В.А. Виноградову, существуют три группы признаков компонентов языковой ситуации: 1) количественные, дифференцирующие идиомы по числу говорящих и коммуникативных сфер; 2) качественные, выявляющие генетическую родственность и функционально-типологические характеристики языков; 3) оценочные, касающиеся внешней и внутренней оценки идиомов, т.е. оценки носителями других языков и исконными носителями [Виноградов, 1990, с. 616–617].

1. По данным опроса, проведённого Алленсбахским институтом изучения общественного мнения (*Institut für Demoskopie Allensbach*) по заданию Общества немецкого языка GfdS и Немецкого языкового союза (*Deutscher Sprachrat*) в апреле 2008 г. среди репрезентативно выбранных 1 820 граждан ФРГ в возрасте от 16 лет включительно, 67% опрошенных, проживающих в западной части страны, и 49% представителей восточной части республики достаточно хорошо (*einigermassen gut*) владеют английским языком. В «старых» федеральных землях показатели выросли почти в 3 раза с 1961 года (22%) и в 1,5% раза – в «новых» федеральных землях с 1990 г. (33%). Английский язык занимает лидирующую позицию среди иностранных языков в ФРГ с 63% по республике, опережая французский (на втором месте) с 18% и голландский (на третьем месте) 9%. Русский и турецкий языки, которые традиционно считаются равноправными компонентами языковой ситуации в ФРГ наряду с немецким языком в силу представительного количества исконных носителей, проживающих в стране, более чем в 10 раз уступают английскому по коммуникативной мощности, ср. соответственно 6% (русский язык) и менее 2% (турецкий язык). По данным В. Фирека, английский язык в ФРГ до 1990 г. был распространён в следующих сферах: науки и техники, средств массовой информации, экономики и финансов, моды и спорта [Viereck, 1988, с. 942–946]. После 1990 г. диапазон распространения английского языка в ФРГ существенно расширился за счёт сфер компьютерных и Internet-технологий, развлечений и свободного времяпрепровождения, трудовой занятости и образования, транспорта и автомобилей, телекоммуникационных технологий, здоровья и здорового образа жизни, музыки, гастрономии и изделий пищевой промышленности [Herberg et al., 2002, с. 196–197]. Подробнее об инфильтрации английского языка в общественную жизнь ФРГ изложено в § 2.2.

2. По лингвистическому характеру идиомов английский и немецкий – разные языки, по структурно-генетическим отношениям они – сходные, родственные (представители германской ветви индоевропейской семьи языков). Функционально идиомы неравнозначны: немецкий выступает после 1945 г. языком горизонтали, т.е. внутриэтнического общения, английский – языком вертикали, ассоциирующимся у немцев с успешностью, благополучием, образованием, карьерным ростом, (см. об этом § 1.2.). Таким образом, языковая ситуация в ФРГ – *многоязычная, гомогенная, гомоморфная, дисгармоничная и экзогlossная* [ср.: Виноградов, 1990, с. 617]. Многоязычие обусловлено включённостью в рамки языковой ситуации нескольких разных языков; гомогенность свидетельствует об их родственности, гомоморфность о типологическом сходстве, обозначаемом гомологичностью (см. об этом подробнее § 1.5.). Дисгармоничность характеризует различный функциональный статус идиомов, экзогlossия – иностранное происхождение металекта (доминирующего идиома). Экзогlossии в языковой ситуации в ФРГ периода 1945–2010 гг. в настоящей монографии уделяется наибольшее внимание.

3. Оценочные признаки во многом связаны со статусом компонентов языковой ситуации, т.е. с их коммуникативной пригодностью, эстетичностью, престижностью и пр. (подробнее о понятии «статус языка» см. § 3.2.). Статус английского языка в ФРГ в изучаемом периоде неоднозначен: его неустойчивость обусловлена отличиями в оценке языковым коллективом в определённые периоды существования ФРГ – феномен, обозначаемый в истории ФРГ англоамериканизмом «*Changing Society*» (CS). Безусловно, в «нулевые годы» данный язык ассоциируется с ролью американо-британской военной коалиции во второй мировой войне, в результате чего за ним закрепляется статус языка оккупации [Voigt, 1999, с. 198]. В дальнейшем, как отмечает Х.-Г. Шмитц, распространение английского языка в ФРГ приобретает черты языкового экспансионизма и одновременно стойкие отличия от языковых ситуаций в других странах [Schmitz, 2002, с. 148]. После воссоединения Германии данный язык выступает в ФРГ языком глобализации, кардинальными функциями которого являются, с одной стороны, обеспечение коммуникации между разноязычными группами населения или отдельными пользователями – исконными носителями разных языков (фактор, усиливающий интернационализацию англоязычной лексики – комментарий наш), и, с другой стороны, размежевание социально «значимых» (т.е. более американизированных, к примеру, *high*

snobiety – комментарий наш) и более традиционных слоёв общества [Phillipson, 2003, с. 64]. Вывод В.М. Алпатова, что в ходе глобализации английский распространяется, прежде всего, как всеобщий второй язык [Алпатов, 2004, с. 27], можно целиком применить к языковой ситуации в ФРГ с учётом количественных параметров данного языка, приведённых выше. Так как в практике описания статусных характеристик языков сочетания «язык глобализации» и «мировой язык» имеют слабую терминологическую традицию, им предпочитается термин «язык-макропосредник», введённый А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским и обозначающий язык, обслуживающий межнациональное общение в многонациональном государстве, либо, как правило, заимствованный язык колониального управления [Швейцер, Никольский, 1978, с. 102–110].

Согласно опросу, проведённому Алленсбахским институтом изучения общественного мнения в 2008 г., положительно оценивают английский язык в ФРГ 64% респондентов в возрасте 16–29 лет, 51% – 30–44 лет, 38% – 45–59 лет. 50% в данной группе опрошенных владеют английским языком на коммуникативно достаточном уровне (группа А). В группе, не владеющей английским языком (группа В), 56% респондентов дают негативную оценку английскому языку в ФРГ: в возрастной подгруппе старше 60 лет противников данного языка 68%, в подгруппе 45–59 лет – 39%, в возрасте 30–44 лет – 22% и 16–29 лет – 15%.

Тем самым, негативное восприятие английского языка в ФРГ перевешивает: 56% в группе А и 29% в группе В «против» ($85/200=0,42$) vs. соответственно 50% в группе А и 22% в группе В ($77/200=0,38$) «за». Совокупность внутренних оценок английского языка определяет степень лояльности носителей к немецкому языку, которая, по словам Х.-Г. Шмитца, в целом по республике после второй мировой войны значительно снизилась [Schmitz, 2002, с. 152]. Итак, коэффициент лояльности немецкому языку в ФРГ равен 0,42 (2008), что ниже отметки изоморфизма (см. подробнее § 1.3.) и подтверждает тенденцию к экзогоссии в исследуемой языковой ситуации. Повышение лояльности наблюдается с ростом возраста респондентов: 66% опрошенных в возрасте старше 60 лет требуют рестриктивных лингвополитических мер (см. об этом § 1.9.) в отношении американизации немецкого литературного языка. В среднем 50% опрошенных в указанных возрастных группах (16–29, 30–44, 45–59, от 60 лет) высказываются в пользу институционального вмешательства в языковые процессы; в группе А – 43%, в группе В – 60% лиц.

Сниженная лояльность к родному языку инициирует явление диглоссии (в экстралингвистическом смысле, см. подробнее §§ 1.4. и 1.6.). Следует отметить, что трактовки диглоссии в отечественной и зарубежной социолингвистике расходятся. Так, в отечественной традиции диглоссными языковыми ситуациями обозначаются случаи функционального размежевания используемых языков и их форм [ср.: Виноградов, 1990, с. 617]. В зарубежной традиции принято различать социальную и стилистическую формы диглоссии. Например, Э. Оксаар понимает под первой формой ситуативно-дифференцированное использование разных языков, под стилистической диглоссией – разных форм одного языка [Oksaar, 1988, с. 852].

Итак, в эстимационном аспекте языковая ситуация в ФРГ с релевантными для настоящей работы языками представляется *социально диглоссной*, предполагающей ситуативно-дифференцированное использование английского в статусе языка-макропосредника и общего второго (интернационального) языка и титульного (немецкого) в статусе языка автохтонного населения.

Тем самым, *английский язык следует признать полновесным компонентом языковой ситуации в ФРГ*, коммуникативная мощность которого прямо пропорциональна степени американизации немецкого литературного языка. *Американизация* понимается в данной монографии двояко. Во-первых, как уже отмечалось выше, она совпадает с временными рамками новейшей языковой ситуации в ФРГ, которая в своих *экзоглоссных тенденциях* (см. § 1.2.) ещё далеко не исчерпана. Во-вторых, американизация выступает характеристикой определённого исторического этапа развития немецкого литературного языка, который, с одной стороны, обнаруживает определённые параллели с периодами латинизации и галлизации, однако, с другой стороны, противопоставлен им по качественно-количественным характеристикам, к примеру, интенсивности и продолжительности (см. § 2.2.). В контексте исторического изменения немецкого литературного языка данные периоды уместно рассматривать как языковые ситуации в широком смысле на основании наличия стойких отличительных признаков от других периодов его истории. Именно такими признаками и выступают *экзоглоссные тенденции*, о которых речь пойдёт в следующем разделе.

§ 1.2. Понятия экзоглоссии и экзоглоссных тенденций

Устойчивой особенностью описания указанных исторических этапов выступает феномен заимствования, что имеет свой глубинный смысл для развития немецкого литературного языка, «происходящего в направлении, обратном гомогенности его ресурсов» [Nübling, 2010, с. 264]. Данное направление развития обеспечивает немецкому языку максимальную коммуникативную пригодность, одновременно выступая телеологической величиной для совокупности происходящих изменений.

Заимствование лексических единиц сопряжено с влиянием определённого языка-донора на систему немецкого литературного языка. Влияние возможно только при одном условии: язык-донор должен быть социально престижным в глазах всех членов языкового коллектива [Беликов, Крысин, 2001, с. 103]. Влияние языка-донора в свою очередь инициирует в системе немецкого литературного языка ряд значимых изменений, так или иначе направленных на расширение его возможностей. Во-первых, язык-реципиент заимствует из языка-донора эффективные средства (*априорные образования* – термин наш, см. также § 2.2.1.4.), во-вторых, на основе заимствованного материала он создаёт собственные эффективные ресурсы (*апостериорные образования*), необходимые ему для наибольшей коммуникативной пригодности.

Для характера заимствования, при котором количество заимствованных (априорных) или образованных на основе заимствованного материала (апостериорных) образований превосходит новообразования, созданные из собственных средств языка-реципиента, в данной монографии предлагается термин *экзоглоссия* (греч.: *exo* = внешний, *glōssa* = язык, речь). Для указанного характера заимствования также принято обозначение «инвазивный» (позднелат.: *invasio* = вторжение) [ср.: Богословская, 2002, с. 219].

Так, по данным Д. Герберга, 60% всех новообразований в немецком языке за период 1990–1999 гг. составляют единицы, *заимствованные* (40%) либо *созданные на основе материала американского варианта английского языка* (20%) [Herberg et al., 2004, с. XV]. Для экзоглоссии типичен также перевес имён существительных как выражение потребности в номинации явлений в изменённых условиях реальности [Морозова, Носкова, 2007; Haspelmath, 2008]. Экзоглоссия может диагностировать и характер словообразования в языке-реципиенте: к примеру, В.Н. Федорцова отмечает со ссылкой на Р.З. Мурясова, что интернациональные словообразовательные элементы составляют около 78% от общего числа аффиксов немецком языке [Федорцова, 1994, с. 3].

Экzoglossia понимается в настоящей работе также как функционирование языка, при котором степень использования средств языка-донора чрезвычайно высока. У постороннего наблюдателя может сложиться мнение, что носители языка-реципиента сознательно избегают в речи автохтонных (собственных) средств, предпочитая им более престижные формулировки, заимствованные из материала языка-донора. В широком смысле экzoglossia представляется как языковая ситуация, в которой предпочтение отдаётся не собственному языку, а более престижному иностранному. Й.Г. Шоттель, известный своими пуристическими взглядами, характеризует указанное явление как «жадность до чужого» («*Fremdgierigkeit*»), которое, по его мнению, выражается «в чрезмерном увлечении иностранными словами, иноязычными элементами словообразования, готовыми фразами и т.д.» [цит. по: Junker, 2010, с. 142]. Ю. Абреш обозначает такую тенденцию англоязычным термином «*hyperforeignism*» («*гиперчужеродность*») и интерпретирует её в ракурсе американизации как «переанглизацию немецкого языка» («*Überanglisierung des Deutschen*») [Abresch, 2005, с. 177].

Кроме того *экzoglossией* в данной монографии обозначается период исторического развития немецкого литературного языка, в который большинство заимствований происходит однозначно из материала одного языка-донора. В такие периоды, как пишет, М.Я. Гловинская, «стихийное, неуправляемое начало в языке одерживает победу над нормативным, поэтому актуальные языковые тенденции как бы вырываются наружу» [Гловинская, 1996, с. 237–238]. Применительно к языковой ситуации в ФРГ периода 1945–2010 гг. термин «экzoglossia» приближен по значению к термину «американизация».

Имплицитно экzoglossia выделялась и ранее на фоне заимствования, и даже обосновывалась её значимость в истории любого языка. Е.Э. Биржакова, к примеру, пишет: «Взаимодействие между различными языками на лексическом уровне составляет обязательную и важную страницу в истории лексики каждого национального языка... на разных исторических этапах его развития» [Биржакова и др., 1972, с. 9]. Помимо этого, явление экzoglossии интерпретируется различными авторами со всевозможных ракурсов: «новые источники внешних воздействий» [Колесов, 1999, с. 33]; «выбрасываемые наружу актуальные языковые тенденции» [Гловинская, 1996, с. 237–238]; «интенсивная динамизация» [Мокиенко, 1998, с. 38]; «ускоренный переход к новому эволюционному этапу, связанный с новшествами» [Костомаров, 1999, с. 290]; «высокодинамичный тип эволюции

языка, который характеризуется сравнительно быстрыми сдвигами в функционировании конкурирующих единиц (в течение 10–12 лет) и высоким коэффициентом роста, характеризующим темпы изменений» [Граудина, 1996, с. 413]; «разгерметизация языка» [Черняев 2008, с. 373] и т.п.

Тем не менее, в работах отечественных лингвистов термин «экзогlossия» пока ещё редок и зачастую приравнивается к понятию «экзогlossная языковая ситуация» (см. далее), причём для описания таковой используется социолингвистическая типология Л.Б. Никольского [Никольский, 1976, с. 80–81], к примеру: [Дебов, 2001; Татарникова, 2004; Шаяхметова, 2006] и мн. др.

В работах зарубежных лингвистов термин «экзогlossия» также интерпретируется в фокусе языковых ситуаций и встречается в терминологическом аппарате следующих авторов: Г. Хармана [Haarmann, 1986], Б. Хайне [Heine, 1992], И. Скаттум [Skattum, 1997, 2008, 2009], Ш. Хоххауса [Hochhaus, 2001], Б. Гомеса [Gomes, 2005], Б. Брок-Утне [Brock-Utne, 2009] и др. Ш. Хоххаус называет экзогlossией такую языковую ситуацию, в которой один либо несколько используемых языков не являются местными [Hochhaus, 2001, с. 3].

Б. Хайне представляет в своём исследовании «*Language policies in Africa*» (1992) концепцию, где экзогlossия противопоставлена эндогlossии (греч.: *endo* = внутренний, *glōssa* = язык, речь) на примере языковой ситуации в Малави и Мозамбике (рис. 1). Исследователь сравнивает экзогlossию с вертикалью, а эндогlossию с горизонталью. Вертикаль характеризует определённый язык межэтнического общения («*vertical medium*») – в данном случае португальский как язык статуса, престижа и социального разграничения, который преподаётся в школе для достижения экономического благополучия (буквально: продвижения вверх). Горизонталь отражает спонтанное использование местного (родного) языка («*horizontal medium*») в обиходных условиях для обеспечения социального единства и солидарности [Heine, 1992, с. 25].

Б. Гомес также обращается к португалоязычной экзогlossии («*lusophone Exoglossie*»), характеризуя языковую ситуацию на островах Зелёного мыса [Gomes, 2005]. В работах Г. Хармана упоминаются антиномичные термины «экзогlossный» и «эндогlossный» («*exoglossisch*» vs. «*endoglossisch*») для обозначения функционально (см. § 1.3.) разнородных официальных языков, где эндогlossным обозначается английский как официальный язык Великобритании, а экзогlossным – французский в Люксембурге [Haarmann, 1986, с. 1668].

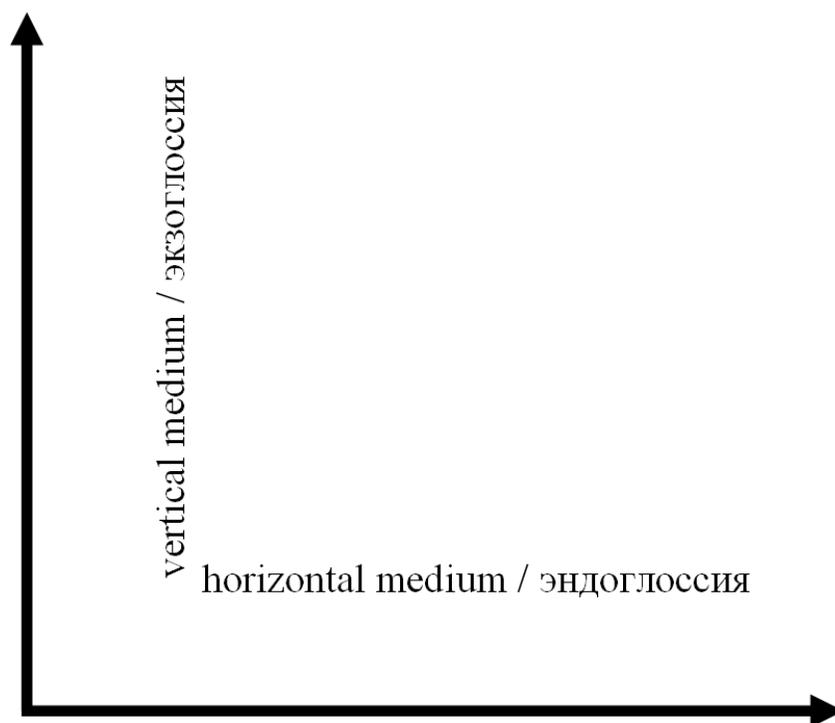

Рис. 1. Концепция экзогlossии по Б. Хайне (1992)

Наиболее полное представление об экзогlossии наряду с понятием иноязычной речевой деятельности даёт норвежская исследовательница И. Скаттум, характеризуя образовательную политику в школах Мали, где французский язык не является ни доминантным, ни языком большинства («*majority language*»), а используется в речи сравнительно небольшого круга людей, представляющих элиту общества. Учёная называет такую языковую ситуацию «дополнительным и вычитающим билингвизмом» («*additive and subtractive bilingualism*») [Skattum, 1997, с. 68–97]. В новых работах И. Скаттум в соавторстве с К. Хольтер (2008) и Б. Брок-Утне (2009) экзогlossия рассматривается на примере развития устных форм языка в зоне африканской франкофонии.

Обобщая анализ работ зарубежных исследователей, использующих в своём понятийном аппарате термин «экзогlossия», можно сделать следующие выводы. Во-первых, под «экзогlossией» зачастую понимается языковая ситуация, в которой некий местный язык оказывается как будто в «тени» чужого языка, ограничивающего или, по крайней мере, регламентирующего распространение первого. Ч. Фельдес обозначает такой харак-

тер влияния термином «экзогенный» [Földes, 1999, с. 36]. В этой связи уместно упомянуть Г. Пауля, который в своё время называл такую ситуацию билингвизмом, а именно «любое влияние чужого языка, независимо от его проявления, будь то просто контакт между языками, или же реальное владение двумя языками» [Пауль, 1960, с. 391]. Такое же широкое толкование рассматриваемого явления встречается у чешского лингвиста Б.К. Гавранека [Гавранек, 1972, с. 96]. Как можно видеть, определение экзоглоссии через понятия «влияние» и «чужой / экзогенный» не является исчерпывающим и легко выходит из русла рассуждений.

Во-вторых, термин «экзоглоссия» используется не только для обозначения гетерогенности взаимодействующих языков на определённой языковой территории, но и для их функциональной дифференциации.

В-третьих, понятия «экзоглоссии» и «экзоглоссной языковой ситуации» зачастую употребляются исследователями синонимично, однако не обязательно равны по объёму: термином «экзоглоссия» обозначается характер функционирования компонентов определённой языковой ситуации, в то время как термином «экзоглоссная языковая ситуация» – совокупность гетерогенных её составляющих.

Согласно социолингвистической типологии Л.Б. Никольского все языковые ситуации подразделяются по характеру отношений взаимодействующих языков или их форм на сбалансированные и несбалансированные. «Сбалансированными считаются такие ситуации, составляющие языки или языковые подсистемы которых в функциональном отношении равнозначны. Компоненты же *несбалансированных* языковых ситуаций распределены по сферам общения и социальным группам» [Никольский, 1976, с. 80–81].

Типология языковых ситуаций по характеру отношений взаимодействующих языков или их форм у Л.Б. Никольского до сих пор используется в социолингвистических исследованиях в основном отечественного образца. В основе представлений о не/сбалансированности лежит постулат Э. Хаугена о «не/сбалансированном двуязычии» [Хауген, 1972, с. 277–289]. Между тем практика сегрегации экзоглоссии и эндоглоссии явно показывает, что *сбалансированность* присуща только эндоглоссным языковым ситуациям, которые корректнее было бы обозначить состояниями, а для экзоглоссии типична *функциональная дифференциация контактирующих языков*.

Анализ работ отечественных исследователей показал, что *на практике не встречается сбалансированных экзогlossных ситуаций* [ср.: Дебов, 2001; Татарникова, 2004; Шаяхметова, 2006]. В исследованиях зарубежных лингвистов, цитированных выше, функции контактирующих языков также весьма далеки от «баланса». Н.Б. Мечковская убедительно доказывает, что экзогlossные сбалансированные ситуации нетипичны для современных живых форм языка (нельзя владеть двумя формами или (функциональными) стилями в одинаковой степени, отсюда термин «сбалансированный»): «Редкость и неустойчивость сбалансированного двуязычия объясняется тем, что полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух языков в одном обществе практически не бывает» [Мечковская, 2000, с. 171–173].

Вступая в контакт два субъекта действительности, будь то языки или языковые подсистемы, выстраивают заведомо дифференцированные отношения, исключаящие всяческую сбалансированность (идеографию на уровне семантики). Таким образом, функциональные различия (см. § 1.3.) между любыми двумя формами языков закономерны и ожидаемы.

Однако указанная неточность несколько не умаляет заслуги Л.Б. Никольского и непринципиальна для результатов исследований определённых языковых ситуаций. Внесённые уточнения релевантны лишь для комплексного описания явления экзогlossии, а также могут представлять интерес для последующего изучения экзогlossных языковых ситуаций.

Функционирование немецкого литературного языка в различные исторические периоды можно представить как историолекты, под которым в лексикологии понимается *литературный стандарт выражения*, присущий определённой исторической эпохе (латинизации, галлизации, американизации) и обусловленный определёнными тенденциями экстра- и интралингвистического плана. Термин «тенденция» в определении П. Брауна имеет два дифференциальных признака: «*начало, отправная точка определённого процесса и наличие константных явлений*» [Braun, 1993, с. 93]. Тенденции могут быть экзогlossными, т.е. ориентироваться на иностранный (экзогlossный) компонент языковой ситуации, и эндогlossными, т.е. ориентироваться на одно из прошлых состояний языка-реципиента, которое обосновывается как образцовое. Под *экзогlossными тенденциями* в рамках исследуемой языковой ситуации понимаются *процессы в системе немецкого литературного языка, начавшиеся с диафазой американизации и характеризующиеся относительной константностью*.

В соответствии со степенью действия в системе немецкого литературного языка экзогlossные тенденции данного периода можно разделить на общие и частные. *Общие экзогlossные тенденции* затрагивают процессы на уровне языковой системы, например, тенденция к заимствованию англоамериканизмов, о которой пишет Е.В. Розен: «Сегодня сильна тенденция черпать слова и выражения из английского, точнее из его американского варианта» [Розен, 1991, с. 82]. *Частные экзогlossные тенденции* распространяются на языковые подуровни и касаются функционирования *единиц* системы немецкого литературного языка, к примеру: тенденция к преобладанию именных частей речи в процессе заимствования, лояльности к языку-донору и др.

Как отмечалось ранее, американизация мыслится как совокупность экзогlossных тенденций общего и частного характера, которые составляют отличительные признаки сложившейся языковой ситуации от других ситуаций в историческом развитии немецкого литературного языка. Таким образом, американизация и экзогlossные тенденции соотносятся в настоящей работе как гипероним (родовое понятие) и гипонимы (видовые понятия).

§ 1.3. Теория экзогlossии: аспекты и понятийный аппарат

Явление инвазивного заимствования, наблюдаемое во многих современных языках в эпоху глобализации и обозначаемое в данной работе термином «экзогlossия», ставит лингвистов перед необходимостью укрупнения методологических рамок исследований посредством привлечения к имеющемуся инвентарю структурной и контактной лингвистики аппарата социолингвистики, дисциплины экстралингвистического профиля, изучающей связь языка и общества. Такое укрупнение рамок исследования проблемы заимствования позволит не только наиболее полно описать природу данного явления и его инвазивного типа, но и глубже понять его роль в историческом функционировании литературных языков.

Таким образом, предлагаемая в настоящей работе теория экзогlossии обосновывается в *лингвоисторическом (контактологическом), структурно-функциональном и социолингвистическом* аспектах на примере исторического развития немецкого литературного языка периода американизации. Данная аспектная направленность экзогlossической теории объясняется неразрывностью процессов и обуславливающих их экстра- и интра-

лингвистических факторов языкового развития, а корреляция исторических предпосылок, условий функционирования языка и сознательного влияния на него самих носителей является константной для работ в области экzogлоссии, опубликованных преимущественно зарубежными исследователями (см. подробнее § 1.2.) [ср.: Heine, 1992; Skattum, 1997; Voigt, 2000; Schrodtt, 2000; Schmitz, 2002; Gomes, 2005].

В основе предлагаемой теории лежит противопоставление экzogлоссии и эндоглоссии, выступающих маркёрами категорий Чужого и Своего. Чужое эксплицируется в так называемом диаморфизме, т.е. изменении языковой формы, Своё – в изоморфизме, соответствующем её сохранению.

Языковое развитие мыслится как вектор, указывающий либо в сторону Чужого, либо в сторону Своего, в результате чего в языке-реципиенте образуются единицы экzogлоссного или, соответственно, эндоглоссного образца. Под *экzogлоссным вектором развития* понимается такой характер функционирования языка-реципиента, при которой стандартом для него выступает некий язык-донор, представляющий для носителей определённый социальный престиж. *Эндоглоссным* обозначается противоположный вектор, который предполагает ориентацию на одно из прошлых состояний языка, считающееся образцом языкового функционирования (стандартом).

Экzogлоссное функционирование языка-реципиента обуславливает его *ксенизацию* посредством интенсивного заимствования средств определённого языка-донора. Ксенизация выступает стойкой характеристикой исторического развития литературных языков. Термин «ксенизация» вводится впервые в качестве кальки немецкого термина «*Überfremdung*», широко используемого немецкими германистами для описания американизации немецкого литературного языка ФРГ, но не имеющего эквивалента в русском языке, ср.: «*Seit dem Ende des zweiten Weltkrieges macht die Überfremdung des allgemeinen Wortschatzes in Westdeutschland durch englische und amerikanische Ausdrücke bedenkliche Fortschritte*» [Schmidt, 1964, с. 161]. Слово «*Überfremdung*» было выбрано обществом GfdS в качестве «слова-паразита» (*Unwort des Jahres*) 1993 г., обличающего негативные тенденции словоупотребления в языковой ситуации в ФРГ.

Противоположное (эндоглоссное) функционирование приводит к *архаизации* языка-реципиента и характеризует территориальные формы языка (диалекты, говоры).

Следовательно, экzogлоссная динамика развития подразумевает своего рода «разбалансировку» системы языка-реципиента в изменённых со-

циальных условиях, в то время как эндоглоссия характеризует относительную её статику. Тем самым в целях терминологической ясности термин «ситуация» уместно использовать в случае экзоглоссии, а в контексте эндоглоссии употреблять термин «состояние»: «экзоглоссная языковая ситуация», но «эндоглоссное языковое состояние».

Методологическим основанием теории экзоглоссии выступает трёхуровневый подход к описанию языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. Вслед за Э. Косериу мы рассматриваем языковую ситуацию как «систему систем», или «диасистему», которая характеризуется способностью к региональному, социальному и функциональному варьированию [Coseriu, 1970, с. 118]. Под диасистемой в настоящей монографии понимается *совокупность подсистем всех компонентов языковой ситуации*. Взаимодействие последних приводит к образованию экзоглоссных тенденций в языке-реципиенте, который также можно представить как собственную диасистему.

Согласно Л. Флидалю, любая диасистема имеет трёхчастную структуру: диафазную, диастратическую и диатопическую [Flydal, 1951, с. 17]. Данные компоненты диасистемы выступают также критериями анализа синхронных тенденции литературного языка: диафазия – ситуация общения; диастратия – социальная позиция говорящего, связанная с принадлежностью к определённой группе, возрасту, полу, статусу; диатопия – место зарождения и распространения языка [Ernst, 2005, с. 10].

Выделение указанных компонентов структуры диасистемы языковых ситуаций в современном языкознании не обнаруживает чётких закономерностей. Так, П. Эрнст, как показано выше, трактует трихотомию Л. Флидаля с исключительно социолингвистической позиции [Ernst, там же], а Л.Б. Копчук преимущественно в стилистическом ключе [Копчук, 2002, с. 102–108].

Укрупнённые рамки исследования, заданные необходимостью введения в аппарат лингвистики понятия экзоглоссии, обусловили новый подход к анализу диасистемы языковой ситуации. В соответствии с данным подходом аспектами анализа диасистемы немецкого литературного языка периода американизации выступают 1) диафазный, 2) диастратический и 3) диафункциональный аспекты, соответствующие лингвистической специализации теории экзоглоссии.

Данные аспекты соответствуют экстра- и интралингвистическим уровням диасистемы. Экстралингвистическими считаются диафазный (исторический) и диафункциональный (социолингвистический) аспекты, интралингвистическим является диастратический (структурно-системный) аспект предлагаемой теории.

С точки зрения разделения аспектов на диа- и синхронные, синхронным выступает диастратический, диахронным, напротив, диафазный аспекты. Диафункциональный аспект анализа диасистемы языковой ситуации, предполагающий выявление характера функционирования всех подсистем отдельного компонента языковой ситуации или совокупности всех её компонентов, имеет и синхронную, и диахронную зависимость.

1) *Диафазный* (исторический) аспект объективирует определённый отрезок диахронии, в котором установлена тенденция к экзо- или эндоглоссии. Ключевым термином данного уровня является «*диафаза*» как языковая ситуация в истории литературного языка, соответствующая продолжительности фазы экзо- или эндоглоссии. Диафазный анализ предполагает выделение релевантного метаглоссного параметра (см. § 1.4.), т.е. вектора языкового развития, установление типа и источника заимствования, выделение хронотопа заимствованных единиц или страт лексики, их социальную маркировку в языке-реципиенте, тематических сфер, путей распространения, периодов, каналов и основных социальных групп – посредников тенденции.

2) *Диастратический* (структурный) аспект охватывает все интралингвистические подуровни языка, т.е. строение (собственную структуру) языка, под которым в настоящей работе вслед за А.И. Домашневым понимается «совокупность иерархических форм, в которых язык проявляется на определённом этапе своего развития» [Домашнев, 1983, с. 5]. Диастратические особенности системы немецкого литературного языка ФРГ периода американизации предполагают изучение вопросов, связанных с его стратификационным наполнением. Диастратический анализ предполагает анализ подсистем, целью которого является определение индекса экзоглосности и, следовательно, глубины изменений (степень диаморфизма).

Ключевым термином данного диастратического уровня выступает «*индекс экзоглосности*» (см. также § 2.2.1.4.3.), под которым понимается коэффициент соотношения экзоглоссных и эндоглоссных элементов в определённой подсистеме немецкого литературного языка. Индекс экзоглосности определяет степень подверженности подсистем конкретного интралингвистического подуровня влиянию языка-донора, к примеру, степень инфильтрации англоамериканизмов в лексический состав немецкого литературного языка.

Экзоглосный индекс американизации равен частному общего количества единиц определённого подуровня ($\{x\}$ подуровень) и числа зафиксированных англо-американских заимствований ($\{x\}AA$):

$$I_{\text{экз}} = \frac{\{x\}\text{подуровень}}{\{x\}AA}$$

За общее количество единиц в данной монографии принималось совокупное число лемм, зафиксированных в нескольких лексикографических изданиях репрезентативной выборки, изданных в исследуемый период, без учёта симптоматической статистики. К примеру, для анализа состава лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» были привлечены четыре толковых немецкоязычных онлайн- и электронных словаря с общим лексическим охватом 12 520 единиц: 1) «*Winzer-Lexikon*» (2003); 2) «*Weinsprache*» (2003); 3) «*Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW) Online-Wörterbuch 4.0*» (2009); 4) «*PC Bibliothek Benutzerwörterbuch der Weinsprache*» (1993–2009). Повторяющиеся леммы принимались за одну единицу. Число зафиксированных англоамериканизмов в корпусе привлечённых лексикографических изданий равно 24. Таким образом, индекс экзоглосности лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» в немецком словарном фонде составляет

$$I_{\text{экз}} (\textit{Winzer-} / \textit{Weinsprache}) = \frac{24}{12520} = \underline{\underline{0,001}}.$$

Аналогичным образом был рассчитан индекс экзоглосности лексико-семантических групп «медицинская лексика» (0,024) и «лексика сети Internet» (0,635) немецкого словарного состава. Индекс экзоглосности ниже 0,5 свидетельствует о незначительной инфильтрации англоязычного материала, низкой степени влияния языка-донора на словарную область исследованной лексико-семантической группы и, следовательно, об её изоморфном функционировании. Индекс выше 0,5 эксплицирует тенденцию к диаморфизму в определённой лексической сфере.

Наиболее подверженные американизации сферы словарного состава немецкого литературного языка определялись в выделяемом нами первом периоде американизации В. Фиреком (1988), во втором периоде – Д. Гербергом (2001). Данные В. Фирека получены путём квантитативного анализа картографических материалов за период 1945–1988 гг. с привлечением широкого спектра лексикографических и печатных изданий [Viereck, 1988, с. 942–946]. Основу исследования Д. Герберга составляет проект «*Neologismenprojekt*», целью которого является описания фактического языкового прироста в немецком литературном языке 1990-х годов. Лексические сферы словарного состава определяются на материале отобранных 800 неологизмов: за наиболее инфильтрированные принимаются сферы с наибольшим языковым приростом (компьютерных и Internet-технологий, средств массовой информации, социальная сфера и др.) [Herberg et al., 2002, с. 196–197].

Подходы и полученные данные указанных исследователей не противоречат методологии, применяемой в данной монографии. Справедливость выводов Д. Герберга подтверждается данными анализа лексики сети Internet с зафиксированной тенденцией к диаморфизму (0,635), а также коэффициентом лексической инвазивности текстов стиля публицистики и прессы немецкой литературной речи 0,663, свидетельствующем о высокой степени инфильтрации данной лексической сферы немецкого словарного состава англоязычными заимствованиями.

3) *Диафункциональный* аспект имплицитно социолингвистическую плоскость и ограничен рамками языковой ситуации в экстралингвистическом смысле. Целью диафункционального анализа выступает установление характера функционируемого исследуемого компонента языковой ситуации в пределах определённого административно-территориального образования. Характер функционирования компонента языковой ситуации является важнейшим индикатором тенденций в системе последнего и соотносится с ориентиром развития, направленным либо в сторону изоморфизма (сохранения языка), либо диаморфизма (языкового изменения).

Диафункциональный анализ строится на основе определения таких социолингвистических параметров компонента языковой ситуации, как его функциональный тип (язык вертикали (язык-стандарт) vs. горизонтали, язык-донор vs. язык-реципиент), модель языковой политики (языковая демократия vs. языковой национализм), объект языковой регуляции (статус vs. корпус языка), характер языковой политики (пермиссивность / экзогlossная vs. рестриктивность / эндогlossная) и языкового планирования (функциональный vs. нормативный) и т.д. (см. § 1.4.).

Выделение аспектов теории экзогlossии обеспечивает экстенсивный характер изучения явления инвазивного заимствования и выступает платформой для метагlossной параметрологии (см. § 1.4.), позволяющей параметризовать экзогlossные ситуации, языковые сдвиги и являющейся инструментарием экзогlossической теории. Задаваемая экстенсивность позволяет говорить о высоком экспланаторном и прогностическом потенциале представляемой теории, что составляет её большую теоретическую значимость и широкую аппликативность.

§ 1.4. Метагlossные параметры теории экзогlossии

Рассуждения о развитии языка стали невозможными без рассмотрения дополнительных его измерений, конституирующих его макроструктуру и эксплицирующихся в так называемых *параметрах порядка*, на которые и должно опираться описание языковых феноменов. Одним из таких параметров можно считать *социально-историческое пространство определённого литературного языка*, как физическое выражение канвы его развития, известное также как *историческое развитие языка*. Описание параметров исторического развития языка давно стало стержневым моментом практически всех лингвоисторических и лингвосоциологических исследований. Сегодня, как пишет Л.В. Бронник, к такому описанию следует привлекать различные системы параметрирования языковых процессов и структур [Бронник, 2009, с. 86].

Языковое развитие, как самостоятельное явление или феномен антропологической коэволюции, неизменно отсылает нас к бодуэновскому тезису о существовании определённой «линии развития языка», и, следовательно, не о случайности, а о системной закономерности перестроек в лингвоонтогенезе [Мельников, 2003, с. 316]. Поэтому параметрирование языковых изменений немецкого литературного языка требует особого внимания не только к лингвоисторическим данным, но и к социально-культурным условиям существования языкового коллектива.

Симптомом и залогом назревшей потребности в изменении в широком смысле выступает *определённая направленность развития* языка-реципиента в рамках сложившейся языковой ситуации. Развитие современных литературных языков вообще немислимо без ориентира на конкретный язык (стандарт), наделяемый атрибутом «престижный». Формируемый в коллективе языка-реципиента социальный престиж языка-донора (как следствие выбора носителей языка-реципиента) является залогом изменений в языке-реципиенте. В случае разрешения развития в той или иной траектории (архаизации или ксенизации) ориентир становится стандартом развития, а при экзогlossной динамике его функция показательности может инициировать конвергенцию контактирующих языков, выражающуюся в наличии экзогlossных тенденций.

Таким образом, константой языкового развития является *языковой сдвиг*, подразумевающий смену языка-стандарта. Анализируя мотивирующие факторы языкового сдвига, Н.Б. Вахтин также приходит к выводу, что

наиболее частой его причиной выступает «возникновение рядом более привлекательной модели жизни или кажущейся таковой» [Вахтин, 2001, с. 16]. Такой моделью стал для послевоенной Германии американский стиль жизни (*American Way of Life*), приобретший характеристику популярного на фоне глубоких социально-политических преобразований [Карнаухов, 1999, с. 119]. Наличие языка-стандарта, или ориентира развития, представленного в данном случае американским вариантом английского языка, является неотъемлемым условием языкового сдвига. Как экзогlossный компонент сложившейся языковой ситуации в ФРГ он выступает согласно определению В.И. Беликова и Л.П. Крысина «языком-лексификатором, отдающим при смешивании (нативизации) бóльшую часть языковых средств» [Беликов, Крысин, 2001, с. 117]. Как замечает М.В. Панов, «одна система устремлена к другой, предполагает вероятность определённых перемен» [Панов, 1990, с. 12]. Сам сдвиг при этом является фактом осуществляемого либо осуществлённого перехода к новому состоянию, или, когда «состояние М перейдёт в состояние М₁ или М₂» [Панов, 1990, с. 12], а регулярность функционирования языковой системы утрачивается [Краснухин, 2000, с. 146].

Схематично сдвиг можно представить как точку «аВ» в следующей последовательности превращения явления «А» в явление «В»:

$$A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B,$$

где А – исходное состояние трансформирующегося явления в диахронии, Ab – фаза приобретения им рецессивного признака будущего состояния, АВ – диглоссия, аВ – становление А рецессивным признаком, а В – доминантным, В – новое состояние изменённого А. За основу взята шкала переходности, предложенная В.В. Бабайцевой и отражающая наряду с другими явлениями динамику развития языковой системы [Бабайцева, 1967, с. 38].

Состояние «В» можно также обозначить как ориентир развития «А», причём данное состояние может быть как экзо-, так и эндогlossного образца, т.е. являться заимствованным у другого языка или быть состоянием прошлых периодов функционирования, воспринимаемым как показательное. Данный параметр языкового функционирования обозначается как *метагlossный* (термин В.А. Виноградова [Виноградов и др., 2008, с. 79]) и предполагает либо экзогlossную, либо эндогlossную направленность языкового развития.

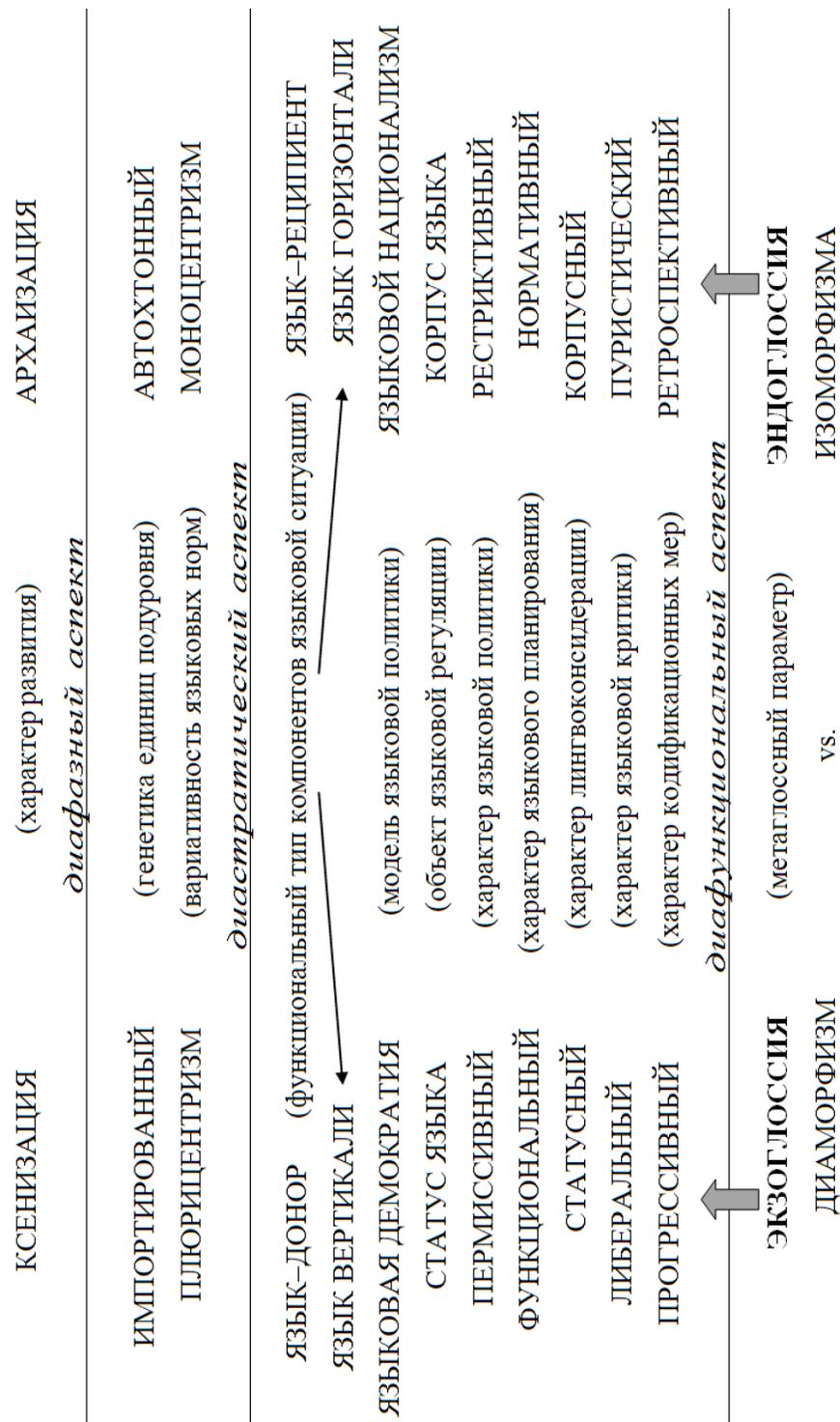

Схема 1. Система метагlossных параметров теории экзогlossии (метагlossная параметрология)

Метаглоссный параметр взят за основу анализа тенденций развития немецкого литературного языка в исследуемом временном диапазоне. Необходимость в его объективации может быть вызвана как условиями языкового сдвига, так и диспутами о смене языковой генетики (ср. дискуссию 60-х гг. о признании английского языком романской ветви ввиду наличия в его составе около 70% слов галльского происхождения [Pisani, 1966, с. 125–141]). Метаглоссный параметр является отправной величиной для определения характера функционирования системы немецкого литературного языка периода американизации в соответствии с диасистемными уровнями теории экзоглоссии (см. схему 1.).

1) **Диафазный аспект:** «характер развития» компонента языковой ситуации (ксенизация vs. архаизация).

2) **Диастратический аспект:** «генетика единиц подуровня» (импортированные / экзоглоссные vs. автохтонные / эндоглоссные), «вариативность языковых норм» (плюрицентризм vs. моноцентризм языковой системы / языкового идиома).

3) **Диафункциональный аспект:** «функциональный тип компонента языковой ситуации» (язык вертикали (язык-стандарт) vs. горизонталы, язык-донор vs. язык-реципиент), «модель языковой политики» (языковая демократия vs. языковой национализм), «объект языковой регуляции» (статус vs. корпус языка), «характер языковой политики» (пермиссивность / экзоглоссная vs. рестриктивность / эндоглоссная), «характер языкового планирования» (функциональный vs. нормативный)», «характер лингвоконсидерации» (статусный vs. корпусный), характер языковой критики (либеральный vs. пуристический), «характер кодификационных мер» (прогрессивный vs. ретроспективный).

Параметр выступает как инвариант вышеназванных оппозиций, а совокупность параметров, образующих понятийно-терминологический аппарат теории экзоглоссии, можно определить как метаглоссную параметрологию.

§ 1.5. Причины экзоглоссного развития немецкого литературного языка

Обращаясь к причинной стороне явления экзоглоссии, необходимо подчеркнуть, что у последней не существует стойкого набора причин. Причины и факторы, обуславливающие развитие экзоглоссии в истории немецкого языка, состоят в подвижной констелляции, которая имеет исключительно казуальную природу. Тем не менее, наиболее частым призна-

ком образования экзогlossной языковой ситуации можно *считать влияние престижного языка-донора*. В виду данного обстоятельства явление экзогlossии имеет преимущественно экстралингвистические причины, т.е. обусловлено факторами социального порядка.

Экзогlossия как особая черта исторического развития немецкого языка (ср. эпохи латинизации, галлизации), как правило, превосходит масштабы обычного заимствования (ср. голландскую и турецкие волны) и может охватывать несколько периодов, как в случае с заимствованием лексики англо-американского происхождения, которое началось задолго до 1945 г. Причины явления экзогlossии имеют, безусловно, и интралингвистическую, и экстралингвистическую природу. Однако экстралингвистическая составляющая обнаруживает больший перевес в силу следующих соображений.

Во-первых, предпосылки экзогlossии уходят корнями в социально-культурное пространство языкового коллектива. Привлекательность определённого языка-донора мотивируется его социальным престижем, под которым понимается успешность его социума-носителя в экономической, политической, научной и пр. сферах, собственно, и являющаяся объектом подражания. В.В. Кабакчи говорит в этой связи о так называемом «принципе языкового тяготения», *языковой гравитации*, в соответствии с которой влияние одного языка на другой прямо пропорционально политико-экономической значимости культуры народа-носителя данного языка (в мире и/или в конкретном регионе) [Кабакчи, 1998, с. 38]. Во-вторых, экзогlossный выбор, о котором пойдёт речь в заключительной главе работы, предполагает избрание чужого языка большей частью на основе привлекательности его статусных, нежели корпусных характеристик. Здесь играют решающую роль распространение, коммуникативная мощь, популярность языка-донора, его участие в международной коммуникации, статус в академической среде и т.п.

Причинами экзогlossного развития немецкого литературного языка в рамках исследуемой языковой ситуации можно считать: 1) культурный конфликт Своего и Чужого, 2) давление языка-донора и 3) гомологичность контактирующих языков (компонентов языковой ситуации).

1) При культурном конфликте Своего и Чужого Своё обесценивается и теряет привлекательность (отрицается), а престижное Чужое, ассоциирующееся с благополучием, процветанием, т.е. с вертикалью, становится эталоном, стандартом для развития. Культурная политика ФРГ второй по-

ловины XX в. – начала XXI в. оказала существенное влияние не только на развитие немецкого литературного языка, но и на его статус внутри страны и за её пределами, так как мотивировалась *денацификацией* Германии, инициированной силами союзников британо-американской военной коалиции, и стремлением к так называемому «преодолению прошлого» (нем.: *Vergangenheitsbewältigung*¹), которое, по сути, подразумевало полное стирание исторической связи общества послевоенной ФРГ с его национал-социалистическим прошлым (см. подробнее об этом § 2.2.). Поэтому конфликт Своего и Чужого в ФРГ выглядит скорее как конфликт настоящего и прошлого, «новонемецкого» (американского) и исконно немецкого, особенно в стремлении политического руководства страны обеспечить ФРГ статус одной из ведущих держав (*Globalplayer*) в мировом сообществе, где главная роль отводится США.

2) Распространение престижного языка вертикали осуществляется, как правило, в результате «языкового давления» (термин Э. Хаугена [Хауген, 1972, с. 278]) на те группы носителей языка-реципиента, для которых выбор языка-донора был недобровольным или неосознанным. Оказываемое языковое давление, под которым понимается неизбежность использования средств определённого языка, может быть различным: от необходимости изучения языка-донора в школе, – в особенности если это один из престижных иностранных языков, – до инфильтрации экзогlossных единиц в коммуникативные среды через средства массовой коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что степень языкового давления прямо пропорциональна престижу языка-донора, и, следовательно, пермиссивности языка-реципиента. Таким образом, с одной стороны, для экзогlossной языковой ситуации константен факт давления языка-донора, с другой стороны, многие пользователи языка-реципиента одобряют и поддерживают язык-донор.

В ФРГ англоамериканизмы находят широкое использование, в первую очередь, в молодёжной среде [Schreiber, 2006, с. 184; Jannis, 1998, с. 78], что подтверждают данные опроса Алленсбахского института изучения общественного мнения 2008 г. (см. об этом также § 1.1). Распространение англо-американской лексики сопровождается таким явлением, как языковая *депривация* (сниженной способностью владения языками вообще): единицы американского варианта английского языка выглядят для немецкой молодёжи не просто привлекательными ввиду их экспрессивности, компактности, новизны, но и обязательными в условиях экзогlossии.

¹ Понятие было введено историком Г. Хаймпелем. См. об этом тж.: Heimpel H. Der Mensch in seiner Gegenwart. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1954. – 231 S.

Постепенно они вытесняют эквивалентные исконные немецкие средства, делая их необязательными, неэкономными, устаревшими «скороговорками». М. Руперт подчёркивает, что ежедневно активный словарь немцев сокращается на 100–200 единиц, а языки меньшинств (турков, греков, арабов, русских) практически не изучаются вне образовательной среды [Ruppert, 2009]. По данным Федерального союза базового образования и ликвидации неграмотности (*Bundesverband Alphabetisierung und Grundbildung e.V.*), ФРГ насчитывала в 2009 г. более четырёх миллионов функциональных безграмотных главным образом в возрасте младше сорока лет. Данная категория лиц умеет читать простые тексты (большой частью рекламного характера), но неспособна ни устно, ни письменно изложить мысль в соответствии с литературными нормами немецкого литературного языка.

Как отмечает Н.Б. Вахтин, нежелание носителей говорить на титульном языке выступает «первопричиной выбора престижного языка» [Вахтин, 2001, с. 11–16]. Данное нежелание выражается прежде всего в замене привычного Своего более престижным и актуальным Чужим, ср. употребление калькированного англоамериканизма «*real*» в речи русской и немецкой молодёжи в значении <очень, сильно, действительно>: «Мне **реально** понравился фильм!», «*Ich bin reell enttäuscht!*» (нем.: «Я **реально** разочарован(а)!») по аналогии с «*I really liked the film!*», «*I am really disappointed!*». Давление речевых стереотипов языка-донора склоняет носителей языка-реципиента к их повторению (как условию идентификации с социумом-носителем языка-реципиента) – зачастую неосмысленному, но неизбежному. У рядового пользователя языка-реципиента создаётся впечатление, что придумывать Своё больше не имеет смысла, когда есть готовое Чужое [ср.: Näser, 2000; Krämer, 2001; Schrammen, Dieter, 2007; Schreiber, 2006, с. 182–183].

3) Гомологичными называются такие языковые формы, у которых наблюдается совпадение грамматической эволюции, аффинитет оперируемых лексических конструкций и когнитивных прототипов. Гомологичность немецкого и английского языков обусловлена их родственностью (принадлежностью к западногерманской группе), подкреплённой засильем германского в период завоевания Британии племенами англосаксов и ютов в V в. н. э. и его утверждением за счёт вытеснения кельтских диалектов. Особенностью гомологичных языков можно считать также конвергентность их лексических и грамматических составов, или ресурсную схожесть (наличие схожих грамматических категорий, лексико-семантических, структурно-семантических классов слов и пр.). Конвергентность родственных языков – потомков суперстрата (индоевропейского), – каковыми являются названные

языки, обеспечивает каждому из них выживаемость за счёт того, что их внутренние резервы располагают генетически родственным и формально и/или семантически схожим языковым материалом.

Гомологичность, выступающая платформой для экзогlossных тенденций в системе немецкого литературного языка периода американизации, основывается необязательно на генетическом или типологическом сходстве языков, но в большей степени *на наличии общего заимствованного (экзогlossного) материала*, т.е. ресурсном аффинитете, ср. наличие в составе немецкого и английского языков общего ассимилированного пласта заимствованной латинской лексики.

§ 1.6. Экзогlossные страты и полигlossия системы немецкого литературного языка

Формирование литературных языков и их развитие редко происходят без участия других, более престижных культур. Оказываемое политическое и экономическое влияние, безусловно, накладывает отпечатки на язык, система которого быстро реагирует на изменения в социальном пространстве. Такого рода влияния предлагаем обозначать в контексте тематики «экзогlossными».

Необходимо подчеркнуть, что экзогlossные влияния закономерны для исторического развития немецкого литературного языка. Будучи потомком суперстрата, данный язык развивался во многом благодаря адаптации иноязычного языкового материала, что существенно отразилось на его составе его идиома. По своему характеру исследуемая экзогlossия языковая ситуация 1945–2010 гг. не является исключительной. Вольтер, будучи в Потсдаме в 1750 г., написал следующее: *«Я во Франции. Здесь говорят только по-французски. Немецкий существует лишь для солдат и лошадей»* (*«Ich bin in Frankreich. Man spricht nur unsere Sprache. Das Deutsche ist nur für die Soldaten und die Pferde»*) [цит. по: Schrodtt, 2000]).

Действительно, статус французского языка того времени в Германии во многом превосходил статус обычного престижного иностранного языка: это был язык политики, дипломатии, науки, образования, почты, книгопечатания. Только в XVIII в. в стране было издано более 400 трудов по французской грамматике и лишь один на немецком – словарь иностранных слов С. Рота *«Der Deutsche Dictionarius»*. Эпоха абсолютизма наложила не меньший отпечаток на систему немецкого языка, чем периоды латинизации (золотой и серебряный), с заимствованиями которых боролись пуристы Й.Х. Кампе, Ф. фон Цезен и Й.Г. Шоттель, и уверенно сохраняет паритет с эпохой американизации.

Результатом экзогlossных влияний выступают пласты иноязычной лексики в составе немецкого литературного языка, обширность которых пропорциональна интенсивности заимствования в рамках отдельных языковых ситуаций. Будучи своего рода «отпечатками» экзогlossных влияний, они представляют собой совокупность лексических единиц, заимствованных из определённого языка-донора и сгруппированных в лексико-семантические группы (*Sachgruppen*) в языке-реципиенте, как правило, в периферийных сферах, или, в определении Э.Г. Ризель, в «функционально-стилистически дифференцированных слоях лексики» [Riesel, 1959, с. 111]. Данные лексические пласты предлагаем обозначать *экзогlossными стратами*. Наиболее крупные экзогlossные страты свидетельствуют о продолжительных этапах заимствования, обозначаемых «волнами» (*Entlehnungswelle*). *Волной заимствования называется длительный период в историческом развитии определённого языка, когда в его состав было выгодно, престижно, модно, предпочтительно заимствовать единицы неизменно одного языка-донора.*

Понятие «волны заимствования» иногда ошибочно связывают с теорией волн немецкого компаративиста И. Шмидта (1843–1901 гг.), берущей своё начало в лингвистической палеонтологии. Согласно учению И. Шмидта диалектные различия, возникшие в пределах индоевропейского праязыка, расходились из эпицентров инноваций подобно «волнам» на воде от брошенного камня. Понимание же «волны заимствования», характерное для работ в области контактологии, связано с фазой заимствования языкового материала некоего языка-донора в период его распространения за пределами территории этноса-носителя. Территория распространения престижного языка-донора в качестве неродного (иностранныго) языка эквивалентна степени его популярности в мировом сообществе.

В истории немецкого языка необходимо различать два основных типа волн, обусловивших специфику его идиома: *умеренные волны*, оставившие в нём организованные экзогlossные страты (греческого, итальянского, нидерландского происхождения), и *интенсивные волны*, или *инвазии*, оказавшие существенное влияние на состав его языкового идиома (латинского, галльского, англо-американского происхождения). Помимо «отпечатков» волн, в словарном составе современного немецкого языка присутствуют разрозненные заимствования из других языков, не образующие отдельных страт и описывающие в большинстве своём импортированные реалии соответствующих культур: ср. *Reich, Eisen* (из кельтского), *Turban, Pilau* (из турецкого), *Praha, Doline* (из словенского), *Trojka, Pogrom* (из русского) и пр.

Волна – не то же самое, что экзоглоссия. Последняя выступает скорее направленностью для стихийных процессов, обозначаемых «волнами заимствования», и, как правило, превосходит волну по продолжительности, ср. исследование англо-американского влияния на немецкий язык В. Фирека, который только в XX в. выделяет три основных волны заимствования: до первой мировой войны, в межвоенное время и после 1945 г. [Viereck, 1988, с. 940]. Латинская и галльская экзоглоссии в истории немецкого языка также включают несколько волн заимствования. Латинизация началась задолго до формирования наддиалектной системы немецкого литературного языка и продолжалась до эпохи гуманизма. В диафазе латинизации различают 3 основные волны: 1) 50 г. до н.э. – 500 г. н.э. (период золотого латинизма), 2) 500–800 гг. н.э. (период серебряного латинизма), 3) XIV в. – вторая половина XV в. (эпоха гуманизма) [Schrodt, 2000]. Галлизация, явившаяся продолжением латинской экзоглоссии, включает также три волны заимствования уже в немецком литературном языке: 1) XII–XIII вв. (эпоха рыцарства), 2) XVI–XVII вв. (эпоха раннего абсолютизма), 3) XVIII в. (Великая французская революция) [Меремкулова, 2010, с. 120].

Как отмечено выше, экзоглоссные страты могут представлять собой либо готовые лексико-семантические группы, заимствованные из языка-донора (лексика мореходства из нидерландского, язык моды из французского, а сегодня из американского варианта английского), либо отдельные единицы, сгруппировавшиеся в лексико-семантические группы уже в системе немецкого литературного языка. Устойчивым признаком экзоглоссных страт немецкого литературного языка является *диглоссия* (функционально-стилистическая дифференциация) заимствованных и автохтонных единиц синхронно и *полиглоссия* относительно других заимствованных страт диахронно.

Диглоссия стратифицирует собственный (ассимилированный) языковой материал немецкого языка и, как правило, не более одной экзоглоссной страты в его составе, образовавшейся в результате заимствования единиц определённого языка-донора. *Полиглоссия* (ресурсная гетерогенность) является неким «остаточным» явлением, наблюдаемым при синхронном анализе лексического состава языка-реципиента и предполагающим охват языкового материала всех экзоглоссных форм, когда-либо воздействовавших на немецкий литературный язык. Таким образом, диглоссия характеризует функционально-стилистическое размежевание контактных языков (вертикаль), в то время как полиглоссия – состав языкового идиома в результате экзоглоссных влияний.

Диглоссия может иметь социальную природу, что ещё раз доказывает необходимость привлечения к анализу экстралингвистических данных. К примеру, диглоссию образца «американский вариант английского языка vs. немецкий литературный язык» австрийский лингвист Х. Ленгауер характеризует следующим образом: «Заимствование англоязычных слов в немецкий язык служит не пониманию явлений чужой культуры, как это было ранее, а скорее социальному размежеванию» [Lengauer, 2000, с. 72].

Однако при разделении Своего и Чужого, автохтонного и заимствованного, диглоссия создаёт дополнительные стилистические возможности. К примеру, если автохтонное слово обнаруживает тяжёлые негативные коннотации, заимствование помогает «отбелить» денотат: ср. «*der Chef der Regierung*» (*Bundeskanzler*) вместо: «*der Führer der Regierung*».

Таким образом, развитие немецкого литературного языка происходит по схеме: *экзоглоссия* → *диглоссия* → *полиглоссия*, где экзоглоссия обозначает функционирование системы немецкого литературного языка в период ксенизации (диафункциональный аспект), диглоссия – состояние системы в момент прироста экзоглоссных средств (диафазный аспект), а полиглоссия – характеристику немецкого языкового идиома после такого прироста (диастратический аспект).

К экзоглоссному развитию склонны, как правило, те языки, которые формировались под воздействием экзоглоссных импульсов. Повторение экзоглоссных языковых ситуаций с различными языками-донорами со временем приводит к полиглоссии системы языка-реципиента. Симптомом полиглоссии в немецком языке, в свою очередь, является гетерогенность состава его литературного идиома, могущая существенно затруднять его кодификацию в силу исторической неоднородности норм, или, как трактует данное явление М.И. Исаев, «разной степенью широты сфер употребления собственного и заимствованного материала» [Исаев, 1996, с. 314].

Стилистически-функциональная двуполярность норм немецкой языковой системы в рамках описываемой языковой ситуации – результат конфронтации гетерогенного языкового материала в системе немецкого литературного языка: *нормы экзоглоссного полюса, характеризующейся пермиссивностью* (лат.: *permissio* = разрешение, позволение), *плюрицентризмом и поливариантностью*, и *нормы автохтонного (эндоглоссного) полюса, отличающейся прескриптивностью* (лат. *praescriptio* = предписание, установление), *моноцентричностью и рестриктивностью*. Антагонистический характер двух полюсов в рамках языковой ситуации объясняется генетическим расщеплением материала языка-реципиента, которая необхо-

дима для обеспечения разностороннего функционирования его идиома. Именно данная разнородность, обусловленная существованием двух параллельных полюсов – «родного и чужого» («*einem nativen und einem fremden System*»), побуждает Х.Х. Мунске обозначать немецкий «смешанным языком» («*Mischsprache*») [Munske, 1988, с. 46]. П. ф. Поленц также диагностирует «смешанный характер немецкого литературного языка или многоязычие» («*Mischsprache oder Mehrsprachigkeit*») в результате американского влияния с 1945 г. [v. Polenz, 2009, с. 135].

В экзогlossной фазе (см. § 1.9.) гетерогенность может быть неявной (неосознанной) и выражаться в межъязыковой вариативности заимствованных и автохтонных единиц (см. также § 2.2.1.). В эндогlossной фазе языковой эволюции такая вариативность разрешается функционально-стилистическим размежеванием, в результате чего происходит «растворение» экзогlossного полюса посредством интеграции новых эффективных средств в систему языка-реципиента.

Однако вовлечение экзогlossного материала в форме страты (стиля, подстиля, примата и т.п.) в континуум нормализационных процессов в немецком литературном языке, как отмечалось выше, может быть сопряжено с рядом сложностей, ввиду иноязычного «облика» (экзогlossности) заимствованных единиц. Следовательно, «экзогlossность» заимствованного материала, выражающаяся в его неполной адаптации к системе языка-реципиента, выступает необходимым условием сохранения функционально-стилистической, семантической, фонетической и пр. дифференциации, или *асимметрии Своего и Чужого* в системе немецкого литературного языка. Данное условие является также причиной развития полигlossии немецкого литературного идиома, которую в образованных кругах Германии иногда называют «*sprachliche Überfremdung*» (нем.: *преобладание иноязычного в собственном языке*) [ср.: Eckert, 1986, с. 65]. Т. Нир в своей работе «*Linguistische Anmerkungen zu einer populären Anglizismenkritik*» («*Лингвистические заметки по поводу популярной критике англицизмов*», 2002) подчёркивает именно семантическую и прагматическую значимость асимметрии Своего и Чужого в системе немецкого литературного языка: «*Центральным познанием является то, что коммуникация должна быть адекватна как ситуации, так и интенции говорящего. Собственно, поэтому в рекламе действуют другие стандарты, чем в проповеди*» [Niehr, 2002].

Таким образом, залогом языкового развития можно считать компромисс расширяемых (автохтонных) и интегрируемых в состав языка-реципиента (экзогlossных) норм. Полигlossия выступает признаком развитого языка, т.е. многофункционального, оперирующего многими стандартами, ср. немецкоязычные дигlossные варианты, реферирующие к словообразовательным стандартам разных периодов времени: «*Reformator*» (кодиф., лат.: *reformator* = преобразователь) и «*Reformer*» (слабокодиф., англ.: *reformer* = политик, выступающий за модернизацию, реформацию определённой общественной сферы). Переход экзогlossной нормы в дигlossию – следствие интеграции языкового прироста в систему языка-реципиента, асимметрия элементов которой обуславливает не только расширение функций последнего, но и демократизацию литературных норм, представляющей собой «достаточно общий процесс, захвативший самые различные культурные и языковые ареалы» [Порхомовский, Семенюк, 1996, с. 19].

Полигlossия как следствие генетического расслоения лексического состава литературных языков выступает необходимым условием их оптимального функционирования. Так, множественное число лексемы «*Risiko*» – *Risiken*, характерное для экономического дискурса, является расширением *содержательных* возможностей системы немецкого литературного языка, а женский род единицы «*Deadline*» (по аналогии с «*die Linie*») – расширением *формальных* его возможностей.

Становится очевидным, что одной из антиномий развития литературных языков (антиномия здесь понимается вслед за Ф. де Соссюром как единство противоположностей) выступает сохранении гомогенности как один из дифференциальных признаков литературного языка [Гухман, Семенюк, 1983, с. 5] при характере развития, происходящем в сторону, противоположную гомогенности его ресурсов. Причиной негомогенности системы немецкого литературного языка Д. Нюблинг называет тенденцию к алломорфии («*Allomorphie*») [Nübling, 2010, с. 264], которую можно отнести к общим тенденциям экзогlossного характера. Алломорфией (*Allomorphie*) называется нарушение соотношения формы и функции 1:1, т.е. когда одной функции подчинены несколько форм или наоборот [Nübling, 2006, с. 50–51]. Примером экзогlossной тенденции к алломорфии в системе немецкого литературного языка исследуемого периода является различное прочтение буквы «с» в англоамериканских заимствованиях (1 форма : 2 функции): [k] (*Comedy, Elastic*); [s] (*City, Reception*).

§ 1.7. Признаки экзогlossного характера развития немецкого литературного языка

На основе диасистемного анализа языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. (см. главу II) можно выделить четыре интегральных признака явления экзогlossии: 1) многоуровневую асимметрию интегрируемого и автохтонного языкового материала, 2) высокую степень цитируемости языка-донора в речи носителей немецкого языка, 3) интерференцию, вызванную заимствованными экзогlossными единицами в немецкой речи и ведущую к формированию стойкого коррелята нормы (экзогlossного полюса), и 4) гибридизацию немецкого языка (смещение контактирующих языков в системе языка-реципиента). Под интегральным признаком понимается общее свойство явления экзогlossии, действительное для всех случаев экзогlossии, в противовес дифференциальному признаку, разделяющему фазы экзогlossии в истории одного литературного языка или фазы экзогlossии и эндогlossии.

1) *Многоуровневая асимметрия интегрируемого и автохтонного лексического материала* является основным признаком экзогlossного характера развития немецкого литературного языка указанного периода и восходит к разной хронологической глубине культурных и языковых процессов контактирующих языков, а также заведомо неэквивалентному информационному обмену между ними. Необходимо различать следующие основные уровни асимметрии языка-донора и языка-реципиента: диафункциональный, диастратической и диафазный.

Диафункциональная асимметрия выражается в несовпадении базовых механизмов порождения речи, используемых средств (конструкций), оперируемых языковых категорий, когнитивных стереотипов и т.д. Всё то, что определяет гумбольдтовскую «эманацию духа народа», составляет самобытность языка, и обуславливает генетическую асимметрию. Гомологичность контактирующих языковых форм при этом не является индикатором отсутствия у них вышеназванных особенностей. Контакт естественных языков, так или иначе, будет предполагать данный вид асимметрии. Даже у языковых форм с высокой степенью искусственности наличие характерологических особенностей не может быть исключено. Диафункциональной асимметрией считаем также несовпадение типологических функций контактирующих языков: статус экзогlossного компонента в языковой ситуации ФРГ не ниже литературного языка является залогом его социального престижа.

Стержневым моментом *диастратической асимметрии* считаем расхождение функционально-стилистического и дискурсивного номиналов, наблюдаемое у заимствуемых и автохтонных языковых единиц. Диастратическую дифференциацию, во многом определяющую необходимость в заимствовании и в силу этого неотделимую от диафазной асимметрии, эксплицирующей различия заимствований разных периодов, можно проследить на примере ряда гетеролингвальных вариантов: *die Frau und ihr Liebhaber* (автохтонный вариант) \neq *die Frau und ihr Ritter* (франц.) \neq *die Frau und ihr Kavalier* (франц., итал.) \neq *die Frau und ihr Gentleman* (англ.) \neq *die Frau und ihr Boyfriend* (англ.) и т.п. Каждая из вариантных единиц, выделенных полужирным курсивом, помимо различий функционально-стилистического плана несёт в себе информацию о *диафазных* особенностях экзогlossного материала, заимствованного в состав немецкого литературного языка в разные этапы его исторического развития. Диастратическая асимметрия является также следствием натуралистической интерпретации англоязычных единиц и сочетаний в результате загруженности переводчика, отсутствии возможности найти адекватный термин или его функциональный эквивалент. Так, на упаковках продуктов фармацевтической индустрии стал нормой способ перевода единицы «*care*» в сочетании «*intensive care*» сочетанием «*intensive Pflege*» вместо «*ausgeprägter Effekt, wirkungsintensiv*». Функционально-стилистическая асимметрия выражается здесь, во-первых, в разнице объёмов значений (<*care*> \neq <*Effekt, Wirkung*>: уход ещё не означает выраженный эффект и исцеление), во-вторых, в различных стилистических функциях диастратических вариантов: англоамериканизмом «*intensive care*» изготовители стимулируют продаваемость товара при возможном отсутствии гарантии исцеления, в то время как немецкоязычное сочетание «*ausgeprägter Effekt*» указывает на фармакологические свойства препарата и помогает сориентироваться в выборе лекарственных средств определённой группы. Дискурсивная асимметрия проявляется в различной референтной отнесённости сочетаний: англоязычный диастратический вариант направлен на покупателя вообще, немецкоязычный – на пациента с конкретным недугом. Таким образом, речевая стратегия американца будет нацелена на продажу, а немца – на помощь.

Однако нередко асимметрия контактирующих глосс – результат самого отношения носителей автохтонного языка к языку-донору и говорящему на нём языковому коллективу. Иными словами, различие, составляющее асимметрию, искусственно и создаётся носителями языка-

реципиента с целью дифференцироваться либо дистанцироваться от языка-донора, ср. единицы «*Klapprechner*» (вместо «*Laptop*»), «*Fernsprech*» (вместо «*Handy*»), созданные противниками американизации.

2) Вторым по значимости признаком экзогlossного характера развития можно считать *высокую степень цитируемости престижного языка-донора в речи носителей языка-реципиента*. Необходимо отметить, что степень цитируемости языка-донора эквивалентна, во-первых, степени пермиссивности системы языка-реципиента в определённой экзогlossной языковой ситуации, во-вторых, степени лояльности носителей к языку-донору и, в-третьих, престижности языка-донора в языковом коллективе носителей языка-реципиента. Среди наиболее эксплицитных симптомов повышенной цитируемости языка-донора в литературной немецкой речи следует назвать следующие:

– предпочтение в речи из двух вариантов – автохтонного и импортируемого – неизменно последнего, например:

«*jeder vierte Bundespolizist leidet an **Burnout***» (нем.: *каждый четвёртый сотрудник МВД морально и физически истощён, страдает синдромом «профессионального выгорания»*) вместо «*jeder vierte Bundespolizist ist **ausgebrannt***».

(Spiegel. Jeder vierte Bundespolizist leidet an Burnout.)

– вышеупомянутая «жадность до чужого» по Й.Г. Шоттелю («*Fremdgierigkeit*»), выражающаяся в увлечении всем иноязычным (экзогlossным), к примеру:

«*Solange man sich innerhalb der unsäglichen «Visitenkarten-im-Netz»-Metapher oder der «Ihr-Firmenprospekt-für-drei-Mark-fünfundzwanzig-weltweit-abrufbar»-Metapher bewegt, wird man kaum bemerken, was man mit wohl-dröhnendem Broschürenjargon anrichtet – **business als usual**, sozusagen*».

(KommDesign.de. Wir ohne Sie: Warum PR-Phrasen schlecht sind.)

– злоупотребление заимствованным материалом вплоть до образования новых единиц или новых значений, как минимум непонятных носителям языка-донора (псевдозаимствования), ср. единицы «*Rollout*» (англо-нем.: *выезд, появление на публике, экспонирование*) и «*toppen*» в расширенном значении <опережать>:

«*Mercedes-**Rollout**: Mattsilbern in Valencia*»

(Spiegel. Formel 1: Mercedes verpflichtet Heidfeld als Testfahrer);

«*Schumacher **toppt** Rosenberg*»

(Spiegel. Schumacher toppt Rosenberg).

3) Стойким признаком экзоглоссии является *интерферирующее влияние импортируемого языкового материала*, способное, как отмечалось выше, упрочиться в коррелят нормы, т.е. устойчивую систему отклонений от кодифицированных норм языка-реципиента. Интерференция наблюдается прежде всего в тех сферах языка, которые подвергаются наибольшему заимствованию, и затрагивает в основном явления, обнаруживающие определённое сходство (семантическое, фонетическое, структурное и пр.) в обоих контактирующих языках, к примеру, употребление международных терминов вместо привычных автохтонных или конвергентных вариантов последних (см. § 2.3.4.1.), ср.: «*Killerwal*» вместо «*Mörderwal*», «*Lifestyle*» вместо «*Lebensstil*».

4) *Гибридизация*, известная также как «языковое смешение» (термин Х. Шухардта; цитата по Ч. Фёльдесу [Földes, 1999, с. 53]), представляет собой «совмещение материала языка-реципиента с цитацией языка-донора» [Мячинская, 2006]. Тенденция к универбации (см. § 2.3.4.2.) в немецком литературном языке ускоряет образование смешанных композитов: ср. «*Livesendung*», «*Reiseboom*», «*Powerfrau*», «*Werbespot*». Особенностью таких гибридов является их трансформативность, ср.: *Livesendung* ↔ *live senden*, *Powerfrau* ↔ *eine Frau mit Power*. В этой связи необходимо подчеркнуть, что потребность в номинализации отдельных оборотов диктуется имманентным языковым механизмом компрессии содержания [Туманян, 1999, с. 87], а также стремлением конденсировать смысловую насыщенность в единицу времени [Николаева, 1996, с. 86]. Для достижения этого английский язык, например, имеет в своём арсенале конверсию и герундий, а немецкий язык образует композиты.

Несмотря на то, что гибридизация является устойчивым признаком экзоглоссии (при условии смешения с материалом одного языка-донора), полностью исключить гибридизацию из немецкого литературного языка не представляется возможным. Контакт двух языков всегда характеризуется их неэквивалентным смешением вследствие описанной выше многоуровневой асимметрии. Таким образом, гибридизация заложена в самой природе языка как один из словообразовательных механизмов. Известны многие примеры прочно укоренившихся гибридных образований с элементами иноязычного происхождения в немецком языке: *Adelstitel* (*Adel-s* + *Titel* → лат. *titulus*), *Bürohaus* (*Büro* → франц. *bureau* + *Haus*), *meterhoch* (*Meter* → греч. *métron* + *hoch*), *ausbaldowern* (*aus* + *baldowern* → древнеевр. *ba'al* + *davvar*) и многие др.

В русле политизации языков гибридизация немецкого литературного языка может инициироваться пермиссивной деятельностью субъектов (органов) языковой политики или обществ, обладающих показательной функцией нормообразования, ср. гибриды в современной немецкой рекламе:

«Organizer-Fach», «Farbdisplay», «United-Sondermodell», «Food-Lüge», «Outdoor-Uhr», «ICT-Kapazität», «Ich-bin-nicht-der-Typ-der-sich-gerne-bindet-Flat». Цитация элемента Чужого через удержание исконной формы заимствованных единиц происходит, как правило, с целью исключить двусмысленность при переводе, создать местный колорит и, безусловно, в целях эффективности рекламы. Автохтонные средства немецкого языка при этом играют роль функционально-недифференцированных единиц (термин Э.Г. Ризель [Riesel, 1959, с. 114]), а интерферирующие англоамериканизмы – единиц языка вертикали, маркёров успешности, достатка и благосостояния, т.е. своего рода «украшений». Создаваемая разница (вследствие контактной асимметрии) очевидна: речь идёт, например, не просто о наручных часах (*Uhr*), а о часах для нахождения вне помещений (*outdoors*), в результате чего образуется детерминативный композит «*Outdoor-Uhr*». Авторитетность источника, например, телевизионного канала, лишь способствует скорейшему возведению продуктов подобного словотворчества в норму.

Необходимо подчеркнуть, что описанные признаки свидетельствуют также о факте ксенизации немецкого литературного языка. Гибридизация, как этап «сращения» экзогlossного и автохтонного языкового материала, является помимо прочего средством развития полигlossии системы немецкого литературного языка. Саму полигlossию, однако, можно диагностировать исключительно в эндогlossной фазе развития, так как в условиях экзогlossии создаётся иллюзия того, что для всех прежних заимствований, включая имена собственные, с разной степенью ассимиляции действительно прочтение в соответствии с произносительными нормами престижного языка-донора (см. подробнее § 2.3.1.).

§ 1.8. Экзо- и эндогlossная фазы развития немецкого литературного языка

И экзо-, и эндогlossия представляют собой необходимые этапы исторического развития немецкого литературного языка. Дополняя и сменяя друг друга, они обеспечивают равновесие между потребностями данного языка отразить (новые) внешние условия и сохранить свою форму. При экзогlossии немецкий язык стремится восполнить недостающее через заимствование потенциально актуального (эффективного) материала извне, а при эндогlossии – уравновесить дополненное Своё и принятое Чужое путём создания собственных эффективных средств (см. рис. 2).

Таким образом, экзогlossия – нарушение внутреннего равновесия, вызванное необходимостью в расширении собственных возможностей, а эндогlossия – восстановление нарушенного равновесия, требуемое для поддержания нормального функционирования системы немецкого литературного языка. Г. Швайкле подтверждает очерёдность экзо- и эндогlossных фаз в своём труде «*Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick*» (2002): «*Neben Entwicklungsschüben gibt es immer wieder auch weitgehend beharrende Phasen*» [Schweikle, 2002, с. IX].

В целях развития и совершенствования немецкому литературному языку необходимо расширение собственных возможностей, достигаемое разбалансировкой устаревших неэффективных парадигм, т.е. создания в них вариантных (дополнительных) или вакантных (замещающих) звеньев. Вариантные звенья вызывают межъязыковую вариативность, необходимую для безболезненного замещения неэффективных средств ресурсами языка-донора, в то время как вакантные создают условия для внедрения новых безэквивалентных экзогlossных средств.

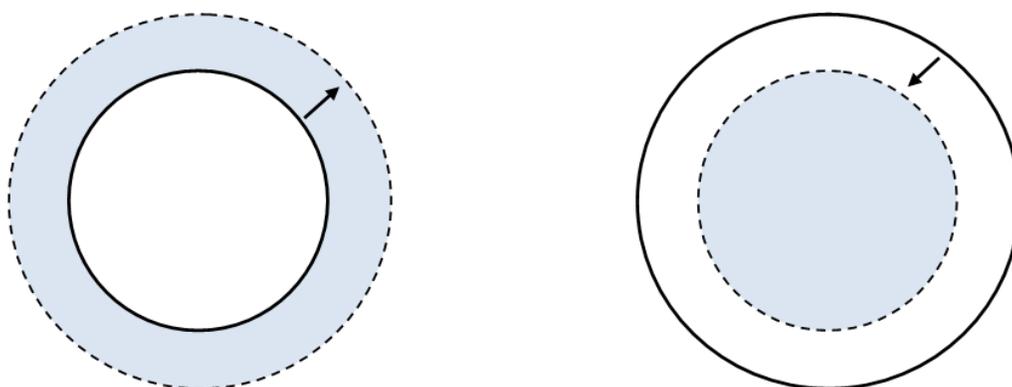

Рис. 2. Экзогlossная (слева) и эндогlossная фазы развития немецкого литературного языка

Рис. 2 демонстрирует направленность вектора развития в фазе экзогlossии (стрелкой показано движение вовне) и эндогlossии (направление движения внутрь). Курсивом обозначено такое состояние (стандарт) немецкого литературного языка, к которому устремлён вектор развития (\rightarrow). Расширение ресурсной базы (стрелка показывает наружу) соответствует ксенизации, переработка накопленного материала (стрелка показывает внутрь) – архаизации.

Дабы лучше понять природу обеих фаз исторического развития немецкого литературного языка представляется целесообразным рассмотреть крайние точки их проявления, т.е. максимальную ксенизацию языка и, наоборот, крайнюю степень архаизации.

Значимость заимствования для истории литературных языков бесспорна: всякое развитие происходит посредством интериоризации Чужого и переосмысления Своего. Наиболее красноречиво роль Чужого для развития Своего передаёт цитата первого короля Венгрии Иштвана, известного также как Штефан Первый: *«Страна с одним языком и одной традицией слаба и хрупка. Посему чти чужих и привози их в страну»* [Hellwig, 2003, с. 86].

Тем не менее, влияние Чужого допустимо лишь до определённого предела, до некоей границы толерантности, где оно ещё остаётся в формате прироста, т.е. чего-то необходимого для языка-реципиента. Граница языковой толерантности варьирует в зависимости от типа языковой ситуации. У литературных языков с экзогlossными тенденциями развития и, следовательно, полигlossией идиома процент содержания Чужого высок, а с ним и степень толерантности. Территориальные разновидности, развивающиеся по сценарию архаизации, в силу значительной языковой лояльности вероятнее всего отторгают избыточный экзогlossный материал и практически полностью адаптируют заимствования. Следовательно, язык допускает экзогlossное лишь на известную ему степень, равную тотальному приросту за всё время развития. Значит, *объём интегрируемого Чужого не должен превышать процент уже содержащегося Чужого в языке-реципиенте*. Таким образом, *предел ксенизации немецкого языка пропорционален степени его экзогlossности*. Это также даёт объяснение тому, почему заимствуемый материал зачастую накладывается на уже имеющиеся более ранние заимствования из других языков-доноров и старается преобразовать их вместе с системой языка-реципиента. С ксенизацией расширяется «рамка» литературного языка, определяющая его возможности, и экзогlossные страты играют решающую роль для образования экзогlossных тенденций.

Крайняя степень ксенизации такого немецкого литературного языка, по мнению ряда зарубежных германистов и деятелей языковой и культурной политики, давно наступила [ср.: Voigt, 1999, с. 28; Götze, 2000, с. 22; Götze, 2003, с. 132; Bär, 2000, с. 30–31; Näser, 2000, с. 5; Debus, 2001, с. 196; Dey, 2001, с. 9; Krämer, 2001, с. 17; Schrammen, Dieter, 2007, с. 8]. Предел ксенизации или границу языковой толерантности маркируют такие негативные оцен-

ки экзоглоссных тенденций в системе немецкого литературного языка, как его «(рас)продажа» («*Ausverkauf des Deutschen*» [Götze, 2000, с. 21–28], «*Deutsch for sale*» [Schreiber, 2006, с. 182], «*Was ist die deutsche Sprache wert?*» [Földes, 2000, с. 275]) или «макдональдизация» («*Macdonaldisierung unserer Sprache*» [Schrammen, Dieter, 2007]).

Термин «макдональдизация» впервые был введён Дж. Ритцером в 1993 г. и характеризует потребительский характер американского общества. Г. Шраммен и Х.Х. Дитер используют его, – тем самым отклоняясь в область политической лингвистики, – с целью освещения негативного влияния американского варианта английского языка на состояние норм немецкого литературного языка. Предел ксенизации последнего подтверждает также высказывание В. Кремера, перекликающееся с вышеприведённой цитатой Вольтера: «Приезжая из заграницы в Германию, я думаю, что оказался в Чикаго, однако на самом деле я в Дюссельдорфе» [Krämer, 2000, с. 14].

Бурная пуристическая деятельность Ф. фон Цезена, Ю. Г. Шоттеля, К. Штилера и др. в первой половине XVII в. и тенденции так называемого периода «*Alamodezeit*», о которых свидетельствует изречение Вольтера, позволяют констатировать, что прошлые экзоглоссные ситуации в истории немецкого языка отличались также значительной степенью ксенизации. Наряду с этим из указанных исторических контекстов можно экстраполировать, что экзоглоссность немецкого языка чрезвычайно высока, а следовательно, степень ксенизации в процессе его развития будет лишь увеличиваться.

Однако развитие немецкого литературного языка посредством экзоглоссии происходит нелинейно. *Повышение эффективности языковой системы невозможно без усвоения заимствованного материала, т.е. без эндоглоссных фаз эволюции.* В эндоглоссных фазах осуществляется своего рода «укладка» экзоглоссного прироста в «годовые кольца» – экзоглоссные стра-ты, совокупность которых образует полиглоссию системы немецкого литературного языка и увеличивает степень его экзоглоссности.

В фазе эндоглоссии вектор развития обращён в сторону архаизации, крайнюю степень которой маркирует максимальная рестриктивность экспонентов Чужого, которая нетипична для нормального функционирования литературных языков. Применительно к немецкому литературному языку такую степень рестриктивности обозначают онемечиванием. Как и в случае с предельной экзоглоссией максимальная степень рестриктивности служит лингвополитическим целям и достигается большей частью искусственным путём, к примеру, для прекращения нежелательного заимствования. При относительной устойчивости она может привести к так называ-

емой языковой автаркии (греч.: *autárkēs* = независимый, самодостаточный), т.е. «полной регламентации использования литературного языка в результате корректировки обществом его внутренней структуры и функций в желательном для социума направлении» [Туманян, 1999, с. 92].

В условиях автаркии обновление языка происходит, как правило, только из тех его ресурсов, которые допущены кодификационными требованиями. Характерным признаком автаркии является *полное отрицание экзогlossных словообразовательных моделей*: значительное изменение формы экзогlossного материала с целью упрощения произнесения или же невозможности перестроить привычную артикуляционную базу, ср. «*Triller*» (нем.: *трель*) вместо «*Thriller*» (англ.: триллер, боевик); создание внутренней формы слова у заимствований, ср. «*Haloween*» (от «*Halo*», нем.: *свечение, сияние*) вместо «*Halloween*» и т.п.

Автаркия может также быть следствием стереотипного заимствования, например, только из одного языка-донора или из мёртвого языка, что также создаёт определённый эффект консервации. К явлению автаркии ещё обратимся в следующем разделе за рассуждениями об экзогlossном и эндогlossном типах немецкой языковой политики.

Разницу между крайней степенью ксенизации и архаизации можно отобразить на следующем примере: в условиях англоязычной экзогlossии название итальянского мотоцикла «*MV Augusta*» произносится в немецком литературном языке [ɛm vi 'ɔgustə], в условиях крайней эндогlossии – ['ɛm vao 'ao'gustə].

§ 1.9. Экзо- и эндогlossный типы немецкой языковой политики

В настоящее время существует несколько типологий языковой политики. Р.Б. Носс предлагает классификацию по сферам влияния [Noss, 1971, с. 25]. К нему примыкает Г. Крист, различающая политику языка (*Sprachpolitik*) как «внутрисистемное влияние» и политику языков (*Sprachenpolitik*) как «коммуникационный радиус влияния» [Christ, 1989, с. 75], ср. тж. [Paulston, 1982, с. 12–13; Münch, 1990, с. 23–34; Földes, 1999, с. 19] и др. В зависимости от интенсивности влияния выделяют активную и пассивную, ср. [Bär, 2000, с. 28–31], строгости предписываемых норм – пермиссивную и рестриктивную языковую политику, ср. [Voigt, 1999, с. 17; Götze, 1999, с. 5–6; Fabricius-Hansen, 2000, с. 78–79; Debus, 2001, с. 201; Götze, Hess-Lüttich, 2005, с. 587].

Помимо этого в зарубежной лингвистике принято различать эндогlossный и экзогlossный типы языковой политики. Р.Т. Белл считает, что данная дифференциация связана с возможностью решить ту или иную коммуникативную задачу, во-первых, с помощью автохтонного, а во-вторых, – «импортированного» языка [Bell, 1980, с. 224–229]. Е.Б. Гришаева указывает на следующий аспект данной типологии, релевантный для данной работы: решение выбрать в качестве коммуникационного средства ту или иную форму языка существенно влияет на курс её развития в пределах определённой административно-территориальной формации [Гришаева, 2007, с. 14]. В соответствии с тем, какому из языков – автохтонному или «импортированному» – будет отдано предпочтение, выделяют экзогlossный и эндогlossный типы языковой политики, причём то или иное определение лингвополитической стратегии, как правило, рассматривается с позиции языка-реципиента, а сама она приобретает статус «официального» или «национального (титульного)» языка.

Итак, согласно *принадлежности избранного коммуникативного средства к языковой ситуации* определённая административно-территориальное образование может осуществлять экзогlossную или эндогlossную языковую политику.

Экзогlossная политика немецкого литературного языка ориентирована на развитие посредством языковых средств определённого языка-донора и является *пермиссивной*. Крайней формой экспликации такой политики может быть *разрыв языковой непрерывности* немецкого языка («*Kontinuitätsbruch*», термин К. Маттхаера [Mattheier, 1984, с. 722]), выражающийся в языковом смешении (пиджинизации, креолизации) и потере языковой идентичности, под которой фактически понимается генетическая принадлежность немецкого языка к германской языковой ветви.

Для *эндогlossной* политики характерна *рестриктивность*, исключающая или запрещающая словообразования экзогlossными средствами. Результатом радикализации эндогlossной языковой политики может быть автаркия и последующая инволюция языковых форм, предполагающая истощение их внутренних ресурсов, т.е. неспособность в дальнейшем производить слова собственными силами, избыточная полисемия и, как следствие, «сворачивание» формы до её ядерного состава (незаменимых слов, например: числительных, глаголов чувственного восприятия, личных местоимений и пр., что эксплицирует динамика угасания немецких островных зон Пенсильвании и Сибири).

Теоретически сохранение 50% словарного состава оставляет языку генетическую принадлежность [Исаев, 1996, с. 315]. Однако неверно понимать под указанным количеством лишь исконную лексику, сосредоточенную главным образом в функционально-недифференцированных слоях языка, так как даже в «ядерном составе» встречаются единицы экзогlossного происхождения, ср. заимствования в немецком литературном языке: «*Diener*» из кельтского, «*Pelz*» из латинского, «*Tanz*» из французского и т.д. Обозначенный выше процентный показатель необходим скорее для формального (теоретического) определения языковой идентичности, входящей в состав более сложной идентичности, под которой нередко подразумевается культурная, социальная и пр. принадлежность носителей языка [ср.: Goffmann, 1980, с. 172; Georgogiannis, 1984, с. 63; Krappmann, 1988, с. 224].

У литературных языков языковая политика находит своё выражение в *кодификации* языковых норм и их стандартизации. В зависимости от характера развития языка-реципиента кодификация норм бывает а) *прогрессивной*, т. е. развивающейся и фиксируемой на основе решительных и неожиданных изменений (экзогlossия), и б) *ретроспективной*, или консервативной, т. е. опирающейся на состояние и употребление языка, характерных для прошлых периодов развития (эндогlossия).

Например, для исторического развития немецкого литературного языка характерны оба типа кодификационных процессов: периоды строгости предписываемых норм неизбежно сменяются их относительной либерализацией либо острым дефицитом [Семенюк, 1996, с. 30], что свидетельствует о волнообразной динамике развития данного языка, а также об экзо- и эндогlossных фазах эволюции, сменяющих друг друга в процессе языкового развития.

Такой инструмент языковой регуляции, как *лингвоконсидерация* (см. подробнее § 4.2.), также модифицируется в зависимости от характера развития языка-реципиента и в экзогlossной языковой ситуации будет ослаблена, а в эндогlossной фазе может достигнуть наивысшего пункта кристаллизации. Так как лингвоконсидерация направлена на учёт особенностей языкового развития, и степень её реализации выражается прежде всего через ортологическую лексикографию, то можно спрогнозировать, в какие периоды развития немецкого языка будет издаваться больше ортологической литературы, а в какие меньше либо вовсе не будет.

В целом состояние норм немецкого литературного языка в эндогlossные периоды вне всяких сомнений лучше такового в фазе экзогlossии. Однако следует подчеркнуть, что *улучшенное состояние норм немецкого лите-*

ратурного языка является следствием осмысления языкового прироста и расширения языковых возможностей посредством экзоглоссии, что вовсе не означает, что языковая политика должна строиться целиком на эндогlossных тенденциях. Крайней мерой такого вида эндогlossной языковой политики можно считать ультраправый пуризм, восходящий к идеалам языка Цицерона, т.е. свободной от греческих заимствований латыни, и нацеленный на «очищение языка от загрязняющих его иностранных слов». Опасность такого вида эндогlossной политики заключается в том, что пуристы представляют определённый авторитетный источник законодательства языковой нормы (издательство, телевизионный канал, лингвистический институт и пр.) и могут навязывать пользователям продукты индивидуального словотворчества, далёкие от узуса и зачастую противоречащие условиям функционирования языка, ср. лингвополитическую деятельность Й.Г. Кампе, Г. Вустманна и Ф. ф. Цезена.

Причины ультраправой языковой политики угадываются большей частью в консервативных воззрениях на природу нации и языка как её атрибута (*ius linguae*). Однако экзальтация идеи «чистоты» чаще всего приводит к авторитарности и к процессам языковой инволюции. Действительно, симптомом выраженной экзогlossной языковой политики можно считать увлечение носителей немецкого языка иностранными словами, происходящими как из языка-донора в период экзогlossии, так и из других языков, что и склоняет многих сторонников ультраправых мер языковой политики к авторскому или институциональному вмешательству во внутренние языковые процессы. Ярким примером радикализованной эндогlossной языковой политики является обязательный перевод фамилии А. Эйнштейна советской номенклатурой как «Однокаменев».

В качестве примера радикальной эндогlossной языковой политики можно привести таковую в Германии времён третьего рейха, описанную в работе В. Клемперера «Язык третьей империи. – Записная книжка филолога» (см. об этом также § 2.2.), в которой автор критически анализировал употребление языка тоталитарной системой. Эндогlossная направленность языковой политики третьего рейха исключала возможность словопроизводства средствами других языков и привела к тому, что многие единицы ядерной сферы лексико-семантической системы немецкого литературного языка приобрели тяжеловесные идеологические коннотации, ср.: «*Volk*», «*Führer*», «*rein*», «*Größe*» [Schreiber, 2006, с. 197]. Сравнивая эту языковую ситуацию с таковой в послевоенной ФРГ, где наметилась тенденция к заимствованию в немецкий литературный язык англоамериканизмов, можно отметить роль языковой политики в развитии немецкого языка.

Языковая политика осуществляется не только на уровне целого языкового сообщества, но и может иметь формат предпочтений узких кругов носителей языка, представляющих корпорации и имеющих элитарные притязания, к примеру, так называемого «высшего общества» (*high snobiety*), факультетов гуманитарного профиля, обществ по интересам, творческих клубов и пр. Особенно ярко выраженную тенденцию к ведению собственной языковой политики имеют филологические факультеты и факультеты иностранного языка. Для последних в целом характерна эндогlossная языковая политика, зачастую отстающая от тенденций, наблюдаемых в действительной языковой ситуации в стране изучаемого языка. В своей совокупности данные корпорации могут оказывать существенное влияние на «общую языковую политику» («*general language policy*» – термин Р.Б. Носса [Noss, 1971, с. 25]).

Идеальным вектором развития немецкого литературного языка может быть равновесие между экзогlossной направленностью и стремлением сохранить языковое богатство, достигаемое умеренной языковой политикой, которая должна строиться на принципе *сбалансированного* развития немецкого литературного языка как наддиалектной системы. Любая насильственная и искусственная кодификация или же её отсутствие могут повлечь отклонение языка от лингвополитического баланса. В этой связи необходимо привести известную цитату И.В. фон Гёте из книги «Максимы и рефлексии» («*Maximen und Reflexionen*»), где в качестве оптимального способа функционирования «живого немецкого языка» Веймарский классик считает ситуацию сбалансированности между его экзогlossной и эндогlossной ориентацией: «*Немец должен выучить все языки, чтобы чужой в его доме не был неудобным, а он повсюду чувствовал себя как дома. Сила языка не в том, что он отторгает чужое, но поглощает его. Я проклинаю всякий негативный пуризм, когда нельзя употребить слово, в котором другой язык выразил большее или деликатное. Моё дело – положительный пуризм, который продуктивен и исходит лишь из того: где мы должны описывать, а где сосед имеет более веское слово*» [Goethe, 1997, с. 625].

Предпосылки создания экзо-эндогlossной модели кодификации немецкого литературного языка, в основе которой лежит условие центричности как залог сохранения необходимого баланса между искусственным (политическим) и естественным (имманентным) развитием данного языка, представлена в третьей главе настоящей монографии.

Выводы по главе I

В практике описания языковых ситуаций сосуществуют два подхода: интра- и экстралингвистический. Сутью интралингвистического подхода является описание функционирования определённого компонента языковой ситуации, экстралингвистического – взаимодействия всех её компонентов. По степени гетерогенности компонентов языковые ситуации делятся на эндогlossные (совокупность подсистем одного языка) и экзогlossные (совокупность гетерогенных языков). В качестве компонентов экзогlossной языковой ситуации в ФРГ периода 1945–2010 гг. выступают немецкий литературный язык и американский вариант английского языка.

Признаками языковой ситуации в ФРГ указанного временного диапазона выступают: *многоязычие* (включённость в языковую ситуацию нескольких языков), *гомогенность* (родственность языков), *гомоморфность* (их типологическое сходство), *дисгармоничность* (различный функциональный статус идиомов), *экзогlossия* (иностранное происхождение металекта), *социальная дигlossия* (ситуативно-дифференцированное использование английского в статусе языка-макропосредника и общего второго языка и немецкого в статусе языка автохтонного населения). Коэффициент лояльности немецкому языку в ФРГ составляет 0,42 (2008), что симптоматизирует явление экзогlossии в рамках исследуемой языковой ситуации.

Контакт гетерогенных языков в рамках экзогlossной языковой ситуации предполагает наличие в системе эндогlossного компонента (немецкого литературного языка) экзогlossных тенденций, под которыми понимаются процессы в системе немецкого литературного языка, начавшиеся с фазой американизации и характеризующиеся относительной константностью. Экзогlossные тенденции разделяются на общие (распространяющиеся на всю систему немецкого литературного языка) и частные (характеризующие функционирование отдельных единиц её подуровней). В качестве двух общих тенденций в рамках языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. установлены: заимствование англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка и тенденция последнего к алломорфии (ресурсной гетерогенности).

Теория экзогlossии имеет уровневую структуру, где каждый из трёх уровней соответствует лингвистической специализации предлагаемой теории: диафункциональный – социолингвистической, диастратический – структурно-функциональной, диафазный – контактологической (историче-

ской). Инструментарием теории экзоглоссии выступает система метаклосных параметров, позволяющих параметризовать процессы развития немецкого литературного языка и языковые сдвиги. Базовым параметром системы является метаклосный как инвариант оппозиции «экзоглоссия vs. эндоглоссия». Экзоглоссия характеризует такой вектор языкового развития, который направлен на изменение языка (диаморфизм), эндоглоссия направлена на его сохранение (изоморфизм).

Так как в основе любой экзоглоссной языковой ситуации лежит *экзоглоссное влияние*, предполагающее воздействие более развитого языка-донора на определённый язык-реципиент на политическом, экономическом, культурном и пр. уровне, то характер отношений двух гетерогенных компонентов такого типа ситуации не может быть сбалансированным. Следовательно, базовым признаком экзоглоссной языковой ситуации является многоуровневая асимметрия взаимодействия контактирующих языков. Характеристикой эндоглоссной языковой ситуации выступает относительная статика и сбалансированность её компонентов, что позволяет её обозначить как эндоглоссное состояние языка-реципиента.

Причинами экзоглоссного развития литературного немецкого языка ФРГ выступают, во-первых, культурный конфликт Своего и Чужого, в котором собственное немецкое становится Чужим, а американское Своим; во-вторых, давление языка-донора, ведущее к подмене Своего Чужим, и, в-третьих, гомологичность немецкого литературного языка и американского варианта английского языка как компонентов языковой ситуации в ФРГ.

Экзоглоссия как понятие образует трихотомию с коррелирующими понятиями диглоссии и полиглоссии, выстраивая с ними зависимость первого (экзо-), второго (ди-) и третьего (полиглоссия) порядков: понятием «экзоглоссия» обозначается вектор развития немецкого литературного языка, «диглоссией» – функционально-стилистическая стратификация автохтонных и импортированных единиц в его системе, «полиглоссия» (ресурсная гетерогенность) характеризует состояние самой его системы вследствие экзоглоссных влияний. Полиглоссия системы немецкого литературного языка как следствие действия общей экзоглоссной тенденции к алломорфии предполагает наличие в его составе экзоглоссных страт – пластов заимствованной экзоглоссной лексики, являющихся «отпечатками» экзоглоссных влияний.

Литературные языки являются объектами реконструктивного вмешательства общества. По характеру воздействия такое вмешательство может быть демократическим и националистическим. Демократическая модель способствует экзогlossному языковому развитию, националистическая – эндогlossному. Демократизация норм немецкого литературного языка обуславливает его ксенизацию, т.е. расширение состава посредством заимствования ресурсов определённого языка-донора. Национализация опосредует архаизацию немецкого литературного языка и приводит к консервации его лексического состава, сопровождающейся запретом заимствования и словопроизводства по экзогlossным моделям, а также онемечиванием заимствованных экзогlossных единиц.

В историческом развитии немецкого литературного языка экзогlossные фазы сменяются эндогlossными. Как правило, это происходит в результате реконструктивного вмешательства нормализаторских объединений посредством реализации националистической модели языковой политики. Выделение экзо- и эндогlossной фаз языкового развития свидетельствует, во-первых, о градуальности процессов развития, а во-вторых, о симметрии происходящих в немецком литературном языке изменений. Тем самым языковой прирост является не только количественной величиной. На основе заимствованных эффективных средств в экзогlossной фазе в системе немецкого литературного языка создаются новые эффективные ресурсы в фазе эндогlossии.

Глава II

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФРГ 1945–2010 ГГ.: СИСТЕМНАЯ ЧАСТЬ

§ 2.1. Анализ системы немецкого литературного языка в контексте американизации

Системная часть анализа языковой ситуации в ФРГ исследуемого периода предполагает выявление экзогlossных тенденций в диафазном и диастратическом аспектах.

Целью *диафазного* анализа выступает определение *диафазы*, подразумевающее выявление источника заимствования, его периодов, каналов и основных социальных групп – посредников данной тенденции. «Диафаза» является инвариантным (метагlossным) понятием и соответствует периоду экзо- либо эндогlossного развития исследуемого экспонента в рамках сложившейся (экзогlossной или эндогlossной) языковой ситуации. Диафазный анализ включает выявление социальных процессов и историко-культурной ситуации, характерное для исследований в области истории немецкого литературного языка, а также контактологический анализ диафазы, предполагающий выделение хронотопа заимствованных единиц или страт лексики, их социальную маркировку в языке-реципиенте, тематических сфер, путей распространения.

Целью *диастратического* анализа является изучение экзогlossных тенденций в структурных подсистемах немецкого литературного языка для определения глубины изменений (отклонения в область диаморфизма) в процессе заимствования англоамериканизмов.

Деятельность языка, согласно постулату Л.В. Щербы, «есть ничто иное, как процессы перехода от языка к речи и от речи к языку, причём под языком понимается словарь и грамматический строй», что также эксплицирует уровневая модель системы немецкого языка по Ф. Дебусу (см. § 2.3.), «а под речью – результат процессов использования языка» [Щерба, 1931, с. 113–114]. С опорой на данное положение применительно к англо-американским заимствованиям в немецком литературном языке можно говорить о формах их существования (уровень языковой системы) и формах реализации (уровень речи).

Пользуясь дихотомией Ф. де Соссюра «langue (для системы языка) vs. parole (для речи)», «тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» [де Соссюр, 2004, с. 38]. Основываясь на дихотомиях Ф. де Соссюра, Т.П. Ломтев выводит параметры языка и речи, существенные для данной работы. С одной стороны, язык и речь противопоставлены как установление и процесс, как общее и единичное, с другой стороны, язык и речь – не разные явления, а стороны одного и того же явления. Одни и те же единицы могут функционировать как единицы языка и речи, поэтому нет смысла различать данные аспекты для изучения одних и тех же единиц [Ломтев, 1976, с. 59–60].

Выводы Т.П. Ломтева о том, что «закономерности языка изучает лексикология и морфология, а речевые – синтаксис» [Ломтев, 1976, с. 57], продолжают вышеизложенные мысли Л.В. Щербы о дифференцированной природе языка и речи. Актуальное развитие лингвистики позволяет дополнить области исследования элементов данной оппозиции следующими дисциплинами в контексте проблематики заимствования: для языковой системы – контактология (контактная лингвистика) как отрасль исторического языкознания, для речи – стилистика, являющаяся «дисциплиной комплексного характера, изучающей функционирование языка в большинстве ситуаций устного и письменного плана» [Наер, 2006, с. 12]. Смежный характер носит прагматическая лингвистика, изучающая отношение пользователей к языковым знакам, но через особенности речи (речевые акты, дейксис, имплицатуры, пресуппозиции, коммуникативные структуры) [Nübling, 2010, с. 147].

Таким образом, дифференциация системного (языкового) и функционального (речевого) уровней в настоящем исследовании строится по принципу: «общее, социальное, установленное (языковая система, langue)» vs. «частное, индивидуальное, процессуальное (речь, parole)», где на уровне системы исследуются формы существования (глава II), а на уровне речи – формы функционирования англоязычных заимствований в немецком литературном языке периода американизации (см. главу III).

§ 2.2. Диафазный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.

Изучаемый период американизации задан рамками исследования и равен временному диапазону с 1945–2010 гг., включая «нулевые годы» (1945–1949 гг.) послевоенной Германии, традиционно относимые рядом немецких исследователей к периоду американизации ФРГ [ср.: Schippan, 1999; Schmitz, 2002; Götze, 2003; v. Polenz, 2009 и др.]. Данный период не соответствует рамкам диафазы, так как определение последней предполагает *нахождение инициальной и финальной точек той или иной фазы языкового развития* (экзо- или эндоглоссии), т.е. начала и угасания экзоглоссных тенденций.

Термин «американизация» появился в начале XX в. и вошёл в обиход благодаря трудам У. Стеда (1902) и Г.В. Майера (1920). Применительно к тенденциям развития немецкого литературного языка данный термин стал употребляться параллельно с термином «американизм» (см. далее) с 1945 г. как в экстра-, так и интралингвистической плоскости.

Как отмечалось выше, в рамках данной монографии американизация понимается двояко: с одной стороны, как языковая ситуация в ФРГ указанного периода и, с другой стороны, как совокупность экзоглоссных тенденций в системе немецкого литературного языка данного периода.

Согласно Н.Е. Покровскому, американизация в широком понимании является конкретизацией современной глобализации и протекает при геополитической гегемонии США [Покровский, 2000, с. 5]. На языковом уровне американизация «предполагает использование американского варианта английского языка как единого средства международного общения» [Tsuda, 1986, с. 8], что в свою очередь приводит не только к заимствованию англо-американской лексики в литературные языки (экзоглоссной тенденции общего характера), но и к унификации и интернационализации заимствованных лексических пластов. Примечательно, что динамику превращения американского варианта английского языка в средство глобального общения Ю. Трабант обозначает «глобанглизацией» (*Globanglisierung*) [Trabant, 2009, с. 39].

Традиционно американизация немецкого литературного языка рассматривается в совокупности с его *англизацией* по двум причинам: во-первых, американское влияние зародилось на фоне массового увлечения в Германии всем английским (*Engländererei*); во-вторых, проведение чёткой границы между англизацией и американизацией осложнено ролью США в

современном мировом сообществе, создающей однотипное восприятие английского и американского. В. Фирек пишет об этом следующее: «Что сегодня возникло в американском английском, может уже завтра обнаружиться в британском и наоборот или быть даже общеанглийским (*gesamt-englisch*)» [Viereck, 1988, с. 940]. П. ф. Поленц отмечает, что после первой мировой войны разделение британского и американского английского методологически едва ли возможно, так как британский находился под сильным влиянием американского варианта английского языка [v. Polenz, 2009, с. 135]. Термин «англизация» появился гораздо раньше термина «американизация» и используется многими зарубежными германистами в качестве его синонима [ср.: Osterwinter, 1998; Zimmer, 1998, с. 53; Näser, 2000; Götze, 2000, с. 21; Schrammen, Dieter, 2007].

В целях терминологической ясности в настоящей монографии для англоязычных заимствований в составе немецкого литературного языка периода 1945–2010 гг. используется термин «англоамериканизм». Англоамериканизмами считаются не только заимствования непосредственно из (американского варианта) английского языка (ср.: *Rap, Scratching, Fracking*), но и единицы, заимствованные либо через его посредничество (ср.: *Tattoo* → тахит.: *tatau* = звук от удара по коже палочкой для нанесения татуировки), либо подвергшиеся в нём ресемантизации (ср. *Demonstration* → лат.: *demonstratio* = указываю; англо-амер.: протест, митинг). Следовательно, под заимствованием следует понимать не только привлечение из языка-донора формального компонента языковой единицы, но и содержательного, к примеру, англоамериканизм «*Maus*» в значении <компьютерная мышь> был заимствован в семему уже существующей лексической единицы в немецком литературном языке. Такое заимствование обозначается термином «калька» и относится в настоящей работе в разряд англоамериканской лексики.

Существует мнение, согласно которому форма взаимодействия немецкого литературного языка и американского варианта английского языка является *языковым контактом* [Stanforth, 1968, с. 528; Eichhoff, 1972, с. 157; Kann, Koltes, 1977, с. 68]. Перечисленные исследователи обосновывают данный факт наличием *германизмов*, т.е. немецкоязычных заимствований, в американском варианте английского языка и *англицизмов* в немецком языке, причём термин «англицизм» употребляется широким кругом лингвистов в качестве синонима термина «англоамериканизм» в контексте отождествления фаз англизации и американизации немецкого

литературного языка [ср.: Götze, 2003, с. 131; Zimmer, 1998, с. 53; Schreiber, 2006, с. 182]. Необходимо уточнить, что вышеуказанными исследователями понятие контакт используется неоднозначно. Под «языковым контактом» понимается взаимодействие языков как в рамках какой-либо одной языковой ситуации, например, в ФРГ, так и в рамках различных языковых ситуаций, ограниченных рамками нескольких административно-территориальных образований, к примеру, ФРГ и США. Однако применительно к языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. использование термина «языковой контакт» представляется не совсем удачным в силу следующих соображений.

Во-первых, очевидным является тот факт, что взаимодействие немецкого литературного языка и американского варианта английского языка в рамках языковой ситуации в ФРГ является неэквивалентным, так как любые два «контактирующие» языка в рамках экзогlossной языковой ситуации имеют стойкие типологические различия: один язык (реципиентный) будет заимствовать языковой материал другого языка (донора). Существование метагlossной оппозиции «язык-реципиент vs. язык-донор» свидетельствует об асимметрии языкового взаимодействия, которая выступает признаком экзогlossного развития языка-реципиента как основного экспонента языковой ситуации.

Во-вторых, статус экзогlossного компонента последней *не предполагает обмен языковым материалом*, так как в качестве указанного компонента выступает не сам язык-донор, а совокупность средств, используемых в устной и письменной речи в рамках экзогlossной языковой ситуации как носителями языка-донора, так и носителями языка-реципиента.

В-третьих, распространение американского варианта английского языка как всеобщего (глобального) языка имплицитно определяет степень *воздействия* на автохтонные языки, которое в целом исключает заимствование «в обратном направлении», т.е. в язык-донор.

В силу данных соображений для изучаемой ситуации более адекватным понятием представляется термин «влияние», введённый в контактную лингвистику Г. Шухардтом для обозначения доминирования определённого языка-донора над языком-реципиентом в рамках отдельной языковой ситуации, например: «американское влияние на немецкий литературный язык», «британское влияние на немецкий литературный язык» [Schuchardt, 1883, с. 117].

Анализ трудов таких крупнейших исследователей истории немецкого литературного языка начала XX в., как А.И.Ф. Цигльшмид (1935), А.Б. Стивен (1936), Б. Карстензен (1967–2001), В. Фирек (1988), П. ф. Поленц (2009) и др., показал, что заимствование англоязычной лексики с американскими элементами в систему немецкого литературного языка начинается с **1918 года**, ознаменовавшим победу Антанты с лидирующей ролью в ней США и капитуляцию Германии в первой мировой войне.

А.И.Ф. Цигльшмид отмечает с указанного времени повышенный интерес не только немцев, но и всех европейцев к американской промышленности, тенденциям «тейлоризма» и «фордизма», вообще развитию массовой продукции, которые способствовали изменению отношения к Новому свету в положительную сторону, ведь до середины XIX в. США являлись «экономическим карликом» [Zieglschmid, 1935, с. 25]. Как пишет А.Б. Стивен, с 1918 года всё складывалось в соответствии со сценарием, описанным в книге У.Т. Стеда «Американизация мира или тенденция двадцатого века» (W.T. Stead „*The Americanisation of the World or the Trend of the Twentieth Century*“), вышедшей в свет в 1902 г. спустя ровно полвека после нашумевшей всемирной выставки «Crystal Palace» в Лондоне, где впервые заговорили об американской системе мануфактуры и демонстрировались самые последние технологии и механизмы, привлёкшие огромное внимание европейских бизнесменов [Stiven, 1936, с. 77].

Данные изменения европейского и немецкого сознания в частности затронули такие сферы общественной жизни, как *свободное время* и *развлечения*: в двадцатые годы XX в., вошедшие в историю как «Бурные двадцатые» (*Roaring Twenties*), немецкий музыкальный вокабуляр пополнился англоамериканизмами «Jazz», «Charleston», «Foxtrott», «Shimmy», «Swing» [Polenz, 2009, с. 136]. Эмиграция немцев в Соединённые Штаты Америки после прихода к власти НСДАП в 1933 г. усилила влияние англоамериканизмов на немецкий язык эмигрантов и вскоре граждан самой Германии. В целом, в немецком литературном языке закрепились лишь немногие заимствования этого периода, но и эти единицы, как отмечает В. Фирек, были ещё большей частью британского происхождения: «Badminton» (нем.: бадминтон – перевод наш), «Bluff» (нем.: блеф), «Einbahnstraße» (нем.: улица с односторонним движением), «Lautsprecher» (нем.: динамик), «Sex Appeal» (нем.: сексапильность) [Viereck, 1988, с. 941].

Указанные события, известные по трудам А.И.Ф. Цигльшмида как «помешательство на Америке» (*Amerikafimmel*) [Zieglschmid, 1935, с. 24], ознаменовали новую эпоху в истории Германии, характеризующуюся явным предпочтением американской культуры языку.

Таким образом, **началом диафазы американской экзоглоссии**, т.е. зарождением тенденции к заимствованию англоамериканизмов, в истории немецкого литературного языка можно считать 1918 г.

Так как изучение языковых ситуаций должно строиться на основе действующих (экзоглоссных) тенденций, отправной точкой последующей волны заимствования единиц англо-американского происхождения, имеющей инвазивный характер, в настоящем исследовании выступает 1945 г., принятый за начало собственной американизации немецкого литературного языка как совокупности экзоглоссных тенденций в его системе. Существенным для анализа представляется разделение американского влияния в истории немецкого литературного языка на два периода: 1) 1945–1990 гг., до воссоединения Германии, обозначаемого также «*Wende*»; 2) 1990–2010 гг., после присоединения к ФРГ «новых» 5,5 федеральных земель. Тем самым, как уже отмечалось ранее, из рассмотрения исключена языковая ситуация ГДР в целях сохранения терминологической ясности и тождества базового экспонента изучаемой языковой ситуации.

1) Американское влияние на немецкий литературный язык первого периода известно как «американизм» («*Amerikanismus*») [Viereck, 1988, с. 940]. Резкая политическая реакция на национализм и консерватизм, подорванное национальное самосознание и чувство стыда и вины перед народами Европы определили «готовность к приятию всего американского» («*Aufnahmebereitschaft gegenüber allem Amerikanischen*») [v. Polenz 2009, с. 135]. В. Фойгт подчёркивает: «Можно было наблюдать глубокое сомнение немцев в самих себе. Всё нещадно критиковалось – от науки до образования, пока все не поверили в то, что в данной ситуации поможет лишь радикальная перестройка по заокеанскому образцу» [Voigt, 1999, с. 198]. Как пишет О.В. Карнаухов, «многим утверждение о потере немцами собственной идентичности кажется просто неприличным», однако именно это стало краеугольным камнем для социально-политических преобразований Германии послевоенного периода [Карнаухов, 1999, с. 115].

Х.-Г. Шмитц отмечает, что «последовательное стирание немецкой культуры («*sukzessive Ausradierung der deutschen Kultur*») в послевоенной Германии на фоне сильной политической и экономической зависимости

от США проходило гораздо глаже и масштабнее, нежели где-нибудь ещё в Европе» [Schmitz, 2002, с. 148]. Многие из тех зарубежных и немецких интеллектуалов, которые имели в те годы политический вес в стране, считали целую историю Германии перечёркнутой событиями недавнего прошлого и ввиду этих событий пытались её абсорбировать. В духе обновлённого и в этот раз уже безудержного американизма на руинах немецких городов воздвигались повсеместно «филиалы Чикаго» («*Filialen von Chicago*») [Jünger, 1949, с. 178].

В. Клемперер, автор книги «*LTI. – Notizbuch eines Philologen*» («*Язык третьей империи. – Записная книжка филолога*»), написанной в 1947 г. и вышедшей в свет в 1966 г. под названием «*Die unbewältigte Sprache*» («*Непокорённый язык*»), пишет: «Если США и предательское правительство Аденауэра будут и дальше проводить «духовное разнемецивание немецкого Запада» («*geistige Entdeutschung des deutschen Westens*»), языковой стиль на западе Германии будет продолжать развиваться в направлении космополитизма, американизма и декаданса» [Mohr, 1996, с. 235]. Современник В. Клемперера Ф.К. Вайскопф также выступает с резкой критикой американизации немецкого литературного языка ФРГ: «Ещё опаснее возрождения «коричневой чумы» другая эпидемия, ибо она захватывает даже тех, кто ей противится, – *ксенизация* немецкого языка («*Überfremdung der deutschen Sprache*») вследствие проникновения в его состав американских слов и выражений» [Weiskopf, 1955, с. 61].

В своей «марбахской речи» бундеспрезидент Г. Хайнеманн также даёт крайне негативную оценку американизации Германии и призывает «поставить заслон потоку американизмов, захлестнувшему после войны все сферы жизни немецкого общества. Подкрепляя свои слова цитатой Ф. Шиллера: «Язык – зеркало нации, и если мы взглянем в это зеркало, то увидим большое и точное изображение нас самих», Г. Хайнеманн имплицитно призывает к отказу от «бездумного употребления иностранных слов», «сортировке слов в своей речи», «сохранению красоты немецкого языка», «преодолению языковой пропасти в общении различных групп населения» [Heinemann, 1973, с. 156–158]. В своей совокупности данные тезисы предполагают повышенное внимание языку, осознанное употребление ксенолексики, низкую перmissивность языка, умеренно-националистическую модель языковой политики – конституенты эндо-гlossного функционирования языка.

Х.-Г. Шмитц так комментирует слова бывшего бундеспрезидента: «Даже если Хайнеманн в своей речи выступает против американизмов всего лишь с лингвосоциологической и эстетической позиций, т.е. не с позиции культурной политики или даже внешней политики, то его призыв к большей языковой лояльности всё равно своеобразен и памятен. И всё же до конца девяностых годов XX в. в стране не отмечалось ни эффективной критики заимствованной лексики, ни призывов к умеренной чистке языка» [Schmitz, 2002, с. 152].

Основными каналами распространения англоамериканизмов первого периода были средства массовой информации и в первую очередь такой их эффективный инструмент, как реклама. Носителями выступали в основном высокие слои обществ, учёные, представители творческой интеллигенции, чиновники. Путём распространения английского как второго или третьего иностранного языка в системе среднего и специального образования ФРГ заимствование англоамериканизмов проходило без значимых изменений звуковой и графической оболочки исконных слов [v. Polenz, 2009, с. 139].

Согласно В. Фиреку, наиболее инфильтрированными сферами лексического состава немецкого литературного языка стали: а) сфера науки и техники, б) средств массовой информации, в) экономики и финансов, г) моды и д) спорта [Viereck, 1988, с. 941]. Примеры англоамериканизмов первого периода приводятся по словарю Б. Карстензена и У. Буссе «*Anglizismenwörterbuch. Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz seit 1945*» (1993).

А) Заимствования из области науки и техники стали самыми ранними заимствованиями первого этапа американизации немецкого литературного языка, например: «*Atombombe*» (нем.: *атомная бомба*, калька «*atomic bomb*» – перевод здесь и далее наш), «*Automation*» (нем.: *автоматизация*), «*Container*» (нем.: *контейнер*), «*Flurbereinigung*» (нем. буквально: «*устранение чересполосицы*»; *меры по переустройству разрозненных, неэкономичных сельскохозяйственных предприятий с целью оптимизации производства; часто эти меры связаны с (принудительным) перенесением отдельных хозяйств в другие условия*), «*Know-how*» (нем.: *ноу-хау, секрет технологии производства*), «*Kybernetik*» (нем.: *кибернетика*), «*Laser*» (нем.: *лазер*), «*Pipeline*» (нем.: *(магистральный) нефте- или трубопровод*), «*Radar*» (нем.: *радар*), «*Sanierung*» (нем.: *санирование, восстановление рентабельности*), «*Transformation*» (нем.: *трансформация*).

Б) Средства массовой информации стали главными источниками распространения англоамериканизмов через газеты, телевидение и радиовещание [Viereck, 1988, с. 940], ср.: «CD» (нем.: компакт-диск), «Chart» (нем.: график, схема), «Job» (нем.: (дополнительная) работа), «Comics» (нем.: комиксы), «Jingle» (нем.: короткая запоминающаяся мелодия, часто сопровождающая рекламу определённого продукта), «Headline» (нем.: газетный заголовок), «Hit» (нем.: популярная песня, шлягер, хит), *live* (нем.: (о трансляции) в прямом эфире, с места событий), «LP» (нем.: долгоиграющая пластинка), «News» (нем.: новости), «Playback» (нем.: запись или съёмка под фонограмму), «Serial» (нем.: сериал), «Show» (нем.: шоу), «Single» (нем.: сингл), «Special» (нем.: теле- или радиопередача, в которой в центре внимания находится определённая личность или группа личностей, например, политик, рок-группа и пр.), *Spot* (нем.: (рекламный) ролик), «Trailer» (нем.: (рекламный) видеоролик).

В) Единицы из сферы экономики и финансов англо-американского происхождения имеют в основном терминологическую природу, ср.: «Business» (нем.: бизнес), «Consulting» (нем.: консалтинг), «Controlling» (нем.: контроллинг, анализ хозяйственной деятельности предприятия), «Franchising» (нем.: разрешение на право использования фирменной марки), «Joint Venture» (нем.: совместное предприятие), «Holding» (нем.: холдинг), «Leasing» (нем.: лизинг, аренда, прокат средств производства), «Management» (нем.: менеджмент), «Stock» (нем.: контрольный пакет, запас акций), «Trader» (нем.: торговец ценными бумагами).

Г) Популярность американской культуры в послевоенной Германии инициировала заимствование англо-американской лексики в сфере моды, которую с XIII в. конституировали главным образом галлицизмы, ср.: «Aftershave» (нем.: средство для кожи после бритья), «Blazer» (нем.: пиджак с блестящими металлическими пуговицами, эмблемой и накладными карманами, блейзер), «Boots» (нем.: ботсы), «Clogs» (нем.: сабо, обувь на высокой подошве без задника), «Eyeliner» (нем.: кисточка или карандаш для подведения глаз), «Jeans» (нем.: джинсы), «Look» (нем.: тенденция в моде, внешний вид), «Lotion» (нем.: лосьон), «Slipper» (нем.: туфли-лодочки), «Spray» (нем.: пульверизатор, аэрозоль), «Sweater» (нем.: свитер), «T-Shirt» (нем.: футболка).

Д) Англоамериканизмы регистрируются также в сфере спорта, например: «Bodycheck» (нем.: силовой приём), «Bodybuilding» (нем.: бодибилдинг), «Bowling» (нем.: боулинг), «Jogging» (нем.: бег трусцой), «Icing»

(нем.: *запрещённый прострел в хоккее*), «Match» (нем.: *матч*), «Penalty» (нем.: *одиннадцатиметровый штрафной удар в футболе*), «Play-off» (нем.: *решающий матч на выбывание*), «Qualifying» (нем.: *квалификационный тур*), «Squash» (нем.: *игра сквош*), «Surfing» (нем.: *сёрфинг*).

В составе общей заимствованной лексики англо-американского происхождения данного периода американизации следует назвать **существительные**: «City» (нем.: *центральная часть города*), «Center» (нем.: *торговый центр*), «Fast-Food» (нем.: *еда быстрого приготовления как продукт общественного питания*), «Kid» (нем.: *ребёнок*), «Pub» (нем.: *паб, трактир*), «Shop» (нем.: *магазин модных аксессуаров*), «Supermarkt» (по аналогии с английским «*super market*», нем.: *супермаркет, гастроном*) «Team» (нем.: *команда, экипаж*), «Teenager» (нем.: *подросток*), «Ticket» (нем.: *билет*); **глаголы**: «biken» (нем.: *ездить на велосипеде*), «booten» (нем.: *расцветать, быстро расти, переживать подъём*), «checken» (нем.: *проверять*), «jobben» (нем.: *работать, подрабатывать*); **прилагательные**: «clever» (нем.: *умный, находчивый*), «cool» (нем.: *«крутой», сохраняющий самообладание, оригинальный, понравившийся*), «fit» (нем.: *в хорошей форме*, также в переносном смысле, ср.: *fit im Denken*), «happy» (нем.: *счастливый, беззаботный*), «light» (нем.: *«лёгкий»* о серии продукта), «sexu» (нем.: *сексуальный*); **междометия**: «o.k.», «wow», «yeah», «eu», «hey», «bye-bye», «sorry» и др.

Уже в первом периоде отмечается экзогlossная тенденция к преобладанию имён существительных над остальными частями речи. Несмотря на то, что в труде Б. Карстензена и У. Буссе (1993), представляющем наиболее полное собрание англоязычных заимствований первого периода американизации, не предпринимается попытка статистической обработки корпуса по частеречной принадлежности, количество имён существительных, по нашим собственным подсчётам, в среднем составляет около 92% корпуса словаря «*Anglizismenwörterbuch*», включающего около 100 000 лексических единиц.

2) Второй период американизации немецкого литературного языка характеризуется не только более интенсивным заимствованием англо-американской лексики, но и большим охватом сфер её использования в речи. В данной связи удачной видится дифференциация англоязычных заимствований анализируемого периода по Д. Гербергу, который выделяет а) сильно-, б) средне- и в) слабоинфильтрированные англоамериканизмами сферы немецкой литературной речи [Herberg, 2002, с. 196–197]. Примеры

англоамериканизмов первого периода приводятся по словарю «*Wahrig Fremdwörterlexikon*» (2010), статистические данные – по Д. Гербергу [Herberg, 2002, там же].

А) К сильноинфильтрированным относятся:

– сфера компьютерных и Internet-технологий: «*Hardware*» (нем.: *аппаратура, технические средства*), «*klicken*» (нем.: *кликать компьютерной мышью*), «*E-Mail*» (нем.: *электронное сообщение*);

– сфера средств массовой коммуникации: «*Sitcom*» (послоговое сокращение от английского «*situation comedy*», нем.: *комедия положений*), «*Dailysoap*» (нем.: *мыльная опера, ежедневный мелодраматический сериал*), «*Multiplexkino*» (нем.: *крупный киноцентр*);

– социальная сфера: «*Carsharing*» (нем.: *совместное пользование автомобилем*), «*Skyline*» (нем.: *скайлайн, силуэт мегаполиса, видимый издали*), «*Mobbing*» (нем.: *подтрунивание, бойкотирование*);

– спортивная сфера: «*Bungeespringen*» (нем.: *прыжки с «тарзанки»*), «*Inlineskating*» (нем.: *катание на роликовых коньках*), «*walken*» (нем.: *заниматься спортивной ходьбой*);

– сфера экономики: «*E-Commerce*» (нем.: *электронная коммерция*), «*Globalplayer*» (нем.: *крупный международный концерн или предприятие*), «*Outsourcing*» (нем.: *аутсорсинг, передача независимому подрядчику некоторых бизнес-функций или частей бизнес-процесса предприятия*).

Б) Среднеинфильтрированы сферы

– банковских и финансовых операций: «*Direktbanking*» (нем.: *ведение банковских операций по телефону или через интернет*), «*Electronic Cash*» (нем.: *электронные деньги*), «*Brand*» (нем.: *бренд, марка*);

– развлечений и свободного времяпрепровождения: «*Infotainment*» (контаминация от «*information*» и «*entertainment*», нем.: *способ передачи информации с элементами развлечения*), «*Konsolenspiel*» (нем.: *компьютерная игра на приставке*), «*Event*» (нем.: *событие, празднество*);

– трудовой занятости и образования: «*Assessmentcenter*» (нем.: *группа экспертов, которая оценивает профессиональную пригодность кандидатов при помощи тестов*), «*Recruiting*» (нем.: *трудоустройство*), «*Telelearning*» (нем.: *дистанционное обучение*);

– моды: «*Basecap*» (нем.: *бейсболка*), «*Outdoorjacke*» (нем.: *ветровка*), «*Full Dress*» (нем.: *полная парадная форма*);

– транспорта и автомобилей: «*Elchtest*» (нем.: *тест на прочность в автомобильной индустрии, краш-тест*), «*Jobticket*» (нем.: *проездной*), «*Airbag*» (нем.: *воздушная подушка безопасности*);

– телекоммуникационных технологий: «*Call-by-Call*» (нем.: *выбор оператора связи*), «*Handy*» (нем.: *сотовый телефон*), «*Mobilnetz*» (нем.: *мобильная сеть*).

В) К слабоинфильтрированным принадлежат

– сфера здоровья и здорового образа жизни: «*Shunt*» (нем.: *шунт*), «*Wellness*» (нем.: *совокупность психологических установок, направленных на достижение гармонии в жизни и сохранения здоровья*), «*Lifestyle*» (нем.: *стиль жизни*);

– сфера музыки: «*Rap*» (нем.: *рэп*), «*R'n'B*» (нем.: *современный музыкальный жанр «ритм-н-блюз»*), «*Scratching*» (нем.: *скрэтчинг, звуковой эффект от царапания пластинки ди-джейем*);

– сфера гастрономии и изделий пищевкусовой промышленности: «*Energydrink*» (нем.: *энергетический напиток*), «*Gentomate*» (нем.: *томат, изменённый в результате генетической модификации*), «*Partydroge*» (нем.: *наркотик, предпочитаемый на вечеринках*).

В сравнении с первым периодом увеличивается число глаголов (10%), прилагательных и причастий (3%) в составе заимствованной лексики англо-американского происхождения: «*scannen*» (нем.: *сканировать*), «*surfen*» (нем.: *заниматься поиском информации в сети Internet*), «*downloaden*» (нем.: *скачивать содержимое веб-страниц*), «*upgraden*» (нем.: *апгрейдить, оптимизировать*), «*outsourcen*» (нем.: *проводить аутсорсинг, см. выше*), «*piercen*» (нем.: *прокалывать части тела с целью украшения*), «*shunten*» (нем.: *шунтировать*), «*stoppen*» (нем.: *останавливать*), «*starten*» (нем.: *начинать*), «*sporty*» (нем.: *спортивный, подтянутый*), «*kinky*» (нем.: *энергичный, проворный, живой*), «*open*» (нем.: *открытый*), «*fair*» (нем.: *честный*), «*free*» (нем.: *свободный*), «*in*» (нем.: *модный, только в предикативном употреблении*), «*out*» (нем.: *вышедший из моды, только в предикативном употреблении*), «*unplugged*» (нем.: *«вживую», без фонограммы*) и мн. др. По-прежнему среди англоязычных заимствований в немецком литературном языке преобладают имена существительные – 85% единиц.

Во втором периоде американизации к каналам распространения англоамериканизмов присоединяется мировая компьютерная сеть Internet, что существенно ускоряет динамику их инфильтрации посредством охвата

максимального количества пользователей. По данным У. Аммона, английский язык занимает лидирующую позицию и по количеству пользователей, и по объёму информации в глобальной компьютерной сети [Ammon, 2000, с. 259]. Internet-технологии и основанные на них средства коммуникации выступают катализаторами процесса интернационализации англоязычных заимствований (см. подробнее § 2.3.4.), способствуют вытеснению или неоявлению их немецких соответствий. VDS называет «вытесняющими» (*verdrängend*) 79% англоамериканизмов, содержащихся в корпусе «*Anglizismen-Index*» с охватом около 7 500 лексических единиц [VDS, 2010].

Подытоживая диафазный анализ американизации немецкого литературного языка, позволим себе согласиться с мнением В. Фирека о том, что «британский и американский английский были и остаются основными источниками заимствования в немецком языке» [Viereck, 1988, с. 938]. Общей тенденцией первого периода американизации выступает преимущественно априорный характер новообразований в системе немецкого литературного языка (лояльность к источнику заимствования), позволяющий диагностировать заимствование эффективных средств. Второй период американизации немецкого литературного языка характеризуется тенденциями к апостериоризации (см. также § 2.3.4.) и гибридизации заимствованных и автохтонных единиц, что уже свидетельствует об образовании эффективных ресурсов. Тенденция к преобладанию в составе заимствованной лексики имён существительных (см. подробнее § 2.3.4.3.) является стойким признаком инвазивного заимствования.

Установленные временные рамки языковой ситуации фиксируют отрезок диахронии, который характеризуется интенсивным заимствованием англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка. Однако 2010 г. не завершает данную экзогlossную тенденцию общего характера. Обозначить финальную точку американизации на данном этапе принципиально невозможно. Это объясняется прежде всего познанием того, что последующее заимствование может осуществляться на основе уже заимствованного лексического пласта. При сохранении языком-донором социального престижа в глазах носителей языка-реципиента исключить возможность новых волн заимствования нельзя, доказательством чего выступают латинизация и галлизация, не имеющие своего принципиального завершения ни для словообразования на различных уровнях системы немецкого литературного языка, ни тем более для использования соответствующих заимствований в речи его носителей.

Таким образом, определение диафазы любого влияния затруднено *невозможностью фиксации принципиальных крайних точек процессов* заимствования, что коррелирует с отнологической проблемой отсутствия у явлений, процессов, объектов и субъектов действительности принципиального начала и конца [ср.: Мамардашвили, 1991, с. 3–25]. Однако, как отмечалось в первой главе настоящей монографии, повлиять на экзогlossное функционирование немецкого литературного языка может рестриктивный характер кодификационных мер, о которых пойдёт речь в четвёртой главе данной работы.

§ 2.3. Диастратический анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.

Как отмечалось ранее, целью диастратического анализа выступает изучение экзогlossных тенденций в структурных подсистемах немецкого литературного языка для определения глубины изменений (отклонения в область диаморфизма) в процессе заимствования англоамериканизмов.

Согласно представлениям о сферичности языковых систем, для описания системы немецкого литературного языка традиционно применяется категориальная пара «центр vs. периферия» (*Kategorienpaar „Zentrum und Peripherie“*) [Schirpan, 1992, с. 11]. Таким образом, анализ системы указанного языка в исследуемом временном диапазоне в контексте диастратического анализа подчинён дедуктивному принципу: от частного к целому, или от центра к периферии. Категориальная пара «центр vs. периферия» коррелирует с принятым в языкознании разделением языковых уровней на интралингвистические, т.е. собственно-лингвистические, и экстралингвистические, т.е. уровни надязыкового, или внеязыкового, (социального, культурного и пр.) характера.

Центр немецкого литературного языка (см. рис. 3) представлен вслед за Ф. Дебусом фонетическим и морфосинтаксическим уровнями (P – фонетический, M – морфологический, S – синтаксический), составляющими межзнаковую сферу, традиционно обозначаемую *грамматикой* [Debus, 1980, с. 188]. К интралингвистическим относятся также графический (орфографический) (1), лексический (лексико-семантический) уровень, эксплицирующий связь между знаками и внеязыковой реальностью (2), и прагматический, связывающий знаки и их пользователей (3). Цифрой 4 обозначен экстралингвистический уровень немецкого языка, который конституируют культура, языковой контакт, языковая политика, общество и др. внеязыковые факторы.

В силу «закрытости и устойчивости» грамматического уровня [Braun, 1993, с. 158] изменения в центре, который согласно Д. Нюблинг конституирует тип языка, его «внутреннюю логику и форму» [Nübling, 2010, с. 264], будут незначительными, а, следовательно, здесь преобладают частные экзогlossные тенденции. Э. Оксаар отмечает, подтверждая мнение большинства зарубежных и отечественных лингвистов, что «хотя нет таких подсистем языка, которые были бы нечувствительны к интерференциям, на практике им чаще всего подвержен лексический уровень» [Oksaar, 1988, с. 846].

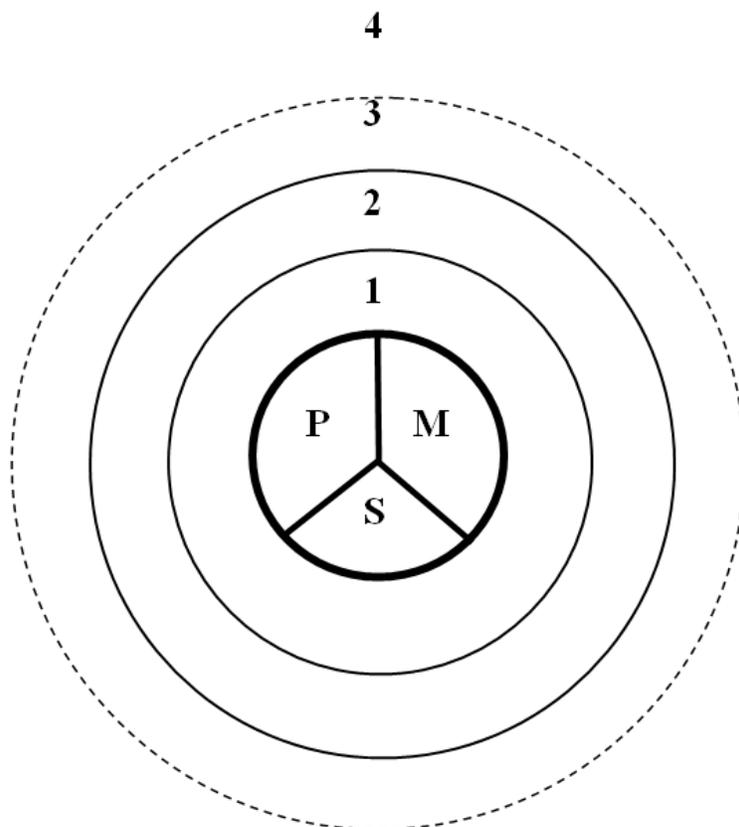

Рис. 3. Уровневая модель системы немецкого языка по Ф. Дебусу (1980)

В качестве общей экзогlossной тенденции, характерной для интралингвистических уровней, выступает вариативность как собственных единиц немецкого литературного языка и заимствованных единиц англо-американского происхождения, так и самих заимствованных единиц в си-

стеме языка-реципиента. Неустойчивость и динамичность единиц всех уровней языка в период инвазивного заимствования вызвана нарушением единства «один язык – одно языковое пространство». В экзогlossной языковой ситуации вариативность является устойчивым признаком языковых изменений и проявляется на всех уровнях языка-реципиента.

Переводческий автоматизм как следствие натуралистической интерпретации Чужого выступает стабильным каналом появления межъязыковых и внутриязыковых вариантов (дублетов) зачастую с тенденцией к идеографической синонимии.

В немецком литературном языке рассматриваемого временного диапазона вариативность можно представить как некий этап переработки заимствованного англоязычного материала языковым сознанием носителей, предусматривающий перестройку микропроцессов не только внутри интегрируемых, но и собственных единиц. В данный период – в зависимости от продолжительности влияния языка-донора – возможны разнообразные формы варьирования сообразно продолжительности экзогlossной диафазы.

§ 2.3.1. Фонетический уровень

Изменения на фонетическом уровне классифицируются на 1) сверхсегментные (просодические) и 2) сегментные [Nübling, 2010, с. 4].

1) Экзогlossные тенденции на **сверхсегментном подуровне** связаны с просодическими особенностями озвучивания заимствованных или ассимилированных единиц: постановкой ударения, интонационно-выразительным прочтением, представлением о качестве звуков (долготе, краткости, способе артикуляции), фонемном членении, слоговой делении.

Как уже отмечалось, общей экзогlossной тенденцией в системе немецкого литературного языка периода американизации выступает вариативность заимствованных и автохтонных единиц, которая на фонетическом уровне выражается в тенденции к лояльности языку-донору (стремлению говорящего сохранить и наиболее точно передать фонетическую оболочку заимствованных единиц) – категориальному признаку экзогlossии. В данном случае уместно говорить об особом качестве речи говорящего, обусловленном взаимодействием фонетических систем контактирующих языков. Вариативность, вызванная языковым контактом или интерференцией двух или более фонетических систем, создает эффект Чужого,

именуемый «иноязычным акцентом». Ведущую роль в формировании фонетических вариантов играет произносительная сторона речевой коммуникации (в частности, акустические параметры голосового тона, темпа говорения, тембра, фонетической окрашенности речи) [Вишневская, 1997, с. 165].

Согласно соотнесённости фонетического явления к той или иной языковой системе фонетическую вариативность можно условно разделить на а) собственно фонетическую и б) фонематическую.

А) Причинами собственно фонетического варьирования, или переозвучивания (термин наш), выступают явления многократности, т.е. наличие нескольких языков-источников, а также влияние престижных языков (языков-макропосредников) и их смена.

Переозвучивание (нем.: *Umlautung*) в соответствии с англоязычными фонетическими нормами является следствием действия тенденции к апостериоризации (см. подробнее § 2.3.4.) и характерно для интернационализмов, заимствованных в немецкий язык ранее главным образом из языков романской ветви, ср.:

«*Engagement*» [ãgãzə'mã:] (фр.) – «(*Social*) *Engagement*» [in'gæɪdʒmənt] (англ.),

«*Champion*» [ʃa'piõ:] (фр.) – «*Champion*» [tʃɛmpjən] (англ.),

«*Jury*» [ʒy'ri:, тж.: 'ʒy:ri] (фр.) – «*Jury*» [dʒy(ə)ri] (англ.),

«*Budget*» [by'dʒe:] (фр.) – «*Budget*» [bʌdʒɪt] (англ.).

Данные единицы являются фонетическими вариантами одного и того же слова, эволюционировавшего в системах разных языков и оказавшегося в разных фонетических оболочках в составе немецкого литературного языка в качестве «отпечатка» одной из экзогlossий в его истории.

Переозвучивание характерно для ранее заимствованных акронимов, имеющих эндогlossную традицию прочтения, например:

«*TV*»: [ti'vi:] вместо [te'fao],

«*PR*»: [pi'æ] вместо [pe'ær],

«*CD*»: [si'di:] вместо [tse'de:],

«*DVD*» [divi'di:] вместо [de:vao'de:].

Тем не менее, на прочтение ряда акронимов, манифестирующих реалии англосаксонского мира, распространяется тенденция к лояльности к языку-донору, ср.:

«*CNN*» [sɪn'en], «*CIA*» [sia'ei], «*FBI*» [ɛfbi'ɑi].

Данная тенденция распространяется и на случаи инициальных сокращениях имён собственных, полную форму которых говорящий затрудняется назвать или когда стоящий после сокращений оним является определённо единицей (американского варианта) английского языка, например: «H.M.S.» [ɛɪtʃ ɛm ɛs ~] (*His / Her Majesty's Ship*).

«1831 bekam er die Chance, mit dem Forschungsschiff „HMS Beagle“ zu reisen».

(DW. Darwins Revolution.)

В особенности переозвучивание типично для случаев, когда установить, к какой именно культуре относится фамилия – немецкой, английской или американской, не представляется возможным, например:

«Karl May [собственно: **kaɪl 'maɪ**, однако не исключено прочтение: ~ **'meɪ**] hat mit seinen Geschichten von den Wildwest-Helden Winnetou und Old Shatterhand die ganze Welt begeistert».

(DW. Karl May: Vom Kriminellen zum Erfolgsautor.)

Переозвучивание встречается также в гибридных композитах типа E+D («E» → *englisch*, «D» → *deutsch*, см. об этом также § 2.3.4.3.) или E+E+D, если немецкоязычный элемент «D» выражен интернационализмом, ср.: *Call-Option*, *Cash-Management-System*, где говорящий может произнести последний компонент аналогично норме прочтения первого или первых двух.

Давление экзогlossных фонетических норм в условиях экзогlossии создаёт иллюзию того, что для всех прежних заимствований, включая имена собственные, с разной степенью ассимиляции действительно прочтение в соответствии с произносительными нормами престижного языка-донора. Так, в немецком переводе трейлера к компьютерной игре «*Bioshock*» («Биошок», 2007) австралийского производства (в Австралии действует британский вариант английского) онимы «*Adam*» и «*Eve*», подразумевающие, собственно, «*Adam*» и «*Eva*» (нем.: «*Адам*» и «*Ева*»), оставляются переводчиками в неизменённом виде с типичными для английского языка нормами произношения: [ˈædəm] и [i:v] в значении <новые возможности особой мужского и женского пола>.

Сложные и фразеологические единицы экзогlossного происхождения также подвергаются переозвучиванию, если в их составе присутствуют мотивирующие морфемы, ср.: в афоризме «*No pasarán*» (исп.: «[*Фашисты*] не пройдут») «*no*» читается как [nou...].

Переозвучивание довольно тесно связано с ассимиляцией и фонетической адаптацией (онемечиванием), которые могут служить как стилистическим средством для создания юмора и сатиры, так и прагматическим средством размежевания Своего и Чужого. Таким образом, переозвучивание не обязательно связано с озвучиванием заимствований в соответствии с фонетическими нормами языка-донора (аллофонией), и следовательно, не является исключительно экзогlossной тенденцией, ср.: «*Camping*» [ˈtsɑmpɪŋ], «*Snobs*» [ʃnɒps] (ироничное).

При диафазном сопоставлении эксплицируются множественные примеры субституции фонетических оболочек англоязычных заимствований. Так, некоторые англицизмы, заимствованные до тридцатых годов XX в., сохранили варианты онемеченного произношения по настоящее время [v. Polenz, 2009, с. 136], к примеру:

«*Jazz*» [jɑts] (шутливое, территориальное),

«*lynchen*» [ˈlɪnʃən] (разговорное, устаревающее), вместо стандартного [ˈlɪntʃən],

«*USA*» [uːˈsaː] (стандартное),

«*k. o.*» [kaːˈoː] (стандартное).

Тенденция к лояльности к языку-донору действует с началом периода американизации, т.е. после 1945 г., однако она не распространяется на ряд явлений эндогlossной направленности, ср.:

– использование [ʃ] вместо [s] перед согласным (*stop*, *Spleen*, *Snob*, несмотря на то, что варианты прочтения [st, sp, sn] являются общественной нормой);

– оглушение звонких согласных в финалях (*Job* [-p], *Trend* [-t], *Shag* [-k]);

– монофтонгизация англоязычных дифтонгов (*Toast* [-oː-], *Spray* [-eː]).

Б) Фонематические варианты появляются в результате давления орфографического облика иноязычного слова либо аналогичного воздействия структурно однородных вариантных рядов и представляют собой вариантные способы прочтения, связанные с адаптацией непривычного фонематического состава, образуя, таким образом, слабые зоны варьирования. Это связано с онемечиванием неудобопроизносимых фонем языка-донора.

К фонематическим вариантам можно отнести англо-американские заимствования, которые отличаются фонетической дистрибуцией, не характерной для американского варианта английского языка, а также нетипичным морфологическим членением, например:

«*Meals on Wheels*», где «*Mea[lʰ]s*» (следует «*Mea[l]s*»), «*Meal[^xs]*» (следует «*Meal[z]*»), «*[ʰɔ]n*» (следует «*[ə]n*»);

«*Flirt*» [flœɐt] – «*Flirt*» [flɪɐt];

«*Ketschup*» [ˈkɛtʃʌp] – «*Ketschup*» [ˈkɛtʃəp];

«*Sponsoring*» [sp-] – «*Sponsoring*» [ʃp-];

«*Computer*» [kəmˈpju:tə] – «*Computer*» [kəmˈpju:tɐ].

В. Шмидт фиксирует тенденцию к эмфатическому смещению ударения в инициальную позицию у заимствованных многосложных единиц, например: «*ˈAttentat*», «*ˈdefinitiv*», «*ˈdefensiv*» [Schmidt, 2004, с. 179].

2) На **сегментном подуровне** экзогlossными тенденциями являются а) явления нивелировки автохтонных произносительных норм под давлением фонетических образцов языка-донора и б) расширение фонемной базы немецкого литературного языка в результате инвазивного заимствования единиц англо-американского происхождения.

А) Наиболее ярким явлением первой подгруппы можно считать вокализацию фонемы [r] в конце слова до [ʁ] (*Ruhr*) или [ə] (*hier*) вплоть до полного исчезновения (Auflösung) (*war*). В фонемных сочетаниях «*-ir-*», «*-er-*» наблюдается противоположная тенденция: вокализованная [r] образует с гласными фонемами дифтонг [ɛə] по англоязычному образцу, ср.: «*wird*» [vɛɪt], «*permanent*» [pɛəmaˈnɛnt].

Б) Пополнение фонемной базы немецкого литературного языка происходит на фоне (полной или частичной) интеграции англоязычного материала в немецкую фонетическую систему, ср. фонемы

[æ] в слове «*Pattern*» (нем.: *образец, модель*),

[ʌ] в единице «*Countrymusic*» (нем.: *музыкальный стиль кантри*),

[θ] в заимствовании «*Thriller*» (нем.: *остросюжетный фильм, книга*),

[ð] в сочетании «*on the rocks*» (нем.: *со льдом (о напитке)*),

и комбинациями фонем

–ai– [æɪ] (*Airbag, Hairstylist, Brain-Drain*),

–ay– [eɪ] (*Spray, Speedway, Lay-out*),

–oa– [oʊ] (*Boatpeople, Roadster*) или [o:] (*Toast*).

Многие заимствованные фонемы интегрируются с существующими в процессе ассимиляции, сохраняя при этом экзогlossную графику, к примеру:

–ea– [i:] (*Leader, Peanuts, Team*) и [ɛ:] (*Steadyseller, Dreadnought, Headline*),
 –ee– [i:] (*Meeting, Engineering, Referee*), –ey– [i] или [e] (*Hockey, Jockey, Honey*),
 –oo– [u:] (*Hooligan, Looping, boomen*) или [ʊ] (*Look*),
 –ou– [aʊ] (*Sound, Outsider, Scout*),
 –ow– [aʊ] (*Power, Rowdy, Count-down*),
 –oy– [ɔy] (*Boy*).

§ 2.3.2. Морфосинтаксический уровень

По оценке П. ф. Поленца, ассимилированные единицы англо-американского происхождения интегрированы на морфемном уровне в систему немецкого языка лучше, чем на графическом и фонематическом уровнях: «Это прослеживается в гибких морфологических вариациях с немецкими флективными, деривационными морфемами и композиционными элементами (*test-en/-e/-est, test-bar, aus-testen, Verbreitungs-test-s, Test-beginn*)» [v. Polenz, 2009, с. 137]. Такие формы без флексии во множественном числе, как *Gangster, Teenager*, приспособились к правилам дистрибуции соответствующих немецких лексем *Lehrer, Gläubiger*, например: *Gangstern, Teenagern* (Dat. Pl.).

Морфосинтаксический уровень представлен тремя подуровнями: 1) флективным, 2) словообразовательным, 3) синтаксическим.

1) Флективный подуровень.

Флексия -s в пятом типе множественного числа имён существительных синхронно представляет собой неотъемлемую часть немецкой системы флексий. Хотя она гомологична с нижненемецкой флексией множественного числа *Decks, Fallreeps, Wracks*, однако в во многих ассимилированных единицах англо-американского происхождения она заимствовалась вместе с лексемой, ср. *Streiks, Hotels* наряду с формой множественного числа *Gentlemen* (Sg. Gentleman), **Feet** (Sg. Foot).

Применительно к собственным словам немецкого языка, синхронно такая флексия обязательна в форме множественного числа у акронимов (*PKWs, KfZs, BHs*), у субстантиваций без деривационных морфем (конверсионный тип словообразования) (*Hochs, Tiefs, Neins, Hurras, Lebehochs*) и у единиц, оканчивающихся на гласную (*Uhus, Nackedeis, Taxis, Nazis, Fotos, Dias*).

По мнению П. ф. Поленца, данный способ образования множественного числа имён существительных «является автоматическим действием языковой экономии безо всякого нормализаторского участия, позволяющим легко интегрировать новые единицы в систему немецкого языка» [v. Polenz, 2009, с. 78]. Частотность пятого типа образования множественного числа имён существительных в немецком языке усиливает тенденция к заимствованию англо-американизмов, большинство из которых в силу компактности «притягивают» флексию -s, ср.: *Tests, Partys, Snobs, Events, Shows, Boys, Crews, Hobbys, Partys, Babys, Bobbys, Ladys, Ponys, Storys, Teddys*, а также *Caddies, Girlies, Hippies, Teenies*.

Однако образование множественного числа англо-американских заимствований характеризуется колебанием в рамках двух парадигм образования множественного числа у имён существительных мужского рода без суффиксов (*Contests – Conteste, Lifts – Lifte, Toasts – Toaste*), со слабо освоенными суффиксами в немецком языке (*Limite – Limits*) и с суффиксом -er (*Flyer – Flyers*).

Данная неустойчивость вызвана синхронно, на наш взгляд, незавершённостью процессов ассимиляции, так как все заимствования мужского и среднего родов тяготеют в немецком языке к наиболее частому способу образования множественного числа именительного падежа существительных сильного склонения с суффиксом -e (*Bosse, Reporte, Filme*). Несмотря на тенденцию к сохранению исконной оболочки заимствований (ср. формы множественного числа единиц *contests, limits, flyers* в языке-доноре), нормализаторское общество IDS наряду с редакцией справочника Duden фиксируют только онемеченную форму англоамериканизмов на -er (*Pl. Boxer, Designer, Trucker*). Однако в большинстве случаев в разговорной речи выбор того или иного варианта зависит от характера прочтения лексической единицы.

Присвоение грамматического рода англо-американским заимствованиям в системе немецкого литературного языка происходит по двум признакам: категориально (на основе семантических аналогий с другими группами слов: родовидовые / гипогетеронимические соответствия, общая понятийная сфера) и формально (на основе родовых представлений, закреплённых за аффиксами, суффиксами) [Herberg, 2002, с. 198].

Категориальное определение рода.

Существительные мужского рода: *der Airport (der Flughafen), der Boy (der Junge), der Club (der Verein), der Fight (der Kampf), der Punch (der Schlag), der Hit, der Song (der Schlager), der Start (der Anfang), der Teddy (der Bär), der Whisky (der Branntwein)*.

Существительные женского рода: **die City (die Innenstadt), die Crew (die Mannschaft, но: das Team), die Story (die Geschichte), die Race (die Geschwindigkeit), die Power (die Kraft), die Company (die Gesellschaft), die Lobby (die Eingangshalle, die Interessengemeinschaft), die Pipeline (die Leitung).**

Существительные среднего рода: **das Business (das Geschäft), das Baby (das Kleinkind, das Junge – у животных), das Hobby (das Steckenpferd), das Girl (das Mädchen), das Comeback (das Zurückkommen).**

К категориальному типу относятся также случаи присвоения грамматического рода ряду имён собственных без стойких формальных признаков (товарные знаки, бренды и пр.):

**die Colgate, Sensodyne, Blendamed (die Zahnpasta, Zahncreme);
das Ariel, Omo, Persil, Lenor (das Waschmittel);
das Tempo, Kleenex (das Papiertaschentuch).**

Формальное определение рода происходит по формальной (морфологической) аналогии на основе композиционной схожести (односложность, многосложность), общей словообразовательной модели.

Односложным англоамериканизмам присваивается, как правило, мужской род. Подобная закономерность наблюдается и у собственных единиц немецкого литературного языка: 87% односложных немецких существительных относятся к мужскому роду [Романов и др., 2007, с. 67], например:

der Job, der Fight, der Star, der Sprint, der Run, der Bus.

К существительным мужского рода относятся англоязычные заимствования с суффиксами *-er, -or, -ster, -ant, -ist*:

**der Headliner, Computer, der Synthesizer, der Adapter, der Laser.
der Sponsor, der Supervisor, der Cluster, der Dentist.**

К существительным женского рода примыкают англоамериканизмы с суффиксами *-ure, -ty, -ion, -ance, -ence*:

die Venture, die Party, die High Snobiety, die Lotion, die Slow Motion.

К существительным мужского рода относятся англоязычные заимствования с суффиксами *-ing, -hood, -ship, -let, -ism, -ment, -om*:

das Qualifying, das Controlling, das Management,

В практике преобладают случаи колебания двух родов; в основном это варианты имён существительных мужского и среднего рода, например: *Terminal der, реже das; Array das, реже der; Safe der, реже das; Audit der, реже das; Hotdog das, реже der. Brunch, der, реже das; Job, der, реже das; Look, der, реже das; Lunch, der, реже das; Match das, реже der; Event, der, реже das; Pop, der, реже das; Spray, der, реже das; Workshop, der, реже das.*

Менее частотно колебание женского и мужского / среднего родов: *Slang, der, реже die; Site der, реже die; Limit, die, реже das; Open-air, das, реже die; Mail die, реже das; Tram die, реже das.*

Известны также случаи «трёхродовых» колебаний, ср.: *Couchpotato die*, реже *der*, ещё реже *das*. Разрешение колебания в данных случаях происходит, как правило, согласно категориальному критерию:

die (Couch)potato – die Kartoffel.

Суффикс «-ness» обнаруживает синхронно такую же зависимость, как и утративший продуктивность суффикс «-nis». Он разделяет существительные среднего и женского родов по категориальному признаку, находясь, тем самым, между двумя типами определения грамматического рода англоязычных заимствований в немецком литературном языке:

die Fairness (die Redlichkeit),

das Business (das Geschäft).

К формальному определению грамматического рода относятся случаи конвергентной вариативности (см. § 2.3.4.1.), где диахронно существует одна единица, а синхронно в системе немецкого литературного языка встретились две её оболочки: автохтонная, адаптированная к морфологической системе языка-реципиента, и заимствованная, ср.: *die Karte – card.*

Присвоение грамматического рода осуществляется в таких случаях по формальному признаку, т.е. на основе родовой принадлежности автохтонного варианта:

die Card (Bahncard) – die Karte,

die Show (Talkshow) – die Schau,

die Line (Skyline) – die Linie,

das Model – das Modell.

Флексия единственного числа родительного падежа –s колеблется, как правило, у англоамериканизмов с суффиксом *-ing*, соотносимых с именами существительными среднего рода и, следовательно, с сильным склонением в немецком литературном языке.

Если ещё словарные издания 90-х годов кодифицируют форму родительного падежа «*des Trainings*» как общеупотребительную, то в корпусе современных лексикографических данных IDS фиксируются лишь 16% бифлективных способов образования единственного числа родительного падежа с *-s* (как у слова *Bungeejumping*), 37% монофлективных, например, *des Canyoning, Downsizing, Outsourcing*, остальные 47% образуют варианты, например, *des Banking[s], Piercing[s]* [Tellenbach, 2002, с. 116].

Данные примеры флективной неустойчивости заимствованных англоамериканизмов объясняются стремлением немецкой языковой системы к монофлективности, наметившимся ещё в начале XX в., ср. варианты образования единственного числа родительного падежа у имён собственных:

*des historischen Dresden[s],
des wieder vereinigten Deutschland[s].*

Довольно часты также случаи колебания генитивной флексии у англоамериканизмов без суффиксов либо с интернациональным суффиксом, имеющим тенденцию прочтения в соответствии с произносительными нормами языка-донора, ср. пары вариантов: *des Comicstrip / Comicstrips; des Barbecue / Barbecues; des Accountant / Accountants.*

Данные случаи вариантности заимствованных единиц англоамериканского происхождения свидетельствует о том, что последние ещё мало освоены грамматически в немецком языке, несмотря на их чёткую родовую закреплённость.

2) Словообразовательный подуровень.

Общей тенденцией данного подуровня можно назвать реорганизацию словообразовательных механизмов, связанную, с одной стороны, с расширением возможностей морфосинтаксической системы немецкого литературного языка, с другой стороны, с их актуализацией в призме фиксируемых изменений экзогlossного характера.

Класс имён существительных.

В данном классе наблюдается **тенденция к упрощению грамматической формы единиц** посредством перевода прежнего слова (диахронного варианта) в группу единиц с типом склонения, имеющим бóльшую устойчивость синхронно. Речь идёт о потере актуальности интернационализмов, заимствованных в состав немецкого языка в периоды латинизации или галлизации. П. Браун называет в качестве одной из причин отмирания словарных единиц появление «опасных конкурентов» («*gefährliche Konkurrenzwörter*») [Braun, 1993, с. 185]. На наш взгляд, здесь действует принцип экономии, упрощающий организацию и автохтонных и заимствованных средств в лексиконе носителей.

- (1) *der Reformator* → *Reformer*:
«*Schnell machte sich der neue König einen Namen als **Reformer**.*»
(DW. Friedrich der Große.)
- (2) *der Bankier* → *Banker*:

«Kein **Banker** versucht mit dem Geld des Kunden dieses zu vermehren, um dem Kunden den nächsten Urlaub zu finanzieren, sondern es steht einzig die Gewinnmehrung des Geldinstituts im Vordergrund».

(Uni-protokoll.de. Banklehre glücklicher Beruf?)

(3) *Der Redakteur* → *Redaktor*.

Вариант «*Redaktor*» употребляется преимущественно в Швейцарии, однако зафиксирован нами в нескольких текстах немецкоязычной прессы:

«*Von der Fußball-Nationalelf über Lena bis zu Thilo Sarrazin: Deutschland-Redaktor Norbert Abt schaut zurück auf ein bewegtes Jahr*».

(Life.de. „Deutschland, hab’ Mut!“)

Категория числа.

Выявлен переход ряда заимствованных единиц англо-американского происхождения в категорию единственного числа:

(1) *slips* → *der Schlips*:

«*Im Bundestag gibt es heftige Diskussionen um die Kleiderordnung: Man streitet sich um einen schmalen Streifen Stoff. Insbesondere ein Unionspolitiker fühlt sich auf **den Schlips** getreten*».

(Süddeutsche.de. Ärger am Hals.)

(2) *cokes* → *der Koks*:

«*Aus den Kammern muss nämlich **der** glühende **Koks** ausgestoßen und dann rasch auf Umgebungstemperatur gebracht werden da er sonst verbrennen würde*.

(Uni-protokolle.de. Kokerei.)

(3) *cakes* → *der Keks*:

«*Auf einen solchen Teller muss man nur **einen** einzigen **Keks** legen, um zu glauben, dass man viele auf einmal isst*».

(Die Möbelfreunde. Teller sind Liebe.)

В классе глаголов экзогlossные тенденции затрагивают в основном парадигму спряжения заимствованных единиц англо-американского происхождения.

Заимствованные глаголы с англоязычными основами, как правило, получают окончание -en (*shunten*, *klicken*, *scrollen*, *printen*, *picknicken*, *plancken*, *managen*, *scannen*), реже -n (*recyceln*) и спрягаются по слабому типу: *ich klicke*, *er klickt*, *wir haben geklickt*.

Неустойчивая парадигма спряжения сложных заимствованных глаголов англо-американского происхождения в системе немецкого литературного языка связана, как и случаи колебания грамматической формы слова, описанные выше, с недостаточной степенью ассимиляции.

Вариантность образования причастия второго заимствованных глаголов с английскими префиксами восходит к семантической дистрибуции английских компонентов «*down*», «*up*» и «*out*» по аналогии с отделяемыми немецкими компонентами «*herunter*», «*ab*» и «*aus*» и пр. (*outsourcen*, *downloaden*, *updaten*, *layouten*, *inlinen*, *webdesignen*), и, следовательно, с появлением префикса «*-ge*» на стыке корня и префиксального элемента, например: *downgeloadet*, *outgesourc(e)t*. Однако действующая тенденция к сохранению оболочки слова-прототипа допускает вариантное образование причастия второго посредством добавления префикса «*-ge*» в начале слова, ср.: *gedownloadet*, *geoutsourc(e)t*. В свою очередь, в рамках данной тенденции также возможна вариантность (графическая и фонетическая) немецкого суффикса слабых глаголов «*-t*» и английского «*-ed*», ср.: *gedownloaded*, *geoutsourced*.

Существует спорное мнение, что отделяемые элементы немецких глаголов, равно как и указанные элементы англоязычных глаголов являются приставками². В отечественной германистике и методике преподавания немецкого языка данный термин широко распространён, однако его возникновение можно считать спонтанным и немотивированным. Под «отделяемыми приставками» понимаются случаи разделения элементов глагольного композита, совпадающие с границами рамочной конструкции (*Satzklammer*), к примеру:

Was maßt sich die Kanzlerin an?

Hoffentlich nimmst du es mir nicht übel...

Тем не менее, представляется не совсем верным назвать отделяемый инициальный компонент глагольного композита приставкой.

Во-первых, приставкой считается часть основы слова, значение которой неотделимо от значения корня, например, невозможно отделить приставку «*при-*» от корня «*-род-*» в слове «*природа*» или приставку «*-про*» от корня «*-дав-*» в слове «*продавец*». Точно так же не удастся отделить от корня и немецкие приставки «*be-*» и «*ver-*» в словах «*Beginn*» и «*Verlass*». Дублирующее обозначение «префикс» для отделяемых элементов немецких глагольных композитов никоим образом не оправдывает употребление вышеупомянутого термина, а лишь несёт в себе дополнительную лингвистическую нагрузку.

² См. подробнее: Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. – Тверь: Изд-во ТГСХА, 2007. – С. 78–80.

Во-вторых, при более тщательном наблюдении можно увидеть, что по форме отделяемые элементы похожи на самостоятельные слова, которые в результате определённых преобразований в системе языка (имманентных либо ортологических) семасиологически (т.е. в виде словарных единиц) находятся в «контуре» глагола, т.е. фактически пишутся с ним слитно, ср.:

anmachen, zwischenlagern, krummlegen и т.п.

Это означает, что исторически эти компоненты «срослись» с глагольной основой, потому что, положим, образовали новое коммуникативно удобное (эффективное) средство. В сущности же они отделяются только потому, что у них есть своё самостоятельное значение, которое уже утратили приставки, ср.:

Ich gehe mittlerweile vor.

Er will ganz hoch hinaus.

Тем самым, отделяемость глагольных элементов напрямую связана с самостоятельностью значения последних. Именно поэтому называть все неотделяемые компоненты сложных глаголов «приставками» неверно. Пары устойчивых и неустойчивых глагольных композитов, к примеру, *überlaufen* и *überlaufen*, отличаются именно тем, что в переходном глаголе элемент «über» потерял самостоятельное значение и неотделим от значения основы, а в другом случае отделяемый компонент употребляется в значении «herüber / hinüber, hierher / dorthin» ср.:

(a) *Ein Schauer überlief sie.*

(Её обуял ужас.)

(b) *Die Soldaten liefen scharenweise zu Rebellen über.*

(Солдаты толпами перебежали к повстанцам.)

Переходность в этом случае является (стилистическим) механизмом языка для детализации значения посредством содержательной компрессии, т.е. когда значение не распределяется по всей конструкции, а выкладывается сразу (в простом немецком повествовательном предложении на втором месте), а также с целью различия переносного (a) и прямого (b) видов значения.

Взамен вышеназванному термину, недостатки которого были достаточно эксплицированы, мы предлагаем «устойчивые компоненты глагольных композитов / сложных глаголов» для всех случаев неотделяемости и наоборот – «неустойчивые...» для противоположных случаев.

Обратимся теперь к самому механизму отделяемости в немецком языке. Логично предположить, что случаи разрыва сложных единиц (тмезис) связаны с упомянутой рамочной конструкцией как выражением актантного членения предложения. Отделяемый глагольный компонент, отнесённый на финальное место и несущий на себе главное ударение (*Schwerpunktsilbe*), по *locus* совпадает с ремой. Такая линейная развёрстка высказывания определённым образом закрепляет рема-тематические отношения в предложении в языках номинационного типа. Тмезис, который незаслуженно считают стилистической фигурой вроде анаколуфа – одна из возможностей такого распределения актант, ср.:

Wo gehst du hin?

Steht die Bundeswehr in Afghanistan nur Schmiere?

Ein Teil der Identität geht dabei verloren.

Da schaukelt sich was hoch.

Таким образом, неустойчивость глагольных композитов имеет помимо грамматической (синтаксической) также семантическую и стилистическую природу и, следовательно, связана с тмезисом как механизмом компенсирующего распределения информационных блоков в предложении.

Разрешение колебания грамматического контура заимствованных англоязычных сложных глаголов видится в «регрессивной деривации» (образованию глагольных основ от имён существительных) [Щербакова, 1999, с. 195], и происходит по аналогии с немецкими составными глаголами, употребляющимися главным образом в инфинитиве, ср.: *bausparen*, *brustschwimmen*, *bergsteigen*:

«*Sie können das gleich downloaden*»

или «*Materialien zum Download(en)*».

При образовании перфектного причастия в большинстве случаев используется дублирующая форма «*heruntergeladen*» для глагола «*downloaden*». При отсутствии соответствий в регистре допускается употребление форм причастия как в случае с неотделяемыми глагольными компонентами «*verbumfiedeln*» (*verbumfiedelt*), «*rechtfertigen*» (*gerechtfertigt*): «*gelayoutet*», «*gedownloadet*», «*geoutsourct*». Варианты с заимствованными суффиксами причастий (*gelayouted*, *gedownloaded*, *geoutsourced*) нетипичны для литературного языка и маркируют неcodифицированную речь чатов и Internet-форумов.

Доказательством морфологически успешной интеграции выступают заимствованные глаголы, чья прототипная основа в языке-доноре имеет финаль «-le»: *to google, to recycle*. В системе немецкого языка данные заимствования англо-американского происхождения интегрированы в вербальную словообразовательную модель с суффиксом «-el», что значительно упрощает парадигму их спряжения: *googeln* → *googelte, gegoogelt*; *recyceln* → *recyclte, recycelt*.

3) Синтаксический подуровень.

К наиболее эксплицитным тенденциям данного подуровня в русле «потребности в экономичной по времени и пространству подаче сложной информации» («*zeit- und raumsparende Darbietung komplexer Inhalte*») Г. Вольф относит «изменение длины, упрощение и уплотнение немецкого предложения» («*Satzverkürzung, Satzvereinfachung, Satzverdichtung*») [Wolff, 1999, с. 233]. Указанные тенденции фиксируются также как отечественными, так и зарубежными авторами (Agricola et al., 1985; Auer, 2002; Braun, 1993; Eggers, 1983; Polenz, 2009; Адмони, 1994; Романов и др., 2007), однако, как справедливо отмечает В.Г. Адмони, на синтаксическом уровне немецкого литературного языка неуместно говорить об унифицированных тенденциях [Admoni, 1973, с. 25]. Помимо этого, перечисленные тенденции не могут быть однозначно и полностью отнесены к экзогlossным в силу следующих причин.

Во-первых, синтаксический подуровень принадлежит так называемому «ядру» языковой системы, которое менее всего подвержено экзогlossным воздействиям (в отличие от лексического и прагматического уровней, составляющим, согласно уровневой модели Ф. Дебуса, языковую периферию). Во-вторых, изменения на синтаксическом подуровне имеют большей частью внутреннюю обусловленность, что подтверждает Э. Бенеш: «Тенденция к нарушению рамочной конструкции (*Ausklammerung*) тем больше, чем объёмнее предложение» [Beneš, 1968, с. 294–296]. В-третьих, экзогlossные влияния, как показывают нижеприведённые примеры, редко выходят за фразовые (синтагматические) границы и в целом *не связаны с количественными изменениями немецкого предложения*, о которых говорит Г. Вольф [Wolff, 1999, с. 233].

Выраженные экзогlossные тенденции синтаксического подуровня, т.е. связанные с влиянием американского варианта английского языка на немецкий литературный язык, синхронно имеют частный характер. Причиной появления данных тенденции является переводческий натурализм,

как особая форма концентрации переводчика на формальной стороне исходного текста. Натурализм служит особым каналом заимствования англоамериканизмов в современный немецкий язык и приводит к возникновению явления межъязыковой вариативности заимствованных англоамериканизмов и их немецкоязычных соответствий на всех уровнях системы немецкого литературного языка (см. подробнее § 2.3.4.1.). Таким образом, тенденции, зафиксированные на синтаксическом подуровне, связаны не с *развитием*, под которым согласно Н. Борецки понимается некая «количественная категория» [Boretzky, 1977, с. 28], а с *подменой конвенциональных немецких конструкций популярными англоязычными*, причём последние проигрывают автохтонным по устойчивости и нормативной закреплённости.

В основе переноса отрицания «*nicht*» в препозицию лежит эмфатическое смещение центра фразы (синтагмы) с отрицаемой единицы на само отрицание в результате интерференции, что обуславливает синхронно вариативность положения негации (пре- и постпозиционное), например³:

«*Nicht ich / Nicht Peter*», по аналогии с: «*Not me / Not Peter*», вместо конвенционального: «*Ich nicht / Peter nicht*».

В контекстах со смещённым отрицанием в препозиции зафиксирована также субституция модальных наречий «*eigentlich*» и «*wirklich*» по схеме: «*eigentlich nicht*» (автохтонный вариант) → «*nicht wirklich*» (калька), к примеру:

«*Ich war nicht wirklich glücklich mit ihr*», по аналогии с: «*I was not really happy not really*», вместо: «*Ich war eigentlich nicht glücklich mit ihr*».

Однако в тех контекстах, где рекомендовано «*wirklich*», встречается синтаксическая калька «*Bist du sicher, dass...?*», ср.:

«*Bist du sicher, dass du mich abholen wirst?*», по аналогии с: «*Are you sure I will pick me up?*», вместо: «*Wirst du mich wirklich abholen?*».

Наблюдается замена модального наречия «*leider*» оборотом «*Ich fürchte, dass...*» по экзоглосному образцу «*I'm afraid..., that*».

Предложения побудительного характера с частицей *doch* заменяются вопросительными оборотами «*Warum [...] nicht?*» по аналогии с английским «*Why don't...?*», например:

³ Примеры приведены из синхронизированных художественных фильмов производства США развлекательного репертуара немецких телевизионных каналов Sat1, ZDF, RTL, Pro7 за период с 1997–2008 гг.

«*Warum setzen wir uns nicht?*» (Why don't we take a seat?), вместо:
«*Setzen wir uns doch!*»

Зафиксирована субституция выражения «*Ich brauche (sonst) nichts als...*» оборотом «*Alles, was ich brauche, ist...*» вследствие действия автоматизма при переводе английского «*All I need is...*».

Конвенциональный оборот немецкой литературной речи «*Ich an deiner Stelle...*», вводящий простое предложение, заменяется придаточной конструкцией «*Wenn ich du wäre, ...*» по образцу «*If I were you, ...*», ср.:

«*Wenn ich du wäre, würde ich nie mit ihm ausgehen*», по аналогии с: «*If I were you, I would never go out with him*», вместо: «*Ich an deiner Stelle würde nie mit ihm ausgehen*».

Наблюдаются случаи опущения дополнения в винительном падеже после переходных глаголов:

«*Der Papst war eine Unterstützung für diejenigen, die **aufklären** wollten*».

(DW. Was katholische Laien vom Papst erwarten.)

Наиболее часто оmissия дополнения в винительном падеже в виде личного местоимения фиксируется после глаголов движения, что указывает на ориентацию на англоязычную модель, более удобную с точки зрения построения высказывания:

S + P (verb of motion) + Gerund

I go showering.

I go shaving.

*Er geht __ duschen, реже: er geht **sich** duschen*

*Er geht __ rasieren, реже: er geht **sich** rasieren.*

Вместо стандартных конструкций с определённым артиклем, выполняющем в немецком притяжательную функцию, распространено слияние возвратного местоимения в дательном падеже с определённым артиклем в притяжательное местоимение, что также объясняется линейной экономией средств:

«*Du hast **mein** Leben gerettet*»

вместо: *Du hast **mir das** Leben gerettet*»

по аналогии с «*You've rescued **my** life*».

Данное изменение эксплицирует извечное противостояние аналитических и синтетических тенденций в истории развития немецкого литературного языка, которые обуславливают его смешанный характер [Nübling, 2010, с. 264].

§ 2.3.3. Графический уровень

Инвазивное заимствование англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка привело к недостаточной адаптации заимствованных единиц к немецкой графической и фонетической системам. П. ф. Поленц называет в качестве причины недостаточной графической и фонетической адаптации широкое распространение английского как второго или третьего языка в системе немецкого среднего образования [v. Polenz, 2009, с. 135].

В диафазной перспективе можно наблюдать неравнозначную степень адаптации заимствованных англоязычных единиц до и после 1945 г. Так, до американской экзоглоссии зафиксированы случаи онемечивания англицизмов, например:

sh → *sch* (*shawl* → **Schal**, *shock* → **Schock**),
c → *k* (**club** → **Klub**, *cokes* → **Koks**, *crawl* → **kraulen**)
ss → *ß* (до реформы немецкого правописания 1996 г.: *boss* → **Boß**, *dress* → **Dreß**, *stewardess* → **Stewardeß**; после 1996 г.: *Boss*, *Dress*, *Stewardess*).

В заимствованной корневой морфеме «*strike*» (англ.: *бастовать*) в 1884 г. через труды В. Фиетора была введено написание –*ei*–, ср.: «*Streik*», «*streiken*» [Viëtor, 1884, с. 284]. Похожие графические субституции были предприняты и в 1996 г., т.е. в фазе американизации (см. далее отдельные положения по правописанию заимствований согласно новой реформы немецкой орфографии).

В рекламе экономического характера наблюдается обратная тенденция – к разнемечиванию (*Entdeutschung*, термин Р. Мора [Mohr, 1996, с. 235]) графем –*k*– и –*z*– в ассимилированном экзоглосном материале до –*c*–, что становится определённой маркировкой текстов дискурса рыночной экономики [v. Polenz, 2009, с. 135], ср.:

Zigarette → *Cigarette*
Kamera → *Camera*
Elastik → *Elastic*
Automatik → *Automatic*
exklusiv → *exclusiv*.

С другой стороны, в рамках той же «маркерной» функции существует историческая тенденция в немецком языке к употреблению –*c*– с целью парцелляции регистров общего словарного фонда и социолектов, к примеру: *Ni-kotin* (общий фонд) ↔ *Nicotin* (язык медицины).

Расширение поля фонемо-графемных соответствий буквы *–c–* в немецком языке очевидно: помимо [ts] в слове «circa» она также имеет экзогlossные варианты прочтения как [tʃ] в «Cello», [k] в «Camping», [ç] в «City».

Буквы как интерферирующие каналы заимствования имеют определённый индекс продуктивности в отдельных сферах лексической системы. Так, П. ф. Поленц отмечает престиж буквы *–c–* в современном немецком обществе, подчёркивая её «маркерную» функцию: «Складывается впечатление, что «только в современных мегаполисах могут быть *«Congresscentren»*, а *«Reception»* – только в знатных отелях» («*Dem Buchstaben –c– scheint überhaupt höheres Prestige zuzukommen, sodass moderne Großstädte Congresscentren oder vornehme Hotels nur eine Reception haben können*») [v. Polenz, 2009, с. 136].

Действительно, согласно результатам анализа продуктивности букв в отдельных слоях лексической системы (см. § 2.3.4.3.) индекс продуктивности буквы *–c–* в инициальной позиции равен 10,03%, что соответствует третьему месту в рейтинге продуктивности букв немецкого алфавита (на втором месте буква *–a–* с 10,66%, первую позицию занимает буква *–n–* с индексом 13,61%). Наибольшая продуктивность буквы *–c–* зафиксирована в ядерной сфере немецкого словарного состава.

Обусловленное течением времени увеличение разрыва между соотношением графем и фонем в языках [Зиндер, 1977, с. 38] приводит к необходимости фиксации письменных норм нормализаторским сообществом, т.е. институционально. Орфографическая фиксация экзогlossных тенденций наиболее затруднена в силу давления лексикографической традиции, с одной стороны, и потребностью в единообразии заимствованных единиц различной степени ассимиляции – с другой, а следовательно, «вынужденном сражении кодификации и узуса» [Семенюк, 1996, с. 41–42].

Выработку единых орфографических предписаний также значительно усугубляет тенденция к слиянию письменной и устной речи, наблюдаемая в каналах массовой коммуникации (Internet, мобильная связь). В. Шефером описываются случаи вариативности, связанные с сильными различиями фонетических систем контактных языков и передающие ассимилированные способы произнесения англоамериканизмов в немецком языке, когда графика используется ненормативным образом, т.е. не с целью обслуживания только нормированной речи, например: *Airbags – Erbex, Love Parade – Luff Parate, World Wide Web – Worlt White Wepp* [Schäfer, 2002,

с. 75]. Возникающая вариативность, сопряжённая с попыткой фонетической ассимиляции и отчасти переосмыслением англоамериканизмов, теряет необходимое условие идентификации орфографической вариативности: возможность свободной субституции в различных контекстах. В силу колебания более 50% фонемного состава корневой морфемы даже для самих немцев представляется невозможным опознать образования «*Luff*», «*White*», «*Wepp*» в их собственной функции изолированно от контекста или непосредственно на слух.

Колебания графического контура заимствованных англоамериканизмов в немецком литературном языке объясняется зачастую большей аналитичностью английского языка, а также особенностями английского написания сложных слов, ср. англоамериканизм «*car sharing*», имеющий в немецком языке синхронно пять графических вариантов:

¹*Car Sharing*, ²*Carsharing*, ³*car sharing*, ⁴*car-sharing*, ⁵*Car-Sharing*, первый из которых наиболее отдалён от нормы правописания 1996 г., но уже допускается в письменном языке как способ написания компонентов сложных слов (прилагательных). Он характерен в целом для немецкого рекламного дискурса, характеризующегося тенденцией к лояльности к языку-донору.

Итак, отставание орфографической фиксации от языкового развития и узуса позволяют выделить две группы явлений графического уровня, связанных с орфографической интерпретацией экзогlossных тенденций: 1) кодифицированные и 2) некодифицированные явления.

1) К кодифицированным относятся явления, охваченные нормативными предписаниями с различной степенью содержания элемента «рекомендации / нереконмендации» [Семенюк, 1996, с. 30], от которой напрямую зависит количество существующих орфографических вариантов. В данной группе к описываемым явлениям уместно применять атрибут «орфографический», указывающий на их нормативную освоенность.

В отношении орфографических вариантов Internet-платформа «*Deutsche Rechtschreibung*» советует придерживаться единообразия внутри одного текста, признавая, что новая редакция правописания от третьего июня 1996 г. (*Neuregelung der deutschen Rechtschreibung*), окончательно вступившая в законную силу первого августа 2007 г., существенно увеличила их количество⁴.

⁴ Deutsche Rechtschreibung. URL: <http://www.neue-rechtschreibung.de/> (дата обращения 03.03.2010).

В области правописания иностранных слов существуют четыре подгруппы явлений, обозначаемые также правилами (ср. редакцию правописания редакции Duden⁵): а) графическая интеграция заимствований; б) написание с заглавной или строчной буквы; в) слитное написание; г) написание через дефис.

А) Написание слов и выражений, имеющих формат инокультурных цитат (варваризмов, см. § 2.3.4.4.), остаётся таким же, как и в языке-доноре, к примеру: «*Carnegie Hall*», «*High Church*», «*New Deal*», «*Es ist ein für die englische detective novel typisches Handlungsmuster*».

Часто такие инокультурные цитаты берутся в кавычки, ср.:

«*Wir wurden zu einem „business lunch“ eingeladen*».

Б) В составе сложных слов или словостяжений инициальный компонент пишется с заглавной буквы, например:

«*Multiple-Choice-Aufgabe*», «*Walkie-Talkie*».

С заглавной буквы пишутся также имена существительные в составе заимствованных композитов, в то время как для остальных частей речи сохраняется правописание, принятое в языке-доноре:

«*Open-Air-Festival*» (*Air* – имя существительное),

«*Duty-free-Shop*» (*free* – имя прилагательное),

«*Go-go-Girl*» (*go* – глагол).

В) Композиты с заимствованными единицами или заимствованные целиком пишутся слитно, однако для удобства чтения между компонентами может быть поставлен дефис, например:

«*Desktoppublishing*» (также: «*Desktop-Publishing*»),

«*Airconditioning*» (также: «*Air-Conditioning*»),

«*Sciencefiction*» (также: «*Science-Fiction*»),

«*Midlifecrisis*» (также: «*Midlife-Crisis*»).

Слитное написание (в противовес раздельному) рекомендуется для двухкомпонентных композитов, элементы которых носителями не разделяются либо в силу отсутствия мотивирующей основы в немецком языке, либо ввиду незнания их значения, ср.: «*Bandleader*», «*Cheerleader*», «*Chewinggum*», «*Mountainbike*», «*Bluejeans*», «*Hardware*», «*Swimmingpool*». Если первым элементом композита является имя прилагательное, то слитное написание рекомендуется только в том случае, если главное (первичное) ударение падает на первый элемент. Для остальных случаев действует правило а), например:

⁵ Duden-Sprachratgeber: Rechtschreibung. URL: <http://www.duden.de/sprachratgeber/tag/Rechtschreibung> (дата обращения 03.03.2010).

«*Longdrink*» или «*Long Drink*»,
«*Hotspot*» или «*Hot Spot*»,
«*Hotdog*» или «*Hot Dog*»,
«*Softdrink*» или «*Soft Drink*»,
но: «*High Fi 'delity*»,
«*High So 'ciety / Sno 'biety*»,
«*Electronic 'Banking*»,
«*Electronic Com 'merce*»,
«*New E 'conomy*»,
«*Top 'Ten*».

Г) У имён существительных англоязычного происхождения, имеющих в своём составе имя существительное и наречие, компоненты соединяются дефисом, однако возможно и слитное написание, например:

«*Black-out*» (также: «*Blackout*»),
«*Count-down*» (также: «*Countdown*»),
«*Kick-off*» (также: «*Kickoff*»).

Словостяжения (*Aneinanderreihungen*) и композиты, составленные из групп слов, пишутся также через дефис, ср.:

«*Boogie-Woogie*»,
«*Do-it-yourself-Programm*»,
«*No-Future-Generation*».

Написание гибридных композитов определяется общими правилами, т.е. дефис может разделять гетерогенные компоненты либо все элементы композитов наряду с опцией слитного написания, к примеру:

«*Computerfachabteilung*» (также: «*Computer-Fachabteilung*»),
«*Cornedbeefbüchse*» (также: «*Corned-Beef-Büchse*», «*Cornedbeef-Büchse*»).

2) К некодифицированным явлениям принадлежат случаи графической фиксации экзогlossных тенденций, не охваченные нормативными предписаниями либо существующие параллельно с ними. Здесь выделяем три подгруппы: а) ненормативное использование апострофа; б) ненормативное использование дефиса; г) использование знаков международной транскрипции.

А) Апостроф используется по англоязычному образцу не для случаев разделения единиц при словосложении, а для разделения флексии и основы, ср.:

– в генитиве: «*Goethe's Werke*», «*Oma's Geheimnis*»;

– во множественном числе у акронимов и единиц без мотивирующей основы (заимствований и единиц с неизвестным происхождением): «*DVD's*» (акроним), «*AGB's*» (акроним), «*Auto's*» (заимствование), «*Nudel'n*» (единица с неизвестным происхождением);

– с не именами существительными с финалями на –с–: «*nicht's*», «*um's*».

Б) Написание через дефис используется для разделения компонентов немецких композитов, для которых рекомендуется слитное написание, например: «*Haus-Nummer*», «*Gelb-Sand*».

В) Знаки международной транскрипции не просто конкурируют с соответствиями французской библиографической транскрипции, а вытесняют их в именах собственных иностранного происхождения. Здесь экзоглоссная тенденция восходит к популярности знаков международной транскрипции для написания имён собственных (антропонимов, зоонимов, топонимов и пр.) в каналах массовой коммуникации по англоязычному образцу. Тенденция к использованию международной транскрипции связана, с одной стороны, с необходимостью приобщиться к международному сообществу, с другой стороны, – избежать неверного прочтения (диграф «*ch*» большинство прочитает скорее как [-tʃ-], а не [-x-]), ср. транскрипцию славянских фамилий:

«*Ivanov*» вместо «*Iwanow*» (Иванов),

«*Khmel*» вместо «*Chmel*» (Хмель),

«*Tsaplina*» вместо «*Zaplina*» (Цаплина),

«*Chernyshev*» вместо «*Tschernyschjow*» (Чернышёв),

«*Zadorozhnyaya*» вместо прежнего «*Sadoroshnjaja*» (Задорожня).

Мигранты в ФРГ зачастую используют знаки интернациональной транскрипции для передачи собственных имён. Таким образом, инокультурные антропонимы сохраняют ссылку на Чужое, ср.:

«*Ramazan Yagan*» [**rama'zan ja'gan**].

(DW. Karneval für alle.)

В данной подгруппе зафиксирован также инокультурный зооним русскоязычного происхождения, ср.:

«*Eine animierte Figur erscheint (default **Tuzik** in diesem Fall)*».

(Forum Windows FAQ. Es gab einen Hund...)

Реже знаки международной транскрипции используются для обозначения инокультурных топонимов в силу давления правил библиографической транскрипции для написания инокультурных реалий, ср.:

«*Faizabad*» [faiza'bad] (город в Афганистане).
 (Der Spiegel: Wut über Koran-Verbrennung: Bundeswehr gibt afghanischen Außenposten vorzeitig auf.)
 Но: «*Sarafschan*» [zaraf'fan],
 «*Buchara*» [buxa'ra],
 «*Chiwa*» [xi'va, также: ʧi'va] (города в Узбекистане).
 (Hauser Exkursionen. Usbekistan-Trekking mit Kamelsafari und Bergwandern.)

Тем самым, использование знаков международной транскрипции распространяется на малоизвестные имена собственные. Наряду с этим зафиксирован случай замены знака *-j-* библиографической транскрипции на *-y-* в грамматически освоенном топониме, ср.:

«*Der Himalaja* → *der Himalaya*».
 (Spiegel. Himalaya vor der Haustür.)

Наряду с группами явлений графического уровня, связанных с орфографической интерпретацией экзогlossных тенденций, зафиксирована смежная группа интерферентного типа, явления которой имеют супраграмматический характер, т.е. не связаны с особенностями использования либо создания новых правил грамматики немецкого языка в условиях инвазивного заимствования англоамериканизмов. Согласно А.А. Романову, данная группа представлена двумя типами явлений в категории заимствованных глаголов англоязычного происхождения: а) употребление эпентезы (*Sprossvokal*); б) геминация корневых финалей [Романов и др., 2007, с. 78].

А) Заимствованные глаголы англоязычного происхождения, основы которых заканчиваются на *-d*, *-t* или *сонорный согласный*, приобретают в формах второго причастия и в инфинитиве эпентезу *-e*:

английский инфинитив	немецкий инфинитив	пример
<i>to boot</i>	<i>booten</i>	<i>gebootet</i>
<i>to download</i>	<i>downloaden</i>	<i>gedownloadet</i>
<i>to flirt</i>	<i>flirten</i>	<i>er flirtet</i>
<i>to skate</i>	<i>skaten</i>	<i>sie skatet</i>
<i>to update</i>	<i>updaten</i>	<i>du updatest</i>
<i>to vote</i>	<i>voten</i>	<i>er votet</i>

Таб. 1. Формы второго причастия и инфинитива англо-американских глаголов, заимствованных в немецкий язык
 (приводится частично по А.А. Романову и др., 2007)

В свою очередь, эпентеза не появляется при изменении форм у следующих заимствованных англоязычных глаголов:

английский инфинитив	немецкий инфинитив	пример
<i>to clone</i>	<i>klonen</i>	<i>er klont</i>
<i>to dope</i>	<i>dopen</i>	<i>ihr dopt</i>
<i>to fake</i>	<i>faken</i>	<i>er fakt</i>
<i>to flame</i>	<i>flamen</i>	<i>geflamt</i>
<i>to hone</i>	<i>honen</i>	<i>sie hont</i>
<i>to lease</i>	<i>leasen</i>	<i>geleast</i>
<i>to manage</i>	<i>managen</i>	<i>gemanagt</i>
<i>to morse</i>	<i>morsen</i>	<i>du morst</i>
<i>(outsourcing)</i>	<i>outsourcen</i>	<i>outgesourct</i>
<i>to parse</i>	<i>parsen</i>	<i>er parst</i>
<i>to score</i>	<i>skoren</i>	<i>geskort</i>
<i>to shape</i>	<i>shapen</i>	<i>sie shapte</i>
<i>to style</i>	<i>stylen</i>	<i>gestylt</i>
<i>to time</i>	<i>timen</i>	<i>du timtest</i>
<i>to tune</i>	<i>tunen</i>	<i>getunt</i>

Таб. 2. Заимствованные англо-американские глаголы, не добавляющие эпентезу
(приводится частично по А.А. Романову и др., 2007)

Б) При спряжении и образовании герундия в английском языке у глаголов с односложной корневой морфемой наблюдается геминация финальной согласной. При заимствовании в немецком языке англоязычные глаголы сохраняют данную тенденцию, например: «*jobben*», «*joggen*», «*kidnappen*», «*tobben*», «*rappen*», «*steppen*».

Исключение составляет глагол «*handikapen / handicapen*» (*handikapte / handicapte, gehandikapt / gehandicapt*), который, однако, при деривации поддерживает тенденцию к геминации, ср.: «*Handikapper*».

§ 2.3.4. Лексико-семантический уровень

Лексика традиционно является наиболее изменяющейся частью языка благодаря её кумулятивному потенциалу, позволяющему обеспечивать «связь времён» [Розен, 1991, с. 5]. Если грамматика считается относительно «закрытой и стабильной» системой, то лексическая система – открытой и нестабильной; ни на одном другом уровне язык не подвержен таким сильным изменениям, как в области словарного состава, отмечает П. Браун, ссылаясь на изменения словарных связей как следствие изменений исторических (социальных) отношений [Braun, 1993, с. 158].

Историческое изменение слова как «ключевой единицы лексико-семантической системы» [Stepanova, Černyševa, 2003, с. 8] и его связей с другими единицами словарного состава обуславливает объединение лексического и семантического уровней для целей анализа экзогlossных тенденций. Ведь обогащение словарного состава происходит не только через неологизацию и заимствование, как отмечает В. Фляйшер, но и через изменение семантической структуры словарного состава [Fleischer, 1982, с. 8]. Но и данные изменения могут быть вызваны тенденциями экзогlossного характера, их интенсивностью и продолжительностью.

В немецкой германистике изменения на лексико-семантическом уровне обозначаются термином «*Wortschatzwandel*», под которым, вслед за Т. Левандовски, понимают «многообразие непрерывных процессов преобразования, потери и новообразования языковых единиц» («*Vielfalt der ständig verlaufenden Prozesse der Umgestaltung, des Verlusts und der Neubildung sprachlicher Elemente*») [Lewandowski, 1990, с. 1077].

Так как процессы лексико-семантического преобразования являются потребностью в отражении сложной и постоянно изменяющейся системы, которой выступает для носителей языка окружающая их реальность, (ср. коммуникативно и социально обусловленные источники изменения лексико-семантической системы у М.Д. Степановой и И.И. Чернышовой [Stepanova, Černyševa, 2003, с. 36–69]), преобразованиями данного уровня можно считать любые изменения связей *между знаками немецкого языка и внешней действительностью* [Nübling, 2010, с. 106].

Как и на предыдущих уровнях, тенденции, фиксируемые в лексико-семантической системе немецкого литературного языка разными авторами, имеют неодинаковое отношение к процессу американизации, что не позволяет причислить все или отдельные из них исключительно к экзо-

глоссным. Таким образом, нами рассматриваются *экzogлоссные тенденции* внутри общих, обозначаемых в немецкой германистике совокупно «*Wortschatzwandel*».

К общим тенденциям лексико-семантического уровня германист Г. Вольф относит три крупных тенденции в словарном составе современного немецкого литературного языка: 1) тенденцию к популяризации, 2) интернационализации и 3) стратегическому употреблению лексических единиц [Wolff, 1993, с. 241].

1) Под популяризацией понимается тенденция к проникновению лексических единиц из различных областей жизнедеятельности и знания в немецкий литературный язык, причём наблюдается изменение значения слов на фоне расширения ментального лексикона пользователей [Wolff, 1993, там же]. Данная тенденция является в частности экzogлоссной, учитывая тот факт, что среди отобранных из словарной периферии единиц находятся англоязычные заимствования, например: *Timing, Jogging, Tee-Break* (из сферы отдыха и спорта); *Trouble, Speed, Action* (из молодёжного социолекта) и т.д.

2) Тенденция к интернационализации по Г. Вольфу выражается в лексическом заимствовании из американского варианта английского языка и проистекающей из него интерференции лексико-семантического характера. Многие заимствования являются интернационализмами в более узком смысле слова (см. типологию англо-американских заимствований в немецком литературном языке в § 2.3.4.4.), т.е. встречаются в ряде европейских языков, также оказавшихся под влиянием США, ср.: *Demonstration, Kompetenz, Integration* и т.д. [Wolff, 1993, с. 242].

3) Под тенденцией к стратегическому употреблению лексических единиц Г. Вольф понимает явление подмены собственных единиц немецкого языка более престижными англоязычными [Wolff, 1993, с. 243–244]. Однако в отличие от семантической мелиоризации (см. § 2.3.4.1., Д) в данном случае уместно говорить о стилистическом приёме, связанном с предпочтением единицам с нейтральным стилистическим номиналом социальных жаргонизмов (см. § 3.3.) – единиц, сохраняющих статусные характеристики языка-донора, ср.: «*das Cockpit*» (в самолёте) вместо «*das Armaturen Brett*», «*der Grill-Shop*» вместо «*die Imbissstube*».

Д.Е. Циммер подчёркивает эстимационный (связанный с оценкой говорящим употребляемой единицы) характер данной тенденции, обозначая её «стремлением говорящих приукрасить референт», а также «страстью к

престижу»⁶ (*Hang zur Verschönerung des Sachverhalts*, „*Renommiersucht*“) [Zimmer, 1998, с. 45], что само по себе возводит «стратегическое употребление лексических единиц» скорее в прагматическую плоскость.

Описанные Г. Вольфом тенденции в виду частичной или полной обусловленности процессом заимствования лексики англо-американского происхождения в немецкий литературный язык позволяют отнести их в разряд экзогlossных общего и частного характера.

Такой историк немецкого языка, как В. Шмидт, выделяет также общие дополняющие друг друга тенденции в количестве семи: 1) влияние профессиональной лексики на общий состав языка, 2) тенденцию к специализации, 3) генерализации, 4) рационализации и экономии, 5) интеграции, 6) интернационализации и 7) дифференциации [Schmidt, 2004, с. 185–186].

Первая тенденция полностью созвучна «популяризации» по Г. Вольфу и дополняется второй – «специализацией», которую В. Шмидт трактует как тенденцию к образованию многокомпонентных субстантивных композитов, попадающих в общий словарный состав [Schmidt, 2004, с. 185]. Несмотря на выявленные нами случаи заимствованных многокомпонентных композитов в резервном словарном фонде немецкого литературного языка (ср.: *Paul-Bunnell-Davidsohn-Reaktion*), подавляющее их большинство – гибридного типа (см. подробнее § 2.3.4.3., пункт Б). Характерное наблюдение делает и В.Н. Федорцова, указывая на пропорциональное увеличение линейности субстантивных композитов как наиболее способных к специализации к сокращению числа интернациональных компонентов внутри сложного слова [Федорцова, 1994, с. 24]. Специализацию дополняет тенденция к генерализации как потребность в выражении многого частного одним целым, что приводит к многокомпонентным словостяжениям (*Aneinanderreihung*), ср.: *Fahrschein-Entwerter-System*. Словостяжение типично для следующей тенденции по В.Шмидту: рационализации и экономии (речевых усилий), под которой понимается количественное сокращение высказывание путём морфемной компрессии, например: *sie fahren nach Berlin* → *die Fahrt nach Berlin* → *die Berlinfahrt*. Интегративная тенденция соответствует описанной Г. Вольфом популяризации лексических единиц

⁶ Л.П.Крысин также указывает на стремление говорящего «покрасоваться», показать свою эрудированность как частый источник заимствования и подмены автохтонных единиц импортированными [Крысин, 1965, с. 19]. Х.-Г. Шмитц отмечает, напротив, необходимость демонстрации знаний (американского) английского в условиях продолжительного языкового контакта [Schmitz, 2002, с. 139].

из периферийных сфер словарного фонда в общем составе немецкого литературного языка. В контексте рассуждений об интернационализации В. Шмидт детализирует свою типологию наблюдением об интернациональных морфемах латинского происхождения, служащих платформой для процесса неологизации, к примеру: *Interface, Terminal, Basic* [Schmidt, 2004, с. 186]. Завершает типологию тенденция к дифференциации социолектов немецкого языка условиями коммуникации, например, молодёжный жаргон всё сильнее отличается от языка юристов [Schmidt, 2004, там же].

За исключением тенденции к интернационализации указанные явления по В.Шмидту носят лишь условно-экzogлоссный характер, однако дают наиболее полную картину динамики изменений в лексико-семантической системе немецкого литературного языка.

П. Браун, автор монографического труда «Тенденции в современном немецком языке: языковые разновидности» (*Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten*), смешивает общие и частные тенденции и называет в их числе: 1) тенденцию к синтезу в словообразовании, 2) неологизации, 3) архаизации лексики, 4) интернационализации (заимствованию целых лексико-семантических групп), 5) образованию «модных слов» (*Modewörter*) и изменению устойчивых форм [Braun, 1993, с. 158–214].

1) Тенденция к синтезу в словообразовании созвучна соображениям В. Шмидта в пунктах 2–4 и составляет, по мнению П. Брауна, главную тенденцию в области немецкого словообразования – «универбацию» («*Univerbierung*», см. также § 2.3.4.2.) [Braun, 1993, с. 168].

2) Неологизация и 3) архаизация рассматриваются П. Брауном как тождества элементов оппозиции «языковая прибыль vs. убыль» [Braun, 1993, с. 179–183]. Однако если неологизация является в условиях американизации выраженной экzogлоссной тенденцией, что находит своё подтверждение в трудах Д. Герберга, определяющего степень участия англоамериканизмов («англонеологизмов») в процессах неологизации шестьюдесятью процентами [Herberg, 2002, с. 196], то архаизация, в широком смысле, является эндоглоссной тенденцией, противоположной экzogлоссной. В узком смысле, тем не менее, убыль языковых средств может быть инициирована инвазивным характером заимствования, т.е. давлением экzogлоссного материала.

Теоретически антиномический подход к описанию тенденций полностью оправдывает себя [ср.: Tschirch, 1965, с. 161], что нельзя сказать о количественном соотношении исчезающих и образованных единиц, к приме-

ру, в 1980-х годах из общего немецкого словарного состава исчезла 71 единица, в то время как девятнадцатое издание словаря Duden (1986) фиксирует 3 000 неологизмов [Braun, 1993, с. 182, 188].

4) Обобщая труды по интернационализации, П. Браун количественно подтверждает факт заимствования целых лексико-семантических групп параллельно в разных европейских языках: в немецком языке 75% из 3 500 заимствованных интернационализмов можно отнести по лексико-тематическому признаку в состав определённых лексико-тематических групп [Braun, 1993, с. 202]. Сама тенденция рассматривается германистом исключительно с позиции статуса и функции «*Fremdwörter*» (нем.: заимствованных слабоассимилировавших единиц) в истории немецкого литературного языка.

5) Перекликающееся в основных чертах с третьей тенденцией по Г. Вольфу образование «модных слов» относится скорее к прагматическому уровню, эксплицирующему связь знаков и их пользователей, и менее к лексико-семантическому и обнаруживает в немецком литературном языке периода американизации устойчивый экзогlossный характер (см. подробнее § 2.3.5.).

В целом, общие и частные тенденции по П. Брауну синхронно можно отнести в категорию экзогlossных, что характерно и для выводов по Г. Вольфу и В. Шмидту. Однако недостатком всех трёх типологий является неразграниченность общего и частного уровней языковых изменений, а также их степени действительности в отношении категориальной пары «центр vs. периферия языка».

Помимо фиксируемой всеми бесспорной тенденции к интернационализации, которая сама по себе может выступать критерием для определения *locus* тенденции, важнейшей тенденцией, распространяющейся и на лексико-семантический уровень, является *апостериоризация* заимствованного материала англо-американского происхождения как частный случай гибридизации заимствованных и автохтонных единиц.

Апостериоризацией, или апостериорной деривацией, обозначается образование новых единиц или значений на основе ранее заимствованного материала языка-донора, причём дериваты непонятны, непопулярны или неизвестны в данном значении в самом языке-доноре, например: *Twen, Ego-Shooter, Dressman, Handy, Beamer, Talkmaster* (единицы); *toppen, killen* (значения). Апостериоризация есть симптом потери «принципа обратимости» по В.В. Кабакчи [Кабакчи, 1998, с. 48], т.е. невозможности генетически соотносить образованную в языке-реципиенте единицу с системой языка-донора, из которой она должна быть заимствована.

В частности, тенденция к интернационализации во многом подчинена апостериоризации, подтверждение чему находим у В.Н. Федорцовой: «К специфическим чертам словообразования на интернациональной основе по сравнению с собственно немецким словообразованием относится наличие обширного и открытого списка связанных основ в функции словообразовательных элементов, определяющий особый характер интернационального словосложения» [Федорцова, 1994, с. 30].

Р. Люр описывает родственную тенденцию к европеизации, т.е. появлению новых значений или неосемантизации (ресемантизации) интернациональных единиц немецкого языка (*Initiative, Motivation*) [Lühr, 2011, с. 168–170], которая также является следствием действия тенденции к апостериоризации.

Особого внимания заслуживают экзогlossные тенденции в области ономастики, к которым относятся также названия продуктов (*Produktnamen*), технологий, патентов и т.п. Ономастическая плоскость заимствования недостаточно полно изучена. Попытка дать объяснение существующим тенденциям ономастического (частного) характера предпринята в § 2.3.5.

Как уже отмечалось, тенденция маркирует, с одной стороны, начало определённого изменения (в данной работе экзогlossную направленность процессов изменения), а с другой, – константу в системе языка (эндогlossную специфику). На лексико-семантическом уровне изменения представлены тремя группами явлений:

- 1) семантическим изменением словарного состава,
- 2) изменением словообразовательных моделей,
- 3) количественным изменением (увеличением или сокращением) словарного состава) [Munske, 2005, с. 1386].

Первая и вторая группы анализируются в семасиологической перспективе, которая предполагает выявление компонентов значения выражения «А» и их изменения в определённый период времени в направлении выражения «В».

Третью группу подвергаем ономасиологическому анализу, который исходит из предметов и явлений и нацелен на выявление их обозначений и изменение данных обозначений.

В завершении раздела представляется типология заимствованных англоамериканизмов в немецком литературном языке.

§ 2.3.4.1. Семантическое изменение словарного состава

Семантическое изменение словарного состава происходит по двум базовым типам: через полисемию, т.е. когда несколько значений приводятся к одному знаменателю – общей архисеме [Fritz, 1998, с. 136f]; через омонимию (или её подвиды омофонию и омографию), предполагающую утрату такой семантической связи. При семантическом изменении значение «А» никогда не «перепрыгивает» к значению «В», а изменяется постепенно. Синхронно такое изменение выглядит как сосуществование «А» и «В» в виде семантических вариантов. Изменение считается совершённым лишь в том случае, если значение «А» отмирает [Nübling, 2010, с. 11].

В процессе заимствования семантическое изменение следует похожим принципам. По-прежнему выделяются два базовых типа: а) гетеролингвальная омонимия (и её подвиды омография и омофония) и б) гетеролингвальная синонимия. Однако в случае языкового контакта предпосылкой такого изменения будет не расщепление значения, а семантическая аттракция.

А) Заимствование из гомологических языков приводит к образованию *гетеролингвальных омонимов*, представляющих собой парадигматические ряды лексических единиц со схожей графической или звуковой формой образца «немецкий vs. (американский) английский», единицы которых можно обозначить как *гетеролингвальные омонимы*, или вслед за О.С. Ахмановой и Г.А. Селивановым – *гетеронимы* [Ахманова, 1966, с. 98; Селиванов, 1976, с. 118]. А.Т. Липатов предлагает для данного явления также название «интеронимия» [Липатов, 2004, с. 66]. Гетеролингвальная омонимия, или гетеронимия, восходит к так называемой полигlossичности (ресурсной гетерогенности) немецкого языкового идиома как экспликации ряда экзогlossий в его историческом развитии.

Гетеролингвальная омонимия образца «немецкий vs. (американский) английский» актуализирована двумя парами единиц из выделенных нами 12 рядов гетеролингвальных омонимов указанного образца в словарном корпусе справочника «*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*» (2011), англоязычные элементы которых являются ассимилированными заимствованиями первого периода американизации, ср.:

der Bar (*нем.: Lied*) – die Bar (*Nachtlokal*) – das Bar (*Maßeinheit des Luftdrucks*),

das Rad (*physikalische Einheit*) – das Rad (*Fahrrad*).

Адаптация англоамериканизма „*Thriller*“ (англ.: *триллер, детективный фильм с захватывающим сюжетом*) в фонетически более удобный [’trilee] в современной немецкой речи приводит к потере „h“ в графическом облике заимствования и к возникновению омонимии с автохтонной единицей „*Triller*“ (нем.: *трель*). При нивелировке гетеролингвальных фонетических особенностей омонимами (омографами и омофонами одновременно) выступают также пары рядов:

der Rock (нем.: *юбка*) – *der Rock* (англ.: *музыкальное направление*),
der Star (нем.: *скворец; катаракта*) – *der Star* (англ.: «*звезда*», *знаменитость*).

Однако в контексте заимствования англо-американской лексики в немецкий литературный язык наиболее частым можно считать явление омографии, т.е. совпадении лишь графических оболочек отдельных заимствованных и автохтонных единиц, у которых разноязычное прочтение является условием сохранения целостности лексем, ср.:

- (1) ¹**Pro|mo|ti|on**, die; -, -en [spätlat. promotio = Beförderung (zu einem ehrenvollen Amt), zu: promovere, promovieren]: *Verleihung der Doktorwürde: Promotion sub auspiciis [praesidentis rei publica]*.
²**Pro|mo|tion** [prə’mouʃ(ə)n], die; -, -s [engl. promotion] (Wirtsch.): *Förderung des Absatzes; Werbung [durch besondere Werbemaßnahmen (z. B. Verteilung von Warenproben)]*.
- (2) ¹**Tee**, der; -s, (Sorten:) -s [älter: Thee (< niederl. thee) < malai. te(h) < chin. (Dialekt von Fukien) t'e] (Dialekt von Fukien): **1.** *Teesträucher*. **2.** **a)** *getrocknete [u. fermentierte] junge Blätter u. Blattknospen des Teestrauchs; b)* *anregendes, im Allgemeinen heiß getrunkenes Getränk von meist goldbrauner bis dunkelbrauner Farbe aus mit kochendem Wasser übergossenem Tee (2a)*. **3.** **a)** *zur Bereitung von Tee (3b) bestimmte getrocknete Pflanzenteile; b)* *als Getränk [mit heilender od. schmerzlindernder Wirkung] bereiteter Aufguss von dazu geeigneten Pflanzenteilen*. **4.** *gesellige Zusammenkunft [am Nachmittag], bei der Tee [u. Gebäck] gereicht wird*.
²**Tee** [ti:], das; -s, -s [engl. tee, H. u.] (Golf): **1.** *kleiner Stift aus Holz od. Kunststoff, der in den Boden gedrückt u. von dem aus der Golfball geschlagen wird*. **2.** *kleine Fläche, von der aus der Ball geschlagen wird*.
- (3) ¹**Mo|del**, der; -s, - [mhd. model, ahd. modul < lat. modulus, ¹Modul]: **1.** <auch: die; -, -n> (landsch.) *Holzform mit eingekerbten überlieferten Mustern, mit der Backwerk geformt wird*. **2.** *Hohlform für das Gießen von*

Wachs. **3.** (Fachspr.) *erhabene Druckform (wie Druckplatte, Walze) zum Bedrucken von Stoffen, Tapeten o. Ä.* **4.** (Handarb.) [*von Holzstücken gedruckte*] *Vorlage für Stick- u. Wirkarbeiten.*

²**Mo|del**, das; -s, -s [engl. model < mfrz. Modelle < (a)ital. modello, Modell]: **a)** *Person, bes. Frau, die Modedesignerinnen, [Modell]kleider auf Modeschauen vorführt; Mannequin; b)* *Fotomodell.*

Из приведённых пар гетеролингвальных омографических вариантов в словаре «Duden – Deutsches Universalwörterbuch» (2011) вытекает, что слова с индексом ¹ являются более ранними заимствованиями с интернациональным морфологическим составом, в то время как их заимствованные графические соответствия с индексом ² – единицами англо-американского происхождения.

Выделен один трёхчленный ряд омографов, в котором единицы с индексами ¹ и ² являются внутрисистемной омонимией, а единица с индексом ³ – заимствованным омографом англоязычного происхождения, но родственным единице с индексом ²:

(4) ¹**Band**, das; -[e]s, Bänder u. -e [mhd. bant, ahd. band, zu binden]: <Pl. Bänder> *längerer, schmaler [Gewebe]streifen zum Schmuck, zur Verstärkung, zum Zusammenhalten u. a.* <Pl. -e> (geh.) *Bindung, enge Beziehung.*

²**Band**, der; -[e]s, Bände: *einzelnes Buch [als Teil eines größeren Druckwerkes, einer Bibliothek].*

³**Band** [bent, engl.: bend], die; -, -s [engl. band, eigtl. = Verbindung (von Personen, die miteinander musizieren) < (a)frz. bande, ²Bande]: *Gruppe von Musikern bzw. Musikerinnen od. Musikern u. Musikerinnen, die vorzugsweise moderne Musik wie Jazz, Beat, Rock usw. spielt.*

В трудах Э. Цефгена и Й. Шильдта, исследовавших отличия полисемии и омонимии, данные ряды классифицируются по семантическому критерию, что позволяет рассматривать единицы последнего ряда как *гетеролингвальные полисеманты* [Schildt, 1969, с. 355; Zöfgen, 1976, с. 438]. Примечательно, что полисемия как фактор семантического изменения лежит в основе внутрисистемной омонимии, ср. ряды немецких полисемантов, перешедших в категорию омонимов:

*das Pferd (Tier) – das Pferd (Turngerät) – das Pferd (Schachfigur),
das Schloss (Verriegelung) – das Schloss (Gebäude),
der Schild (Waffe) – das Schild (Tafel),
die Hut (Schutz) – der Hut (Kopfbedeckung).*

Таким образом, в случае гетеролингвальной омонимии образца «немецкий vs. (американский) английский» система немецкого языка выступает платформой для единиц, либо являющихся генетически родственными (полисеманты), либо обнаруживающих материальное (звуковое, графическое) совпадение оболочек (омофоны, омографы).

Зафиксированы также 3 случая гетеролингвальной омонимии в пределах англоязычных рядов, заимствованных в немецкий литературный язык исследуемого временного диапазона в готовой форме:

*das/der Set (zusammengehörende Gegenstände) – das Set (Maßeinheit für die unterschiedliche Breite der Einzelbuchstaben einer Monotype),
der Swing (rhythmische Qualität des Jazz) – der Swing (Geldbetrag),
der Single (jemand, der ohne Bindung an einen Partner lebt) – das Single (Einzelspiel im Badminton oder Tennis) – die Single (kleine Schallplatte).*

Омонимия может также развиваться на основе метонимии либо как разрушение полисемии уже в системе немецкого литературного языка, о чём свидетельствует следующая пара омонимов-полисемантов:

das Pony (Pferd einer kleinen Rasse) – der Pony (in die Stirn gekämmtes Haar).

Гетеролингвальная омонимия может быть ситуативной, т.е. автохтонный вариант может не являться словарной единицей, а образовываться с целью создания второго смысла как средства выражения юмора и сатиры [Riesel, 1959, с. 209–210]:

«Hello, ¹Mister!» – «Ich bin kein ²Mister, sondern Melker»,

где просторечно окрашенная единица «²Mister» выступает произведённым *ad hoc nomen agentis* (отглагольным именем существительным, обозначающим отправителя действия) от глагола «(aus)misten» (вычищать стойло от навоза).

При определении омонимии ключевым моментом выступает совпадение материальных оболочек, естественно, с учётом индивидуальной аллофонии либо созвучие в языке-доноре ассимилированных единицах разного генетического происхождения, ср.:

- (5) ¹**Bar**, die; -, -s [engl. bar, urspr. = Schranke, die Gasträum u. Schankraum trennt < afrz. barre, Barre]: **1. a)** *intimes [Nacht]lokal, für das der erhöhte Schanktisch mit den dazugehörigen hohen Hockern charakteristisch ist; b)* *barähnliche Räumlichkeit in einem Hotel o. Ä. 2. hoher Schanktisch mit Barhockern.*

²**Bar**, das; -s, -s <aber: 3 Bar> [zu griech. báros = Schwere, Gewicht]: *Maßeinheit des [Luft]drucks; Zeichen: bar (in der Met. nur: b).*

³**Bar**, der; -[e]s, -e [Herkunft unbekannt]: *regelmäßig gebautes, mehrstrophiges Lied des Meistergesangs.*

Синхронно существование таких рядов является следствием полиглоссии немецкого литературного языка, т.е. гетерогенности его ресурсов. Таким образом, причиной омонимии данного образца выступает наличие нескольких языков-источников, а также влияние престижных языков и их смена.

Наиболее частый тип гетеролингвальных омонимических рядов в немецком литературном языке периода американизации – интернационализм с колебанием фонетической оболочки. Особенностью таких рядов является вариативность фонетического образца, выражающаяся в переозвучивании ранее заимствованных единиц интернационального характера в соответствии с фонетическими нормами американского варианта английского языка (см. примеры в пункте а), § 2.3.1.).

Ввиду совпадения границ слогоделения и общего этимона, данные единицы являются фонетическими вариантами одного и того же слова, эволюционировавшего в системах разных языков и оказавшегося в разных фонетических оболочках в составе современного немецкого языка. Синхронно такая вариантность носит характер диглоссии, т.е. англоязычные компоненты данных пар имеют отличную от ассимилировавших ранее единиц функционально-стилистическую закреплённость, к примеру, первый элемент пары вариантов «*Champion*» [ʃa'piõ:] (фр.) – «*Champion*» [ˈtʃɛmpjən] (англ.) является устаревающим. Однако не исключено развитие полисемии, например, на основе указанных стилистических особенностей.

Для лексикографической интерпретации омонимических рядов образца «немецкий vs. (американский) английский», возможно, ещё предстоит найти критерии сортировки в нормативных словарях немецкого языка. На наш взгляд, лексикографам непременно следует признать факт того, что подобные явления требуют дополнительного внимания и более тщательного анализа их природы.

Б) Гетеролингвальная синонимия как второй тип семантического изменения предполагает существование синонимичных единиц разноязычного происхождения в пределах одной языковой ситуации. М.Д. Степанова и И.И. Чернышёва дефинируют гетеролингвальные синонимы как «дублиеты – по сущностному и структурному построению из элементов значения

похожие лексемы, – т.е. имеющие схожесть в отношении определённых сущностных сем и отличия во вторичных семах, которые могут быть семантически конкретизирующими, региональными, оценочно-стилевыми и др.» («*Zwei Lexeme sind im substantiellen und strukturellen Aufbau aus Bedeutungselementen bzw. Semen einander ähnlich, d.h. sie gleichen sich hinsichtlich bestimmter wesentlicher Seme und unterscheiden sich nur in sekundären Elementen, die semantisch konkretisierend, regional, wertend-stilistisch u. ä. sein können*»), а также указывает на то, что «появление дублетов в немецком связано главным образом с пуристической деятельностью [Stepanova, Černyševa, 2003, с. 24–25].

П. ф. Поленц называет *манипуляцию* причиной появления гетеролингвальных синонимов образца «немецкий vs. (американский) английский» в системе немецкого литературного языка: «Так как связь семантики с прагматическим уровнем очень тесна, то движущей силой данного слоя заимствованной лексики были и есть *менеджеры, редакторы и создатели* рекламных проспектов, теле- и радиовещательных передач, фильмов, песен, журналов, бульварных газет, которые *манипулируют* потребностями, способами мышления и поведения немцев *эпохи экономического чуда*» («*treibende Kräfte bei dieser Lehnwortschicht waren und sind die Manager, Macher und Texter von Werbeprospekten, Rundfunk- und Fernsehsendungen, Filmen, Schlagern, Illustrierten und Boulevardblättern, die Bedürfnisse, Denk- und Verhaltensweisen der Wirtschaftswunder-Deutschen manipulieren*») [v. Polenz, 2009, с. 135–136].

Точку зрения П. ф. Поленца на природу гетеролингвальной синонимии разделяют П. Эрнст и О. Бак. П. Эрнст ссылается на схожие обстоятельства манипулирования средствами массового вещания как инструментом языкового нормирования административного плана («*über die Sprachregelung in amtlichen Vorschriften und die (halb)offiziellen Medien wie Zeitungen, Rundfunk und Fernsehen*») [Ernst, 2005, с. 233–234], который, по мнению В.Т. Клокова является наиболее эффективным в языковой политике [Клоков, 1992, с. 14]. О. Бак понимает под манипуляцией использование конвергентных вариантов (см. далее), предполагающее мотивированность значения немецкоязычного компонента схожим по звучанию англоязычным [Bach, 2003, с. 3].

Фактически, инфильтрация большинства англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка является следствием *натуралистического перевода либо вообще опущения опции перевода на систему языка-*

реципиента, т.е. положительного переноса ксенизмов или калькирования (см. § 2.3.4.4.). Как отмечалось в § 1.7, натурализм при переводе является особым каналом заимствования англоамериканизмов в современный немецкий язык и предполагает два типа искажения при семиозисе: а) формализованный, при котором оболочка слова является платформой заимствования; б) симметричный, при котором такой платформой выступает автоматизм переводческой интерпретации (на одно слово исходного текста – одно слово целевого текста с похожей семантикой). Соответственно этим искажениям выделяются два типа гетеролингвальной синонимии: конвергентная и алломорфная (см. далее).

Специального освещения в данном контексте требуют особенности перевода *кино- и видеопродукции производства США*, которая доминирует на европейском рынке уже несколько десятилетий подряд. По данным ОАК «ЕврАктив» 2009 г. она составляет 60% всех сериалов и так называемых «мыльных опер», 55,7% всех художественных, 49,3% телевизионных и 45,4% мультипликационных фильмов. Такой «наплыв» продуктов американской кино- и телевизионной индустрии не только существенно снижает качество перевода, но и способствует выработке стандартных способов и стереотипов интерпретации содержания, способствующих заимствованию англо-американской лексики.

Заимствование англоамериканизмов путем синхронизации происходит интенсивнее последовательного (недублированного) перевода, так как наложение целевого текста на видеоформат должен осуществляться в ограниченное количество времени. В этом отношении немецкий язык проигрывает (американскому) английскому своей обстоятельностью, вследствие чего переводчик выбирает более компактный и менее трудоёмкий способ перевода: цитирование либо калькирование.

Как правило, данные единицы не являются новообразованиями в немецком языке: они либо подменяют оболочку уже имеющихся лексем, либо создают новый лексико-семантический вариант существующего слова, ср.:

*Wir wollten einfach den **Style** (= *Stil*) vermitteln.*

*Sie machen das **genau wie ich** (= *just like me*, вместо: *Sie machen das mir nach*).*

Э.Г. Ризель говорит в контексте гетеролингвальной синонимии как результата заимствования об особом виде единиц, консервируемых при переводе в формате цитат только ради создания культурного колорита [Riesel, 1959, с. 114].

Сосуществование заимствованных англоамериканизмов и их немецкоязычных соответствий в определённом участке синхронии приводит к возникновению явления межъязыковой вариативности на всех уровнях системы немецкого литературного языка. Как пишет Е.М. Лабезная, на начальной стадии она вызвана недостаточностью контекстов, однозначно актуализирующих значение новозаимствования, и может привести к закреплению в языке искажённого значения слова; на последующих стадиях она связана с процессом ассимиляции слова в языке-рецепторе и его семантическим развитием и может привести к появлению у слова новых значений [Лабезная, 1997, с. 226].

Если причиной появления лексико-семантических вариантов, вслед за Л.П. Якубинским, можно признать нарушение языкового автоматизма (один знак – одно значение) [Якубинский, 1986, с. 31], то возникновение гетеролингвальных вариантов образца «англо-американский vs. немецкий» в немецком литературном языке обусловлено действием конвергенции и проистекающим отсюда нарушением единства «один язык – одно языковое пространство», о котором говорилось выше. По мнению О.О. Борискиной, межъязыковая вариативность является также следствием поиска новых языковых обозначений за пределами системы собственного языка, что укрепляет межъязыковой параллелизм способов языковой категоризации мира как систематизации вербализованного человеческого опыта [Борискина, 2002, с. 406].

Гетеролингвальная синонимия (межъязыковая вариативность) реализуется в двух видах вариативности: *конвергентной* и *алломорфной*. Конвергентные варианты являются формальными вариантами слов (*die Karte – card*), а алломорфные варианты – семантическими (*experience – die Erfahrung*).

Алломорфная вариативность, которую Т. Шиппан называет «диастратической гетеронимией» («*diastratische Heteronymie*») [Schippan, 1992, с. 13], характеризуется неустойчивостью семантического плана, подразумевающей сосуществование единиц разного происхождения с синонимичным значением в рамках определённой языковой ситуации.

Конвергентная вариативность обнаруживает неустойчивость орфографических, орфоэпических и грамматических норм, кроме того, как пишет о гетеролингвальных синонимах Д. Герберг, «закономерной их чертой является также вариативность функционально-стилистического плана» [Herberg, 2002, с. 197].

Колебание стилистического номинала, присущее и тем, и другим, можно считать формально-семантическим варьированием, что находит отражение в формулировке диглоссии, данной Ф. Векслером: «Диглоссия есть употребление средств двух языков в одних и тех же целях, но с разными функциями, т.е. двуязычие в различных слоях языка» [Wexler, 1971, с. 330].

Гетеролингвальная синонимия возникает ввиду недостаточности контекстов, однозначно реализующих значение новозаимствования [Беляева, 1984, с. 55], что приводит к искажению первоначального значения англоамериканизма и поиску путей его дистрибуции путём подбора контекстов и отождествления с автохтонной единицы с наиболее близким значением в системе языка-реципиента, ср.: *Titelgeschichte – Cover Story, Marschflugkörper – Cruise missile, Raumlabor – Spacelab*.

Очевидно, что между отдельными заимствованными и автохтонными единицами устанавливаются отношения «одинаковой предметно-понятийной и предметно-номинативной отнесённости» [Суперанская, 1968, с. 10], которые проявляются в их функциональной эквивалентности и варьируют в широких пределах: от смысловой близости, сходства соотносимых лексем при включении и пересечении их лексических значений (*Jett – Flugzeug, Flieger, Düsenjäger*) до семантического тождества (*Computer – [Groß]rechner*).

Зачастую гетеролингвальная синонимия обусловлена действием межъязыковой мотивации вследствие второго типа переводческого натурализма – создания семантической симметрии между единицами регистров компонентов языковой ситуации с разным объёмом значения. В этом случае элемент либо конструкция в языке-реципиенте мотивирована конвенциональной единицей в языке-доноре, но неизвестной в языке-реципиенте. Например, значение англоязычной единицы «*survive*» реализуется через использование немецкого глагола и существительного «*Ü/überleben*» в значении <*fortbestehen*> и <*Fortbestand*>, особенно в сочетаниях с «*Verhältnisse*», «*Umstände*». В данном случае эксемия единиц/ы «*Ü/überleben*» является следствием интеграции компонентов значения основного эквивалента «*Ü/überleben*» со значениями второстепенных эквивалентов «*fortbestehen*» и «*Fortbestand*», ср.:

Die Tradition überlebte bis zum späten 17. Jahrhundert по аналогии с:

The tradition survived till the late 17th century вместо:

Die Tradition bestand... fort или *existierte...* или *blieb... erhalten*.

В зависимости от степени ассимиляции гетеролингвальная синонимия образца «немецкий vs. (американский) английский» реализуется в следующих структурных типах:

1) ксенизм / варваризм vs. автохтонная единица, например: *Amber – Bernstein, Crabmeat – Krabbenfleisch*;

2) слабоассимилированная заимствованная единица vs. автохтонная единица, к примеру: *CD-Rom – CD-Laufwerk*;

3) ксенизм vs. калька, например: *AIDS – (erworbenes) Immunschwächesyndrom, Immunschwäche, on the rocks – mit Eiswürfeln, on the road – auf der Straße*.

В зависимости от вида калькирования гетеролингвальные синонимы бывают фрагментными (*Untertreibung – Understatement, Pferdeschwanz – Ponytail*) и словообразовательными (*Nietenhose – Blue-Jeans, Blockfreiheit – Non-alinement, Konterschlag – Backlash, Helligkeitsregler – Dimmer*). В случаях словообразовательного калькирования отмечается характер описания, т.е. пояснения употребления того или иного варианта, или характер предпочтения (модные слова, см. подробнее § 2.3.5.).

Единицы, образующие гетеролингвальные синонимы в немецком языке, имеют достаточно легко выявляемые семантические различия, ср. гетеролингвальную пару *verchartern vs. vermieten*, где первый англоязычный синоним сочетается только со словами, обозначающими виды транспорта (*ein Flugzeug, Schiff verchartern*), а второй имеет более широкое значение (*eine Wohnung, einen Messestand vermieten*). Соотношение компонентов гетеролингвальный рядов «гипероним = немецкий vs. гипоним = англо-американский» выявлено в 372 из 487 синонимических рядов и составляет 76,38% зафиксированных случаев гетеролингвальной синонимии образца «немецкий vs. (американский) английский».

Около 23% гетеролингвальных синонимов обнаруживают стойкие различия функционально-стилистического характера и соотносятся как «дублиеты», под которыми Т. Шиппан понимает особый случай диглоссии, когда сосуществующие алломорфные варианты принадлежат к разным сферам лексико-семантического состава литературного немецкого языка [ср.: Schippan, 1992, с. 12]. Наиболее частыми типами оппозиций здесь выступают:

1) стандартный vs. социолектный, например: *Beschwichtigungspolitik – Appeasement*.

2) стандартный vs. жаргонный, например: *LSD – Acid*.

3) стандартный vs. разговорный, например: *Verzeihung! – sorry!*

Л.П. Крысин обозначает первые два типа диглоссии «повышением заимствования в ранге» [Крысин, 1997, с. 61]. Единица, заимствованная из языка-донора с нейтральным стилистическим номиналом, приобретает в языке-реципиенте характеристику модной, предпочтительной, ориентированной на высокий ранг в обществе – «статусного заимствования».

Наоборот, стилистическое маркирование англоамериканизма при его переходе из нейтрального пласта в разговорную лексику – явление закономерное, известное как «снижение стилистического статуса заимствования» [Лотте, 1982, с. 58]. А.И. Дьяков считает, что причиной возникновения диглоссической синонимии третьего типа является семантический сдвиг, приводящий к потребности в заимствовании англоамериканизма [Дьяков, 2003, с. 15]. Таким образом, диглоссия представляется *диастратическим размежеванием* гетеролингвальных синонимов по принципу «эндоглоссный вариант к ядру ↔ экзоглоссный вариант к периферии лексического состава».

В ряде случаев синонимичное заимствование избыточно, а функция его не языковая, а экстралингвистическая, т.е. на приоритетность использования одного из дублетов (чаще исконного) в речи влияют и факторы внеязыкового порядка. Их действием вызвано ужесточение требований к культуре речи на родном языке. Закономерным следствием этого становится критическое отношение к англоамериканизмам в немецкой литературной речи, которое характеризует повышение уровня лингвоконсидерации (см. подробнее § 2.3.). Естественное разрушение гетеролингвальной синонимии вызвано большей частью потерей актуальности автохтонного или заимствованного вариантов, сопряжённое с устареванием соответствующих понятий или явлений, например: *Hobby – Steckenpferd, fashionabel – fesch, Airhostess – Stewardess, down – groggy*.

Итак, воспроизведение англоязычного материала посредством заимствования допускает более или менее значительные отступления от узальной семантической дистрибуции англо-американских единиц в языке-доноре. Новые дистрибутивные особенности связаны с особенностями контекста, его ограничивающей (уточняющей) функцией. Диглоссическая вариативность, связанная с разграничением функциональных сфер употребления, является механизмом устранения языковой избыточности гетеролингвальной синонимии. Способами её устранения являются смысловая дифференциация идеографических синонимов (или одного из них) путём уточнения их семантики или стилистическая дифференциация идеографических синонимов (или одного из них) посредством ограничения функционально-стилистической сферы их употребления.

Семантические изменения, произошедшие в результате заимствования англо-американской лексики в состав немецкого языка, можно отнести к шести группам явлений: а) расширение значения, б) сужение значения, в) смещение значения, г) перенос значения, д) улучшение или ухудшение значения, е) квазимотивация значения.

А) Расширение значения (эксемия) заключается в нивелировке семантических признаков заимствованных или автохтонных единиц, наблюдаемой зачастую в русле нормализационных процессов (так называемой грамматикализации). Д. Нюблинг называет данный процесс «деконкретизацией» («*Entkonkretisierung*») [Nübling, 2010, с. 110].

Существует три типа лексического расширения значения: 1) «затемнение» этимона (*Verblassung des Etymons*); 2) эрозия лексического значения; 3) редукция семантических признаков.

1) Затемнение этимона связано с расширением словообразовательного гнезда определённой единицы.

В результате отмеченного ранее переводческого натурализма при синхронизации кино- и видеопродукции на немецком языке усиливается местоимённый характер глагола «*tun*». Поле семантической дистрибуции «*tun*» расширяется посредством усугубления функции субституции смыслового глагола по образцу английского «*do*», ср.:

«*Du verklagst ihn? – Du wirst es nicht tun!*» по аналогии с: «*You're going to sue him?*» – «*You won't do it!*», вместо: «*Das wirst du [doch] nicht machen / Das wirst du ihm nicht antun!*»

«*Liebst du mich? – Ja, ich tue*» по аналогии с: «*Do you love me?*» – «*Yes, I do*», вместо: «*Ja / Aber ja [doch]!*».

Деконкретизации подверглась единица „*Menschen*“, вместо которой используется сочетание «*menschliche Wesen*» по аналогии с английским «*human beings*». В данном случае эксемия связана, с одной стороны, с фокализацией семы <*Wesen*> (нем.: *существа, существе, живые*) и, с другой стороны, с действием автоматизма при калькировании англоязычной сложной единицы-прототипа.

«*Schließlich sind wir alle nur menschliche Wesen, die Filme machen.*»

(Der Westen. Menschliche Wesen, die Filme machen.)

Зафиксировано расширение дистрибутивного поля глагола «*klingen*», который начал употребляться в первом и втором лицах единственного и множественного числа в значении <*sich in bestimmter Weise anhören; einen bestimmten Beiklang, Unterton haben*> (нем.: *звучать как что-то; иметь определённый подтон*), ср.:

«*Du klingst überrascht*», по аналогии с: «*You sound surprised*», вместо: «*Das klingt überrascht*».

Под действием переводческого автоматизма расширено поле значение модального наречия «*unglücklicherweise*», употребляющегося по аналогии с англоязычным «*unfortunately*» в значении «*leider*» в инициальной позиции в предложении, например:

«*Unglücklicherweise kamen immer mehr von den teilen und letztendlich reihten sie sich stück an Stück bis zum Mund runter*».

(Aknewelt.de. Pickelbekämpfung mit Valette.)

О.Бак отмечает случай эксемии глагола «*arbeiten*» в выражении «*Jemand arbeitet für die Regierung*» по аналогии с американским «*Somebody works for the government*» [Bach, 2003, с. 5]. В отличие от конвенционального варианта «*Jemand ist beim Staat angestellt*» выражение «*работать на*» создаёт коннотацию <*правительственный шпионаж*>, хотя в действительности речь идёт о государстве (нем.: *Staat*) и о государственной службе (нем.: *Staatsdienst*)».

2) При эрозии лексического значения единица полностью теряет связь с архисемой, так что остаётся одно лишь грамматическое значение или прагматическая функция.

Редким примером эрозии выступает междометье «*hallo*», первоначально употреблявшееся для начала беседы по телефону и семантически эродировавшее до синхронной формулы неофициального приветствия.

3) Редукция семантических признаков наблюдается большей частью у заимствованных усилительных частиц с эмотивным значением, например:

«*fucking*»

Aber wie fucking geil war es, die Musik an und um die Poolbühne herum zu verfolgen.

(70 000 Tons of Metal – eine fucking Heavy Metal Kreuzfahrt.)

К данной группе относится также немецкий глагол «*töten*» с семантикой <*den Tod von jemandem herbeiführen, verursachen, verschulden*> (нем.: *инициировать, повлечь чью-либо смерть*), который копируя более широкое значение своего гетеролингвального варианта «*kill*» (см. примеры в группе Б)), употребляется также в значении глагола «*umkommen*» или сочетания «*ums Leben kommen*», означающих <*погибнуть*>, например:

«*Beim Flugzeugunglück wurden alle Passagiere **getötet***» по аналогии с: «*All passengers were **killed** by the crash*», вместо: «*Alle Passagiere **kamen** beim Flugzeugunglück **ums Leben***».

Б) Сужение значения (энсемия) связана со специализацией значения заимствованных англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка. Отмечены следующие случаи энсемии в процессе заимствования англоамериканизмов в указанный язык.

«*Der Flirt*» обозначает в немецком языке только процесс, в то время как английская единица «*flirt*» обозначает также и лицо, осуществляющее данный процесс.

«*Das Ticket*» используется сегодня в немецком языке преимущественно в области воздушного сообщения, что гораздо уже сферы аппликативности данной единицы в американском варианте английского языка, где оно обозначает любой билет.

Единица «*die Band*» ограничена в немецком языке значением <*eine Tanzkapelle, die „heiße“ Musik spielt*> (нем.: эстрадная группа), в то время как в американском варианте английского языка в семему «*band*» входит также значение «*Orchester*» и «*Bande*».

Глагол «*killen*», чей английский прототип «*kill*» может обозначать любые действия по умерщвлению, даже неумышленные, ограничен в немецком языке значением <*vorsätzliche, böswillige, hinterlistige Handlung*> (нем.: преднамеренное, злоумышленное, подлое действие / убийство), дублирующим архаизм «*meucheln*».

Английская единица «*sex*» означала первоначально <*Geschlecht*> (нем.: пол), в современном немецком языке её значение сузилось до <*Geschlechtsverkehr*> (нем.: половые сношения).

Расширение значения связано также с разрушением семантической связи между элементами расчленённых понятий или, наоборот, построением её между единицами, которые имели до этого лишь отдалённую семантическую схожесть.

Так, для немецких слов «*Erfahrung*» и «*Erlebnis*» в английском языке существует только нерасчленённое понятие: *experience*. Однако при его переводе на немецкий язык всё чаще и настойчивее используется только вариант «*Erfahrung*», несмотря на то, что различие «*Erfahrung*» и «*Erlebnis*» весьма существенно: «*Erfahrung*» означает <*Kenntnis; Routine; Erlebnis, durch das jemand klüger wird; gewonnenes Wissen*> (нем.: знание, познание, приобретённый опыт, полученные знания); «*Erlebnis*» – <*von je-*

mandem als in einer bestimmten Weise beeindruckend erlebtes Geschehen> (нем.: событие, которое определённым образом впечатляет). Тем не менее, в современном немецком языке встречается дистрибуция «*Erfahrung*» в значении «*Erlebnis*», ср.:

«*Das Konzert war eine Erfahrung*» по аналогии с английским «*The theater was an experience*», вместо: «*Das Konzert war ein Erlebnis*».

«*Obwohl*» становится единственным переводом английского «*(al)though*» даже в сложносочинённых конструкциях, где употребление немецкого наречия «*zwar*» является единственно правильным, например:

«*Obwohl er die Gegend kannte, verlief er sich*» по аналогии с: «*Though he knew the area, he got lost*», вместо: «*Zwar kannte er die Gegend, aber er verlief sich / [je]doch verlief er sich*».

Примером создания расчленённых понятий выступает построение семантической связи между парой неопределённых местоимений «*einige*» и «*manche*». Немецкое слово «*einige*» не всегда соответствует английскому «*some*»; семантически и стилистически более адекватным при переводе считается неопределённое числительное „*manche*», ср.:

«*Einige Leute sind einfach von stumpfer Phantasie*» по аналогии с: «*Some people are simply without any imagination*», вместо: «*Manche Leute sind einfach von stumpfer Phantasie*».

В) Смещение значения (парасемия) наблюдается в том случае, если значение А изменяется таким образом, что новое значение В синхронно с ним никак не связано. В контексте американского влияния на немецкий литературный язык известны следующие случаи парасемии.

Синхронно англоамериканизм латинского происхождения «*fatal*» имеет значение в немецком языке <*misslich, peinlich*> (нем.: сомнительный, затруднительный, неприятный), в то время как английское «*fatal*» обозначает <*unbehebbar, tödlich*> (нем.: неминуемый, смертельный).

Значению заимствованной единицы «*Keks*» соответствует в (американском) английском не «*cakes*» во множественном числе, а «*biscuit*», что говорит о прогрессивной степени ассимиляции англоамериканизма «*Keks*» в системе немецкого языка.

Г) Перенос значения (метасемия) связан с интерферирующим влиянием другого слова, как правило, заимствования. Часто симптомом метасемии является натуралистическая интерпретация англоамериканизмов, о которой говорилось выше.

Положительный перенос единиц с похожим звучанием обусловлен гомологичностью немецкого и (американского) английского языков. Хотя пары «*scheu*» и «*schüchtern*», «*fett*» и «*dick*», «*weise*» и «*klug*» и обозначают семантически схожие явления, но не являются абсолютными синонимами. Однако такие семантико-стилистические нюансы в немецком языке интенсивно стираются под буквально автоматическим отождествлением при переводе английского «*shy*» с немецким «*scheu*», «*fat*» с «*fett*», «*wise*» с «*weise*». Это происходит, как ни странно, там, где «*schüchtern*», «*dick*», «*klug*» гораздо точнее и полнее бы передавали смысл оригинала. Причиной выступает внешнее сходство «*shy*» и «*scheu*», «*fat*» и «*fett*», «*wise*» и «*weise*», ведущее к ошибочному принятию данных пар за межъязыковые соответствия. Это явление известно в лингвистике как «ложное родство», а лексические единицы, имеющие оболочку гетеролингвальных конвергентных вариантов, принято называть «ложными друзьями переводчика» (*falsche Freunde*).

- (1) «*Seien Sie nicht **scheu**, greifen Sie zu!*» (за столом), по аналогии с: «*Don't be **shy**, help yourself!*», вместо: «*Seien Sie nicht **schüchtern**, greifen Sie zu!*».
- (2) «*Deine Nachbarin ist so **fett**, dass mein Benzin alle war, als ich versuchte, sie zu umfahren*», по аналогии с: «*Your neighbour is so **fat** that when I tried to drive round her I ran out of gas*», вместо: «*Deine Nachbarin ist so **dick**, dass mein Benzin alle war, als ich versuchte, sie zu umfahren*».

Единица «*dick*» имеет необходимую сему <*übermäßig breit*>, что подтверждается устаревшим фразеологизмом «*dick wie Litfaßsäule*» (нем.: толстый, как колода), в то время как семема единицы «*fett*» первоначально была ограничена значением <*mit viel Fett ausgestattet*> (нем.: с большим количеством жира) и не несла нагрузки <*breit*>.

- (3) «*Er war **weise** genug, die Verleumdung zu ignorieren*», по аналогии с: «*He was wise enough to ignore the slander*», вместо: «*Er war **klug** genug, die Verleumdung zu ignorieren / Er war zu **klug**, die Verleumdung zu erwidern*».

Значение единицы «*der Rest*» приравнивается к «*übrig / das Übrige*», несмотря на различие в семемах: «*der Rest*»: <*beim Gebrauch, Verzehr von etwas Übrig gebliebenes*> (зачастую во множественном числе) vs. «*übrig / das Übrige*»: <*sonst noch Vorhandenes, Verbleibendes*> (нем.: остающееся), в сочетании с глаголом «*machen*» – <*Letztes, Abschließendes*> (нем.: последнее, завершающее), ср.:

- (4) «*Wir machen / erledigen den **Rest***», по аналогии с: «*We'll do the **rest***»,
вместо: «*Wie erledigen das **Übrige***»;
«*Der **Rest** kommt später*», по аналогии с: «*The **rest** will arrive later*»,
вместо: «*Die **Übrigen** kommen später*».

Метасемия характеризует современную дистрибуцию единицы «*Konsequenz*» вследствие переводческого автоматизма по аналогии с английским «*consequence*» в значении «*Folge*» вопреки существующим различиям в лексической сочетаемости (коллокации): «*Konsequenzen ziehen (aus jemandes Verhalten)*» (нем.: *делать выводы из чего-то, к примеру, поступков*), в то время как «*Folgen ergeben sich (aus Ursachen)*» (нем.: *следствия вытекают из причин*), ср.:

- (5) «*Das waren die **Konsequenzen** ihres Verhaltens*», по аналогии с: «*These were the consequences of her behavior*», вместо: «*Das waren die **Folgen** ihres Verhaltens*».

Значение глагола «*beherrschen*» (нем.: *совладать*) или «*sich benehmen / sich zusammennehmen, -reißen*» (нем.: *вести себя подобающим образом, держать себя в руках*) полностью переносится на лексему «*kontrollieren*», которая ранее употреблялась только в значении «*überprüfen*». В данном случае можно говорить также и о расширении значения единицы «*kontrollieren*» под влиянием англо-американского прототипа «*control*», например:

- (6) «*Du sagst es ihr oder ich **kontrolliere** mich nicht mehr!*», по аналогии с: «*You will tell it her or I don't **control** myself anymore!*», вместо: «*Du sagst es ihr oder ich **verliere die Selbstbeherrschung** / gibt's Ärger!*»;
«*Kontrolliert euch, Kinder!*», по аналогии с: «***Control** yourselves, children!*», вместо: «***Benimmt** euch, Kinder*»;
«*Kontrollier dich doch!*», по аналогии с: «***Control** yourself!*», вместо: «***Nimm / Reiß** dich [doch] **zusammen!***».

Метасемия, граничащая с вытеснением значения, характеризует дистрибуцию единицы «*weltweit*», заменившую привычную лексему «*weltumspannend*» под действием англо-американского прототипа «*worldwide*»:

- (7) «***Weltweit** sind es inzwischen 300 000 Tonnen Atommüll, die nicht entsorgt werden können*».

(DW. Kein Platz für Atommüll.)

Как показывают примеры, перенос значения связан с созданием новых единиц с готовым значением, заимствованным из языка-донора. Так в немецком литературном языке была образована лексема «*Besserwisser*» из прототипной англоязычной конструкции «*who ought to know better*» (англ.: *тот,*

кто знает / информирован лучше). Параллельно у «*Besserwisser*» отмечается тенденция к сужению значения в сравнении с автохтонными синонимами «*Neunmalkluger*» (нем., разг.: *семи пядей во лбу*), «*Streber*» (нем., разг.: *выскачка, любимчик, отличник, «ботаник»*), «*Alleswisser*» (нем.: *всезнайка*), «*Rechthaber*» (нем., разг.: *тот, кто любит быть правым, спорщик, несговорчивый*), «*Klugscheißer*» (нем., бран.: *умник; тот, кто любит поумничать*) и др. имеющих более широкую семантику, а также к нейтрализации стилистического номинала, ср.:

«Wenn Sie sich in Zukunft noch einmal richtig über einen Besserwisser ärgern, betrachten Sie doch mal anstatt seinem Ihr eigenes Gefühl».

(РТА. Gesprächstipps bei Kunden, die alles besser wissen.)

Д) Ухудшение значения (пейоризация), равно как и улучшение значения (мелиоризация) отражают изменение качественной оценки говорящего в соответствующем аксиологическом направлении. Структурно оба данных явления обусловлены интеграцией в семантическое поле сем с качественно противоположным наполнением. Изменение значение в аксиологическом диапазоне может быть связано с понижением стилистического номинала единиц в соответствии с иерархической классификацией стилистических разновидностей, предложенной Э.Г. Ризель [Riesel, 1959, с. 12–14] (см. рис. 4).

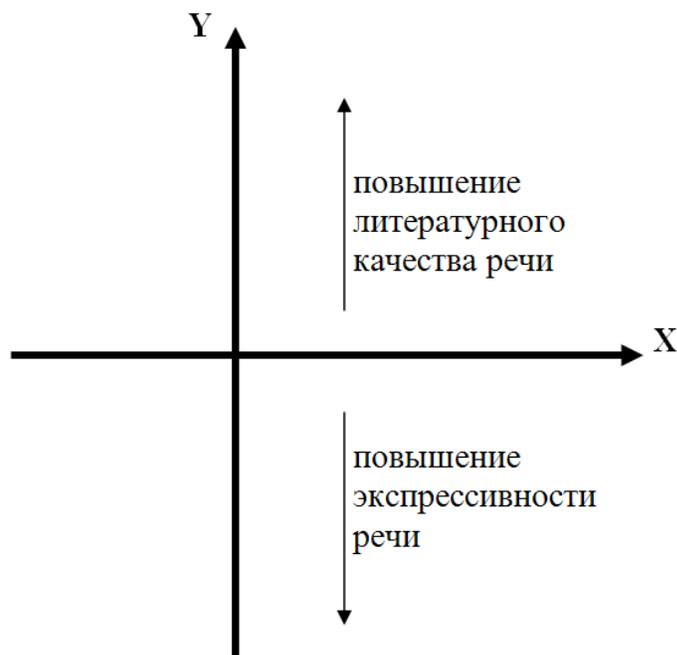

Рис. 4. Классификация стилистических разновидностей по Э.Г. Ризель (1959)

Ось Y является аксиологической вертикалью, на оси X расположен нейтрально-литературный стиль, направление вверх от оси X указывает на повышение литературного качества речи, противоположное направление маркирует сниженное литературное качество речи и усиливающуюся экспрессивность стилистических средств.

В актуализированном материале случаев мелиоризации отмечено не было, что объясняется статусом англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка как единиц языка высокого общества (*high society*). Зафиксированы два случая пейоризации.

Негативная сема <Leiche> (нем.: *труп*) появилась у немецкоязычной единицы «*Körper*» под давлением автоматизма при переводе англоамериканизма «*body*». Как считает О. Бак, причиной выступает влияние американского полицейского жаргона, элементы которого абсолютно безосновательно употребляются переводчиками вместо стандартных обозначений якобы для передачи «натуральности» ситуации [Bach, 2003, с. 3]. Отличительной особенностью дистрибуции единицы «*Körper*» можно считать синхронную диастратическую гетеронимию (дублетность, близкую к идеографической) с единицей «*Leiche*», ср.:

«*Der Körper sei nicht im Unterholz versteckt gewesen, so die Polizei*».

(BZ. News aus Berlin. Vermisste Mary-Jane: Leiche von 7-Jähriger im Wald gefunden.)

Единица «*Rebell*» со времён Ф. Шиллера принадлежала поэтическому стилю в отличие от стилистически нейтрального «*Aufständische*», однако под влиянием английского «*rebels*» стилевая маркировка была утеряна, а сама лексема употребляется эвфемистично для значения <боевик>, к примеру:

«*Die tschetschenischen Rebellen übernahmen die Verantwortung für die Anschläge in Moskau*», по аналогии с: «*The rebels in Chechnya accepted responsibility for the explosions in Moscow*».

Аргументы против подобной синхронизации высказывались неоднократно языковыми обществами в Германии. Однако, как это ни странно, в «плохом» переводе заинтересован сам зритель, требующий натуралистской экспликации агрессивной американской культуры, что обуславливает наличие интерференции и подмены регистров при переводе. Проблему усугубляет также тот факт, что синхронизаторы поставлены в жёсткие временные рамки, и перевод делается не всегда людьми с соответствующей квалификацией.

Англо-американские заимствования воспринимаются же зрителем не как переводческие ляпы, а как модные стилистические преобразования, которым следует активно подражать. Переводчики в свою очередь стараются «консервировать» иностранные слова через удержание их исконной формы с целью исключить двусмысленность при переводе обозначения на систему немецкого языка, разделение регистров Своего и Чужого или создания определённого колорита речи через презентацию элемента Чужого. Однако без адекватного перевода на язык-реципиент такие явления носят характер цитат, создают ощущение инокультурной реалии и, не будучи в действительности таковой, мешают органичному восприятию текста.

Е) Квазимотивация значения наблюдается у (ранее) заимствованных единиц, содержащих интернациональную корневую или схожую по звучанию морфему, и характеризуется созданием или колебанием *внутренней формы* у мотивированных конвергентных вариантов. Причиной межъязыковой мотивированности (квазимотивированности) О.И. Блинова называет установление пользователями языка-реципиента связи заимствований с ложными словами-прототипами [Блинова, 1984, с. 26].

В качестве примера можно привести написание единицы «**Tebowing**» через «**Tea-**» (англ.: *чай*), причём квазимотивирующей основой выступает дефиниция англоамериканизма, которая создаёт ассоциацию с чайной церемонией: «*Das Teabowing ist ein Trend im Internet, bei dem man auf einem Photo in einer Art Gebetshaltung kniet und den Kopf abstützt*» (нем.: *модное течение в сети Internet для фотографических снимков, задающее позу человека, молящегося на коленях и подпирающего руками голову*). Однако согласно этимологическому анализу единица «**Tebowing**» обозначает «*einen Trend, benannt nach dem amerikanischen Footballspieler Tim Tebow*» (нем.: *ритуал после забитого гола, названный по имени американского футболиста Тима Тебой*) (DW. Planking – hinlegen, um aufzufallen).

§ 2.3.4.2. Изменение словообразовательных моделей

Изменение словообразовательных моделей в результате заимствования англо-американской лексики является без остатка следствием действия общей экзогlossной тенденции к апостериоризации, так как, согласно её определению, словообразование на основе заимствованного материала преследует создание эффективных ресурсов непосредственно в языке-реципиенте.

Внутри данной группы можно выделить следующие частные экзогlossные тенденции, ведущие к изменению словообразовательных моделей: а) универбация, б) сокращение, в) суффиксация.

А) В рамках, по мнению П. Брауна, **главной тенденции данной группы** – «**универбации**» (*Univerbierung*) [Braun, 1993, с. 168], под которой понимается образование многокомпонентных композитов из групп слов, – наблюдается тенденция к словосложению через дефисное написание (*Durchkopplung*), которая, по оценке В. Шмидта, будет только усиливаться [Schmidt, 2004, с. 183], к примеру:

«*Blow-out-Preventer*», «*Party-Highlight*», «*City-Event*».

Наряду с подавляющим большинством субстантивных композитов, появляющихся в общем словарном составе немецкого литературного языка под давлением профессиональной лексики (словарной периферии), образуются сложные глаголы путём универбации заимствованных англоязычных морфем:

«*windsurfen*», «*webdesignen*», «*layouten*» [Braun, 1993, там же].

Продуктами универбации становятся также гибридные композиты, которые не обнаруживают устойчивых схем в написании:

«*Bohr-Boom*», «*Mega-Party*», «*Umweltdesaster*», «*Overhead-Projektor*», «*Stoppuhr*».

Универбированные единицы представляют главным образом композиты детерминативного типа с невыраженными зависимостями относительно генетики главного и определяющего компонентов.

В гибридных детерминативных композитах, обозначающих детёнышей животных, наблюдается тенденция смены мест главного и определяющего слов, которая вызвана потребностью завершать сложное слово мотивированным компонентом, который в немецком композите по определению главный. Немотивированность финального компонента сложного слова, представленного заимствованием «*Baby*», приводит к имплицитной незавершённости сложного образования, что компенсируется перестановкой его составных частей, к примеру:

- (1) «*Ich sah gestern eine **Baby**maus durch den Gang huschen*» по аналогии с «*I saw yesterday a baby mouse darting through the corridor*», вместо «*Ich sah gestern ein Maus**baby** / Mausjunges / Mäuschen durch den Gang huschen*».
- (2) «*Habt keine Angst, Männer, es ist nur ein **Baby**krokodil!*» по аналогии с «*Don't be afraid, men! That's simply a baby crocodile*», вместо «*Habt keine Angst, Männer, es ist nur ein Krokodil**baby** / Krokodiljunges!*» (Примеры из кинорепертуара канала Pro7 2007 г.)

Выбор экзогlossного варианта (*Mausbaby* и *Krokodilbaby*) объясняется действием тенденции к подражанию и проистекающим отсюда переводческим автоматизмом.

Б) На втором месте после универбации большинство зарубежных германистов называет **тенденцию к линейному сокращению лексических единиц** (*Verkürzung*) [ср.: Fleischer, 1975; Tschirch, Besch, 1989; Braun, 1993; v. Polenz, 1999; Wolff, 1999; Schmidt, 2004]. Г. Вольф сегрегирует новые словообразовательные механизмы в условиях инвазивного заимствования англоамериканизмов в немецкий литературный язык на пять подгрупп: 1) акронимы (*Initialwörter*), 2) инициальные (*Kopfwörter*) и 3) финальные (*Endwörter*), 4) послоговые (*Silbenwörter*) сокращения и 5) контаминации (*Klammerwörter*) [Wolff, 1999, с. 240].

1) Образование акронимов является наиболее стойкой тенденцией в подгруппе сокращения. В зависимости от сферы лексического состава (см. § 2.3.4.3.) немецкого литературного языка коэффициент акронимизации может составлять от 1/7 (в дополнительной сфере) до $\approx 4/6$ (в периферийной сфере) общего словарного фонда.

Возможно образование двух типов акронимов:

– слогаобразующих, для которых типично слитное прочтение, например: «CAD» [kæd] (*computer-aided design*), «AIDS» [ˈeɪdz] (*acquired immunodeficiency syndrome*), вплоть до написания второй и последующих букв строчными, ср.: «Laser» [ˈleɪzə(e)] (*light amplification by stimulated emission of radiation*);

– парцеллированных, например:

«VIP» [vi: ai 'pi:] (*very important person*),

«DVD» [de: fao 'de:] (*digital versatile disc*),

«HIV» [ha: i: 'fao] (*human immunodeficiency virus*).

Акронимы образуются также на основе звукопередачи, к примеру:

«Jeep» [dʒi:p] (*general purpose*),

«Hi-Fi» [ˈhaifi, также: haɪ'faɪ] (*high fidelity*).

2) Инициальное сокращения является словообразовательной моделью, при которой контур единицы усекается до предела, не нарушающего тождество слова, в инициальной части, например:

«Pop(ular)», «Rock('n'Roll)», «Doc(tor)», «App(lication)».

3) Финальные сокращения используют принцип, противоположный инициальным, ср.: «(Ro)bot».

4) Послоговые сокращения образуются из инициальных слогов двух единиц, к примеру: «*Moped*» (*motor pedale*). Случаи сокращения более двух единиц не выявлены.

5) Контаминациями являются образования из инициальной морфемы одной единицы и финальной морфемы другой, ср.: «*Motel*» (*motor hotel*), «*Botel*» (*boat hotel*).

Зафиксирована смешанная образовательная модель с элементами акронимизации и послогового сокращения, например: «*Radar*» (*radio detection and ranging*), «*Spam*» (*spiced pork and ham*).

Между первой и второй группами тенденций находится универбированная гибридная словообразовательная модель с сокращённым инициальным компонентом, ср.: «*E-Mail*» (*Electronic-Mail*), «*T-Girl*» (*Transsexual-Girl*). Следует подчеркнуть, что графический контур данной модели неустойчив; так, сокращённые компоненты обнаруживают тенденцию к написанию со строчной буквы и/или к слитному написанию, например:

«*Willst du meine eFrau werden?*»

(Pastewka. Der Junggesellenabschied / Comedy-Sketch auf Sat.1.)

Примечательно, что данная словообразовательная модель сосуществует со сходной, в которой первый компонент имеет иконическую природу либо сокращается с целью эфвемизации, ср.: «*T-Test*» (*statistic hypothesis text*, от базовой формулы $t=Z/s$), «*F-Wort/Wörtchen*» («*Fuck*»-*Wort/Wörtchen*).

В) **Деривация на основе суффиксирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения** является относительно устойчивой экзогlossной тенденцией словообразовательного уровня. Наиболее продуктивными суффиксами выступают:

1) в категории имени существительного:

-ness: *Wellness, Coolness*;

-ing: *Planking, Fracking*;

-er: *Topper, Beamer*;

-i(e)y: *Girlie, Mary*;

2) в категории имени прилагательного:

-y: *pinky, sexy, homy, tawny, sporty*.

Суффикс «-ness» обнаруживает синхронно такую же зависимость, как и утративший продуктивность суффикс «-nis»: он разделяет существительные среднего и женского родов по категориальному признаку (на основе семантических аналогий): *die Fairness (die Redlichkeit) / das Business (das Geschäft)*, ср.: *die Besorgnis (die Sorge) / das Zeugnis (das Gutachten)*.

Продуктивным является механизм адноминальной деривации глаголов с нулевым суффиксом, ср.: «*faxen*», «*filmen*», «*posten*», «*mailen*» [Schmidt, 2004, с. 184].

А.А. Романов выделяет несистемные образования с заимствованным суффиксом, типичным для герундиальных (отглагольных) форм: «*ich gehe shopping*», «*ich gehe inline-skating*» [Романов и др., 2007, с. 38]. Следует заметить, что синхронно затруднительно констатировать данное явление как экзогlossную тенденцию. Вне всяких сомнений, речь идёт об уподоблении в речи носителей немецкого языка экзогlossным образцам либо о последствиях переводческого автоматизма.

§ 2.3.4.3. Количественное изменение словарного состава

В практике анализа языковых ситуаций, где наблюдается феномен инвазивного заимствования, преобладает ономаσιологический подход к описанию заимствованных единиц: анализ импортированного лексического материала по лексико-семантическим группам [ср.: Naarmann, 1988, с. 1660–1678]. Это обусловлено тем, что экзогlossные единицы инфильтрируются в систему языка-реципиента уже при наличии определённых семантических связей, следовательно, как пишет Д.Н. Шмелёв, изучение лексико-семантических групп способствует раскрытию общих процессов развития лексики [Шмелёв, 2006, с. 9].

Ономаσιологический подход стал определяющим в практике синхронного анализа в контактологической традиции описания языковых ситуаций. Количественный анализ лексико-семантического уровня и его подсистем основывается также на описанном выше принципе «центр vs. периферия». В центре (*Kernbereich*) изменения происходят медленнее всего, «это базис лексикологии и, следовательно, в фокусе внимания находится литературный стандарт выражения» [Schippan, 1982, с. 11]. Экзогlossный состав сосредоточен в основном в периферийных сферах немецкой словарной системы, где процессы обновления и устаревания (отмирания) лексических единиц, т.е. количественного изменения словарного фонда, происходят динамичнее всего. Между центром и периферией расположены дополнительные (переходные) системы немецкого словарного состава, которые представлены ассимилированным пластом заимствованной лексики, имеющей устойчивую тенденцию к интернационализации [Braun 1993, с. 190]. Очевидно, что наибольшая степень ассимиляции и влияние норм литературного языка наблюдается у единиц ядерной (эндогlossной) сферы.

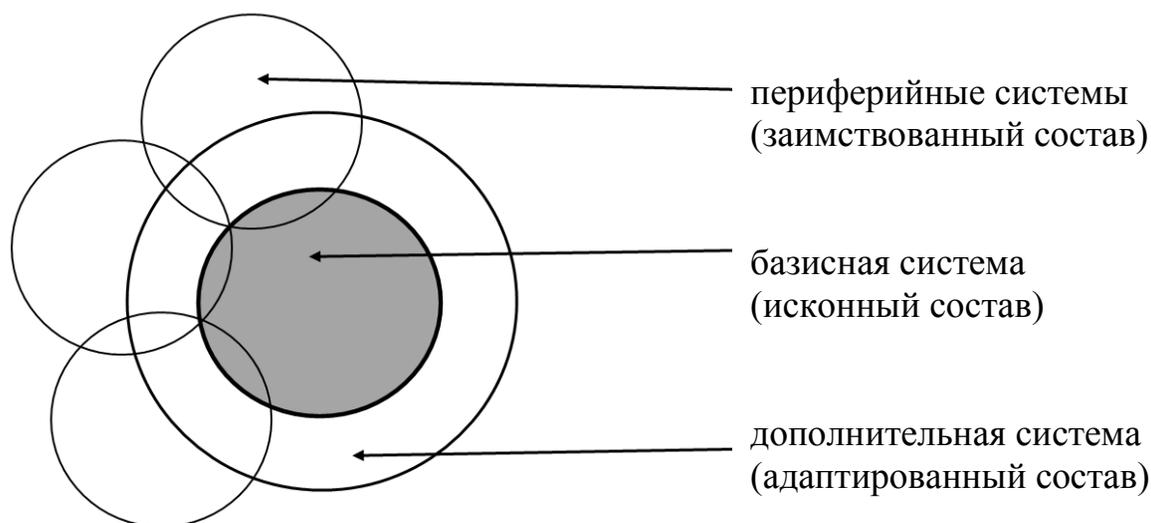

Рис. 5. Структура немецкого словарного состава по Х.Х. Мунске (1983)

На рис. 5 представлена структура немецкого словарного состава по Х.Х. Мунске, который также выделяет в нём три основные сферы: базисную (*Erbwortschatz*), дополнительную (*Lehnwortschatz*) и периферийную (*Fremdwortschatz*) [Munske, 1983, с. 567].

Целью анализа лексико-семантических групп является нахождение индекса экзоглосности, определяющего степень подверженности подсистем лексико-семантического уровня влиянию языка-донора (степень инфильтрации англоамериканизмов в лексический состав немецкого литературного языка). Англоамериканизмами считаем при анализе все единицы, заимствованные из (американского варианта) английского языка как в качестве языка-субстрата, так и в качестве языка-посредника (ср.: *Klon* → греч., через английский язык). Компоненты гибридных композитов интерпретируются схематично латинскими заглавными литерами «E» для англоамериканизмов и «D» для исконных или ассимилированных единиц, а также ассимилированных интернационализмов негерманского происхождения (*Kreatinin* – конечный продукт обмена белков).

Экзоглосный индекс американизации равен частному общего количества единиц определённой лексико-семантической группы ($\{x\}$ ЛСГ) и числа зафиксированных в ней англо-американских заимствований ($\{x\}$ АА):

$$I_{\text{экз}} = \frac{\{x\}\text{ЛСГ}}{\{x\}\text{АА}}.$$

Так как степень экзоглосности увеличивается к периферийной сфере, общий экзоглосный индекс подсчитывается путём нахождения среднего арифметического от индексов всех проанализированных лексико-семантических групп или общего числа зафиксированных заимствований и количеством словарных единиц (лемм) во всех привлечённых лексикографических источниках:

$$I_{\text{экз}} (\text{лексика } x) = \frac{I_{\text{экз}} n}{n}.$$

Базисная лексическая сфера представлена исконным (эндемическим) составом лексики; к данной сфере М. Бессе относит «лексику виноградарей и виноделия» [Besse, 2002, с. 2]. Дополнительная лексическая сфера включает ассимилированный заимствованный состав (*Lehnwortgut*) греко-латинского происхождения с высоким процентом содержания интернационализмов [Nübling, 2010, с. 141], что также подтверждает Л.Л. Нелюбин, определяя последние как «единицы общего происхождения, существующих во многих языках с одним и тем же значением, обычно оформляемых в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами данного языка и являющихся главным образом терминами из области науки и техники» [Нелюбин, 2003, с. 64]. Дополнительную лексическую сферу традиционно представляет лексико-семантическая группа «медицинская лексика» [Wiese, 1984, с. 64]. В периферийную лексическую сферу входят лексико-семантические группы со слабо-либо неассимилированным заимствованным составом, к которым О. Штеншке относит «лексику сети Internet» [Stenschke, 2006, 52–53].

А) Анализ индекса экзоглосности лексико-семантической группы с преимущественно исконным словарным составом.

Лексика виноградарей (виноделия) формировалась на междиалектной основе как средство общения главным образом жителей сельской местности, что обеспечивает его преимущественно эндоглосное функционирование (направленность к центру). Замедленный прирост технологий и ограниченный круг общения виноградарей привели к значительной консервации лексических средств, которые отбирались из материала европейских немецких диалектов с широким территориальным охватом (от рипуарского до черноморского): многие обозначения действительны ещё с начала XIX в. [Besse, 2002, с. 3]. Таким образом, принадлежность лексической базы данной лексико-семантической группы к исконному словарному составу немецкого языка не вызывает сомнения.

Критериями анализа материала выступают количественный (для нахождения индекса экзоглосности) и семантический (для выявления специфики семантической интеграции заимствованных англоамериканизмов).

Для анализа состава лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» привлечены четыре толковых немецкоязычных словаря: 1) онлайн-словарь «Winzer-Lexikon», 2003, составитель Johannes Großpietsch, с общим составом 114 лексических единиц; 2) онлайн-словарь «Weinsprache», 2003, составитель Johannes Großpietsch, с общим составом 141 лексическая единица; 3) онлайн-словарь «Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW) Online-Wörterbuch 4.0», 2009, составитель Dr. Maria Besse (Akademie der Wissenschaften und Literatur Mainz), с общим составом 12 169 лексических единиц; 4) электронный словарь «PC Bibliothek Benutzerwörterbuch Weinsprache» 1993–2009, с общим составом 96 лексических единиц. Общий проанализированный лексический фонд составил 12 520 единиц лексики.

1) «Winzer-Lexikon» (Johannes Großpietsch), 2003.

Буква*	Кол-во словарных единиц (лемм)	Англо-американские заимствования	Словарное значение**
A	13	–	
B	8	–	
C–D	10	<i>Classic (-)</i>	seit dem Jahrgang 2000 ein Wein aus einer klassischen gebietstypischen mit trockenem Geschmacksbild und einem Säuregehalt nicht über 15 Gramm
E	5	–	
F	7	–	
G	11	–	
H–J	6	–	
K–L	5	–	
M	8	–	
N–R	14	–	
S	13	<i>Selection (f)***</i> , в композитах: <i>Selections-Weinberge</i>	ausgesuchte Weine der Spitzenklasse mit dem Geschmacksbild «trocken»
T	9	–	
V	5	–	
W–Ö	0	–	
Итого	114	2	

*Слияния алфавитных регистров здесь и далее представлены в соответствии с концепциями составителей.

**Словарные толкования компримированы в силу того, что единицы лексикона интерпретируются не для лингвистических целей.

***Грамматический род определён нами.

$$I_{\text{экз}} = \frac{2}{114} = 0,017.$$

2) «Weinsprache» (Johannes Großpietsch), 2003.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Англо-американские заимствования	Словарное значение
A	13	–	
B	11	–	
C–E	11	–	
F	12	–	
G	9	<i>gestoppt*</i>	unterbrochene Gärung, hoher Gehalt an unvergorenem Zucker
H	10	–	
I–K	9	–	
L	5	–	
M	9	–	
N–P	8	–	
R	9	–	
S	20	–	
T–V	10	–	
W–Z	5	–	
Итого	141	1	

*Транскрипция не дана ввиду возможного расхождения экзогlossenного (лояльного к слову-прототипу) [gə'stɔpt] и эндогlossenному (адаптированного) [gə'ʃtɔpt] вариантов прочтения.

$$I_{\text{экз}} = \frac{1}{141} = 0,007$$

3) «Wörterbuch der deutschen Winzersprache Online-Wörterbuch 4.0»
(Dr. Maria Besse), 2009.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Англо-американские заимствования	Словарное значение
A	1079	–	
B	947	<i>Bulldog</i> (m) ['bʊldɔg] <i>Bulldozer</i> (m) [byl'do:zər, fr.]	Fahrzeug zum Einebnen der Weinbergsfläche; Fahrzeug, das bei der Neuanlage des Weinbergs eingesetzt wird
C	40	<i>Club</i> → <i>Klub</i>	
D	486	<i>Delaware</i> (m) [dɛla'va:rə]	Rebsorte
E	583	–	
F	690	–	
G	405	–	
H	587	–	
I	36	–	
J	71	–	
K	476	<i>Klub</i> (m) <i>Klon</i> (m)	(лемма отсутствует) 1. Genetisch einheitliche Nachkommenschaft eines Rebstocks. 2. Wurzelstamm der Pfropfrebe.
L	411	<i>Lederfrack</i> (m)	Kleidung des Weinbergshüters, die als Erkennungszeichen dient
M	255	<i>Monticola</i> (-) [mɔnti'co:lə]	(amerikanische) Unterlagensorte
N	187	<i>Nylon</i> (n)* ['naɪlɔn]	1.a. Material zum Befestigen der gebogenen Fruchtrute. b. Material zum Befestigen des jungen Triebs. 2.a. Material für das Netz gegen Vogelfraß. b. Mittel, das zur Vogelabwehr im Weinberg aufgehängt wird. 3. Plastikbehälter mit Abzugsloch, in dem die Blindrebe Wurzeln treibt.
O	109	–	

P	424	<i>Propeller</i> (m)	Windrad zur Vogelabwehr im Weinberg
Q	44	–	
R	1010	–	
S	1689	–	
T	547	<i>Taylor</i> (m) [tai'lo:r, fr.]	1. Früher am Aufnahmeort angebaute aus Amerika stammende weiße Hybridrebe. 2. Früher am Aufnahmeort angebaute aus Amerika stammende rote Hybridrebe.
U	149	–	
V	376	–	
W	1103	–	
Z	465	–	
Итого	12169	18	

*Единица «Nylon» выступает как инициальный компонент в восьми детерминативных композитах гибридного типа: *Nylonband*, *Nylonbändlein*, *Nylonbürste*, *Nylondecke*, *Nyloneimer*, *Nylongarn*, *Nylonnetz*, *Nylonschnur*. При определении индекса экзоглосности учитывалось 9 единиц лексикона.

$$I_{\text{экз}} = \frac{18}{12169} = 0,001.$$

4) «PC Bibliothek, Benutzerwörterbuch Weinsprache» (Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus), 1993–2009.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Англо-американские заимствования	Словарное значение
A	6	–	
B	5	–	
C	3	–	
D	2	–	
E	2	–	
F	11	<i>Foxgeruch</i> (m)	Charakteristischer Geruch für Weine der Amerikareben
G	6	–	
H	5	–	

I-J	2	–	
K	3	–	
L	2	–	
M	7	–	
N	2	–	
O (Ö)	1	–	
P	6	–	
R	8	–	
S	14	–	
T	3	<i>tawny</i> [tə: ni]*	Die dunkle Bernsteinfarbe des alten Weins (bes. für Portwein)
V	4	–	
W	2	–	
Z	2	–	
Итого	96	2	

*Транскрипция наша.

$$I_{\text{экз}} = \frac{2}{96} = 0,02.$$

Итого в исследованной лексико-семантической группе зафиксировано 24 англо-американских заимствований. Согласно частеречной принадлежности из них 22 существительных, одно перфектное причастие (*gestoppt*), одно прилагательное (*tawny*). В составе 22 существительных 12 сложных, из них 12 детерминативных гибридных композитов, 11 типа E+D (*Foxgeruch*), один типа D+E (*Lederfrack*). 2 из детерминативных композитов немотивированные лексические единицы, но с чёткой морфемной границей, позволяющей диагностировать детерминативность в языке-доноре (*Bulldog, Bulldozer*). Из 10 односоставных лексических единиц – 6 экзотизмов (см. типологию англоамериканизмов в § 2.3.4.4.) (*Classic, Selection, Delaware, Monticola, Taylor, tawny*) и 4 интернационализма (*Klub, Klon, Nylon, Propeller*).

Общий индекс экзотичности лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделов» (*Winzersprache / Weinsprache*) в немецком словарном составе равен:

$$I_{\text{экз}} (\text{Winzer- / Weinsprache}) = \frac{24}{12520} = \underline{\underline{0,001}}.$$

Индекс экзоглосности менее 0,1 свидетельствует о незначительной инфильтрации англоязычного материала и, следовательно, о низкой степени влияния языка-донора на словарную область исследованной лексико-семантической группы (базисный состав лексического фонда немецкого литературного языка).

Б) Анализ индекса экзоглосности лексико-семантической группы с преимущественно ассимилированным словарным составом.

Потребность в повсеместно единообразной медицинской терминологии, с одной стороны, и традиция к словопроизводству на греко-латинской основе как функция субстрата, с другой стороны, обусловили устойчивую тенденцию к интернационализации лексического строя языка медицины. Параллельные тенденции к терминологизации и нумерическим способам номинализации (*Typ 2A, Labormuster H7*), о которых пишет И. Визе [Wiese, 1984, с. 62], приводят к необходимости вынужденной адаптации любого экзоглосного материала. Если единицы англо-американского происхождения в базисной системе немецкого словарного фонда большей частью ассимилируют, т.е. подстраиваются под языковое окружение, то в дополнительной системе общего лексического состава уместно говорить об адаптации, т.е. приобщении заимствованного материала к языковому окружению. Однако существование собственных словообразовательных моделей, в частности, в условиях адаптации негомогенных экзоглосных средств, требует учёта такой особенности исследуемой лексико-семантической группы, как соотношение грамматико-семантических классов не только в собственном составе группы, но и среди заимствованных единиц англо-американского происхождения.

Критериями анализа материала здесь выступают количественный (для нахождения индекса экзоглосности) и частеречный (для определения грамматико-семантической специфики (классовости) заимствованной лексики).

Для анализа состава лексико-семантической группы «лексика медицины» привлечены три толковых немецкоязычных словаря: 1) онлайн-словарь «Roche Lexikon Medizin» издательства Urban & Fischer, 5. Aufl., 2003, с общим составом 140 942 лексических единиц; 2) онлайн-словарь «Lexikon der Medizin» издательства LSM Verlag, 2006, составитель Dr. Peter Spoleanski, с общим составом 6 652 лексических единиц; 3) электронный словарь «Langenscheidt Fachwörterbuch Medizin», 1993–2009, с общим составом 37 380 лексических единиц. Общий проанализированный лексический фонд составил 184 974 единиц лексики.

1) Онлайн-словарь «Roche Lexikon Medizin» издательства Urban & Fischer, 5. Aufl., 2003.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Кол-во англо-американских заимствований	Часть речная принадлежность:			
			имена существительные	прилагательные и причастия	глаголы	другие части речи
A	12579	541	541	–	–	–
B	9475	67	67	–	–	–
C	3904	479	479	–	–	–
D	3705	23	23	–	–	–
E	2901	47	47	–	–	–
F	1944	6	6	–	–	–
G	2704	16	16	–	–	–
H	8472	752	752	–	–	–
I	5839	0	0	–	–	–
J	4791	0	0	–	–	–
K	11568	13	13	–	–	–
L	7412	7	7	–	–	–
M	13749	612	612	–	–	–
N	2594	1	1	–	–	–
O	3844	0	0	–	–	–
P	5728	15	15	–	–	–
Q	2405	14	14	–	–	–
R	7302	37	37	–	–	–
S	4212	358	358	–	–	–
T	6809	0	0	–	–	–
U	1744	41	41	–	–	–
V	7041	20	20	–	–	–
W	5836	0	0	–	–	–
X	1805	2	2	–	–	–
Z	2579	6	6	–	–	–
Итого	140942	3057	3057	–	–	–

$$I_{\text{ЭКЗ}} = \frac{3057}{140942} = 0,021.$$

2) Онлайн-словарь «Lexikon der Medizin» (Dr. Peter Spoleanski), 2006.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Кол-во англо-американских заимствований	Частречная принадлежность:			
			имена существительные	прилагательные и причастия	глаголы	другие части речи
A	562	7	7	—	—	—
B	352	4	4	—	—	—
C	180	8	8	—	—	—
D	237	1	1	—	—	—
E	335	2	2	—	—	—
F	159	0	0	—	—	—
G	285	0	0	—	—	—
H	472	12	12	—	—	—
I	203	0	0	—	—	—
J	11	0	0	—	—	—
K	401	2	2	—	—	—
L	280	3	3	—	—	—
M	421	8	8	—	—	—
N	248	1	1	—	—	—
O	132	0	—	—	—	—
P	466	4	4	—	—	—
Q	12	1	1	—	—	—
R	467	4	4	—	—	—
S	591	14	14	—	—	—
T	242	0	—	—	—	—
U	126	0	—	—	—	—
V	290	2	2	—	—	—
W	77	0	—	—	—	—
X	7	0	—	—	—	—
Z	96	0	—	—	—	—
Итого	6652	73	73	—	—	—

$$I_{\text{экз}} = \frac{73}{6652} = 0,01.$$

3) электронный словарь «Langenscheidt Fachwörterbuch Medizin», 1993–2009.

Буква	Кол-во словарных единиц (лемм)	Кол-во англо-американских заимствований	Частречная принадлежность:			
			имена существительные	прилагательные и причастия	глаголы	другие части речи
A	3212	416	416	–	–	–
B	1239	32	31	–	1	–
C	1904	257	257	–	–	–
D	1709	7	7	–	–	–
E	1708	52	52	–	–	–
F	1944	0	0	–	–	–
G	2704	4	4	–	–	–
H	1486	214	214	–	–	–
I	752	1	–	–	–	–
J	1422	0	–	–	–	–
K	569	16	16	–	–	–
L	605	2	2	–	–	–
M	1477	215	215	–	–	–
N	2594	9	9	–	–	–
O	694	0	–	–	–	–
P	2389	3	3	–	–	–
Q	2405	0	–	–	–	–
R	1306	8	8	–	–	–
S	1212	229	228	–	1	–
T	821	0	–	–	–	–
U	1744	17	17	–	–	–
V	1094	4	4	–	–	–
W	954	0	–	–	–	–
X	805	0	–	–	–	–
Z	631	5	5	–	–	–
Итого	37380	1491	1489	–	2	–

$$I_{\text{экз}} = \frac{1491}{37380} = 0,039.$$

Итого зафиксирован 4 621 англоамериканизм: 4 619 имён существительных и два глагола (*blocken, shunten*).

В составе имён существительных выделено 660 акронимов следующих типов:

1) интернациональные акронимы: *PTT* (*partial thromboplastin time*), *NYHA* (*New York Heart Association*), *LDL* (*low density lipoprotein*), *HDL* (*high density lipoprotein*), *HLA* (*human leucocyte antigen*), *CSF* (*colony stimulating factor*), *ARC* (*AIDS related complex*), *EBV* (*Epstein-Barr-Virus*).

2) смешанные акронимы:

– с пометой ® (*RAST*® – *Radio-Allergo-Sorbent-Test*),

– с буквами греческого алфавита (*α-Blocker*, *β-Blocker*).

346 единиц являются гибридными детерминативными композитами следующих типов:

1) E+D, где инициальный компонент может быть представлен:

– акронимом (*VLDL-Lipoprotein*, *NYHA-Stadieneinteilung*, *RAST-Allergiediagnostik*, *LDL-Cholesterin*, *HDL-Cholesterin*, *LDL-Rezeptoren*, *HIV-Antikörper*, *HIV-Infektion*, *HIV-Test*, *HIV-Virus*, *HLA-Antigen*, *HLA-System*, *AIDS-Ansteckung*, *AIDS-Pathogenese*, *AIDS-Viren*),

– апеллятивом (*Screeningtest*, *Spider-Nävi*, *Quick-Wert*, *Dumping-Syndrom*, *Carboxy-Hämoglobin*, *Computertomographie*);

2) D+E (*Kreatinin-Clearance*) либо D+D+E (*Rechts-Links-Shunt*);

3) E+E+D (*Pacemaker-Implantation*) либо единицами, в которых оба инициальных элемента англо-американского происхождения представлены варваризмом (см. далее типологию англо-американских заимствований) с характерным написанием в соответствии с графикой и правилами орфографии языка-донора (*burning feet-Syndrom*, *Burn(-)out-Syndrom*, *Bypass-Operation*);

4) E+D+E (*H2-Rezeptorenblocker*);

5) E+E (*Pacemaker*, *Bypass*).

128 детерминативных субстантивных композитов имеют в своём составе имена собственные:

1) с одним именем собственным E+D (*Sheehan-Syndrom*, *Murphy-Zeichen*) или с префиксами (*McBurney-Punkt*, *Conn-Syndrom*, *Coombs-Test*),

2) с несколькими именами собственными:

– двумя фамилиями: D+E+D (*Rumpel-Leed-Test*), а также E+E+D (*Sheehan-Simmonds-Syndrom*, *Paul-Bunnell-Reaktion*, *Epstein-Barr-Virus*),

– именем и фамилией: E+E+D (*Adam-Stokes-Anfälle*) или E+E+E+D (*Paul-Bunnell-Davidsohn-Reaktion*),

3) один композит содержит топоним в качестве первого инициального элемента и литеру пробы в качестве второго инициального элемента (*Coxsackie-B-Virus*);

Зафиксировано 5 сочетаний с частичной акронимией по образцу «*Genus proximum + differentia specifica*» (индикатор рода + индикатор вида), которые также могут выступать как детерминативные композиты с англоязычным онимом в качестве инициального компонента: *M. Addison (Morbus Addison, также Addison-Morbus)*, *M. Conn (Morbus Conn, также Conn-Morbus)*, *M. Cushing (Morbus Cushing, также Cushing-Morbus)*, *M. Hodgkin (Morbus Hodgkin, также Hodgkin-Morbus)*, *M. Parkinson (Morbus Parkinson, также Parkinson-Morbus)*.

В составе детерминативных композитов наличествуют 17 варваризмов с различными вариантами написания ксеноэлементов: *sexually transmitted diseases* (используя графику языка-донора), (гибридные варваризмы) *Superficial Spreading Melanoma* (используя правила орфографии языка-реципиента). Многие варваризмы для удобства использования в речи акронимируются (*STD, BSE*).

При анализе замечено явление графической вариативности (2 случая парной и один четырехчленный ряд): *Streß – Stress, Dumpingsyndrom – Dumping-Syndrom, Burn-out-Syndrom – Burnout-Syndrom – Burn out-Syndrom – Burn out Syndrom*.

Общий индекс экзоглосности медицинской лексики в системе немецкого литературного языка составляет:

$$I_{\text{экз}} (\text{Medizinsprache}) = \frac{4621}{184974} = \underline{\underline{0,024}}.$$

Выведенный индекс (>0,1) свидетельствует о преимущественно изоморфном функционировании исследованной лексико-семантической группы (диаморфное функционирование начинается с индекса 0,5) и об умеренной степени влияния языка-донора на представленную словарную область (дополнительный состав лексического фонда немецкого литературного языка).

В) Анализ индекса экзоглосности лексико-семантической группы с преимущественно заимствованным словарным составом.

К лексико-семантической группе «лексика сети Internet», представляющую периферийную область словарного состава немецкого литературного языка, относятся лексемы, обозначающие действия и объекты, нахо-

дящиеся в определённой связи с технологиями и формами коммуникации сети Internet. Главной тенденцией в данной лексико-семантической группе является «прямое заимствование англоамериканизмов при недостаточной степени ассимиляции (отсутствием чёткой частеречной принадлежности, низкой грамматической освоенности и графической адаптации)» [Stenske, 2006, 52–69], ср. эквивалент Internet-проекта «Одноклассники» в ФРГ: «*StayFriends*» (англ.: «*останьтесь друзьями*»).

Единицы данной лексико-семантической группы не имеют чёткой закреплённости за письменной или устной коммуникацией, что обуславливает их функциональную неоднородность [Пичкур, 1999, с. 87]. К устойчивым признакам единиц относятся: расширение системы знаков (введение дополнительного регистра нумерических обозначений и цифр как вспомогательных семиотических средств, ср.: 0–9, !, ?, &, \$, <...> и т.д.), гибридность единиц (межзнаковая, межъязыковая), компримированность (преобладание сокращений, контрактур), эмотивность (AiA – Alles im Arsch, АСК – Acknoledment: написание с заглавной буквы мотивировано эмфазой), коммуникативный характер и выраженная миметичность, т.е. диалогическая включённость единиц, объяснимость только через вербальную интеракцию.

Повышающаяся к периферии тенденция к нумерическим (знаковым) способам номинализации определила критерии анализа: количественный (для нахождения индекса экзоглосности лексико-семантической группы) и композиционный (с целью выявления устойчивых словообразовательных моделей в заимствованной лексике англо-американского происхождения).

Для анализа состава лексико-семантической группы «лексика сети Internet» привлечены три толковых немецкоязычных словаря: 1) онлайн-словарь «Chat-Slang: Lexikon der Internet Begriffe aus Chat, e-Mail, Forum und Newsgroups*», 2009, составитель Hartmut Schöpke, с общим составом 860 лексических единиц; 2) онлайн-словарь «cyberslang.de: Die Sprache der Internet-Generation» издательства «proforma: die medienagentur*», 1999–2011, составитель Alexander Strauss, с общим составом 358 лексических единиц; 3) онлайн-словарь «www.at-mix.de: News und Online Lexikon zu Computer, Internet und eCommerce», 2004–2012, с общим составом 4 326 лексических единиц. Общий проанализированный лексический фонд составил 5 544 единиц лексики.

*В названиях было сохранено правописание разработчиков.

1) Онлайн-словарь «Chat-Slang: Lexikon der Internet Begriffe aus Chat, e-Mail, Forum und Newsgroups» (Hartmut Schöpke), 2009.

Буква / знак	Кол-во словарных единиц (лемм)	Кол-во англо-американских заимствований	Композиционные типы		
			акронимы	в том числе гибридные образования (знаково-буквенные контаминации)	аббревиатуры (линейное сокращение единиц)*
0–9	43	31	28	25	3
A	34	25	20	16	5
B	56	44	42	18	2
C	33	24	24	15	–
D	27	20	18	4	2
E	10	8	8	–	–
F	39	31	31	17	–
G	22	16	16	3	–
H	16	12	12	–	–
I	59	42	42	14	–
J	43	32	32	9	–
K	36	23	23	5	–
L	21	19	19	2	–
M	33	31	31	16	–
N	37	28	26	12	2
O	36	30	26	3	4
P	25	18	18	2	–
Q	10	7	7	–	–
R	36	27	27	7	–
S	48	42	42	13	–
T	54	45	45	17	–
U	18	14	14	–	–
V	11	8	8	–	–
W	41	32	28	9	4
X	24	21	21	4	–
Y	26	16	16	2	–
Z	22	21	21	5	–
Итого	860	667	645	218	22

* Е.И. Михеева обозначает такие единицы «контрактурами» [Михеева, 2005, с. 13].

$$I_{\text{экз}} = \frac{667}{860} = 0,775$$

2) Онлайн-словарь «cyberslang.de: Die Sprache der Internet-Generation» (Alexander Strauss), 1999–2011.

Буква / знак	Кол-во словарных единиц (лемм)	Кол-во англо- американских заимствова- ний	Композиционные типы		
			акронимы	в том числе гибридные образования (знаково- буквенные контаминации)	аббревиатуры (линейное сокращение единиц)*
0–9	4	4	4	4	–
A	27	20	17	1	3
B	33	21	21	3	–
C	16	15	15	2	–
D	11	5	4	–	1
E	4	4	4	4	–
F	20	14	14	2	–
G	19	12	12	2	–
H	16	10	10	1	–
I	28	21	21	–	–
J	7	6	6	2	–
K	11	3	3	–	–
L	6	3	3	–	–
M	19	15	15	5	–
N	24	19	18	–	1
O	11	11	10	–	1
P	11	7	7	–	–
Q	5	2	1	–	1
R	17	15	14	–	1
S	23	13	13	–	–
T	12	12	12	3	–
U	3	3	3	1	–
V	5	2	2	–	–
W	17	13	12	–	1
X	1	0	–	–	–
Y	5	4	4	–	–
Z	3	0	–	–	–
Итого	358	254	245	30	9

$$I_{\text{ЭКЗ}} = \frac{254}{358} = 0,709.$$

3) Онлайн-словарь «www.at-mix.de: News und Online Lexikon zu Computer, Internet und eCommerce», 2004–2012.

Буква / знак	кол-во словарных единиц (лемм)	кол-во англо-американских заимствований	Композиционные типы		
			акронимы	в том числе гибридные образования (знаково-буквенные контаминации)	аббревиатуры (линейное сокращение единиц)*
0–9	90	72	72	72	–
A	509	347	196	124	4
B	573	402	384	269	6
C	294	161	112	95	–
D	427	217	124	87	2
E	159	84	72	37	–
F	135	48	26	22	–
G	73	36	28	27	–
H	121	67	42	21	–
I	89	58	49	38	3
J	54	44	13	1	–
K	74	39	19	4	–
L	95	53	26	13	–
M	128	78	42	19	–
N	115	63	49	34	2
O	71	36	27	21	1
P	157	101	84	72	–
Q	51	28	24	22	3
R	117	73	32	21	1
S	258	179	123	94	2
T	138	87	54	49	–
U	114	65	41	27	–
V	126	72	52	31	–
W	196	122	88	53	2
X	46	29	23	21	–
Y	19	16	14	14	–
Z	97	27	12	11	–
Итого	4326	2604	1828	1299	26

$$I_{\text{экз}} = \frac{2604}{4326} = 0,601.$$

Итого зафиксировано 3 525 англоамериканизмов, причём ввиду сложностей в определении границ заимствования, экзогlossными единицами считались также сочетания, у которых либо не установлен факт семантического заимствования (калькирования), либо в структуре уже присутствуют заимствованные единицы, ср.: *abC* (*absolut beliebter Chatroom*), *hab dich lieb* (*love you*).

Выделено 2 718 акронимов, которые могут повторять слово в новом значении, образуя неоморфизм, например: *Italy – I trust and love you*. В числе акронимов выявлено 1 547 гибридных образований, составляющих знаково-буквенные контаминации двух типов:

- 1) целые лексемы (*awhfy? – are we having fun, yet?*),
- 2) части лексем с омофонической субституцией посредством нумерических символов (*b4 – before*).

К гибридным образованиям относятся также имена собственные (торговые марки, названия продуктов, их производителей, игр и пр.): *100BaseTx*, *ZX 80*, *Yellow Book*, *Acer*, *Yahoo*, *Ubisoft*, *Quake* (игра). Гибридные образования без исключения являются априорными, т.е. заимствованиями единицами.

Аббревиатуры (контрактуры) в составе 57 представлены единицами, образованными посредством усечения финалей (*docs* вместо *documents*) либо оmissии гласных (*grmbl* вместо *grumble*).

Выявлено 713 варваризмов (см. далее типологию англо-американских заимствований): *abort to*, *above the fold*. К типу варваризмов примыкают 37 субстантивных композитов с графически несоединёнными компонентами (*J Direct*, *Direct_X*), являющиеся в большинстве случаев именами собственными.

Общий индекс экзогlossности лексико-семантической группы «лексика сети Internet» в составе немецкого литературного языка равен:

$$I_{\text{экз}} (\text{Internetprache}) = \frac{3525}{5544} = \underline{\underline{0,635}}.$$

Индекс экзогlossности более 0,5 позволяет диагностировать устойчивую тенденцию к экзогlossному функционированию исследованной лексико-семантической группы в результате отклонения в область языкового диаморфизма.

Таким образом, наиболее выраженные экзогlossные тенденции наблюдаются в периферийной сфере немецкого литературного языка периода американизации (0,635), в то время как в дополнительной и базисной сферах зафиксированы соответственно умеренные (0,024) и слабые (0,001) тенденции к экзогlossии (см. таб. 3).

Сфера	ЛСГ	I _{экз}
<i>периферийная</i>	<i>Internetsprache</i>	0,635
<i>дополнительная</i>	<i>Medizinsprache</i>	0,024
<i>базисная</i>	<i>Winzersprache</i>	0,001

Таб. 3. Степень действия экзогlossных тенденций в системе немецкого литературного языка

На основе данных анализа можно констатировать повышающийся индекс экзогlossности к периферийной сфере, что выражается в таких частных тенденциях лексико-семантического уровня, как увеличение линейной компрессии единиц (акронимизации, контаминации, терминологизации), гибридных способов образования имён существительных (интеграция нумерических обозначений в структуру лексем) и преобладание имён существительных над остальными частями речи (на 8 170 зафиксированных англоамериканизмов приходится 8 168 имён существительных, что составляет 99,97% от общего числа англоязычных заимствований). Так, в лексико-семантической группе «лексика медицины» зафиксировано всего 2 заимствованных глагола, в «лексике виноделия / виноградарей» – 1 причастие, 1 прилагательное.

В результате индексирования экзогlossных тенденций в лексико-семантических группах, представляющих различные сферы лексико-семантической системы немецкого литературного языка, выведен коэффициент продуктивности начальных букв в процессе заимствования англоамериканизмов в немецкий словарный фонд. Причастия как производные формы были отнесены к инициальной букве глагольных инфинитивов, от которых они образованы.

В ядерной сфере немецкого словарного состава наиболее частотны англо-американские заимствования на буквы В, С, S, Т; в резервной сфере продуктивными начальными буквами являются А, Н, М, Z; в периферийной сфере – А, В, S. Наиболее продуктивными являются начальные буквы с коэффициентом > 10%: **А** (10,66%), **С** (10,03%), **Н** (13,61%). Среднепродуктивными (с коэффициентом > 5%) являются: **В** (8,12%), **Н** (7,89%), **М** (8,57%), **S** (9,32%). Низкопродуктивные (с коэффициентом > 1%): **G** (0,74%), **J** (0,77%), **O** (0,72%), **Q** (0,45%), **X** (0,48%), **Y** (0,38%) (см. таб. 4).

Буква	Базисная сфера (24 ЛЕ)	Дополнительная сфера (4 621 ЛЕ)	Периферийная сфера (3 525 ЛЕ)	Средний к продуктивности
A	–	20,86%	11,12%	10,66%
B	8,33%	2,81%	13,24%	8,12%
C	8,33%	16,1%	5,67%	10,03%
D	4,16%	0,67%	7,14%	3,99%
E	–	2,18%	2,72%	1,63%
F	4,16%	0,12%	2,63%	2,3%
G	–	0,43%	1,81%	0,74%
H	–	21,16%	2,52%	7,89%
I	–	0,02%	3,43%	1,15%
J	–	–	2,32%	0,77%
K	4,16%	0,67%	1,84%	2,22%
L	4,16%	0,25%	2,12%	2,17%
M	4,16%	18,06%	3,51%	8,57%
N	37,5%	0,23%	3,12%	13,61%
O	–	–	2,18%	0,72%
P	4,16%	0,47%	3,57%	2,73%
Q	–	0,32%	1,04%	0,45%
R	–	1,06%	3,26%	1,44%
S	8,33%	13%	6,63%	9,32%
T	8,33%	–	4,08%	4,13%
U	–	1,25%	2,32%	1,19%
V	–	0,56%	2,32%	0,96%
W	–	–	4,73%	1,57%
X	–	0,04%	1,41%	0,48%
Y	–	0,12%	1,02%	0,38%
Z	–	11,81%	1,36%	4,39%

Таб. 4. Средний коэффициент продуктивности фонем как интерферирующих каналов заимствования англоамериканизмов

§ 2.3.4.4. Типология англо-американских заимствований в немецком литературном языке

Существуют различные способы систематизации англоязычных единиц в составе немецкого литературного языка. Большинство из существующих подходов опирается на традиционную «сетку» критериев: по лексико-семантическому признаку, по способу ассимиляции и заимствования единицы [ср.: Lapp, 1989; Schippan, 1992; Seebold, 1994; Lenk, 2003; Bussmann, 2007].

Сложность типологизации лексики англо-американского происхождения в немецком литературном языке состоит в немотивированности морфологической и семантической структуры экзоглоссных единиц. Т. Шиппан [Schippan, 1992] и Х. Буссманн [Bussmann, 1990] понимают англоамериканизмы как разновидность неассимилированных заимствований (*Fremdwörter*) наряду с ксенизмами (см. далее), тем самым отграничивая их от ассимилированных единиц иностранного происхождения (*Lehnwörter*). Е. Зебольд рассматривает англицизмы как составляющую всего заимствованного вокабуляра в немецком языке, разделяя его по адаптационному признаку на *внешний* (с иноязычным морфемным материалом) и *внутренний* (с собственным морфемным материалом), а заимствования на *прямые* (через прямое экзоглоссное влияние) и *опосредованные* (через посредничество других языков), например, слово „*Dispatcher*“, пришедшее в немецкий язык через посредничество русского [Seebold, 1994, с. 58].

Анализ экзоглоссных тенденций лексико-семантической системы немецкого литературного языка рассматриваемого периода позволяет выделить, помимо трёх вышеназванных, два дополнительных критерия типологизации англоязычной лексики: по способу деривации и композиции. Согласно способу деривации все единицы англо-американского происхождения в немецком литературном языке разделяются на априорные (заимствованные) и апостериорные (образованные на основе заимствованного морфемного материала языка-донора). По композиционному критерию англоамериканизмы дифференцируются на простые и составные единицы, акронимические и линейные сокращения, а также гибридные и монолингвальные контаминации.

Таким образом, предлагаемая типология строится с учётом привлечённых базовых и дополнительно выделенных критериев сегрегации лексики англоязычного происхождения в составе немецкого литературного языка:

- по лексико-семантическому признаку,
- по способу и степени ассимиляции,
- по способу заимствования,
- по способу деривации,
- по способу композиции.

Первые три критерия рассматриваются совмещено в силу пересечения категориальных признаков. К примеру, способ заимствования сочетает в себе и морфологический (частичное или полное заимствование), и семиотический (формальное или содержательное), и стилистический (цель использования), и ассимиляционный (степень освоенности) признаки и поэтому не может быть выделен в отдельную типологическую подгруппу.

Итак, по базовому, **лексико-семантическому признаку** все англоамериканские единицы подразделяются на 1) *лексические (Lehnwörter)* и 2) *семантические (Lehnprägungen)*.

1) *Лексические заимствования (Lehnwörter)* англоязычного происхождения распадаются в свою очередь по морфологическому признаку на а) *лексемные (Lexementlehnungen)* и б) *морфемные (Morphementlehnungen)*.

А) *Лексемные* англоязычные заимствования – это англоамериканизмы, заимствованные в состав немецкого языка с цельным формативом и с минимальным дивергенцией плана содержания.

Согласно **степени и способу ассимиляции** последние подразделяются на *онемеченные (Beutewörter)* и *неассимилированные (Fremdwörter)* заимствования.

Онемеченные (например, посредством суффиксации) англоамериканизмы не отличаются от исконных слов по звучанию и структуре, к примеру: «*dreggen*», «*streiken*».

Неассимилированные англоамериканизмы, которые Э. Лапп обозначает «*аутентичными англицизмами*» («*authentische Anglizismen*») [Lapp, 1989, с. 55], отличаются от автохтонных единиц по звучанию и структуре, ср.: «*die Homepage*», «*online*». В составе последних можно выделить *варваризмы, экзотизмы* и *дублетные заимствования*.

Варваризмами (греч.: *barbarismós*, от *barbarízein* = непонятный) являются слова и выражения англоязычного происхождения, которые обна-

руживают стойкие структурные (морфологические) и формальные (фонетические) отличия от автохтонных единиц и воспринимаются носителями немецкого языка как инокультурные цитаты, например: «*on the rocks*» (нем.: *на льду*), «*business as usual!*» (нем.: *таков бизнес!*).

Экзотизмы – заимствованные слова, характеризующие специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляемые при описании немецкой действительности [Нефёдова, 1999, с. 108]. Как правило, это единицы с чёткой закреплённой принадлежностью к какой-нибудь конкретной стране, области, национальности и т. п. Экзотизмы используются для создания местного колорита при описании особенностей жизни и быта англосаксов. Поначалу они, как правило, малоизвестны носителям языка и обладают очень сильной мотивированностью по отношению к ситуации или предмету общения, ср.: «*die englische Queen*» (нем.: *королева Англии*), «*Dollar*» (нем.: *доллар*).

Дублетные заимствования, или *гетеролингвальные варианты* (см. также § 2.3.4.1.) (*der Sound – der Laut, Klang*), и их подвид *англонимы* (см. далее) являются главным образом продуктами натуралистического перевода англоязычной литературы, прессы, кино- и видеопродукции, ср.: «*Detective Dormer*» вместо «*Detektiv Dormer*», «*Colonel Smith*» вместо «*Oberst Smith*», «*Private Scott*» вместо «*Soldat Scott*».

Англонимы (*Anglonyme*) «*Detective*», «*Colonel*», «*Private*» представляют собой проблему для самих носителей языка, особенно для людей старшего поколения, ибо, будучи непереведёнными, данные транслаты непонятны реципиентам, вследствие чего воспринимаются как имя и фамилия, а не аппозиция (приложение) и фамилия. Отличие дублетных заимствований от англонимов заключается в том, что лексемы «*Detective – Detektiv*» должны сосуществовать как гетеролингвальные варианты, но зачастую первым элементам таких рядов не хватает языковой освоенности.

Англонимы заимствуются главным образом через публицистические тексты и лишь впоследствии, когда перевод становится популярным, обнаруживается переводческая ошибка, ср.: «*Obama's Administration*» вместо «*Obama's Regierung*» (нем.: *правительство Обамы*).

Формальным фонетическим выражением неассимилированных англоамериканизмов являются так называемые *ксенизмы*, т.е. слова и реплики на английском языке, вкраплённые в немецкую речь с целью подражания носителям престижного языка-донора или достижения локального и специального колорита.

Ксенизмы рассматриваются зачастую в группе с формальными заимствованиями [ср.: Schippan, 1992, с. 263; Bussmann, 2007, с. 69] без учёта их фонетического облика. С одной стороны, ксенизмы представляют собой инструмент языковых предпочтений определённых слоёв общества, стремящихся к элитарности в речи, желание сохранить исконность звучания или сфокусировать на нём интенцию высказывания. С другой стороны, это фонетическая характеристика всех неассимилированных заимствований, сохраняющих «лоск чужого» (греч. *xénos* = гость; чужой), так как в качестве ксенизма можно представить любой англоамериканизм, произнесённый с соответствующим фонетическим нормам языка-донора акцентом.

Термин ксенизм не следует путать с термином ксеноним, введённому в научный обиход В.В. Кабакчи [Кабакчи, 1998, с. 166]. Ксенонимы выступают единицами эндемической (безэквивалентной) лексики, в то время как ксенизмы – вообще заимствованной лексики (ксенолексики). Термины «ксенизм» и «ксенолексика» впервые появились в словаре иностранных слов под редакцией Т.М. Капельзона (1933) и прочно вошли в понятийно-терминологический аппарат контактной лингвистики.

С точки зрения теории экзоглоссии, и ксенизмы, и ксенонимы можно обозначить экзоглоссными единицами, однако если ксенизмы реферируют к интралингвистическим уровням языка-донора, то ксенонимы скорее к инокультурной реальности, частью которой может являться язык-донор как компонент языковой ситуации.

Б) *Морфемные* англоязычные заимствования распадаются на *интернационализмы* и *частичные морфемные* заимствования. Х. Ленк причисляет к морфемным заимствованиям также группу так называемых «*псевдозаимствований*» [Lenk, 2003]. Хотя правомерность позиции Х. Ленка бесспорна, псевдозаимствования (см. далее) выделяются в настоящей работе как подкласс апостериорных образований с целью более строгой дифференциации англоамериканизмов по деривационному признаку.

Интернационализмы (*hypersensitiv, kollateral*) и их разновидность *международные термины* (*international, Prozessor*) представляют собой лексические единицы, встречающиеся в идентичной или схожей форме в нескольких языках. Как установлено в § 2.3.4., интернационализация заимствованной лексики является одной из общих экзоглоссных тенденций в немецком литературном языке. Бурное развитие науки и техники требуют новых наименований, и в этом случае единая или очень сходная и достаточно понятная носителем разных языков система номинации способствует

ет экономии речевых средств. *Международные термины* ограничены в отличие от интернационализмов рамками какой-то определённой коммуникации, например, языком прессы или политики.

К *частичным морфемным заимствованиям* можно отнести элементы сложных слов, используемые с исконными морфемами для спецификации значения посредством словостяжения, например: «*hot-rot*» (англо-нем.: *жгуче красный*), «*Off-Stimme*» (англо-нем.: *голос за кадром*). Англоамериканизмы данной подгруппы морфемных заимствований также примыкают к гибридным образованиям в силу своего подчёркнуто терминологического характера (см. далее).

2) *Семантические* англоязычные заимствования (*Lehnprägungen*) представляют собой переводческие кальки, так как для семантического заимствования фактически востребована переводческая деятельность. Калька – это единица, созданная путем заимствования структуры экзоглоссной единицы (слова или словосочетания) с заменой её материальной оболочки эндоглоссными средствами. Семантические англоязычные заимствования можно классифицировать на *формальные* (нем.: *Lehnformungen* (Т. Schippan), *Lehnbildungen* (Н. Bussmann, Е. Seebold)) и *смысловые*.

Путём *формального* семантического заимствования происходит образование нового слова или словосочетания в немецком языке по примеру экзоглоссной единицы-прототипа.

Формальные кальки делятся на покомпонентные и фрагментные.

Покомпонентный (*Lehnübersetzung*) способ калькирования является наиболее распространённым и осуществляется посредством покомпонентного перевода конкретного англоязычных морфем, например: «*lokales Netzwerk*» (*локальная сеть*) по аналогии с «*local network*».

Фрагментные кальки (*Lehnübertragung*) представляют собой похожие образования без прямой лексической схожести, например, «*die Festplatte*» (нем.: *твёрдый диск*) по аналогии с «*fixed disk*», где в языке-доноре первый компонент причастие, а в немецком – элемент сложного слова.

Смысловое калькирование ориентируется на заимствование семантического компонента эквивалентного обозначения в языке-доноре. Смысловые кальки распадаются на а) *переносные*, б) *словообразовательные* и в) *фразеологические*.

А) *Переносной* калькой (*Lehnbedeutung*) называется придание слову в языке-реципиенте отсутствовавшего у него ранее переносного значения по образцу единицы-прототипа в языке-доноре, например: «*die Maus*» (нем.: *компьютерная мышь*) по аналогии с «*mouse*», «*feuern*» (нем.: *уволить*) по аналогии с «*to fire*» и др.

Б) При словообразовательном калькировании (нем.: *Lehnschöpfung*) воспроизводится морфологическая структура слова, ср.: «*Rinderwahnsinn*» (нем.: *коровье бешенство*) по аналогии с «*mad cow disease*». Словообразовательное калькирование зачастую совпадает с переносным, так как созданное путем поморфемного перевода слово копирует заключенный в слове-источнике семантический перенос. Так, немецкая единица «*Schlafstadt*», копирующая английское «*dormitory town / suburb*», воспроизводит также и ход метафорического переосмысления пространственной идеи (*Schlafstadt* = «спальный район», т.е. необязательно то место, где люди ночуют, а где нет увеселительных заведений и т.п.). Словообразовательные кальки бывают неточными: при переводе компоненты могут меняться местами. Так, например, в немецкой кальке «*Herunterzählen*» (нем.: *обратный отсчёт*), в сравнении с её английским прототипом «*count-down*», очерёдность компонентов противоположная.

В) Фразеологические кальки (*Lehnwendung*) представляют собой пословный перевод идиоматического словосочетания, например: «*im gleichen Boot sitzen*» (нем.: *сидеть в одной лодке*) по аналогии с «*to be in the same boat*»; «*jemandem die Schau stehlen*» (нем.: *затмить всех, оказаться в центре внимания, «заткнуть» за пояс*) по аналогии с «*to steal the show from somebody*»; «*die Schönheit ist im Auge des Betrachters*» (нем.: *красота в глазах созерцателя*) по аналогии с «*the beauty is in the eye of the beholder*». П. Браун относит в данную группу также интернациональные фразеологические кальки («*Interphraseologismen*») [Braun, 1993, с. 74–79], ср.: «*seinen Kopf verlieren*» и «*to lose one's head*». «Интерфразеологизмами» В. Фляйшер обозначает единицы, сосуществующие в разных языках и совпадающие по образности, объёму значения и идиоматичности [Fleischer, 1982, с. 301–302].

По способу деривации англоязычная лексика в составе немецкого литературного языка разделяется на две большие группы: *апприорные* и *апостериорные* образования.

К *апприорным* образованиям англо-американского происхождения относится весь заимствованный лексемо-морфемный материал, имеющий в языке-доноре синхронно или диахронно прототипические соответствия.

Апостериорными в данной работе мы обозначаем образования из лексемно-морфемного экзогlossного материала с нарушенным принципом обратимости по В.В. Кабакчи, т.е. невозможностью установить ни синхронно, ни диахронно такие соответствия. Апостериорные образования в

немецком литературном языке на основе заимствованного языкового материала англо-американского происхождения представлены шестью группами явлений: 1) гибридными терминологическими образованиями, 2) псевдозаимствованиями, 3) заимствованными формами спряжения глаголов англоязычного происхождения, 4) псевдоапострофированием и 5) единицами, заимствованными ранее из романских языков, но переозвученными в соответствии с произносительными нормами (американского варианта) английского языка, 6) неосемантами.

1) Гибридные терминологические образования (*Misch-, Hybridbildungen*) являются сложными составными единицами (композиатами), созданными для специальных целей и состоящими из гетерогенных основ (корней) экзоглоссного и немецкого происхождения. Структурно-семантически они подразделяются на копулятивные (сочинительные) и детерминативные (подчинительные) композиаты.

Копулятивные терминологические гибриды (*kopulative terminologische Mischkomposita*) представляют собой редкую комбинацию равноправных компонентов английского и немецкого происхождения (1,66% от общего числа англоамериканизмов), например: «*Tuner-Recorder-Empfänger*» (тюнер, магнитофон и приёмник в одном устройстве).

Среди компонентов детерминативных терминологических гибридов (*attributive terminologische Mischkomposita*) различают главные (*Hauptwörter*) и второстепенные (*Bestimmungswörter*), к примеру: «*Color-Scheibe*» (тонированное стекло), «*Break-Even-Analyse*» (анализ порога прибыли), где компоненты «*Scheibe*» и «*Analyse*», выполняющие функцию гиперонимов (*genus proximum*), являются главными, а определяющие компоненты «*Color*» и «*Break-Even*», выступающие в функции гипонимов (*differentia specifica*), – второстепенными. По композиции элементов гибридных образований наиболее часто встречаются композиаты следующих типов: 1) E+D (englisch+deutsch, ср.: *Hot-Labor*, 36,17%), 2) E+E+D (englisch+englisch+deutsch, ср.: *Time-Sharing-Betrieb*, 20,22%), 3) D+E (deutsch+englisch, ср.: *Werbespot*, 24,72%), 4) D+D+E (deutsch+deutsch+englisch, ср.: *Freizeitjob*, 16,45%). Наименее частотны гибридные образования типа D+E+D (*Rumpel-Leed-Test*) или E+D+E (*H2-Rezeptorenblocker*) (в целом 2,44%).

главный компонент		второстепенный компонент	
D	E	D ₁	E ₁
57,61%	42,39%	42,39%	57,61%
		(D+)D ₂	(E+)E ₂
		17,67%	21,44%

Таб. 5. Детерминативная терминологическая гибридизация образца «немецкий vs. (американский) английский»

Количество детерминативных терминологических гибридов с немецкоязычным компонентом в функции главного элемента в немецком литературном языке составляет 57,61% единиц на соответственно 42,39% с англоязычным компонентом в указанной функции. Англоамериканизмы преобладают в равных пропорциях в качестве второстепенных элементов детерминативных гибридных композитов, среди которых элементов второго порядка (E₂) 21,44% (таб. 5). Единицы данной подгруппы апостериорных образований частично соотносятся с типами, выделенными при помощи композиционного критерия (см. далее).

2) Характерной экзогlossной тенденцией частного характера для языковой ситуации в ФРГ исследуемого периода является феномен *псевдозаимствования* (*Scheinentlehnungen, Scheinanglizismen, Pseudoanglizismen, anglisierende Bildungen*), под которым понимается использование слов и выражений, однозначно образованных из материала (американского варианта) английского языка, но отсутствующих в нём, по меньшей мере, в данном значении или непонятных большинству его носителей. Х. Ленерт обозначает данные образования на английский манер «ghost-words» (англ.: *слова-призраки*), ссылаясь, как и многие зарубежные германисты, на факт манипуляции англоязычным языковым материалом [Lehnert, 1998, с. 59]. А.А. Романов указывает на тот факт, что для многих англичан и американцев, приезжающих в Германию, подобные слова и выражения непонятны и потому вызывают недоумение [Романов и др., 2007, с. 42–44].

Так, на основе заимствованного англоязычного материала в немецком языке образовались единицы «*Dressman*» (англо-нем.: *мужчина-фото модель*), «*Handy*» (англо-нем.: *сотовый телефон*), «*Talkmaster*» (англо-нем.: *ведущий ток-шоу*), «*Pullunder*» (англо-нем.: *противоположность пуловеру, т.е. свитер, надевающийся под одежду; ср. значение английских морфем «over» и «under» в словах «Pullover» и «Pullunder»*),

«*Twen*» (англо-нем.: человек в возрасте от 20 до 30 лет; по аналогии с «*Teen*»), «*Ego-Shooter*» (англо-нем.: компьютерная игра жанра «боевик» от первого лица), «*Beamer*» (англо-нем.: видеопроектор для презентаций), «*Foto-Shooting*» (англо-нем.: отборочная съёмка для журнала (мод), фильма), «*Funeralmaster*» (англо-нем.: сотрудник похоронного бюро, гробовщик), «*Oldtimer*» (англо-нем.: старая модель машины), «*Longseller*» (англо-нем.: товар, который медленно продаётся; ср. «*Bestseller*»), «*Fun-sport*» (англо-нем.: популярный вид спорта, любимый вид спорта) и др.

3) Заимствованные формы спряжения глаголов англоязычного происхождения (*übernommene Konjugationsformen entlehnter englischer Verben*) развёрнуто представлены в § 2.3.2. Зачастую перфектное причастие образуется у глаголов, ранее заимствованных из (американского варианта) английского языка, с суффиксом «-ed», ср.: *geprinted*, *gescanned*, *gedownloaded*, «*für meine Freundin bin ich total abgespaced*» (англо-нем.: «моя подруга считает меня не от мира сего»). В отдельных случаях такая финаль встречается у указанных глаголов в третьем лице единственного числа по аналогии с образованием перфектного причастия, ср.: *er printed*.

4) Случаи псевдоапострофирования (*Sächsischer Genitiv*) подробно описаны в § 2.3.3.

5) Явление переозвучивания (*Umlautung*) рассмотрено в § 2.3.4.1. настоящей монографии. Необходимо добавить, что П. ф. Поленц фиксирует в данной подгруппе тенденцию к смене графической и фонетической оболочек переозвученных единиц, например, «*Apartment*» вместо «*Appartement*», «*Publicity*» вместо «*Publizität*» и высказывает сожаление по поводу того, что данная тенденция распространяется на тексты функционального стиля науки, в которых термины греческого, латинского и французского происхождения с мощным деривационным потенциалом переозвучиваются в соответствии с произносительными нормами (американского варианта) английского языка [Polenz, 2009, с. 140].

6) Неосемантами (*Neosemanten*) являются заимствованные ранее единицы, по разным причинам подвергшиеся ресемантизации или реэтимологизации, и заново переосмысленные языковым коллективом в условиях сложившейся языковой ситуации. Неосемантизация тесно связана с явлением деэтимологизации единиц, т.е. нарушением связи единицы и её этимона, затемнением первоначальной семантической структуры слова. Тенденция к неосемантизации относится к общеевропейской и маркирует интернациональные единицы, которые Р. Люр называет «европеизмами» (*Europäismen*) [Lühr, 2011, с. 168].

На фоне общей тенденции к интернационализации периферийной и дополнительной сфер словарного состава немецкого литературного языка ФРГ происходит переосмысление имеющихся интернационализмов, ср.:

(1) «**Krise**» (греч.: *krísis*, фр.: *crise*), ранее: <*entscheidende Wendung, Entscheidung*> (решающий поворот событий), сегодня: <*Verschlechterung der Lage, schwierige Situation*>, например:

«*Krisen sind eine Gefahr für die Beziehung*».

(Focus. Zehn Wege durch die Krise);

(2) «**Problem**» (лат.: *problema*), ранее: <*die gestellte wissenschaftliche Aufgabe, Streitfrage*>, сегодня: <*Schwierigkeit, Fehler, Nachteil, Aufgabe*>, к примеру:

«*Große Probleme haben beispielsweise Menschen, die sich unkontrolliert sonnen oder regelmäßig ins Solarium gehen*».

(Die Welt. Wie Erwachsene unter Pickeln leiden);

(3) «**Diät**» (лат.: *diaeta* < греч.: *diáita*), ранее: <*Krankenkost, Schonkost*> (питание для больных, чтобы поправиться, ср.: «*Abgeordnetendiäten*» <**прибавление** в жаловании депутатов>), сегодня: <[*Gewichts*]abnahmekost>, например:

«*Manchmal verliert man bei einer Diät neben dem Gewicht auch Haare und Freude*».

(Men's Health. Macht Ihre Diät Sie krank?).

По **способу композиции** англоамериканизмы в составе немецкого литературного языка делятся на *простые, составные* единицы, *акронимы, гибридные* и *монолингвальные сращения* (контаминации), *линейные сокращения* (контрактуры). Большинство данных типов единиц описано в §§ 2.3.4.2., 2.3.4.3. К *монолингвальным контаминациям* относятся априорные образования (заимствования) интернационального образца, например: «*Speating*» от «*speaking*» и «*eating*» (англ.: *игровая форма обучения иностранному языку (в основном английскому) во время еды*), «*Infotainment*» от «*information*» и «*entertainment*» (англ.: *способ передачи информации с элементами развлечения*).

§ 2.3.5. Прагматический уровень

Согласно определению объекта исследования прагматики, данному Р.С. Столнейкером, «она изучает язык в его отношении к пользователям» [Столнейкер, 1985, с. 419]. Следовательно, прагматический уровень, равно как и лексический, очень тесно связан с семантической стороной коммуникации. Семантическое значение, как пишет С.М. Соболева, – это значение, независимое от речевой ситуации, именно вокруг него возникают различные коммуникативные смыслы, порожденные различной речевой практикой [Соболева, 2009, с. 71].

Изменения прагматического характера в условиях инвазивного заимствования подразумевают не только изменённое отношение пользователей к знакам или отношение к новым знакам, но и, как пишет классик лингвистической прагматики Т. в. Дейк, «изменения смысла использования знаков вообще» [в. Дейк, 1978, с. 292].

В качестве наиболее выраженной тенденции прагматического уровня Д. Нюблинг выделяет изменение в категории дейксиса как наиболее частое следствие языкового контакта [Nübling, 2010, с. 147]. Так как сфера дейксиса включает указание на участников коммуникации [Виноградов, 1990, с. 128], то носителями дейктической функции выступают также имена собственные в качестве лексических единиц, указывающих на изменённое отношение говорящего к означиванию реалий окружающей действительности в условиях престижности единиц языка-донора.

Рассмотрение данной группы явлений на прагматическом уровне как частной экзогlossной тенденции объясняется, согласно Н.Д. Арутюновой, самой принадлежностью дейксиса к сфере прагматики [Арутюнова, 1988, с. 5–6]. Дейксис, как один из способов референции противопоставляется номинации [Виноградов, 1990, с. 128], что определяет отнесённость рассматриваемой проблематики в область задач прагматической лингвистики. К примеру, замена единицы «*Buchhaltung*», известной в значении «бухгалтерский учёт» широко за пределами ФРГ, англоамериканизмом «*Controlling*» восходит к изменённому отношению пользователей к означиваемому (плану выражения) единицы «*Buchhaltung*», т.е. к предмету речи, включённому в сферу дейксиса. Так, в фильме Г. Вётцеля «*Wer rettet jetzt die deutsche Sprache?*» («Кто теперь спасёт немецкий язык», 2008) Б. Замланд, директор рекламного общества с англоязычным названием *endmark AG*, считает, что «с немецким языком столько не продать, сколько можно продать с (американским) английским».

В семантической плоскости можно наблюдать эксемию плана содержания единицы «*Controlling*» посредством интеграции компонентов семемы «*Buchhaltung*» в результате смены означиваемого, в прагматической – референцию к статусной стороне референта, его иерархизацию, отождествление с экзогlossной вертикалью, представленной языком социального престижа. Дейксис здесь выполняет маркерную функцию, так как соотносится с внеязыковой реальностью, т.е. имеет статусную реализацию сообщаемого факта [Виноградов, 1990, с. 128].

Большинство из приведённых далее примеров подчинены общей тенденции к подражанию экзогlossным коммуникативным нормам, в частности вследствие переводческого автоматизма. Пользователи изменяют своё отношение к средствам собственного языка, предпочитая им более престижные «модные» формулировки языка-донора, что находит выражение, с одной стороны, в заменах привычных обозначений более престижными «англоамериканизмами» (к данной категории явлений относятся и имена собственные), а с другой стороны, в появлении «модных слов», о которых пишет П. Браун как об одной из устойчивых экзогlossных тенденций в современном немецком языке [Braun, 1993, с. 207–213]. Данная тенденция расценивается рядом ведущих зарубежных германистов как «манипуляция англо-американским языковым материалом» (ср.: L. Götze, 2000, 2003; P. Ernst, 2005; P. v. Polenz, 2009 и др.), что в целом подтверждает её прагматическую обусловленность.

Так как носителями дейктической функции являются а) лексические единицы и б) грамматические категории [Виноградов, 1990, с. 128], экзогlossные тенденции на прагматическом уровне представлены следующими группами явлений: а) появление «модных слов» и замена ими конвенциональных лексических единиц (переозначивание); б) изменения в категории грамматического дейксиса.

А) Появление «модных слов» и замены ими конвенциональных лексических единиц (переозначивание – термин наш) является прямым действием общей экзогlossной тенденции к апостериоризации, т.е. созданию собственных эффективных ресурсов на основе заимствованного экзогlossного материала, и эксплицирует коммуникативную стратегию, при которой новым обозначением указывается на престиж языка-донора и предпочтение экзогlossных единиц эндогlossным, ср.: «*Nightliner*» вместо «*Nachtbus*» (нем.: автобус, отправляющийся или прибывающий ночью), «*Musikbox*» вместо «*Spieluhr*» (нем.: музыкальная шкатулка), «*Loser*» вместо «*Versager*» (нем.: неудачник).

Переозначивание примыкает к словообразовательной тенденции к сокращению или инициализации онимов (имён собственных) или апеллятивов в функции онимов. Здесь дейктическая функция лексических единиц выражается в отнесённости означаемого к международному уровню, а также необходимости указания на референта как «*Globalplayer*» (нем.: *интернационально признанным субъектом*) в изменённых условиях коммуникации.

Так, в акционерном обществе Bosch все названия структурных подразделений переводятся на английский язык методом калькирования, например: «*Work Council*» вместо «*Betriebsrat*». Но если сокращение «*BR*» не обнаруживает ассоциативных параллелей с другими единицами, то акроним, произведённый от «*Work Council*», созвучен заимствованной единице «*WC*» (*water closet*), что создаёт сильный эффект комизма.

Явление инициализации онимов подчинено тенденции к линейному сокращению речевого акта как средству экономии усилий при обращении к адресату, поэтому онимы сокращаются в большей степени, чем апеллятивы. При сокращении или акронимизации имён собственных используется фонетическая транскрипция языка-донора, например: «*JC*» [dʒeɪ'si:] вместо «*Jesus Christus*».

Сокращение имён собственных на англосаксонский манер осуществляется также через диминуацию (добавление суффикса –y– (см. об этом также пункт 2) § 2.3.4.2.) или подмену онима морфологически схожим или родственным диминутивом) и служит средством создания юмора и сатиры, ср. цитату из анекдота про юного И.В. ф. Гёте:

«*Also, Johnny Wolf Goethe zieht sich zum Überlegen kurz zurück und gibt sodann zum Besten...*»

(Humor.li. Witze der Kategorie Kneipenwitze. Seite 2: Ein Stegreifgedicht.)

Фамилия «*Goethe*» как часть сложных онимов также произносится по-английски [gəʊði], например, в названии Франкфуртской финансовой школы им. Гёте «*Goethe Business School Frankfurt*».

Частотные немецкие имена «*Michael*», «*Maria*» и «*Barbara*» заменяются при обращении на диминутивы «*Mike*», «*Mary*» и «*Barby*». Количественному сокращению подвергаются не только первые имена, но и фамилии, причём как эндемические, так и иностранные, к примеру:

«*Jogi*» вместо «*Joachim*» (*Löw*) (тренер национальной сборной Германии по футболу на чемпионате мира в ЮАР),

«*Gorbi*» вместо «*Gorbatschow*».

Наиболее сильно подвержены данной тенденции имена собственные, распространённые и в языке-доноре и в языке-реципиенте, ср. сокращение онима «*Edward*» в названии комедийного сериала «*Alle gegen Ed*» (нем.: «*Все против Эд(вард)а*»).

Явление подмены онима морфологически схожим диминутивом можно наблюдать на примере обращений «*Mam*» [ma:m] (тж.: «*Mum*»

[mɪm]) и «Dad» [dæd, также: dæt], инфильтрированных в немецкий язык в процессе перевода американской кино- и видеопродукции и подменяющих разговорные формы «Mutti» и «Vati».

Приведённые примеры в категории онимов свидетельствуют о линейном сокращении (количественной редукции) средств, имеющих дейктическую нагрузку, в функции обращения. Данная тенденция способствует повышению коммуникативной чёткости лексических единиц [Лотте, 1982, с. 67], являясь следствием общей тенденции к созданию эффективных ресурсов (апостериоризации).

Параллельно можно наблюдать редукцию дифференциальных признаков адресата в результате подмены обращения в доверительном общении единицей «hey» (англ.: эй), представляющей собой своего рода имплицитный дейксис, выполняющий функцию указания как на адресата, так и на самого говорящего (возвратная функция дейксиса) ср.:

- (1) в функции обращения к адресату: «Hey, wo gehst du hin?», «Hey, wie geht's?», «Hey, was soll das?»;
- (2) в возвратной функции: «Hey, hab' ich's das letzte Mal etwa hierher gelegt?», «Hey, ich glaub', ich drehe durch!».

Социальными маркёрами дейксиса в немецком литературном языке выступают также англо-американские заимствования, закреплённые за промежуточной категорией прилагательного / наречия, к примеру:

- (1) «Die Kinder müssen **free** erzogen werden».
(Из телешоу на канале N24 2007 г.)

Дейктический элемент «free», подменяющий автохтонную единицу «frei», локализует стандарт воспитания, который является предметом речи: американские культурные нормы, «характеризующиеся большей либеральностью и демократичностью» [Fluck, 1988, с. 51].

- (2) «Ich bin **reell** enttäuscht!» (нем.: «Я **реально** разочарован(а)!») по аналогии с «I am really disappointed!», где замена узуальной единицы «wirklich» калькой «reell» служит эмфатическому усилению степени разочарованности.

В анализируемых примерах наличествует репрезентация категории «Свой – Чужой»⁷, где элемент Чужого представлен экзоглоссными единицами, являющимися носителями дейктической функции и материально соотносёнными с социально престижным компонентом языковой ситуации в ФРГ: американским вариантом английского языка.

⁷ См. подробнее: Матвеева А.А. Дейксис как маркер категории «свой – чужой» [Текст] / А.А. Матвеева // Вестник Самарского государственного университета, 2007. – № 1. – Самара: Изд-во СамГУ. – С. 47–52.

Таким образом, в условиях инвазивного заимствования англоамериканизмов в немецком литературном языке наблюдается слияние лексического и социального дейксиса, что доказывает неразрывность экстра- и интралингвистической плоскостей в изучении закономерностей и особенностей языкового контакта.

Б) **Экзогlossные тенденции в категории грамматического дейксиса** определяют так называемую «нестандартность» строения предложений немецкого литературного языка [Анохина, 1999, с. 224], реализуются через синтаксические структуры и собственно грамматические категории и эксплицируются в кристаллизации дейктических связей между компонентами высказывания в результате действия автоматизма при переводе англоамериканизмов на немецкий литературный язык, ср.:

- (1) «*Mach **deine** Augen auf!*» по аналогии с «*Open **your** eyes!*», вместо «*Mach die Augen auf!*».
- (2) «*Er schließt **seinen** Mund*» по аналогии с «*He is shutting **his** mouth*», вместо «*Er schließt **den** Mund*».

Модальный глагол «*können*» используется в дейктической функции по англо-американскому образцу в контекстах, где значение основного глагола уже имплицитно сему <мочь>:

«***Kannst** du uns sehen / hören?*» по аналогии с «***Can** you see / hear us?*», вместо: «*Siehst / Hörst du uns?*».

Ряд явлений, относящихся к данной группе, был рассмотрен в пункте 3) § 2.3.2. (слияние возвратного местоимения в дательном падеже с определённым артиклем в притяжательное местоимение, указывающее на субъект высказывания). В приведённых примерах демонстрируется усиление экстенционала дейктических единиц под давлением лексических аналогий языка-донора.

Выводы по главе II

Термин «американизация» обозначает: а) совокупность экзогlossных тенденций в системе немецкого литературного языка, б) языковую ситуацию ФРГ 1945–2010 гг. За начало диафазы американской экзогlossии (общности всех англо-американских влияний и волн заимствований) в истории немецкого литературного языка принят 1918 г. Определение завершения диафазы на данном этапе невозможно. В рамках исследуемой языковой ситуации выделены два периода американизации: 1) 1945–1990 гг., известный как «американизм»; 2) 1990–2010 гг. Наиболее инфильтрированными сферами лексического состава немецкого литературного языка первого периода американизации являются: а) сфера науки и техники, б) средств массовой информации, в) экономики и финансов, г) моды и д) спорта. Во втором периоде американизации выделяются сильно-, средне- и слабоинфильтрированные англоамериканизмами сферы немецкой литературной речи. К сильноинфильтрированным относятся: сфера компьютерных и Internet-технологий, средств массовой коммуникации, социальная, спортивная и сфера экономики. Среднеинфильтрированы сферы банковских и финансовых операций, развлечений и свободного времяпрепровождения, трудовой занятости и образования, моды, транспорта и автомобилей и сфера телекоммуникационных технологий. К слабоинфильтрированным принадлежат сфера здоровья и здорового образа жизни, сфера музыки, сфера гастрономии и изделий пищевой промышленности.

Общей экзогlossной тенденцией *первого периода американизации* выступает преимущественно априорный характер новообразований в системе немецкого литературного языка, позволяющий диагностировать заимствование эффективных средств. *Второй период американизации* немецкого литературного языка характеризуется тенденцией к апостериоризации как частного случая гибридизации заимствованных и автохтонных единиц, что свидетельствует об образовании эффективных ресурсов. *Единой для обоих периодов* является тенденция к преобладанию именных частей речи (преимущественно имён существительных) над остальными в процессе заимствования.

Общими экзогlossными тенденциями для всех уровней системы немецкого литературного языка выступают: тенденция к апостериоризации и подражанию речевым стереотипам американского варианта английского языка вследствие переводческого автоматизма. Экзогlossными тен-

денциями *частного* характера на уровне системы являются следующие: *на фонетическом уровне* – к лояльности языку-донору, которая выражается в переозвучивании экзогlossных (ранее заимствованных) единиц в соответствии с произносительными нормами американского варианта английского языка; *на морфосинтаксическом уровне* – к колебанию грамматического контура заимствованных единиц, тенденция к упрощению грамматического контура единиц и подмене конвенциональных конструкций стандартными англоязычными, которая может служить как прагматическим, так и стилистическим целям, например терминологизации; *на графическом уровне* – к недостаточной графической адаптации и неполному охвату орфографическими предписаниями всего спектра явлений; *на лексико-семантическом уровне* – к интернационализации заимствованной лексики англоязычного происхождения, образованию гетеролингвальных вариантов, универбации, линейному сокращению лексических единиц, деривации на основе суффижирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения; *на прагматическом уровне* – к изменению в категории дейксиса, появлению модных слов. Наиболее эксплицитной экзогlossной тенденцией *в области фразеологии* выступает, на наш взгляд, интернационализация фразеологических единиц, ведущая к образованию интерфразеологизмов.

Определение индекса экзогlossности как частного общего количества единиц определённой лексико-семантической группы и числа зафиксированных англо-американских заимствований позволяет констатировать, что наиболее выраженные экзогlossные тенденции (диаформизм) наблюдаются в периферийной сфере немецкого литературного языка периода американизации (0,635), в то время как в дополнительной и базисной сферах зафиксированы соответственно умеренные (0,024) и слабые (0,001) тенденции к экзогlossии. Наиболее продуктивными при заимствовании англоамериканизмов можно считать буквы с коэффициентом $> 10\%$: А, С, N. Среднепродуктивными (с коэффициентом $> 5\%$) являются: В, Н, М, S. Низкопродуктивные буквы (с коэффициентом $> 1\%$): G, J, O, Q, X, Y.

Глава III
**АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФРГ 1945–2010 ГГ.:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ**

**§ 3.1. Функционирование подсистем немецкого литературного языка
в контексте американизации**

Согласно дифференциации языкового и речевого уровней в § 2.1. для настоящей монографии, на уровне речи (*parole*) исследуются *формы функционирования* англоязычных заимствований в немецком литературном языке обоих периодов американизации. Под формами функционирования понимаются средства и способы реализации единиц англо-американского происхождения в текстах, относящихся к культурному континууму данного периода. Как отмечает М.М. Гухман, на этой общей основе должны выделяться центральные сферы использования литературного языка и в пределах этих сфер наиболее репрезентативные виды письменности [Гухман, Семенюк, 1983, с. 5].

Под сферами использования немецкого литературного языка понимаются его функционально-стилистические разновидности, которые можно трактовать вслед за М.П. Брандес как «системы внутренних отношений и связей явлений, в которой проявляются функции назначения словесного произведения» [Брандес, 1983, с. 159]. Наличие системы функциональных стилей составляет такой важный идентификационный признак немецкого литературного языка, как поливалентность (полифункциональность) [Гухман, Семенюк, там же].

Традиционно в германском языкознании различают пять функциональных стилей, конституирующих немецкий литературный язык: научный (также научно-технический), стиль публицистики и прессы, официально-деловой, разговорно-бытовой и художественный стиль [Гухман, 1970, с. 502–548; Семенюк, 1972, с. 68–82; Брандес, 1983, с. 159–259; Наер, 2005, с. 28–37; Ullmann, 1972, с. 182–224; Riesel, Schendels, 1975, с. 7; Fleischer, Michel, 1979, с. 253–267; и др.].

Особое положение в системе функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка занимает художественный стиль, который Э.Г. Ризель определяет как обобщённый контекст для отбора и комбинирования средств из других функциональных стилей [Riesel, 1959, с. 17] (см. об этом подробнее § 3.1.5.). Особенными тексты данной

функционально-стилистической разновидности делает то обстоятельство, что закономерности построения в них художественной речи объясняются не грамматическими и синтаксическими правилами, а правилами построения смысла [Брандес, 1983, с. 222], что может способствовать не только расширению рамок художественного функционального стиля, но и преодолению им границ литературного языка вообще [ср.: Гухман, 1970, с. 5].

§ 3.1.1. Экзогlossные тенденции в функциональном стиле науки

Согласно М.П. Брандес, общее содержание функции научного стиля (*Stil der Wissenschaft*) можно определить как «объяснение в широком смысле этого слова, которое включает в себя этапы научного мышления, закрепление процесса познания, изложение результатов познания» [Брандес, 1983, с. 177].

Анализ экзогlossных тенденций проводился с опорой на «письменно-монологическую форму существования функционального стиля науки» (термин Э.Г. Ризель [Riesel, 1959, с. 13–14]), которая представлена пятнадцатью монографическими работами в следующих областях знаний: физика (3), физическая химия (1), нанотехнологии (1), бионика (1), математическая логика (1), геология (2), лингвистика (1), компьютерная лингвистика (2), психология (3).

Монографии относятся к собственно-научному жанру научных документов в немецком литературном языке и характеризуются обобщением разнородных сведений, полученных в результате проведения нескольких научно-исследовательских работ, посвящённых одной теме и содержащих больше субъективных факторов при обобщении, чем статья [Брандес, 1983, с. 178]. Именно то обстоятельство, что монографии создаются лишь после накопления определённого количества фактических и обобщённых сведений и предполагают широкий охват статистических и фактических данных, обусловило выбор текстов данной жанровой реализации для анализа экзогlossных тенденций в немецких научных текстах. Границы временного диапазона издания привлечённых монографических работ равны 1979–2008 гг., что не выходит за рамки изучаемой языковой ситуации.

Так как коммуникационный канал описываемой функционально-стилистической разновидности является преимущественно письменным, а норма толерантна к сложно- и неудобопроизносимым явлениям, в частности экзогlossного образца, то заимствуемые в немецкой научной литера-

туре англоамериканизмы адаптируются в немецких научных текстах без видимых сложностей. Интерферирующее влияние здесь оказывает продукция текстов на английском языке в рамках международной научной деятельности, причём аутентичные тексты англоязычных партнёров рассматриваются как эталонные для научного творчества.

В условиях приоритетности англоязычной научной практики можно констатировать нивелировку выведенных Дж. Голтунгом различий между исконными стилями англоязычной и немецкоязычной науки, согласно которым «саксонскому (английскому) стилю» («*saxonischer Stil*») присуща склонность к документированию, а для «тевтонского (немецкого) стиля» («*teutonischer Stil*») характерно создание теорий [Galtung, 1981, с. 19]. Нивелировка усиливается тем, что, как отмечает М. Хоффманн, языка науки в немецком литературном языке как такового не существует, а лишь язык медицины, экологии, психологии и т.д., которые не только определяют содержание, но и составляют жанровую картину немецкого «функционалекта» науки [Hoffmann, 2007, с. 26].

Как пишет В. Фляйшер, «основной чертой исследуемой функционально-стилистической разновидности выступает абстракция как способность читателя исчерпывающе восстанавливать и отслеживать цепочку мыслей автора» («*den Gedankengang lückenlos nachvollziehen*») [Fleischer, Michel, 1979, с. 260]. В этом смысле использование англоамериканизмов хотя и противоречит данному принципу, так как в ряде случаев нарушает целостность повествования, однако является стойкой экзогlossной тенденцией в немецких научных текстах.

Большинство из рассматриваемых далее случаев употребления англоамериканских единиц в анализируемых научных текстах имеет терминологическую природу, что обусловлено жанровой спецификой терминологии, т.е. тенденцией в компримированном и точном изложении эмпирических фактов, характерной для немецкого научного стиля [Faulseit, Kühn, 1975, с. 176–186].

Необходимо подчеркнуть, что терминообразование в немецком стиле науки ориентируется на конкретный язык-стандарт, которым в средние века выступает латынь, затем в эпоху «*à la mode*» – французский язык, а с началом индустриальной революции в 1918 г. становится американский вариант английского – язык науки и техники, получивший в современном мире статус языка высоких технологий. Данная экзогlossная направленность терминообразования объясняется «сужающей» семантикой термина, его слабой мотивированностью в сравнении с эндогlossными единицами, склонными в большей степени к полисемии и омонимии.

Вслед за М.П. Брандес выделяем две «неравные» группы терминов в исследуемой функционально-стилистической разновидности: «1) специальную терминологию с множеством более частных подразделений, ограниченную в своём употреблении определёнными сферами общения, и известную в основном только специалистам, и 2) общеупотребительную терминологию, практически известную всем носителям языка» [Брандес, 83, с. 187].

1) В группе использования **специальных терминов англо-американского происхождения** зафиксированы следующие подгруппы: а) введение англоамериканизмов в дефинициях; б) в комментариях к иллюстративному материалу; в) необъяснёнными; г) в качестве терминологических единиц международной номенклатуры; д) производных от онимов; е) в расшифровках калькированных терминов; ж) в качестве безэквивалентных единиц; з) варваризмов и инокультурных цитат.

А) Термины англо-американского происхождения, которые недоступны рядовому пользователю немецким языком, вводятся через дефиниторные конструкции с глаголами «*nennen*», «*definieren*», с определением «*so genannt* (сокращённо: *sog.*)», в оборотах «*X ist als Y bekannt*», «*X wird als Y bezeichnet*», «*X ist Y*» и т.п. либо через гиперо-гипонимические (родовидовые) противопоставления, например:

- (1) «*Lagern sich mehrere dieser Moleküle im so genannten kooperativen Self-Assembling zusammen, wird eine Quartärstruktur ausgebildet und es entstehen hochfunktionale Supermoleküle*».
(Kesel A.B. Bionik.)
- (2) «*Der IEC-Entwurf „terms and definitions in industrial process measurement and control“ definiert einen Sensor als “**primary element of a measuring chain which converts the input variable into a signal suitable for mesurment** (слово напечатано в оригинале с ошибкой, следует читать: *measurement* – комментарий наш)»*».
(Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen.)
- (3) «*Ungeklärt ist die Situation bei der sog. BSE (bovine spongiform encephalopathy)*».
(Sinell H.-J. Einführung in die Lebensmittelhygiene.)
- (4) «*Man nennt dieses Ereignis deshalb oft den „Urknall“ oder „**Big Bang**“*».
(Rohlit W. Radioaktivität.)
- (5) «*Für die Symptomatik allergischer Reaktionen des Soforttyps, der verlangsamten sowie der Spätreaktion sind bestimmte Überträgersubstanzen – auch Mediatoren genannt – verantwortlich*».
(Volk R. Allergien.)

- (6) «Die Erkrankung trat bislang bei Schafen und Ziegen auf und ist in England seit 200 Jahren als „**Scrapie**“ bekannt».
(Sinell H.-J. Einführung in die Lebensmittelhygiene.)
- (7) «Als „**Token**“ wird auch jedes einzelne Vorkommen einer „**Types**“ bezeichnet, d.h. jeder Token ist ein Exemplar oder eine Instanz eines Types».
(Reischer J. Die Sprache: Ein Phänomen und seine Erforschung)
- (8) «Laterit, Silcrete und Calcrete sind die wichtigsten der massiven, oft sehr harten Neubildungen der Verwitterung».
(Bremer H. Allgemeine Geomorphologie: Methodik – Grundvorstellungen – Ausblick auf den Landschaftshaushalt.)
- (9) «Mehrere gleichzeitig verwendete Radiopharmazeutika wie der Single-Photon-Emission-Computer-Tomograph (SPECT) machen die Herzfunktion sichtbar».
(Rohlit W. Radioaktivität.)

Дефиниции могут вводиться также имплицитно, при этом соответствующий англоязычный термин, как правило, заключается в скобки, например:

- (10) «Auch das Einsatzspektrum ließe sich erweitern, etwa auf dem Unterwasserbereich (Antifouling)».
(Kesel A.B. Bionik.)
- (11) «Der Mitbegründer und Chefingenieur der Firma Sun Microsystems, Bill Joy, warnte schon im Jahr 2000 in einem viel zitierten Essay, dass die vollständige Zersetzung aller Materie in „grauen Schleim“ durch sich selbst regenerierende und vervielfältigende Nano-Roboter (Gray Goo) möglich sei».
(Hörmannsdorfer E., Doran U. Nanotechnologie!)

Б) Наиболее экономичным способом введения англоамериканизмов в немецкую научную письменную речь являются комментативные структуры к иллюстрациям как дополнительные средства стилистической наглядности и экспланаторики, например:

- (1) «(подпись к рисунку) **Links der Robonaut der NASA; rechts montieren Robonauten mit einem Astronauten eine Tragstruktur im Labor**».
(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)
- (2) «(подпись к рисунку) **Mars Exploration Rover (MER) der NASA**».
(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)

(3) «(подпись к рисунку «Aufbau eines Kernreaktors») C = **Reaktor-Containment**».

(Rohlit W. Radioaktivität.)

В) Максимальная экспланаторная экономия достигается посредством внедрения англоязычных терминологических единиц необъяснёнными в письменную научную речь, т.е. «по умолчанию». Как правило, данный приём используется в том случае, если англоамериканизмы достаточно известны в научно-популярной литературе, ср.:

(1) «So erscheint es auch nicht zulässig, einem USA-Standard zu folgen, der dem Begriff des **Transducers** den Vorzug gibt».

(Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen.)

(2) «Sie können auch „künstlichen“ Ursprungs sein und sind als solche in früheren Jahren als Folge von Kernwaffenexplosionen in erheblichen Mengen in die Tropo- und Stratosphäre und als **Fall-out** in unsere unmittelbare Umwelt und Lebensmittel gelangt».

(Sinell H.-J. Einführung in die Lebensmittelhygiene.)

Г) Необъяснёнными внедряются в письменную научную речь также англоязычные термины международной номенклатуры, к которым относятся случаи метонимического переноса имени автора (открывателя) на введённую единицу, например:

1) «Bei der Spaltung von 1 Gramm Uran werden dabei etwa 10^{11} **Joule frei**».

(W. Rohlit. Radioaktivität.)

2) «Als Einheit für die Äquivalenzdosis könnte deshalb grundsätzlich das **Gray** benutzt werden».

(Rohlit W. Radioaktivität.)

Д) К более сложным случаям метонимизации относятся англоязычные термины, атрибутивная часть которых представлена относительным прилагательным – производным от онима англо-американского происхождения. Для образования относительных прилагательных используется суффикс *-sch* с апострофом, который заменяет нерегулярный пресуффиксальный гласный [Götze, Hess-Lüttich, 2005, с. 362–363], например:

(1) «Vier nicht parallele Kräfte sind im Gleichgewicht, wenn die Resultierende je zweier Kräfte eine gemeinsame Wirklinie haben – die **Culmann'sche Gerade** – und das Krafteck sich schließt».

(Böge A. Technische Mechanik: Statik – Dynamik – Fluidmechanik – Festigkeitslehre.)

(2) «Man erkennt, dass das Trägheitsgesetz (erstes **Newton'sches** Axiom) im dynamischen Grundgesetz enthalten ist».

(Böge A. Technische Mechanik: Statik – Dynamik – Fluidmechanik – Festigkeitslehre.)

(3) «Allerdings muss dabei beachtet werden, dass sich Metallstäbe nicht auf das Doppelte ihrer Ursprungslänge verlängern lassen und dass das **Hooke'sche** Gesetz nur im elastischen Bereich gilt».

(Böge A. Technische Mechanik: Statik – Dynamik – Fluidmechanik – Festigkeitslehre.)

В тех случаях, когда финаль англоязычного онима содержит гласную, апостроф перед суффиксом *-sch* не используется, ср.:

(4) «Es gibt eine einstellige innere Operation auf B (**Boolesche** Komplementbildung), bezeichnet durch ein Hochkomma am betreffenden Element: für alle $x \in B$ ist $x' \in B$ ».

(Böhme G. Einstieg in die mathematische Logik.)

Е) Англоамериканизмы в функции специальных терминов вводятся в качестве расшифровок калькированных единиц с целью исключения двусмысленности. Как правило, англоязычные эквиваленты и / или их акронимические соответствия заключены в скобки, например:

(1) «Dabei wird ein Röntgenphoton (K -Strahlung) emittiert. Man nennt diese Kernwandlung deshalb außer Elektroneneinfang (**EC = electron capture**) auch K -Effekt und die zugehörigen Radionuklide K -Strahler».

(Rohlit W. Radioaktivität.)

(2) «Bei der Festlegung der Bewertungsfaktoren Q durch eine internationale Kommission (**ICRP = International Commission on Radiation Protection**) wurde eine große Anzahl strahlenbiologischer Experimente berücksichtigt, die mit verschiedenen Strahlenarten durchgeführt worden waren».

(Rohlit W. Radioaktivität.)

(3) «Die Robotik gründet sich auf zwei „Basistechniken“: Telemanipulatoren und die Technik der numerischen Steuerung von Werkzeugmaschinen (**NC: Numerical Control, bzw. CNC: Computer NC**)».

(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)

(4) «Diese Technik wurde zuerst 1952 durch eine Arbeitsgruppe am Massachusetts Institute of Technology (MIT) eingeführt, deren weitere Arbeiten zur ersten Programmiersprache für die Programmierung von Werkzeugmaschinen führten (**APT: Automatic Programmed Tools**)».

(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)

Ж) Выявлен случай введения терминологической единицы англоязычного происхождения, указывающий на факт её денотативной безэквивалентности в языке-реципиенте. Использование данной единицы в скобках, а также грамматическая изоляция от других однородных членов предложения создают впечатление недостаточной редакторской правки текста монографии, ср.:

(1) «*Sicher sind die großen Ären der Tektonik, wie die kaledonische, variszische, (**hercynian**) und alpitischen Faltungszeiten real*».

(Bremer H. Allgemeine Geomorphologie: Methodik – Grundvorstellungen – Ausblick auf den Landschaftshaushalt.)

3) В качестве специальных единиц, неизвестных рядовым пользователям немецким языком, выступают также варваризмы и инокультурные цитаты как особый тип заимствования, нацеленный на создание местного колорита, – «непопулярное заимствование» («*unpopuläres Fremdwort*») по Э.Г. Ризель [Riesel, 1959, с. 108]. Особенностью данной подгруппы можно считать консервацию англоязычных терминологических единиц в графике языка-донора, использование их в качестве «слепок» инокультурной реальности, редукцию термина до формата цитаты, его категориальную неразграниченность между апеллятивом и онимом, что в ряде случаев подтверждает наличие кавычек, например:

(1) «*In Zukunft werden sich auch noch weitere Einsatzfälle entwickeln, die einen unterschiedlichen Grad an Autonomie bzw. „**shared control**“ erfordern*».

(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)

(2) «*Weitere Vorbehalte gegen die technische Realisierbarkeit von faseroptischen und piezoelektrischen Sensoren wurden kurz vor Abschluss des Manuskripts in bemerkenswerter Weise durch zwei Übersichtsreferate und die dort gezogenen Schlüsse („**conclusion**“) bestätigt*».

(Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen.)

(3) «*Der Durchlaufgeber der in Bild 2–6 gezeigten Art kann sowohl im Hauptstrom **in-line** als auch in einem abgezweigten Probenstrom **on-line** betrieben werden*».

(Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen.)

(4) «*Er (**Richard Feynman** – вставка наука) demonstrierte damals die unendlichen Weiten des Mikro- und Nano-Kosmos in seiner berühmten Rede „**There’s plenty of room at the bottom**“ vor Zuhörern aus der Amerikanischen Physikalischen Gesellschaft am **California Institute of Technology**».*

(Hörmannsdorfer E., Doran U. Nanotechnologie!)

- (5) «*Würde man z.B. in die **Proceedings** einer aktuellen **COLING**-Konferenz Vorträge aus einer zehn Jahre zurückliegenden Konferenz einstreuen, es würde nicht auffallen*».

(Hellwig P. Computerlinguistik: Was geht und was kommt, entscheidet die Lehre.)

2) В группе использования **общеупотребительной терминологии англо-американского происхождения** зафиксированы подгруппы: а) калькированных терминов; б) общеизвестных терминов из области информационных технологий; в) антропонимических и этнографических ксенонимов.

А) Калькирование терминов англо-американского происхождения подразумевает первичную адаптацию экзоглоссных единиц в системе языка-реципиента и используется главным образом для передачи более точных и компактных средств языка-донора, например:

- (1) «*Sie orientieren sich mit Hilfe bestimmter ausgezeichneter Punkte im Raum (die z. B. von Laser-Scannern **detektiert** werden)*».

(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)

- (2) «*Die Bildung einer Staubscheibe in der Äquatorebene erfolgt relativ schnell, weil die Partikel durch das Gas zur Scheibe absinken; sie „**spiralen herunter**“, wie es Ringwood (1979) anschaulich formuliert („**spiral down**“)*».

(Strohbach K. Unser Planet Erde: Ursprung und Dynamik.)

- (3) «*(сноска **bedingte Terme***) *engl.: **conditional terms**. Die Notation geht auf den amerikanischen Informatiker McCarthy zurück*».

(Böhme G. Einstieg in die mathematische Logik.)

В меньшей степени калькирование используется для создания профессионализмов как наименований предметов, процессов, приёмов, явлений и т.д. профессиональной деятельности. Возникновение профессионализмов объясняется потребностью оперативной коммуникации, исключающей описательные обороты [Брандес, 1983, с. 126–127].

- (4) «***Checkliste** ist ein Maximum an Sicherheit bei einem Minimum an Kontrolle*».

(Seiwert L. J. Selbstmanagement: Erfolgreiche Arbeitstechniken für Führungskräfte.)

Б) К общеупотребительной терминологии относятся также общеизвестные термины англоязычного происхождения из области информационных технологий, которые стали доступны рядовым пользователям в ходе процессов популяризации научного знания, ср.:

- (1) «*Es sei noch vermerkt, dass die Überprüfung der Stellenzahl einer Funktion in der **Softwaretechnik** zur Semantik gerechnet wird*».
(Böhme G. Einstieg in die mathematische Logik.)
- (2) «*Spinnen sind wahre Hochleistungs-Bioreaktoren wie **High-Tech-Produktionsanlagen** gleichermaßen*».
(Kesel A.B. Bionik.)
- (3) «*Dabei handelt es sich um eine neue Disziplin der Halbleitertechnik, welche die Integration von Sensoren und Signalverarbeitungselektronik auf einem **Chip** zum Gegenstand hat*».
(Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen.)
- (4) «*Bewerten Sie Ihre Aufgaben nach einem **ABC-Raster***».
(Seiwert L. J. Selbstmanagement: Erfolgreiche Arbeitstechniken für Führungskräfte.)

В) Антропонимические и этнографические ксенонимы представляют собой единицы языка-реципиента, «используемые в качестве наименований элементов внешних (иноязычных) культур» [Кабакчи, 1998, с. 166]. Безусловно, нельзя безоговорочно констатировать их принадлежность к терминологии, так как они, пользуясь определением термина М.П. Брандес, не обязательно затрагивают специальные проблемы, не обязательно выполняют определённое информативное задание или подчёркивают авторитетность автора [Брандес, 1983, с. 126].

Тем не менее, ксенонимы, имеющие выраженную референцию к инокультурной реальности, могут выступать элементами терминов (примеры 3, 4), обозначать элементы инокультур, несущие в научном тексте определённую информативную ценность (1, 2, 5, 6), либо использоваться в терминологизирующих контекстах, значительно сужающих их план содержания (7, 8), ср.:

- (1) «*2003: Forscher der Universität **Berkeley** bauen den ersten integrierten Schaltkreis aus Nanotubes*».
(Hörmannsdorfer E., Doran U. Nanotechnologie!)
- (2) «*Der Mitbegründer und Chefindgenieur der Firma **Sun Microsystems**, Bill Joy, warnte schon im Jahr 2000 in einem viel zitierten Essay, dass die vollständige Zersetzung aller Materie in „grauen Schleim“ durch sich selbst regenerierende und vervielfältigende Nano-Roboter (Gray Goo) möglich sei*».
(Hörmannsdorfer E., Doran U. Nanotechnologie!)

- (3) «(сноска*) *Das vollständige **Pascal**-Programm und die Tabelle für den vierten Ausdruck findet der Leser in Anhang 2».
(Böhme G. Einstieg in die mathematische Logik.)
- (4) «Im Gegensatz zum **San-Andreas**-Typ gibt es insbesondere im geographischen Platteninnern einen Herdtyp, den wir mit Schlitztyp bezeichnen wollen».
(Strohbach K. Unser Planet Erde: Ursprung und Dynamik.)
- (5) «Diese Technik wurde zuerst 1952 durch eine Arbeitsgruppe am **Massachusetts Institute of Technology (MIT)** eingeführt, deren weitere Arbeiten zur ersten Programmiersprache für die Programmierung von Werkzeugmaschinen führten (**APT: Automatic Programmed Tools**)».
(Knoll A., Christaller Th. Robotik.)
- (6) «Der erste nach diesem Prinzip arbeitende Kernspaltungsreaktor wurde 1942 von E. Fermi in einer ehemaligen **Squashhalle** der Universität **Chicago** errichtet».
(W. Rohlit. Radioaktivität.)
- (7) «Gegeben seien die Aussagen:
Die Sonne scheint (x_1)
Ein Auftrag liegt vor (x_2)
Miss Peel übt Karate (x_3)
Miss Peel besucht **Mr. Steed** (x_4)
Mr. Steed spielt **Golf** (x_5)
Mr. Steed luncht mit **Miss Peel** (x_6)».
(Böhme G. Einstieg in die mathematische Logik.)
- (8) «Zu problematischen Lebensmittelzusätzen gehört ebenfalls **Azurobin** in **Puddingmischungen**».
(Volk R. Allergien.)

Обособлено существует группа терминов, являющихся авторскими *ad-hoc*-образованиями, т.е. единицами, созданными для специальных целей и эксплицирующие поведенческие стратегии автора текста [Данилова, 1999, с. 235]. Особенностью данной группы выступает её ограниченность текстами гуманитарного научного цикла, которые относятся к *иерархическому типу научной прозы*, представляющему собой информационно насыщенное аналитическое повествование с развитыми периодами и логической расчленённостью сложного синтаксического целого [Арутюнова, 1973, с. 85–95].

К характерным явлениям данной группы можно причислить образование терминов в результате замены означающего англоязычными эквивалентами (1) и образование принципиально новых терминологических единиц, подчёркивающих авторитетность источника (2, 3, 4), например:

- (1) «*Die Zweitsilbe im Hiatus enthält keinen Konsonanten im Silbenonset* (вместо известного «*Silbenansatz*» – комментарий наш)». (Nübling D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels.)
- (2) «*In der folgenden Übersicht sehen Sie noch einmal auf einen Blick, welche Sportart für welchen **Life-Code** besonders geeignet ist*». (Despeghel M. Lebe deinen Life-Code: Mühelos fit und gesund).
- (3) «*Werden Sie vom **Yes-Butter** zum **Why-Notter***». (Bühler F.X. Vom Kopf ins Herz)
- (4) «*Ideal wäre, wenn Sie vor dem **Mental Coaching** eine Standort-Analyse in Sachen effektives Handeln machen*». (Bühler F.X. Vom Kopf ins Herz)

Таким образом, устойчивой экзогlossной тенденцией частного характера в немецком функциональном стиле науки можно считать **терминологизацию англо-американских лексических единиц как для нужд специальной, так и общеупотребительной терминологии**. Указанная экзогlossная тенденция затрагивает лишь лексическое оформление и практически не распространяется на синтаксис немецкоязычных научных текстов.

§ 3.1.2. Экзогlossные тенденции в функциональном стиле публицистики и прессы

Согласно исследованию Д. Герберга, наиболее частыми сферами использования англоамериканизмов являются «компьютер», «мультимедиа», «общество», «спорт» и «экономика» («*Computer, Medien, Soziales / Gesellschaft, Sport, Wirtschaft*») [Herberg, 2002, с. 196–197]. В соответствии с данной тенденцией из каждой области отобраны по три текста (см. Приложение 1) следующих типов: информационного (2, 5, 10, 11, 14, 15), аналитического (1, 3, 4, 6, 12, 13) и художественно-публицистического (7, 8, 9) (см. таб. 6).

К *информационному* типу текста немецкого публицистического стиля (*Stil der Publizistik und Presse*) М.П. Брандес относит – с оговоркой невозможности исчерпывающего разделения типов – хронику, отчёт, заметку, интервью; к *аналитическому* типу – передовую статью, проблемно-критическую статью, рецензию, комментарии; к *художественно-публицистическому* – фельетон, репортаж, очерк, памфлет, глоссу [Брандес, 1983, с. 195].

С точки зрения жанровой реализации публицистические тексты делятся на *монологические*, *диалогические* и *полилогические* (дискуссия, полемика как способ изложения, присутствие комментариев автора как участника беседы и т.п.). Не вдаваясь в особенности дифференциации двух последних жанров, подчеркнём, что для всех трёх характерна в современных условиях коммуникации такая черта, как *миметичность*, т.е. повторяемость через *закрепление вербальных моделей в диалоге с адресатом* (пусть и в воображаемом), формульность, ритуальность коммуникации, взаимообусловленность перформативов в вербальной стратегии её участников [Романов, Романова, 2007, с. 88].

Миметический характер текстов публицистики, проявляющийся в обращении авторов к читателю, в самой интенциональности публицистической прозы, подтверждает констатируемую М.П. Брандес невозможность провести непреодолимую границу как между типами, так и жанрами исследуемой функционально-стилистической разновидности.

Помимо этого, рамкой современных публицистических текстов выступает их медийность, т.е. существование как в твёрдом (физическом) виде, так и в виртуальном пространстве в форме гипертекстов. Медийность можно понимать и как особую жанровую разновидность на основе слияния устных и письменных форм коммуникации, и как условие существования публицистических текстов вообще, для которых «субстанциональную важность имеют такие факторы, как новизна, актуальность, значимость представляемой информации, фактор интереса» [Добросклонская, 2005, с. 75].

Таким образом, ввиду родовидового многообразия текстов функционального стиля публицистики и прессы в немецком литературном языке тексты, отобранные в качестве иллюстративного материала, снабжены параметрами типологической и жанровой принадлежности, что позволяет учесть их главные особенности для фиксации экзогlossных тенденций. Как отмечено выше, общим параметром выступает медийность (М). Субпараметрами являются тип текста (И – информационный, А – аналитический и ХП – художественно-публицистический) и его жанровая реализация (МЛ – монологический, ДЛ – диалогический, ПЛ – полилогический).

сфера	текст	тип
компьютер (3)	1) « <i>Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten</i> » (Spiegel)	М А МЛ
	2) « <i>Amoklauf: „Killerspiele“-Debatte flammt wieder auf</i> » (Focus)	М И МЛ
	3) « <i>IBM: Das Superhirn aus der Maschine</i> » (Frankfurter Allgemeine Zeitung)	М А МЛ
мульти-медиа (3)	4) « <i>Netzwelt Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich</i> » (Spiegel)	М А МЛ
	5) « <i>Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur</i> » (Focus)	М И МЛ
	6) « <i>Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher</i> » (Frankfurter Allgemeine Zeitung)	М А МЛ
общество (3)	7) « <i>Planking – hinlegen, um aufzufallen</i> » (Deutsche Welle)	М ХП ПЛ
	8) « <i>Fitness für Musliminnen</i> » (Deutsche Welle)	М ХП ПЛ
	9) « <i>Cybermobbing – der Internetterror an Schulen</i> » (Deutsche Welle)	М ХП ПЛ
спорт (3)	10) « <i>Golf: USA triumphieren im Ryder Cup</i> » (Spiegel)	М И МЛ
	11) « <i>Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“</i> » (Focus)	М И МЛ ДЛ
	12) « <i>Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel</i> » (Hamburger Abendblatt)	М А И МЛ
экономика (3)	13) « <i>Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab</i> » (Spiegel)	М А МЛ
	14) « <i>Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups</i> » (Innovationsreport)	М И МЛ
	15) « <i>Lukas Papademos: „Griechenland steht am Ground Zero“</i> » (Frankfurter Rundschau)	М И МЛ

Таб. 6. Сферы, названия и типы текстов функционального стиля публицистики и прессы

Границы временного диапазона публикации привлечённых публицистических текстов равны 2006–2010 гг., что не выходит за рамки исследуемой языковой ситуации.

Основной стилистический принцип организации языка в публицистике, согласно М.П. Брандес, это единство экспрессивности и клишированности речи (так называемых «штампов») [Брандес, 1983, с. 198]. Среди причин появления штампов учёная называет «повторяемость тематики, поиски способов выражения экспрессивности, оперативность изданий, которые зачастую не дают возможности довести до хорошей «кондиции» языковую обработку материала» [Брандес, 1983, с. 198].

Высокая экспрессивность, компактность и коммуникативная чёткость англоамериканизмов, отмечаемые Д.С. Лотте [Лотте, 1982, с. 67], полностью подтверждают обозначенный выше принцип организации языка в публицистике и позволяют ряду зарубежных германистов считать каналы средств массовой информации главным источником американизации немецкого языка [ср.: Voigt, 2000, с. 194; Krämer, 2001, с. 12; Götze, 2003, с. 132; Schreiber, 2006, с. 188].

А.М. Люксембург призывает не вкладывать в термин «клише» негативно-оценочный смысл, постулируя, что под ним понимается устойчивая сочетаемость в текстах и промежуточный статус используемых оборотов речи, из которых во многом складываются привычные для читателей информационные блоки и средства образной наглядности. По мнению исследователя, клишированность задаётся во многом наличием «модных слов» иностранного происхождения, которые повышают доверия читателя к тексту и подчёркивают актуальность информации [Люксембург, 2008, с. 29–31]. Использование «модных слов» является выражением субъективной оценки или интерпретации автором текста содержания высказывания, что типично для современных информационных жанров [Луканина, 1999, с. 70].

Как пишет Э.Г. Ризель, стиль публицистики и прессы должен убеждать читателя, во-первых, конкретикой («*Sachlichkeit*»), а во-вторых, эмоциональностью («*emotionale Fühlungnahme*). Средствами конкретики (рационального воздействия) выступают фактические данные, опосредованные реалиями, немецкими и иноязычными терминами, профессионализмами, «модными словами» («*Schlagwörter*») и пр. Эмоциональное воздействие достигается среди прочих средствами создания колорита («*Mittel der Koloritzeichnung*») [Riesel, 1959, с. 437].

Пользуясь сегрегацией Э.Г. Ризель, рассмотрим экзогlossные тенденции в исследуемом функциональном пласте немецкого литературного языка с точки зрения 1) **рационального** и 2) **эмоционального воздействия на реципиентов**.

1) К первой группе относятся случаи введения англоамериканизмов в публицистические тексты немецкого языка в качестве а) социальных жаргонизмов, б) синонимов к существующим автохтонным обозначениям, в) неологизмов, г) окказионализмов и *ad-hoc*-образований, д) терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, е) антропонимических и этнографических ксенонимов и ж) так называемых «модных слов».

А) Социальными жаргонизмами обозначаются элементы особой лексики главным образом «высоких» слоёв общества (*high snobiety*). К данным единицам Э.Г. Ризель относит непопулярные и случайные заимствования, которые непонятны рядовым пользователям языка [Riesel, 1959, с. 97]. Принципом создания социальных жаргонизмов является отграничение коммуникатора от пользователей языка, неприсутствующих к коммуникации внутри конкретной социальной группы, что подчёркивает «маркерную» природу социальных жаргонизмов. Совокупность «отграничивающих» стилистических средств Л. Гётце называет «языком иерархии», консолидирующимся по принципу «отграничение от внешней коммуникативной среды и ограничение внутренней» («*Ausgrenzung nach außen, Abgrenzung nach innen*») [Götze, 2000, с. 23]. В аудио-подкасте «*Бутербродная кнопка*» («*Brötchentaste*») телерадиокомпании «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*) М. Утц приводит яркий пример социального разграничения посредством использования социальных жаргонизмов, доказывающий также факт манипуляции англоязычным материалом: американская комедиантка обозначается «*eine US-Fernsehkomicer*», а немецкая приукрашено «*eine TV-Comedian*» [Utz, 2008].

Для социальных жаргонизмов типично «затушёвывание» неприглядных, уничижительных, обличительных и т.п. фактов и явлений экзогlossными средствами (эвфемизация) в целях деликатности и дипломатии, ср.: «*Line*» (англо-нем.: полоска кокаина). На примере (1) демонстрируется эвфемизация такого негативного социального явления, как третирование через интернет, перифрастически обозначаемого англоамериканизмом «*Cybermobbing*», от «*cyber-*» (англ.: кибер(нетический), виртуальный) и «*to mob*» (англ.: осаждать, штурмовать):

(1) «*Wir können zum Beispiel eindeutig zeigen, dass **Cybermobbing**, gerade wenn sie Videos, oder Fotos, die andere in peinlichen und unangenehmen Situationen zeigen oder auch Verprügelungsszenen, dass es so eine Art auch Trophäenjagd ist unter den Jugendlichen*».

(DW. Cybermobbing – der Internetterror an Schulen.)

Эвфемизируются таким способом и главным образом молодёжные увлечения сомнительного содержания, экспликация которых средствами немецкого языка вызвала бы общественное порицание, например:

(2) «*Das **Planking**, bei dem man sich auf den Boden oder einen Gegenstand mit dem Gesicht nach unten legt mit den Armen seitlich angelegt. Das **Horse Manning**, bei dem man den Kopf der Person nicht sieht.*

*Das **Leisure Diving**, bei dem man sich in entspannter Haltung fallen lässt. Beim **Owling** imitiert man eine Eule. Das **Lolcat**, bei dem lustige Katzenbilder präsentiert werden. Das **Picture Crashing**, bei dem eine Person sich selbst in einer Umgebung fotografiert, in die sie nicht gehört. Das **Word Writing**, bei dem man sich lustige Sprüche an die Stirn schreibt und aus dem Fenster schaut. Das **Tebowing**, bei dem man in einer Art Gebetshaltung kniet und den Kopf abstützt. Dieser **Trend** ist benannt nach dem amerikanischen Footballspieler Tim Tebow. Ein weiterer Trend ist das **Money Facing**, bei dem Fotos von realen Menschen und Abbildungen von berühmten Persönlichkeiten auf Banknoten so vereint werden, dass sich Menschen verschmelzen».*

(DW. Planking – hinlegen, um aufzufallen)

В условиях инвазивного заимствования создание социальных жаргонизмов обнаруживает общие черты с терминологизацией: тенденция к сужению плана содержания лексических единиц (энсемии), использование заимствованного морфемного материала, определённых словообразовательных механизмов (суффикса «-ing»). Социальные жаргонизмы усиливают также экспрессивную функцию, образующую наряду с информативной основной функциональный признак немецких публицистических текстов.

Б) Англоамериканизмы вводятся в тексты публицистического стиля также в качестве синонимов к автохтонным единицам во избежание повторения. Умение пользоваться синонимическими ресурсами языка является, по оценке М.П. Брандес, одним из многих показателей стилистической гибкости речи [Брандес, 1983, с. 206]. Так как синонимические ряды всегда ограничены контекстом, подручным средством выступают англоязычные заимствования, например:

(1) *«„**Killerspiele**“ stehen schon seit Jahren am Pranger. So werden meist gewaltverherrlichende **Ego-Shooter** bezeichnet, in denen der Spieler meist aus der Ich-Perspektive virtuelle Menschen erschießt. Als typische „**Killerspiele**“ gelten **Games** wie „**Counter-Strike**“ oder „**Half-Life**“ – und diese werden auch zum Anlass genommen, um eine weitere Verschärfung der Gesetze zu fordern... Der bayerische Innenminister Joachim Herrmann (CSU) forderte jetzt im Bayerischen Rundfunk erneut ein Verbot von „**Killerspielen**“. Es gebe **Games** auf dem Markt, die „völlig unerträglich“ seien und Hemmschwellen herabsetzten. Auch der Präsident der Deutschen Stiftung für Verbrechensbekämpfung, Hans-Dieter Schwind, hat ein totales Verbot von **Computergewaltspielen** gefordert».*

(Focus. Amoklauf: „Killerspiele“-Debatte flammt wieder auf.)

Организацию ряда неидеографических синонимов «*Killerspiele – Ego-Shooter – Games – Computergewaltspiele*», а также гипонимов «*Counter-Strike*», «*Half-Life*», также несущих синонимическую нагрузку, вслед за Э.Г. Ризель обозначаем стилистической [Riesel, 1959, с. 60].

(2) «*Das Geschäft mit **Flachbildfernsehern** boomt: Im Schnitt wird sich jeder vierte deutsche Haushalt in diesem Jahr einen neues Gerät kaufen. Die Branche ist zum Start der Funkausstellung IFA euphorisch: Deutschland sei im **Flat-TV-Kaufrausch**, sagt der IT-Verband Bitkom*».

(FAZ. Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher.)

Синонимы: «*Flachbildfernseher – Flat-TV-(Gerät)*».

(3) «***Schreibtisch-Superrechner**, die ihre Kraft aus Grafikkarten schöpfen, sollen dagegen schon für unter 10.000 Dollar angeboten werden, trotzdem viel mehr Leistung bieten als der Cray-PC... Die von nVidia angekündigten **Desktop-Supercomputer** aber werden noch weit über solchen Werten liegen*».

(Spiegel. Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten.)

Синонимы: «*Schreibtisch-Superrechner – Desktop-Supercomputer*».

(4) «*Um endgültig alle **Fußball-Fans** in Deutschland auf ihre Seite zu bringen, veröffentlichte die Mannschaft um Kapitän Mark van Bommel am Donnerstag sogar einen Offenen Brief. „Wir wissen und fühlen, dass uns Millionen von **Fußball-Fans** zuhause in Deutschland gedanklich begleiten. Die **Bayern-Fans**, aber auch viele **Fußballfreunde**, die uns sonst vielleicht eher neutral sehen. Heute Abend sollten alle „Bayern“ sein, das wünschen wir uns“, schrieben Spieler und Trainer-Team*».

(Focus. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“)

Синонимы: «*Fußball-Fans – Bayern-Fans – Fußballfreunde*».

Как уже отмечалось в § 2.2.1.4.1., стилистическая синонимия может являться следствием сосуществования межъязыковых вариантов (гетеролингвальных синонимов), ср. синонимическую пару «*Seite*» и «*Plattform*», компоненты которой «*Seite*» и «*Plattform*» выступают конвергентными вариантами англоамериканизмов «*site*» и «*platform*»:

(5) «*Solche Drohungen auf der **Isharegossip-Seite** verändern den Schulalltag auf dem Carlvon-Ossietsky-Gymnasium. Denn die **Plattform** agiert perfide*».

(DW. Cybermobbing – der Internetterror an Schulen.)

В) Так как неологизмы являются типичным средством создания временного колорита [Брандес, 1983, с. 125], их генетика полностью зависит от действующего языка-донора. Внедрение англоамериканизмов в качестве неологизмов типично для *публицистических текстов в области современных высоких технологий* (компьютер, Internet, мобильные коммуникационные средства и пр.), многие из которых создавались на основе (американского варианта) английского языка, ср.:

(1) «*Die von nVidia angekündigten Desktop-Supercomputer aber werden noch weit über solchen Werten liegen*».

(Spiegel. Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten.)

(2) «*In einem neuen Ausstellungsbereich, der „iZone“, wird die IFA App-Entwicklern und Herstellern Raum bieten. Allerdings ist der iPhone- und Computer-Hersteller Apple selbst nicht anwesend. Für E-Book-Lesegeräte und das iPad ist der Sonderbereich „eLibrary“ reserviert*».

(FAZ. Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher.)

Г) Если неологизмы противопоставлены архаизмам и способны устаревать, то окказионализмы и *ad-hoc*-образования, образованные по непродуктивной модели и используемые только в условиях определённого контекста (и невозпроизводимые вне него – *комментарий нау*) [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 472], лишены такой функции. Стигматизированность тематикой и интенцией автора как условие создания и использования данных типов единиц параллельно выступает платформой для одноразового заимствования англоамериканизмов. Целями создания *ad-hoc*-образования может служить, как и в группе б), потребность избежать повторения единиц в тексте (2), например:

(1) «*Die US-Armee geht mit Kriegs-Videos auf Rekrutenjagd und der Guns-'n-Roses-Blogger bekennt sich schuldig*».

(Spiegel. Netzwelt-Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich.)

(2) «*Sebastian Vettel hat es geschafft. Der Red-Bull-Pilot ist zum zweiten Mal Weltmeister in der Formel 1*».

(Hamburger Abendblatt. Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel.)

Д) Введение терминологии англоязычного происхождения в немецкую публицистику объясняется во многом популяризацией научного знания и выступает необходимым условием развития информационного общества. В составе терминологической лексики различаются *собственно термины с разным уровнем известности рядовым пользователям немецкого языка, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы* (см. далее).

Наиболее распространёнными типами англоамериканизмов в данной подгруппе являются *интернациональные термины*, инфильтруемые в немецкие публицистические тексты в виде калек («*Prozessor*», «*Grafikkarte*») и акронимов («*AVI*», «*USB*»), например:

(1) «*Weil Gamer nach immer detaillierteren Spielwelten gieren, Spielefirmen immer realistischere virtuelle Welten programmieren, entwickeln Firmen wie nVidia und ATI seit Jahren immer schnellere **Grafikkarten**. Deren Rechenleistung lässt mittlerweile so manchen **PC-Prozessor** lahm aussehen. In diesem Jahr kam für die **Grafikchips** erstmals die **Teraflop/s**-Grenze, also eine Billion Rechenoperationen pro Sekunde, in Sichtweite*».

(Spiegel. Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten.)

Термины: «*Grafikkarten*», «*PC-Prozessor*», «*Grafikchips*», «*Teraflop/s*».

(2) «***Flops** sind eine zentrale Maßeinheit der Branche und geben die Anzahl der Rechenoperationen in einer Sekunde an*».

(FAZ. IBM: Das Superhirn aus der Maschine.)

Термин: «*Flops*».

(3) «*Ein zehnhundertfacher **Clip** (die Kamera nimmt **AVI-Dateien** mit **MPEG4-Kodierung** auf) in bestmöglicher Qualität braucht etwa zehn Megabyte*».

(Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur.)

Термины: «*Clip*», «*AVI-Dateien*», «*MPEG4-Kodierung*».

(4) «*Eine **USB-Verlängerung** wird ebenso mitgeliefert wie ein **HDMI-Kabel**. Eine alternative Verbindung zum Fernseher ist über eine **AV-Buchse** möglich*».

(Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur.)

Термины: «*USB-Verlängerung*», «*HDMI-Kabel*», «*AV-Buchse*».

Особое место занимает новая спортивная терминология, образуемая исключительно из морфемного материала языка-донора, а не на греко-латинской основе, ср.:

(5) «*Ein Fehlstart, der im Gegenzug dem US-Team den nötigen Anshub gab. Dort fanden riskante Schläge ihr Ziel, dort fielen die unfassbaren **Putts**. Die Amerikaner verpassten dem Kurs in Valhalla breite **Fairways**, wie geschaffen für die kräftigen **Longhitter** um Lokalmatador J.B. Holmes und Publikumsliebling Boo Weekley, die sich keine Sorge um die Richtung ihrer fulminant langen Schläge machen mussten*».

(Spiegel. Golf: Die USA triumphieren im Ryder Cup.)

- Терминологические единицы «Putts», «Fairways», «Longhitter».
- (6) «*Der Bedeutung war sich aber auch van Gaal, der zwei Tage vor dem Endspiel einmal mehr seinen Verbleib bei den Bayern bis 2011 zusicherte, bewusst: „Es ist schon jetzt meine erfolgreichste Saison als Trainer, ich habe vorher noch nie das **Double** geholt. Und jetzt haben wir noch die Chance, **Champions-League-Sieger** zu werden“*».
(Focus. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“)
- Термины «*Double*», «*Champions League*».
- (7) «*24. Runde: **Safety-Car-Phase** wegen Verunreinigung der Strecke*».
(Hamburger Abendblatt. Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel.)
Термин «*Safety-Car-Phase*».
- (8) «*Mit elf **Poles** in den bisherigen 14 WM-Läufen fehlen dem Hessen nur noch drei zum Top-Wert von Nigel Mansell aus dem Jahr 1992*».
(Hamburger Abendblatt. Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel.)
Термин «*Poles*».
- Профессионализмы обозначают явления, процессы и т.д., известные только узким профессиональным кругам и передаваемые объективно-нейтральными стилистическими средствами [Riesel, 1959, с. 102], например:
- (9) «*Was Creative vorinstalliert auf dem Speicher der Vado HD mitliefert, genügt wirklich nur allereinfachsten Ansprüchen. Wer ein bisschen mehr mag, kann die Software auf der Website des Herstellers für knapp 20 Dollar **upgraden***».
(Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur.)
- (10) «*Der **Dow-Jones-Index** der Standardwerte schloss mit 5,05 Prozent im Minus bei 9139 Punkten. Der breiter gefasste **S&P-500** verlor 5,3 Prozent auf 952 Zähler. Der Index der Technologiebörse **Nasdaq** fiel um 5,5 Prozent auf 1681 Punkte*».
(Spiegel. Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab.)
- (11) «*Neben Standortfaktoren wurden die Rahmenbedingungen und Erfolgsfaktoren für Mikro- und Nanotechnik-**Start-ups** in Deutschland untersucht*».
(Innovations-report. Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups.)

Профессиональные жаргонизмы представляют собой стилистические синонимы профессионализмов. В качестве двух дистинктивных признаков профессиональных жаргонизмов Н.М. Наер называет сниженное качество литературной речи (см. также § 2.3.4.1. пункт д)), т.е. их стилистическое ранжирование в пределах от разговорного до грубого («*von Umgangssprachlichen über das Saloppe bis zum Groben*»), и тенденцию к линейной экономии, проявляющуюся в образовании всех типов сокращений [Наер, 2006, с. 112], ср.:

(12) «*US-Forscher haben sich in ein **Botnetz gehackt** und untersuchten Millionen von **Spam**-Nachrichten. Einen Monat lang **kidnappten** sie 75.869 infizierte **Bot**-Rechner und manipulierten die von ihnen versandten **Spam**-Nachrichten so, dass potenzielle Kaufinteressenten auf eine von den Forschern ebenso kontrollierte Website umgeleitet wurden*».

(Spiegel. Netzwelt-Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich.)

Посредством выраженной образно-эмоциональной и экспрессивной окраски англоамериканизмы «*Spam (spiced pork and ham)*» (англо-нем.: «спам», нежелательные сообщения), «*sich in ein Botnetz hacken*» (англо-нем.: сломать защиту на входе в сеть «ботов»), «*Bot-Rechner kidnappen*» (англо-нем.: захватить «бот») весьма точно передают реалии профессиональной сферы компьютерного программирования.

Е) Англоамериканизмы внедряются в тексты функционального стиля прессы и публицистики в качестве наименований элементов внешних (иноязычных) культур (антропонимических и этнографических ксенонимов) (см. также § 3.1.1.), например:

(1) «*Hier gibt es **Billigdiscounter** und türkische Metzger*».

(DW. Fitness für Musliminnen.)

(2) «*Nach den Schwangerschaften wollte sie selbst Gewicht verlieren – fühlte sich in deutschen **Frauen-Fitnessstudios** aber nicht sicher vor Männerblicken*».

(DW. Fitness für Musliminnen.)

(3) «*Schlechte Laune an der Börse von New York: Die Kurse an der **Wall Street** brachen am Mittwoch kräftig ein*».

(Spiegel. Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab.)

Ксенонимами могут выступать гибридные образования и в частности акронимы в названиях коммерческих организаций. Характеристикой данного типа англоязычных ксенонимов, образование которых мотивировано

соотнесённостью референтов к кибернетическому пространству, является гибридное написание имён собственных со строчной буквы, а акронимов – с заглавной, ср.:

- (4) *«Mit dem Gründerwettbewerb **start2grow** und dem Kompetenzzentrum **MST.factory dortmund** hat die Stadt in den vergangenen Jahren ein spezielles Dienstleistungs- und Infrastrukturangebot für Mikro- und Nanotechnik-Gründer aufgebaut».*

(Innovations-report. Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups.)

Ж) Тенденция к образованию «модных слов» англо-американского происхождения в немецком литературном языке описана в § 2.3.5. Стилистической особенностью данных единиц можно считать вслед за В. Фляйшером редукцию плана содержания (*«bedeutungsschwache Wörter»*) [Fleischer, Michel, 1979, с. 84]. Однако указанная особенность не исчерпывает их специфики. На фоне редукции плана содержания, способствующей увеличению частотности использования «модных слов», наблюдается тенденция к избыточной наглядности плана выражения, его гиперболизации, что побуждает Л. Гётце обозначать данные единицы «пластиковыми (обёрточными) словами» (*«Plastikwörter»*) [Götze, 2000, с. 22].

«Модные слова» англоязычного происхождения, близкие по функции к неологизмам, используются в немецком литературном языке, как правило, в качестве более престижных обозначений конвенциональных единиц, а также для создания местного или временного колорита, ср. англоамериканизм *«Billion»*, употребляемый в значении *«Milliarde»*:

- (1) *«Der erste frei programmierbare Rechner Zuse-1 von 1937 schaffte zwei Additionen in einer Sekunde. Seit Ende der neunziger Jahre kommen die Maschinen auf mindestens hundert **Billionen** Berechnungen je Sekunde».*

(FAZ. IBM: Das Superhirn aus der Maschine.)

- (2) *«Bei Präsident Uli Hoeneß ist längst jegliche Skepsis an der Mannschaft und der Arbeit von van Gaal gewichen. „Spielerisch ist das eine tolle Mannschaft, die mit vermeintlicher Leichtigkeit über den Platz schwebt. Wir sind noch eine Klasse stärker als in den letzten Wochen“, betonte Hoeneß. Deshalb glaube er trotz des Ausfalls von **Superkicker Ribery** („Das tut weh“) auch nicht, „dass wir das Spiel verlieren. Wir haben so viel Selbstvertrauen“».*

(Focus. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“)

(3) «*Doch bei allem **Hype** um die zehnte Teilnahme an einem Europokalfinale richteten die Spieler den Blick auf das Wesentliche*».

(Focus. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“)

«Модные» англоамериканизмы встречаются также в текстах более строгого стиля изложения в качестве обозначений современных экономических реалий, ср.:

(4) «*Als größter Mikrotechnik-Cluster Deutschlands mit über 40 Unternehmen ist Dortmund bei Gründern besonders beliebt*».

(Innovations-report. Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups.)

2) Англоамериканизмы второй группы представляют средства образной наглядности, оказывающие определённое **эмоциональное воздействие на реципиента**. Зафиксированы три подгруппы англоязычных единиц, инфильтрируемых в немецкие публицистические тексты в данной функции: а) тропы, б) эпитеты и в) перифразы. Все выделенные подгруппы относятся к *средствам замещения* как приёмам стилистической выразительности, возникшим на основе вторичной номинации. Вторичная номинация наиболее продуктивна в условиях инвазивного заимствования, так как созданные на её основе выразительные средства сконструированы по новой норме [Брандес, 1983, с. 138], т.е. норме престижного языка – компонента языковой ситуации.

А) Одним из наиболее частых средств замещения выступает метафорический перенос на основе сходства оригинала и объекта номинации. Метафора служит в процессе заимствования конкретизации представления об объекте, образной выразительности и доносит до реципиента знаково-символическое содержание объекта номинации, ср. единицу «*Daily Soap*», используемую в тексте для обозначения жанра мелодраматического сериала (англ.: «мыльная опера»):

(1) «*Im Prinzip könnte man sich mit der Vado HD wirklich als Hobbyregisseur einer **Daily Soap** versuchen*».

(Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur.)

Б) Потребность в символичности, риторической выразительности и эмоциональной насыщенности порождает семантическую фактуру с высокой степенью признаковости, что способствует использованию англоамериканизмов в качестве метафорических (образных) эпитетов. В ходе анализа выявлен случай пересечения (1) метафорического и эмоционально-

оценочного типов эпитетов, которые, как отмечает Э.Г. Ризель, являются устойчивым жанровым признаком публицистического стиля и восходят к индивидуальным особенностям авторского изложения [Riesel, 1959, с. 175]. В целом, использование англоязычных эпитетов в немецкой публицистике подчинено риторическим целям и обладают выраженным суггестивным воздействием на реципиента, ср.:

(1) *«Da die Forscher vermutlich nur 1,5 Prozent des gesamten Storm-Botnetzes kontrollierten, schlossen sie, dass mit dem gesamten Netz von **Zombierechnern** täglich rund 5.500 Euro eingespielt werden können».*
(Spiegel. Netzwelt-Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich.)

(2) *«Auch der Kriminologe Christian Pfeiffer äußerte sich eher zurückhaltend, obwohl er als Befürworter eines strengeren Vorgehens gegen „**Killerspiele**“ gilt».*

(Focus. Amoklauf: „Killerspiele“-Debatte flammt wieder auf.)

В) К средствам замещения метонимического плана относятся случаи употребления англоамериканизмов в перифрастической функции: как эвфемизма (1) и гиперболы (2).

Использование англоязычных единиц в качестве эвфемизмов служит смягчению воздействия посредством затушёвывания негативного качества обозначаемого объекта или явления и коррелирует с теорией Г. Фреге, интерпретирующей природу манипуляции языковыми знаками с целью сокрытия истинного смысла высказывания. В силу своего иносказательного потенциала и малоизвестности рядовым пользователям англоамериканские эвфемизмы характерны для экономических текстов публицистического стиля в контексте финансового кризиса. Пример (1) демонстрирует деликатность речевой стратегии греческого президента Л. Пападемоса, заменившего синонимические выражения *«wirtschaftlicher Ruin»*, *«finanzieller Abgrund»* экономическим термином *«Ground Zero»*. Драматичность актуализируемого положения Греции компенсируется библеизмом *«Menetekel»* (нем.: *зловещее предзнаменование*), придающим контексту эмоционально-изобразительную наглядность, ср.:

(1) *«In einer am Samstag im Fernsehen übertragenen Rede warnte Lukas Papademos: „Wir sind nur einen Atemzug vom **Ground Zero** entfernt“. Der Regierungschef malt das Menetekel an die Wand».*

(Frankfurter Rundschau. Lukas Papademos: „Griechenland steht am Ground Zero“.)

Использование англоамериканизмов в качестве усилительной гиперболы (2) («*verstärkende Hyperbel*») объясняется их экспрессивным потенциалом, позволяющем «сказать больше», в силу чего многие исследователи относят гиперболы в разряд метонимии (на основе количественного признака) [Riesel, 1959, с. 168–170].

- (2) «*Zur 50. Internationalen Funkausstellung boomt das Geschäft: In Deutschland werden so viele Flachbildfernseher gekauft wie noch nie*». (FAZ. Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher.)

§ 3.1.3. Экzogлосные тенденции в официально-деловом функциональном стиле

Основными сферами существования текстов официально-делового функционального стиля (*Stil des öffentlichen Verkehrs*) немецкого литературного языка выступают правовые отношения и управление. Общее содержание функции, реализуемой текстами данной функционально-стилистической разновидности, можно охарактеризовать как долженствование, а воздействие – как директивное. Указанные функции определяют общую родовую характеристику текстов официально-делового характера: директивно-нормативные документы. Так как язык таких документов функционирует преимущественно в письменной форме, из рассмотрения были исключены типы с устной жанровой реализацией. Ведущей внутренней структурой для деловых документов письменной коммуникации является композиционно-речевая форма, обозначаемая М.П. Брандес как «констатирующее сообщение» («*Tatsachenbericht*») [Брандес, 1983, с. 163].

Иллюстративный материал представлен пятнадцатью текстами (см. Приложение 2), объективирующими директивную функцию стиля, следующих макротипов (таб. 7): резолютивный (2, 6, 8), нормативный (1, 3, 5), экспланаторный (4, 7), информативный (9–13), определительный (14, 15). С точки зрения жанровой реализации тексты немецкого официально-делового функционального стиля повторяют жанровую специфику публицистических текстов с характерной для них миметичностью, имплицитной обратной связью как функциональную основу деловой коммуникации (автор директивно-нормативного документа ↔ адресат, см. § 3.1.2.). Наибольшей полилогичностью обладают тексты из сферы правительственной деятельности (протоколы заседаний, партийные дебаты, ответы правительства, дискуссии и пр.). Монологический характер присущ речевым жанрам объяснительной и служебной записки, доверенности, заявления, завещания и пр.

сфера	название	тип
юриспруденция (3)	1) « <i>BAföG für Bachelor- und Master-Studiengänge</i> »	кодекс
	2) « <i>Praxiskommentar Erbrecht</i> »	юридическое разъяснение
	3) « <i>Gerichtsentscheidung Baugebühren</i> »	решение суда
правительственная деятельность (2)	4) « <i>Deutscher Bundestag. Drucksache 17/876. 17. Wahlperiode. Antwort der Bundesregierung auf die Anfrage der Abgeordneten</i> »	ответ правительства
	5) « <i>Landtag des Saarlandes. 12. Wahlperiode. 48. Sitzung</i> »	протокол заседания
официальные учреждения и организации (4)	6) « <i>Protokoll der Sitzung des Komitees für Elementarteilchenphysik</i> »	объяснительная записка
	7) « <i>Erklärung über die eigenständige Erstellung der Hausarbeit</i> »	
	8) « <i>Resolution des Landesfeuerwehrverbandes Rheinland-Pfalz e.V.</i> »	резолюция
	9) « <i>Internationale Woche an der Universität Kassel</i> »	объявление
трудоустройство и трудовая деятельность (2)	10) « <i>Praktikanten / -innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen</i> »	
	11) « <i>Bewerbungstipps für Bewerbung und Lebenslauf</i> »	информационно-рекомендательное сообщение
торгово-коммерческая (2)	12) « <i>Preisnachlass für die Besitzer der Bahncard</i> »	коммерческое информационное сообщение
	13) « <i>KfW*-Kredit</i> »	
культурно-массовое просвещение (1)	14) « <i>Theater-Disclaimer</i> »	уставное определение
военное дело (1)	15) « <i>Aufgaben des Wehrbereichskommandos III / Landeskommmandos Thüringen Erfurt</i> »	

* Kreditanstalt für Wiederaufbau – название кредитного института в ФРГ.

Таб. 7. Сферы, названия и типы текстов официально-делового функционального стиля

Границы временного диапазона издания привлечённых директивно-нормативных документов равны 2002–2010 гг., что не выходит за рамки исследуемой языковой ситуации.

Так как использование заимствований в официально-деловом функциональном стиле немецкого литературного языка может повлечь непонимание и искажение сути определённых формулировок регулирующего характера, то предпочтение здесь отдаётся ассимилированной лексике из дополнительной сферы системы немецкого литературного языка. Синтетичность и смысловая насыщенность средств данной функционально-стилистической разновидности противоположна неясности и интерпретационной гибкости, которые присущи многим заимствованным единицам со статусом неологизмов. Как отмечает М.П. Брандес, «официально-деловое содержание должно быть сформулировано и объективировано чётко, ясно, однозначно, должно исключать всякую двусмысленность и разночтение» [Брандес, 1983, с. 163].

В своей работе «*Argumente zur deutschen Sprache. Urteile, Vorurteile und unsere Erwiderungen*» («Высказывания и возражения: аргументы в пользу немецкого языка», 2007) Х.Х. Дитер и Г. Шраммен отвечают на упрек сторонников языковой демократизации относительно обстоятельности формулировок официально-делового немецкого (тезис XXIII) следующей сентенцией: «Кто хотя бы раз не возмущался по поводу бесконечно длинных предложений и слов, больше похожих на скороговорки, в немецком языке управления? Но намного ли понятнее и удобнее «*Outsourcing*», «*Community Policing*», «*Key Account Management*», «*Public Private Partnership*», «*Coaching*», «*Empowerment*», «*Job Floater*», «*Facility Manager*»? Такую близость государства к народу мы себе не представляли!» И далее в пункте XII: «Лентящиеся думать бюрократы заговаривают нас на „*Denglisch*“, потому что не могут убедить в том, почему мы не можем принять или признать новую бюрократическую меру без возмущения» [Schrammen, Dieter, 2007].

Общей особенностью англо-американских заимствований в текстах исследуемой функционально-стилистической разновидности выступает их «сквозной» характер: единицы англоамериканского происхождения не закреплены за нею и встречаются также в других функциональных стилях, в то время как сам официально-деловой стиль немецкого литературного языка в целом сохраняет эндогlossный характер функционирования. Англоамериканизмы, используемые в речи ряда управленцев, являются

средствами индивидуальной риторики и попадают в директивно-нормативные документы вследствие злоупотребления авторами показательной функцией нормообразования. В качестве примера таких вкраплений можно привести продукты языкового творчества Х. Медорна, председателя правления ОАО «Дойче Бан»: «*BahnCard*», «*City-Fahrräder*», «*Rail&Fly*» и т.п.

Внедрение англоязычных единиц в тексты официально-делового функционального стиля обусловлено тематикой передаваемой информации, целями и задачами деловой коммуникации, актуальностью и популярностью информационного содержания. Следовательно, наиболее часто англоамериканизмы используются в деловых документах письменной коммуникации в качестве терминов, которые и «придают официально-деловому стилю особую функциональную окраску» [Riesel, 1959, с. 422]. Можно выделить три наиболее инфильтрированные сферы: а) компьютерных и Internet-технологий, б) науки и образования, в) экономико-правовую.

А) Терминологические единицы из сферы компьютерных и Internet-технологий внедряются в немецкие директивно-нормативные документы любых макротипов, ср.:

(1) «*Sie können die Speicherung der **Cookies** durch eine entsprechende Einstellung Ihrer **Browser-Software** verhindern; wir weisen Sie jedoch darauf hin, dass Sie in diesem Fall gegebenenfalls nicht sämtliche Funktionen dieser **Website** vollumfänglich werden nutzen können. Sie können darüber hinaus die Erfassung der durch das **Cookie** erzeugten und auf Ihre Nutzung der **Website** bezogenen Daten (inkl. Ihrer **IP-Adresse**) an **Google** sowie die Verarbeitung dieser Daten durch **Google** verhindern, indem sie das unter dem folgenden **Link** verfügbare **Browser-Plugin** herunterladen und installieren*».

(Theater Bagage. Theater-Disclaimer.)

(2) «*Der Bund bleibt weiterhin zuständig für den Jugendschutz bei den Trägermedien – **Filme, Videos, CD-ROMs**, – die Länder sind jetzt zuständig für den Jugendschutz in den elektronischen Medien, also Rundfunk, Medien und Teledienste*».

(Landtag des Saarlandes. 12. Wahlperiode. 48. Sitzung.)

(3) «*Während sie zunächst angab, die Eheschließung sei per **Internet** abgemacht worden, gab sie kurze Zeit später an, dass sie keine **E-Mails** schreiben könne und auch keine Ahnung vom Internet habe; so kannte sie*

*Begriffe wie **Flatrate** und **Web-Site** nicht. Zum Kennenlernen gab er an, man habe sich über das **Internet** kennen gelernt und stehe seit anderthalb Jahren per **E-Mail** in Kontakt».*

(Bürgerservice Berlin – Brandenburg. Gerichtsentscheidung: Ernsthafte Absicht zur Führung einer Ehe.)

- (4) *«Herr Heuer wies außerdem darauf hin, dass im gerade begonnenen Jahr der Informatik die HEP ihre Beiträge, z.B. aktuell im **GRID Computing**, einbringen sollte».*

(T. Behnke. Protokoll der Sitzung des Komitees für Elementarteilchenphysik.)

- (5) *«Die Stellen der Hausarbeit, die anderen Quellen im Wortlaut oder dem Sinn nach entnommen wurden, sind durch Angaben der Herkunft kenntlich gemacht. Dies gilt auch für Zeichnungen, Skizzen, bildliche Darstellungen sowie für Quellen aus dem **Internet**».*

(Ackermann M. Erklärung über die eigenständige Erstellung der Hausarbeit.)

- (6) *«Durch die dezentrale Umsetzung der Regelung zur Landesverordnung über die Erteilung von Fahrberechtigungen zum Führen von Einsatzfahrzeugen der Freiwilligen Feuerwehren, der nach Landesrecht anerkannten Rettungsdienste und der technischen Hilfsdienste, Einführung des digitalen Funkbetriebs, die sukzessive Implementierung von integrierten Leistungen sowie perspektivisch die Einführung der **digitalen** Alarmierung werden sich weitere Belastungen ergeben».*

(Fürst O. Resolution des Landesfeuerwehrverbandes Rheinland-Pfalz e.V.)

К особым случаям использования англоамериканизмов в директивно-нормативных документах в сфере компьютерных и Internet-технологий следует отнести включение ссылок в функции онимов (ср. также § 3.1.2., пункт E), например:

- (7) *«Die **CampusTour.de** stellt halbjährlich namhafte Unternehmen an mehr als 80 Hochschulen in ganz Deutschland vor».*

(Taxis B. Praktikanten/-innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen.)

Б) Терминологические единицы англоязычного происхождения из области науки и образования используются в немецкой деловой коммуникации, как правило, в виде экзотизмов или варваризмов, ср.:

- (1) *«Die Veranstaltung wird durch einen studentischen Erfahrungsbericht eingeleitet und einen abschließenden **Workshop** mit Mitgliedern des **International Office** der Universität Kassel abgerundet».*
(Guttenhöfer S. Internationale Woche an der Universität Kassel.)
- (2) *«Deutschlandweit suchen und vermitteln wir Absolventen und **Young Professionals** an namhafte Unternehmen».*
(Taxis B. Praktikanten/-innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen.)
- (3) *«Zur Verstärkung unserer **Personal-Teams** in Esslingen am Neckar und in Leonberg suchen wir ab sofort drei Praktikanten/innen **Personalrecruiting** von Hochschulabsolventen».*
(Taxis B. Praktikanten/-innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen.)
- (4) *«Oft ist ein nahtloser Übergang in der Förderung zwischen dem **Bachelor**-Abschluss und dem **Master**-Studium nicht ohne weiteres möglich, weil zwischen den Prüfungsleistungen für den **Bachelor** und dem Beginn des neuen Ausbildungsgangs eine Zeitspanne von einigen Monaten liegt».*
(BAföG aktuell. BAföG für Bachelor- und Master-Studiengänge.)
- (5) *«Die Bundesregierung sieht es als ihre Aufgabe an, differenzierte Aspekte der Lärm-Charakteristik, der konkreten schutzbedürftigen Situationen und der Wirkung auf den Menschen zu betrachten und innerhalb der finanziellen Rahmenbedingungen zu würdigen. Dazu werden auch neue wissenschaftliche Studien einbezogen, namentlich die Untersuchungen des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie (BMWi), die Ergebnisse des Forschungsverbundvorhabens „**noise effects**“ im Rahmen der deutsch-französischen Kooperation in der Verkehrsforschung (deufrako) sowie eine Studie des Umweltbundesamtes über Wirkungen des Schienenverkehrslärms im Vergleich zu anderen Lärmquellen».*
(Deutscher Bundestag. Drucksache 17/876. 17. Wahlperiode.)

B) Англоязычные термины из экономико-правовой сферы используются в речевых жанрах юридического разъяснения, информационно-рекомендательного и коммерческого сообщений, например:

- (1) *«Der Erblasser kann das Unternehmen sodann an eine **Holding** der Erben bzw. des Nachfolgers, eine sog. «**Erbenholding**», verkaufen».*
(H.R. Künzle. Praxiskommentar Erbrecht.)

- (2) *«Für akademische Berufseinsteiger eignet sich gegebenenfalls auch ein **Trainee-Programm**, das den Berufseinstieg mit einer Ausbildung verknüpft».*
(Personalmarkt.de. Bewerbungstipps für Bewerbung und Lebenslauf.)
- (3) *«Außerdem gibt es bei einem für den Fernverkehr gelösten **Bahn-Ticket** für die Besitzer der **BahnCard** ebenfalls Vorteile».*
(Deutsche Bahn AG. Preisnachlass für die Besitzer der Bahncard.)
- (4) *«Neben der KfW bieten auch private Kreditinstitute und Landesbanken Darlehen für Studierende an, aber die KfW bietet eindeutige Vorteile: Flexible Rückzahlung und lange **Repayment-Phase** (bis zu 25 Jahren); Beantragung von bis zu 650 € monatlich unabhängig vom Studienfach, dem eigenen Einkommen und dem Einkommen der Eltern».*
(Studentenwerk im Saarland e. V. KfW-Kredit.)

Скорее нетипично для директивно-нормативных документов включение формулировок побудительного, восклицательного характера. Исключения мотивируются интерферирующим влиянием рекламы в коммерческой деятельности, ср.:

*«Preisnachlass für Besitzer der **BahnCard** auch im SaarVV-Beförderungsnetz!»*

(Deutsche Bahn AG. Preisnachlass für die Besitzer der Bahncard.)

В социальной и образовательной деятельности лозунги в директивно-нормативных документах являются также исключением, так как посредством привносимого в тексты местного колорита сообщают им агитационную функцию и придают публицистическую окраску, ср.:

*«Wir freuen uns auf Dich. **Go International!**»*

(Guttenhöfer S. Internationale Woche an der Universität Kassel.)

Напротив, в текстах официально-делового стиля закономерны экспланаторно-дефиниторные конструкции с англоамериканизмами в функции дефинируемых единиц, что соответствует такому требованию к директивно-нормативным документам, как ясности, чёткости, недвусмысленности изложения, ср.:

*«Das **Assessment Center** ist ein Personalauswahlverfahren, mit dem ein Unternehmen unter mehreren Bewerbern den Kandidaten ermittelt, der den Anforderungen am besten entspricht».*

(Personalmarkt.de. Bewerbungstipps für Bewerbung und Lebenslauf.)

Несмотря на обозначенное выше требование к директивно-нормативным документам, содержание в них калькированных единиц, бо-

лее доступных для понимания в сравнении с ксенизмами, достаточно низкое. В речевом жанре уставного определения из сферы военного дела зафиксирован единственный случай словообразовательного калькирования по аналогии с английским «*satellite based telecommunications*», ср.:

«Das Erfurter Kommando hat im Wesentlichen zwei operative Aufgaben. Zum einen werden für die Einsätze der Bundeswehr in den verschiedenen Einsatzländern wie z. B. in Afghanistan oder in den Balkanstaaten die Soldaten der Führungsunterstützung (u.a. satellitengestützte Fernmeldeverbindungen), der Feldjägertruppe und zahllosen Einzelspezialisten abgestellt. So befinden sich derzeit täglich annähernd 200 Soldaten in den Einsatzländern».

(Geppert H. Aufgaben des Wehrbereichskommandos III / Landeskommmandos Thüringen Erfurt.)

Таким образом, наименьшее число англоамериканизмов зафиксировано в текстах резолютивного и нормативного макротипов сфер правительственной деятельности, юриспруденции и военного дела. Наиболее инфильтрированы англоязычными единицами тексты информативного типа официально-делового функционального стиля немецкого литературного языка.

§ 3.1.4. Экzoglossные тенденции в разговорно-обиходном функциональном стиле

Так как в обиходе обобщается опыт познания окружающего мира с позиции собственного опыта, в разговорно-обиходном функциональном стиле (*Stil des Alltagsverkehrs*) преобладает конкретное над абстрактным. Данная функционально-стилистическая разновидность немецкого литературного языка характеризуется определённой стабильностью отношений между коммуникантами, определённым кругом тем, ограниченным профессиональными интересами или проблемами быта, высокой степенью непринуждённости общения, достаточно равноправного положения коммуникантов в общении [Брандес, 1983, с. 207–208].

Основу обиходного стиля составляет разговорная речь, характеризующаяся эмоциональностью, субъективностью, образностью, простотой, раскованностью, динамичностью. Занимая промежуточное положение между диалектной и литературной речью, она не бывает полностью свободной от диалектных особенностей. Как отмечает Л.Б. Копчук, конкретная реализация обиходного языка дифференцируется в зависимости от

национальных, территориальных, региональных и групповых особенностей, а одни и те же слова и выражения могут иметь в различных регионах различный статус, который в значительной мере обусловлен спецификой соотношения всех форм существования языка и положением диалекта [Копчук, 2002, с. 108]. В силу данных соображений существование «единой» общенемецкой разговорной речи оправдывает появление в ней англоамериканизмов, выполняющих определённую унифицирующую функцию в соответствии со статусом языка-макропосредника экзогlossного компонента языковой ситуации в ФРГ. Важным сопутствующим фактором выступает давление речевых стереотипов американского варианта английского языка, которое наиболее ощутимо в тех функционально-стилистических разновидностях немецкого литературного языка, где норма характеризуется наименьшей прескриптивностью. В этом отношении обиходно-разговорный стиль оптимален для инфильтрации англоязычного материала.

Однако в структурном плане обиходно-разговорный язык отнюдь не является простой комбинацией системных признаков, а образует, согласно Н.Н. Семенюк, «собственную систему на основе новых явлений и структур» [Семенюк, 1972, с. 71–72]. Характер его собственной нормы отражён в известной метафоре Г.Э. Лессинга о «языковом колодце», попав в который, слово так долго вращается в нём, пока не приобретёт все признаки языка-реципиента. Именно в обиходно-разговорной речи экзогlossная лексика подвержена наибольшей деформации в силу того обстоятельства, что динамичней всего языковые изменения происходят традиционно в данной разновидности литературного языка. Так, многие заимствования англо-американского происхождения в обиходном функциональном стиле известны в достаточно искажённой форме (*in zerredeter Form*), например: «*fesch*» (элегантный, шикарный) от «*fashionable*» (англ.: модный), «*Keks*» (сухое печенье) от «*cakes*» (англ.: пирожное, торт), «*tätowieren*» (татуировать) от «*tattoo*» (англ.: барабанить пальцами), «*händelbar*» (могущий быть использованным в каких-либо целях, адаптированный к чему-либо) от «*handle*» (англ.: торговать с рук, обращаться, обрабатывать, регулировать), «*taff*» (решиительный) от «*tough*» (англ.: твёрдый, прочный) ср.:

- (1) «*Martin Ruppmann: Für Männer ist es wichtig, dass die Produkte technisch gut **händelbar** sind*».
(DW. Auch Männer wollen schön sein.)

(2) *«Unter dem Zwang, „ein bisschen was **Fesches** zu zeigen“, und mangels vereinseigener Bestände waren freilich die meisten der rund 20 Exponate nur geliehen».*

(Spiegel. Bissl was Fesches.)

(3) *«Jango selbst ist auch **tätowiert** und gepierct, selbst am Kopf».*

(DW. Tattoos bleiben hip.)

Тем самым, первой экзогlossной тенденцией обиходно-разговорного стиля можно считать **использование англоязычных заимствований в искажённой форме**. Полифункциональность обиходно-разговорного стиля речи, размытость жанровой организации и большая эмоциональная насыщенность выступают катализаторами данной тенденции. Большое влияние на норму данного функционального стиля оказывает молодёжный язык (*Jugendsprache*) и жаргоны субкультур (*Szenesprachen*), являющиеся своеобразной платформой для заимствования в силу потребности представителей использовать языковые средства, отличающиеся компактностью, новизной и экспрессивностью, ср.: «*clean*» (англ.: *прошедший курс лечения от алкогольной и наркотической зависимости, «защитный»*), «*hotu*» (англ.: *удобный, приятный, «домашний» на ощупь (в основном об изделиях из меха)*).

Следующей экзогlossной тенденцией в исследуемой функционально-стилистической разновидности немецкого литературного языка выступает **использование англоязычных единиц в качестве социальных жаргонизмов** (см. также § 3.1.2.). В особенности это характерно для таких жанров обиходно-деловой разновидности разговорного стиля, как интервью, ток-шоу, мемуары, рецензии, романы и пр.

Ярким примером указанной экзогlossной тенденции являются англоязычные вкрапления в речи модельера Джил Сандер в интервью «FAZ» 22.03.1996 г., цитированного журналом «Spiegel» 01.04.1996 г.:

(1) *«Ich habe vielleicht etwas Weltverbesserndes. Mein Leben ist eine **giving-story**. Ich habe verstanden, dass man **contemporary** sein muss, das **future-Denken** haben muss. Meine Idee war, die **hand-tailored**-Geschichte mit neuen Technologien zu verbinden. Und für den Erfolg war mein **coordinated concept** entscheidend, die Idee, dass man viele Teile einer **collection** miteinander **combinen** kann. Aber die **audience** hat das alles von Anfang an auch **supported**. Der problembewusste Mensch von heute kann diese Sachen, diese **refined** Qualitäten mit **spirit** eben auch **appreciaten**. Allerdings geht unser **voice** auch auf bestimmte Zielgruppen. Wer **Ladyisches** will, **searcht** nicht bei Jil Sander. Man muss Sinn haben für das **effortless**, das **magic** meines Stils».*

Социальные жаргонизмы имеют выраженную маркерную функцию и характеризуются популярностью и воспроизводимостью в речи носителей, ср. случаи использования единицы «*Spirit*» в интервью Джил Сандер и далее:

(2) «*Wenn man das ein-, zweimal gemacht hat, dann entwickelt man irgendwie auch so 'ne Energie, man merkt so 'n Spirit... Wenn ich planke, ist es halt irgendwas zu machen, was erst mal keinen Sinn hat, was aber trotzdem Spaß macht so*».

(DW. Planking – hinlegen, um aufzufallen)

(3) «*Mit diesem ungewöhnlichen Mix aus Musikfilm, Liebesgeschichte, Krimi, Komödie und Coming-of-Age-Story erweist Jung-Filmemacher Benjamin Quabeck („Nichts bereuen“) den 80er Jahren seine Referenz. „Helden“ seines ebenso abenteuerlichen wie kurzweiligen Selbstfindungstrips sind die beiden „Crazy“-Hauptdarsteller Tom Schilling und Robert Stadlober, die in Jung-Star Jessica Schwarz eine ideale Partnerin finden. Ein stimmiges Generations- und Zeitporträt um Jugendkultur und Revolte. Teen-Spirit pur*».

(Рецензия к фильму «Verschwende deine Jugend».)

В. Фойгт характеризует использование социальных жаргонизмов в немецкой обиходной речи цитатой из статьи Т. Арну в газете «Зюддойче цайтунг» от 23.05.1998 г.: «С английскими выражениями в немецкий приходит мощь (*Power*). «*Пойдём танцевать*» – звучит жутко (*fucking*) старомодно, а «*вечеринка*» (*Party*) и «*скакать*» (*abhotten*) – вот это звучание (*Sound*)! «*Совершать покупки*» – звучит страшно и напоминает о таскании бутылок с минеральной водой и упаковок картофеля в развесных сетках. «*Шопинг*» (*Shoppen*) – это удовольствие (*Fun*), трата денег налегке (*light*) [Voigt, 1999, с. 248].

Гомологичность американского варианта английского и немецкого языков способствует нивелировке следующего противоречия: разговорный стиль традиционно формируется под влиянием просторечных и бесписьменных форм немецкого языка, а англоязычные заимствования имплицитно определяют степень пренебрежения носителями языковой лояльностью. Так как резервация обиходных средств под действием дрифта, который подразумевает своей метафорой Г.Э. Лессинг, достаточно динамично обновляется, то смена стандарта в разговорно-обиходном стиле в условиях экзоглоссии симптоматична. В этом угадывается также историческая связь обиходно-разговорного стиля с престижными иностранными языками, заимствования из которых в ситуациях повседневного общения закономерны.

§ 3.1.5. Экzogлосные тенденции в художественном функциональном стиле

Особое положение среди функциональных стилей немецкого литературного языка занимает художественный стиль, характеризующийся своей способностью совмещать элементы всех стилей с целью создания высокой художественной образности и воздействия на реципиента.

Вслед за Э.Г. Ризель мы отказываемся в настоящей работе от понимания данной функционально-стилистической разновидности немецкого литературного языка как совокупности индивидуальных стилей («*Gesamtheit künstlerischer Individualstile*») [Riesel, 1959, с. 17]. Изучение экзоглосных тенденций в немецкой художественной речи доказывает, что художественный стиль нельзя рассматривать как закрытое, изолированное целое, будь то совокупность индивидуальных способов стилистического комбинирования либо общность языковых средств в сфере эстетической деятельности.

Художественный функциональный стиль представляет наивысшую точку языкового континуума (акролект) непосредственно благодаря вышеуказанной функции совмещения, отбора и комбинирования средств других функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка. М.М. Гухман справедливо отмечает, что художественный язык может превосходить границы литературного языка, так как в художественное произведение могут быть включены элементы диалекта, городских полу-диалектов, жаргонизмы [Гухман, 1970, с. 504].

Тем самым, в настоящей работе исследуемая стилистическая разновидность немецкого литературного языка обозначена «художественным функциональным стилем». Практика выделения его жанровых реализаций показывает, что к его устным формам организации относятся также скрипты художественных фильмов, которые являются книжными, «литературными» по функции, но не относятся к художественной литературе как к таковой. Как пишет Р. Шмюккер, произведения искусства являются «средствами дискретных коммуникационных событий» («*Medien eines diskontinuierlichen Kommunikationsgeschehens*») и реферируют к фиктивным мирам [Schmücker, 1998, с. 282]. Отдалённость от естественного языкового употребления никоим образом не стигматизирует их исключительно как литературно-письменные формы.

Центральную роль в определении жанров художественного стиля играет его экстралингвистическая обусловленность, которую Г. Михель соотносит с «лингвопоэтической реорганизацией образа реальности» [Michel, 1983, с. 13]. Художественная речь представляет собой целостный художественный мир, языковые и внеязыковые стороны которого спаяны значительно прочнее, чем у других функциональных стилей; это приводит к тому, что собственно-языковое нельзя понять вне неязыковых элементов художественного текста [Брандес, 1983, с. 222].

Художественная речь традиционно реализуется в устных и письменных жанрах. Использование англоамериканизмов в устных формах организации художественной речи подчинено принципу цитирования во избежание разночтений, могущих повлечь нарушения авторского права, поэтому названия продуктов англо-американского кинематографа (фильмов, пьес, мюзиклов, оперетт и пр.) сохраняется в строгом соответствии с оригиналом, ср. немецкие титульные версии фильмов: «*Titanic*» [tai'tænik], «*The Kings' Speech*», «*Blood Sport*», «*Money Talks*». Так как практика цитирования англоязычных названий фильмов зачастую сталкивается с непониманием их содержания, в немецком кинопрокате наблюдается тенденция к введению второго, «объясняющего» названия на немецком языке, ср.: «*Devil's Advocate: Im Auftrag des Teufels*».

В письменных (собственно-литературных) речевых жанрах художественного стиля англоязычные заимствования используются регулярно и имеют контекстный характер. Убедительно доказывает эту контекстную связность Э.Г. Ризель, говоря о том, что «употребление ксенизмов востребовано в произведениях художественной литературы самой темой» [Riesel, 1959, с. 109].

В данной работе рассматривается исключительно жанр художественно-прозаического текста, существующий в виде авторский речевых произведений художественной прозы различных объёмов.

В качестве иллюстративного материала (см. таб. 8) отобраны десять произведений высокой литературы (*schöngeistige Literatur*) (1–3) и беллетристики (4–10) следующих жанров: драматического (1–3, 5–10) и эпического (4). Отобранные художественные произведения написаны и изданы немецкоязычными авторами на территории ФРГ.

№	автор / год	название	жанр
1)	Christian von Kamp / 2004	« <i>Paradision</i> »	роман – социальная антиутопия
2)	Irene Dische / 2006	« <i>Großmutter packt aus</i> »	роман-биография
3)	Ruth Rehmann / 1985	« <i>Abschied von der Meisterklasse</i> »	Психологический роман
4)	Ingeborg Harms / 1992	« <i>Hard drive. Drei Videos</i> »	повесть
5)	Elisabeth Herrmann / 2007	« <i>Das Kindermädchen</i> »	исторический детектив
6)	Jürgen Petschull / 1991	« <i>Der Herbst der Amateure</i> »	шпионский роман
7)	Reiner Erler / 2006	« <i>Fleisch</i> »	криминальный роман
8)	Rolf Krohn / 2005	« <i>Das dunkle Bild der Liebe</i> »	фантастический детектив
9)	Ulrich Schreiber / 2006	« <i>Die Flucht der Ameisen</i> »	роман-катастрофа
10)	Marcus Hammerschnitt / 2001	« <i>Der Zensor</i> »	роман-утопия

Таб. 8. Авторы, годы издания, названия и жанры произведений художественного функционального стиля

Границы временного диапазона издания привлечённых художественных текстов равны 1985–2007 гг., что не выходит за рамки исследуемой языковой ситуации.

Анализ экзогlossных тенденций в прозаических текстах художественного функционального стиля отличается по структуре от такового в текстах рассмотренных функционально-стилистических разновидностей. В данном разделе текстовый материал анализируется в контексте отдельных художественных произведений.

1) «*Парадизион*» К. ф. Кампа – роман – социальная антиутопия, действие которого происходит в далёком будущем в тоталитарном государстве «*Immerwährendes Reich*» (нем.: *империя без исхода, вечная держава*). В названии произведения заключено противоречие: на первый взгляд, жизнь в этом государстве – настоящий рай (*Paradies*), но позже выясняется, что это иллюзия (*Illusion*). Хотя ещё в предисловии эксплицируется слияние экспланаторных архетипов «*Paradies*» и «*Illusion*», однако контаминативное *ad-hoc*-образование «*Paradision*» скорее созвучно немецкому «*Vision*» – «видение, образ будущего в авторской перспективе», что неоднократно доказывается в романе имплицитно (например, в ходе разговора автора с ясновидящей, могущей общаться с жителями государства через медиум сна).

Анализ метаязыковых элементов позволил выявить, что государство, о котором идёт речь – преобразованная модель европейского общества с идеализированными чертами современных (центрально)европейских культурных стереотипов. Отдельными экспликациями европейского топоса утопии являются редкие в романе топонимы: «*Yulei*» [ju'lai], «*Magna*» – столица империи (лат.: *magnus* = большой). На пепелище прошлого, изрядно напоминающего историю Германии XX в. (восхождение Гитлера, разгром третьего рейха, восстановление страны силами союзников, американизацию), возникла «высокая культура» (нем.: *Hochkultur*), кульминационным моментом которой стала новая концепция воспитания личности, благодаря которой (концепции) в обществе якобы удалось искоренить источник зла. Идея «*Changing Society*», или «*CS*», созвучная и эксплицитно и имплицитно тенденциям американизации ФРГ, – как название главы романа или исторической эпохи демократизирующей империи будущего, – подтверждает топос утопии – Центральная Европа.

К. ф. Камп использует англоамериканизм «*Maid*» не только для обозначения лица женского пола, но и для увязки анафорического соответствия следующего рода: «*Junge*» родился в месяце «*Juni*», а «*Maid*» родилась в месяце «*Mai*», причём за основу соответствия берётся не произносительная, а орфографическая норма написания англоязычного заимствования, сочетающаяся с немецким «*Mai*» [mai].

Таким образом, центральный конфликт социальной антиутопии фон Кампа – это конфликт германцентричного прошлого державы с её американоцентричным будущим. Гонения на противников режима (*Verfolgung der Regimegegner*), произвол чиновников (*Willkür der Beamten*), «страшная тайна» (*schreckliches Geheimnis*), разлучение семей (*Trennung der Familienangehörigen*) – конститuenty прошлого и одновременно плоскости романа, характеризующейся реалистичностью. Процветание (*Aufblühen*), свобода (*Freiheit*), культура нагого тела («*Wenn alle nackt gehen*»), педагогическая модель человека (*pädagogisches Menschenbild*), равенство полов (*Geschlechtergleichheit*) – составляющие будущности рода человеческого и параллельно утопичной плоскости романа.

Однако обозначенная перспектива у фон Кампа многослойна. Лежащая в основе теория заговора (*Verschwörungstheorie*) нацелена как на подражание, так и критику всего американского. Двухлинейность сюжета (жизнь бедного писателя в современной ФРГ и жизнь двух влюблённых в утопии далёкого будущего), безусловно, создана для проведения читате-

лем параллелей, однако языковой метаконструкт утопии, а также язык её социальной экологии во многом основаны на социокультурных стереотипах современной американизированной Германии, так что автору достаточно тяжело даётся разделение этих двух линий хотя бы в формальном (языковом) плане. Наоборот, удачной представляется почти невидимая, очень слабо прописанная романтическая линия в духе Ф. ф. Новалиса с импликациями «*Traum*», «*ewige Liebe*», «*glückliches Beisammensein*», «*Liebespoesie*», «*Paradies*».

Таким образом, использование англоамериканизмов в романе К. ф. Кампа соотносится с будущей (утопической) плоскостью сюжета, которая ассоциируется с американской культурой. Англоязычные вкрапления соответствуют аксиологической категории положительного в романе: любовью, демократическим укладом общества, социальной справедливостью, равенством полов, романтикой и т.п.

2) В романе-биографии «*Бабушка выкладывает правду*» И. Дише англоязычные единицы используются в двух целях. Во-первых, как обозначения реалий США, куда в тридцатых годах XX века главная героиня – немецкая еврейка мигрировала с семьёй из Германии, в которой зарождалась диктатура НСДАП, ср.:

- (1) «*Sie las ja tatsächlich viel lieber Comics*».
- (2) «*Ihr deutscher Freund hatte schon eine gute Stelle, und als er später eine Greencard bekam, heiratete sie ihn*».
- (3) «*Abends, nach dem Essen, zündete Liesl die Kerzen an, und statt Jackie Cleason oder Preston&Preston zu kucken, knieten wir nieder und beteten*».

В силу возрастных особенностей и происхождения рассказчицы, а также настороженности к реалиям чужой культуры ксенизмы в её речи всегда переводятся.

Во-вторых, используемые героиней фразы на американском варианте английского языка вкрапляются в текст с целью разделения регистров немецкой и английской речи и создания местного колорита. Так, фразой «*What beautiful flowers you have brought!*» рассказчица демонстрирует свои познания американского варианта английского языка в общении со знакомыми-билингвами.

3) Психологический и во многих чертах автобиографичный роман Р. Реман «*Прощание с мастер-классом*» повествует о начале музыкальной карьеры юной Руфи в музыкальной школе города Кёльна. В произведении многократно используется один и тот же англоамериканизм «*hall*», выделенный в тексте романа курсивом, ср.:

*«Als der Portier die Haustür aufschließt, rauscht die Maestra in die **hall**, noch im Morgenrock».*

Исходя из контекстов, в которых употребляется ксенизм, выступающий конвергентным вариантом немецкого «*die Halle*», героиня ассоциирует с ним торжественную атмосферу холла для прослушиваний, в котором расположен белый рояль. Ассоциативами англоамериканизма являются «праздничность» (*Feierlichkeit*), «торжественность» (*Festlichkeit*), «ощущение себя музыкантом» (*ich als Musikantin*), «присутствие публики» (*Publikumsanwesenheit*), «творческая эманация» (*schöpferische Entfaltung*), противопоставленные «серости», «обыденности», «будничности» (*Alltäglichkeit*), «репетициям, доходящим порой до слёз» (*bis zu den Tränen andauernde Klavierübungen*), «апатичности» (*Lustlosigkeit*), «замкнутности» (*Zurückgezogenheit*).

4) В повести И. Хармс «*Жёсткий диск. Три Видео*» использование англоамериканизмов задано тематикой произведения: компьютерный специалист использует свои знания для виртуального флирта с психически подавленной девушкой с англоязычным именем Миззи (*Mizzi*), являющимся параллельно её «ником» в переписке. В «*Трёх видео*», 1) «*Hard drive*»; 2) «*Live*»; 3) «*Mizzis Video*», описывается состояние эротической аффицированности монитором компьютера, граничащее с гипнотическим притяжением, лингвистическим выражением которого служит обилие англоамериканизмов из наиболее инфильтрированной сферы лексико-семантической системы немецкого литературного языка: компьютерных и Internet-технологий.

- (1) «*That's not all want I said! fauchte er entgeistert und betonte jede Silbe, wobei er ihr mit starrem Hypnoseblick ins Auge funkelte*».
- (2) «*Does your professor know this? versuchte er zum letzten Mal, die Sache abzubiegen*».
- (3) «*Look, sagte er, that's how you do it. This? And this? This, too?*».
- (4) «*Sie befand sich in einer Art von Trance; seit sie das Center vor drei Wochen zum ersten Mal betreten hatte, würgte es jeden Tag ein Stückchen mehr von ihr herunter*».
- (5) «*An ID, you must, betonte er entschieden, have an ID*».

Включение в речь коммуникантов варваризмов, слитых с основным текстом и лишённых маркеров прямой речи, выступает главным стилистическим приёмом повести И. Хармс. В примере (5) содержится игра слов «*have an ID – have an idea*», указывающая на необходимость владения ан-

глийским языком на уровне, который был бы достаточен для понимания содержания. Таким образом, использование англоамериканизмов в немецких художественных текстах может служить ориентиром на определённую целевую аудиторию читателей.

5) В историческом детективе Э. Герман «Няня» заимствованные единицы англо-американского происхождения используются в качестве маркёров речи и описания быта столичных снобов Церниковых, которые во время второй мировой войны держали похищенную сиделку из Украины. При бомбардировках Дрездена украинке удалось бежать и спустя годы вернуться, чтобы потребовать от Церниковых компенсацию. После беседы с Церниковыми украинку находят мёртвой, а молодой карьерист Фернау начинает расследование загадочных обстоятельств. В военной линии романа единицы англоамериканской лексики не выявлены. В плоскости романа, относящейся к современности, закономерны англоязычные заимствования в функции социальных жаргонизмов в обиходной речи персонажей (см. также § 3.1.4.), ср.:

- (1) «*Ja. Er fand dich... na ja, ziemlich sexy*».
- (2) «*Okay, ich hab ihn eins auf die Nase gegeben*».
- (3) «*Es war die Zeichnung von 1945, die Kevin netterweise im **Copy-Shop** um die Ecke noch kopiert hatte*».

Зафиксированы случаи использования англоязычных варваризмов с целью создания специального колорита. В тексте романа данные места выделены курсивом, например:

- (1) «*Ich hatte im Radio einen Sender eingestellt, der ähnlich wirkte wie das Baldrian in ihrer Nachttischschublade. **Lady in Red, Sexual Healing, Saling**. Als ob es die letzten zwanzig Jahre Musikgeschichte nicht gegeben hätte*».
- (2) «*Was möchten Sie trinken? Damen meines Alters wärmen sich an einem guten **Cherry***».

6) В романе Ю. Печулла «Осень любителей» майор КГБ Олег Тазаров отправляется в разгар холодной войны в «старую» ФРГ для отмщения бывшим разведчикам вермахта и попадает в поле внимания агентов ЦРУ. Англоамериканизмы встречаются в данном художественном произведении нечасто и внедряются автором с целью создания местного колорита. С одной стороны, англоязычные вкрапления служат номинации реалий (в том числе технологического характера) США, куда в перипетии событий попадает Тазаров (1), с другой стороны, они выполняют посредническую функцию в коммуникации между русским разведчиком и фашистскими преступниками (2), например:

- (1) *«Die **Computer**stimme beginnt den **Countdown**: 3... 2... 1... **Feuer!**».*
- (2) *«**Deswegen** waren die **Amis** schon sauer, aber diese Meldung habe ich herausgefunden, bevor die hier mit ihren **CIA-Leuten** aufgekreuzt sind».*

7) Криминальный роман Р. Эрлера «*Мясо*» описывает свадебное путешествие студентов-молодожёнов из ФРГ по юго-западу США, где они становятся объектом преследования, в результате чего молодого человека похищают. Девушке удаётся избежать его участи и, заручившись поддержкой незнакомого дальнбойщика (*Trucker*), она выходит на крупный международный синдикат по торговле человеческими органами.

Англоамериканизмы используются в произведении главным образом в двух функциях: варваризмов, представленных в написании со строчной буквы и описывающих культурные реалии США с последующим переводом, обособленным запятыми (1,2), и экзотизмов, вводимых в текст для создания специального колорита (3).

- (1) *«Die **smokeys-bears**, die Staatspolizisten, verdienen sich anscheinend einen zusätzlichen Sonntagabend-Bonus durch Schikanen».*
- (2) *«Und auf der kleinen 40, keine zehn Meilen ostwärts davon, hatten sie **picture-taker** mit **x-ray-machines**, die berüchtigten Radarfallen, installiert».*
- (3) *«Aus den **Gullys** stieg Dampf, aus den **Reefern** fiel eisiger Nebel, das vermischte sich mit dem **Smog** dieses Novembertages».*

8) Фантастический детектив Р. Крона «*Тёмная сторона любви*» сочетает в себе элементы «бульварного романа» и психологического триллера. Анализ плоскости психологического триллера не выявил случаев внедрения англо-американской лексики. Напротив, плоскость бульварного романа изобилует англоязычными варваризмами и социальными жаргонизмами, подчёркивающими харизму частного детектива Марло, расследующего цепочку странных происшествий ср.:

- (1) *«„**Go on, blue boy and red boy** – zum zweihundertundritten Mal!“ Marlow kritzelte die Zahl aufs oberste Blatt des Papierstapels».*
- (2) *«Ohne das **Okay** des Verwalters öffnen wir keine Tür».*

9) Заместителем аукториального повествователя (персонифицированного рассказчика) в романе-катастрофе У. Шрайбера «*Бегство муравьёв: геокалипсис*» выступает геолог Герхард Бейм, который обнаруживает в местах скопления лесных муравьёв подозрительную тектоническую активность. Однако ввиду нехватки финансовых средств в институте проект экспертизы закрывается. Внезапно происходит эрупция вулкана, и крупный промышленный район оказывается под угрозой исчезновения.

Тематика художественного произведения обусловила использование англоамериканизмов преимущественно в двух качествах: как терминов и социальных жаргонизмов в профессиональном окружении главного персонажа, ср.:

- (1) «*Er stellte den **Computer** an, schoss ein paar Fotos mit der **Digitalkamera**, die fest mit dem Mikroskop verbunden war, und lud die Bilder direkt in den **Computer**».*
- (2) «*„Ich grüße Sie, Herr Perenz! Kennen Sie mich noch?“
„Na klar – bei der **Publicity**, die Sie derzeit umgibt“».*

10) Роман-утопия «Цензор» М. Хаммершнитца во многом повторяет тематику романа К. ф. Кампа «Парадизион». Будущее Европы, представляемое чем-то средним между красочными мифами и высокими технологиями, находится в руках колониальной державы – нанотехнологичной империи майя. Центром империи является город Нанотикал, окружённый девственными лесами в середине Испании – продуктами биоинженерных технологий. Вся власть сосредоточена в руках высшего чиновника майя по имени Цензор, который привык к власти и интригам для её стабилизации.

Лингвистическое пространство романа тщательно разделено автором на два регистра: регистр империи высоких технологий (*High-Tech*) с англоязычными вкраплениями в виде терминологических единиц и обиходный регистр майя с включениями фрагментов испанской речи с целью создания местного колорита. Англоамериканизмы, используемые в художественном тексте, преобладают над испанизмами и представляют собой как термины из области высоких технологий (1), так и заимствования первого периода американизации (2, 3), например:

- (1) «*In Wirklichkeit handelte es sich bei den Sonnenbrillen um Projektionssysteme für **3D-Fernübertragung**».*
- (2) «*Der auf der Leiter schien am Bauch der **Pipeline** etwas zu befestigen*».
- (3) «*In einer Pausenhütte lagen 2 Skelette, noch mit den Resten von **Bergmann-Overalls**, schimmelbedeckten Helmen und völlig korrodierten Lampen*».

Таким образом, основными экзогlossными тенденциями в произведениях исследуемой функционально-стилистической разновидности немецкого литературного языка являются тенденции к маркировке 1) инокультурных реалий главным образом через использование англоязычных варваризмов и экзотизмов и 2) экзогlossного регистра с целью разделения линий сюжета и усиления оппозиции «Я – Другой», которая, по мнению Ю.Е. Сорокина, выступает особой чертой полифонии романа [Сорокин, 1999, с. 222].

Коэффициент плотности лексической инвазивности в проанализированном корпусе текстов общим объёмом 15 145 условных страниц равен 0,401 (таб. 9), что составляет в среднем более двух заимствованных единиц англоязычного происхождения на страницу текста (2,647). Диаморфизм зарегистрирован в текстах стиля публицистики и прессы (0,663), а также разговорно-обиходного стиля (0,685), выступающих главными каналами лексической инвазивности в немецкой литературной речи.

стиль	кол-во стр.	кол-во АА	коэффициент лексической инвазивности	кол-во грамматических конструкций	коэффициент грамматической инвазивности
<i>художественный</i>	3 563	742	0,208	49	0,013
<i>научный</i>	2 190	771	0,352	63	0,028
<i>публицистики и прессы</i>	4 487	2 976	0,663	98	0,021
<i>официально-деловой</i>	1 089	109	0,1	42	0,038
<i>разговорно-обиходный</i>	3 816	2 614	0,685	74	0,012
<i>итого / в среднем</i>	15 145	7 212	0,401	326	0,022

Таб. 9. Плотность лексической и грамматической инвазивности в текстах немецкой литературной речи

Плотность грамматической инвазивности индексируется коэффициентом 0,022, что равно одной англоязычной грамматической конструкции приблизительно на 46 страниц немецкого текста. Грамматически наиболее инвазивными выступают тексты научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038), что, на наш взгляд, обусловлено большей интернационализацией данных стилей и их тесной связью с практикой перевода. В научной сфере соблюдение таких критериев продукта перевода, как адекватность и эквивалентность, продиктовано необходимостью равнозначной реализации коммуникативного намерения автора англоязычного научного текста, что побуждает переводчиков к дословному и нередко натуралистическому переводу грамматических конструкций. В профессионально-

деловой среде адекватный и эквивалентный перевод сопряжён с юридическими последствиями для всех участников коммуникации, которые могут быть представителями разных культур, поэтому здесь в большей степени допускается заимствование грамматических конструкций с целью нивелировки грамматических трудностей и во избежание разночтений.

§ 3.2. Диафункциональный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.

Целью диафункционального анализа выступает выявление следующих социолингвистических характеристик функционирования исследуемого компонента языковой ситуации: а) функциональный тип компонента языковой ситуации (язык вертикали (язык-стандарт) vs. горизонтали, язык-донор vs. язык-реципиент); б) модель языковой политики основного экспонента языковой ситуации (языковая демократия vs. языковой национализм); в) объект языковой регуляции (статус vs. корпус языка); г) характер языковой политики (пермиссивность / экзогlossная vs. рестриктивность / эндогlossная); д) характер языкового планирования (функциональный vs. нормативный); е) характер лингвоконсидерации (статусный vs. корпусный); ж) характер языковой критики (либеральный vs. пуристический); з) характер кодификационных мер (прогрессивный vs. ретроспективный).

В ходе диафазного и диастратического анализа определён такой социолингвистический метагlossный параметр функционирования немецкого литературного языка указанного периода, как «функциональный тип»: язык горизонтали и, соответственно, язык-реципиент. Таким образом, диафункциональный анализ языковой ситуации будет сосредоточен на компонентах б–з, которые предполагают определение 1) характера языковой регуляции в отношении объектов языкового воздействия (статуса и корпуса немецкого литературного языка) и 2) характера языковой политики ФРГ указанного временного диапазона.

1) Под регуляцией в настоящем исследовании понимается реконструктивное вмешательство общества с целью изменения или сохранения немецкого литературного языка. Данное вмешательство реализуется на основе выработанной обществом языковой политики [Туманян, 1999, с. 92] и подразделяется по объекту воздействия на регулирование статуса и регулирование корпуса. Антиномия «статус vs. корпус языка» определяется взаимосвязью экстралингвистического и интралингвистического уровней и основывается в свою очередь на антиномии внешней и внутренней лингвистики, описанной Ф. де Соссюром [де Соссюр, 2004, с. 58].

Под *корпусом языка* в настоящем исследовании понимается совокупность подсистем и их элементов, конституирующих систему немецкого литературного языка. Корпус традиционно относится к интралингвистическим уровням языка. Под *статусом* понимается совокупность характеристик культурного, политического, экономического, юридического и пр. плана, определяющих рамки использования немецкого литературного языка. Стержневым моментом статусного порядка можно считать значимость (ранг, вес, престиж, роль) данного языка в рамках сложившейся языковой ситуации. Статус языка относится к экстралингвистическому уровню. Статусом могут обладать и отдельные единицы корпуса. Так, англоамериканские заимствования в немецком литературном языке сохраняют статусные атрибуты языка-донора (языка вертикали), ср. пары гетеролингвальных синонимов: «*Horrorfilm*» ↑ vs. «*Gruselfilm*» ↓, «*Coverstory*» ↑ vs. «*Titelgeschichte*» ↓. Непреодолимая граница элементов антиномии «статус языка vs. корпус языка» совпадает с границей имматериального, или идеального (статус), и материального (корпус): статус представляет надстройку корпуса, так сказать, его культурное продолжение в социальном измерении, в то время как корпус является экраном и внутренних, и внешних факторов языкового изменения.

Инструментами регуляции немецкого литературного языка выступают: а) *лингвоконсидерация*, б) *языковая политика* и в) *языковое планирование*. В соответствии с объектом воздействия они подразделяются на корпусный и статусный типы.

А) *Лингвоконсидерация* (лат.: *consideratio* = рассматривание, созерцание) противопоставлена языковой политике и языковому планированию в том, что она исполняет по отношению к развитию системы немецкого литературного языка рецепирующую роль. Это действительно и в отношении главного экспонента и любого другого компонента языковой ситуации. Потребность в наблюдении за развитием литературных языков и отслеживании активных тенденций – как стихийных, так и управляемых, – возникла неизменно в условиях экзоглоссии.

Корпусная лингвоконсидерация направлена на рассмотрение текущего состояния корпуса немецкого литературного языка и сравнение данного состояния с состояниями прошлых этапов развития. *Статусная лингвоконсидерация* преследует цель выявить статусные особенности немецкого литературного языка и сравнить их с состояниями его статуса в рамках прежних языковых ситуаций.

Основными артикуляторами лингвоконсидерации являются ортология и языковая критика. Под *ортологией* понимается контекст культурно-речевых и стилистических рассуждений, связанных с изучением устойчивых и воспроизводимых *отклонений* от существующих норм в речи носителей языка, их причин, носящих системно значимый характер, и путей их устранения [Теймурова, 2000, с. 305]. Л.В. Щерба квалифицировал данные отклонения как речевые ошибки, или системно устойчивые социально запрограммированные и коммуникативно воспроизводимые языковые средства [Щерба, 1974, с. 367].

Всякое речевое отклонение, носящее не случайный характер, а воспроизводимое в речи различных людей с определённой регулярностью, представляет собой коррелят нормы в системе общенационального языка. Т.е. ошибка, как и норма, носит иерархический характер и пронизывает всю языковую систему. В контексте языкового развития коррелятами нормы зачастую представляются заимствованные языковые единицы, которые «в зависимости от характера отношения к элементу Чужого в языке-реципиенте могут быть отнесены в категорию рекомендованных / нереконмендованных» [Семенюк, 1996, с. 30]. Таким образом, в ортологической перспективе Чужое определяется понятием «ненормы», в силу чего, как правило, выступает объектом языковой критики. Своё отражение ортология находит в *ортологической лексикографии*, специальной отрасли лексикографии, посвящённой практике создания словарей ненорм (см. Приложение 3). Она исходит из необходимости выявления, систематизации и интерпретации ненормы и объяснения на этом фоне самой нормы, а также изучает способы описания речевых ошибок в специальных словарях [Теймурова, там же].

Языковая критика изучает речь, речевые акты и дискурсы на фоне взаимодействия языка и общества. Отличиями языковой критики от ортологии можно считать культуралистическую оценку речевых высказываний, а также наличие определённой авторской позиции, на основе которой формулируется сама критика. Последнее обуславливает субъективизм языковой критики, отражённый в семи так называемых «лингвоидеологических позициях» («*sprachideologische Haltungen*») П. фон Поленца: языковом консерватизме («*sprachkonservative Haltung*»), элитаризме («*sprachelitäre Haltung*»), историзме («*historische Haltung*»), пуризме («*sprachpuristische Haltung*»), мономании («*sprachmonomane Haltung*»), панлингвистической («*panlinguistische Haltung*») и культурно-революционной позициях

(«*kulturrevolutionäre Haltung*») [Polenz, 1999, с. 284]. В основе культуралистической оценки, определяющей субъективизм языковой критики, лежит понятие культурализма, определяемое как «направление мыслительной деятельности человека, подчёркивающей его как целенаправленно и целесообразно действующего культурного субъекта» («*Denkrichtung, die den Menschen als ein zielbewusst und zweckmäßig handelndes Kulturwesen betont*») [Fuchs-Heinritz, 1994, с. 381]. Языковая критика языковой ситуации в ФРГ изучаемого периода представлена деятельностью таких германистов, как Л. Гётце, Х.-М. Гаугера, В. Кремера, П. ф. Поленца, Г. Фишера, В. Шнайдера, Р. Шродта, Д.Е. Циммера и др.

Б) *Языковая политика* представляет, с одной стороны, систему мер, осуществляемых субъектами языковой и государственной политики для сохранения или изменения статуса и корпуса немецкого литературного языка. С другой стороны, языковая политика – всегда часть политики административно-территориального образования (ФРГ), ведь характер языковых преобразований всегда сопряжён с особенностями действующего политического устройства.

В зависимости от того, на преобразование какого аспекта языковой сущности направлены меры, различают *статусную* и *корпусную языковую политику* [Кузнецов, 2009, с. 308–309]. *Статусная языковая политика* нацелена на преобразование статуса определённого компонента языковой ситуации и обычно распространяется и на другие её компоненты. *Корпусная языковая политика* преследует цель структурного обогащения регулируемого языка (например, развитие терминологии, письменности) или защиты от экзогlossного влияния.

В) В отличие от лингвоконсидерации, характеризующейся своей ретроспективностью, категориальным признаком языкового планирования выступает *проспективность*, т.е. ориентированность на будущее состояние регулируемого языка. Планирование немецкого литературного языка должно опираться на лингвоконсидерацию, которая рассматривает настоящее его языка в сравнении с его прежними состояниями, анализирует изменения и предвкусывает определённое языковое функционирование в некой концепции, нацеленной на преобразования отдельных составляющих корпуса и/или статуса немецкого литературного языка в рамках сложившейся языковой ситуации. Данная концепция реализуется через языковое планирование в так называемых моделях языковой политики (см. об этом подробнее §§ 1.9., 4.1.).

Сама же действующая система мер лингвистического характера, либо направленных на реализацию данной концепции, либо осуществляемых хаотически, и составляет языковую политику административно-территориального образования. Следовательно, языковая политика всегда отражает текущее состояние языковой регуляции с её зачастую непрофессиональным осуществлением и поэтому находится в поле интересов большинства социолингвистов. Как справедливо замечает М. Раннунт, «языковая политика осуществляется политиками, а планирование – специалистами» [Раннунт, 2004, с. 63].

Итак, *языковое планирование* представляет собой лингвистическую разработку концепции будущего функционирования корпуса и статуса определённой языковой формы и пользования ею. Равно как и лингвоконсидерация, языковое планирование – удел лингвистов различного профиля, планирующих язык в разнообразных сферах влияния языковой политики (см. § 1.9.).

Регулирование статуса имеет решающее значение для будущего литературного языка. Проспективность языкового планирования делает данный инструмент языковой регуляции наиболее ответственным, а участие в планировании квалифицированных лингвистов обязательным. Последнее обусловлено тем, что будущее языковое функционирование в момент настоящего всегда характеризуется незавершённостью, и разработка концепции как сложной системы элементов рекомендации / нерекommendации требует знания не только прошлого и настоящего, но и «ближних» тенденций языкового развития» [Семенюк, 1996, с. 30].

Задача лингвистов состоит не только в прогнозировании развития титульной языковой формы на основе определённых культуралистических предпочтений, но и в верном распознавании внутренних тенденций языка, гармонизации внешнего и внутреннего факторов языкового изменения, в такой организации дескриптивного (узуса) и прескриптивного (нормы), которая бы обеспечивала сбалансированное развитие регулируемого языка с пользой для культуры и общества в целом.

Языковое планирование целиком основывается, – и в этом смысле оно очень тесно сотрудничает с лингвоконсидерацией, – на рефлексии тенденций языкового развития двух планов: *нормативного* и *функционального*. Хотя нормативная рефлексия языкового развития касается большей частью корпусной, а функциональная – статусной ипостаси языковой сущности, данные типы рефлексии не являются абсолютными атрибутами

корпуса или статуса, а скорее их метапризнаками. В этой связи *разделение языкового планирования на нормативное и функциональное* представляется более целесообразным, нежели традиционное на корпусное и статусное [ср.: Cooper, 1989, с. 34].

В качестве примера приведём реформу немецкого правописания от 1-го июля 1996 г., вступившую в силу окончательно с первого августа 2006 г., где новая рекомендуемая форма написания галлицизмов «*Resümee*», «*Exposé*», «*passée*» является подспудным признаком сниженного уровня грамотности, в то время старая форма написания «*Résumé*», «*Exposé*», «*passé*» не только не считается неправильной, в особенности в академической среде, но и свидетельствует о высокой степени лояльности к немецкому языку, несмотря на то, что формально все три единицы представляют собой ксенизмы галльского происхождения. Такое тесное сплетение корпусно-статусных параметров заимствованных единиц делает классификацию языкового планирования по Р. Куперу [Cooper, 1989, с. 54] недостаточной для теоретического фундамента нашего исследования.

Оба выделенных типа языкового планирования восходят целиком к основным функциям языкового регулирования – изменению и сохранению языка. Изменение созвучно функциональному типу, сохранение – нормативному. Нормативное языковое планирование носит прескриптивный, а функциональное – пермиссивный характер. Соответственно, прескриптивное нормосберегающее языковое планирование усиливает моноцентризм идиома языковой формы, в то время как пермиссивный функциональный тип стимулирует плюрицентризм языкового идиома.

Нормативное языковое планирование является консервативным и стремится сохранить наилучшее языковое состояние, либо приблизить к нему регулируемый язык. К примеру, упомянутая реформа немецкого правописания предусматривает написание «ä» в однокоренных словах после умлаута, передаваемой со средневерхненемецкого периода буквой «e», ср.: *Aufwand* → *aufwändig* (свн.: *aufwendig*), *Überschwang* → *überschwänglich* (свн.: *überschwenglich*). Смыслом данной меры нормативного языкового планирования является орфографическая фиксация словообразующей морфемы с целью сохранения исторической (этимологической) связи единиц того или иного гнезда, т.е. прозрачности словообразовательного механизма, так как для немецкого языка типична быстрая смена внутренней формы слова (ср.: *tun* → *Tat*, *Gewicht* → *Wucht*, *kiesen* → *Kür*) и это может восприниматься нормализаторами как опасность языкового сдвига. Можно

резюмировать, что нормативное языковое планирование нацелено на повышение литературного качества немецкого языка по Э.Г. Ризель, т.е. тех его функционально-стилистических слоёв, которые расположены в стратификационной иерархии стилей выше нейтрального уровня и, следовательно, образуют буквально «высокий» язык (*Hochsprache*).

Функциональное языковое планирование имеет целью изменение норм немецкого литературного языка. Оно направлено на усовершенствование и расширение его функций, как правило, за счёт заимствованного экзогlossного материала. Расширение специальных сфер функционирования литературного языка посредством заимствования предполагает сознательное отхождение от литературной нормы с целью выработки собственной номенклатуры (ср. обозначение звука [k] латинской буквой «с», характерное для интернационализмов в периферийных сферах лексико-семантической системы немецкого литературного языка, наряду с общеупотребительной нормой: «*Nicotin*» vs. «*Nikotin*», «*cyclisch*» vs. «*zyklisch*» и т.п.). Это определяет необходимость интерпретации новых функциональных единиц средствами специальной лексикографии в рамках функционального языкового планирования.

Таким образом, все три инструмента языковой регуляции с присущими им временными акцентами (лингвоконсидерация → прошлое, языковое политика → настоящее, языковое планирование → будущее) обуславливают комплексный характер диафункционального анализа языковой ситуации в ФРГ 1945-2010 гг.

Регуляцию немецкого литературного языка исследуемого периода можно охарактеризовать как *недостаточную*, вызванную, по оценке Х.-Г. Шмитца, *дефицитом лояльности и носителей, и нормализаторов к родному языку*: «На данный дефицит жалуются приверженцы немецкого языка и культуры за рубежом, особенно многие зарубежные германисты, ибо он давно негативно влияет на значимость немецкого языка в международном состязании языков (к примеру, в Европейском Союзе) за лидерство, а также на преподавание немецкого за границей» [Schmitz, 2009]. В. Фойгт подтверждает данную тенденцию: «На протяжении более полувека **отсутствовало должное внимание к языку** (лингвоконсидерация – *комментарий наш*): **процессы языкового развития не отслеживались, ортологическая литература не выпускалась, языковое планирование проводилось спорадично и децентрализовано** (т.е. усилиями 19 языковых сообществ – *комментарий наш*), полностью игнорируя нормообразующий принцип единообразия кодификации, что убедительно доказывает провалившаяся первая редакция реформы немецкого правописания от 1996 г.» [Voigt, 1999, с. 18].

Д.Е. Циммер констатирует, что **«немецкий литературный язык не ассоциируется даже в сознании самих немцев с социальным престижем** (вертикалью – *комментарий наш*), что едва ли способствует укреплению его статуса в Европе и за её пределами. Языковая политика, отправляемая Ведомством иностранных дел (*Auswärtiges Amt*), не даёт большого повода надеяться на то, что статус немецкого языка в ФРГ будет, по крайней мере, эквивалентен статусу английского языка» [Zimmer, 1998, с. 124].

Особым признаком недостаточности мер регуляции немецкого литературного языка можно считать **отказ от ведущей роли немецкого языка в ФРГ и признание первенства американского варианта английского языка** как в глобальном масштабе, так и **в рамках исследуемой языковой ситуации**. Это красноречиво доказывает строчка из композиции «*We are living in America*» (англ.: «*Мы живём в Америке*») 2004 г. рок-группы «Раммштайн»: «*I don't sing my mother tongue*» (англ.: «*Я не пою на моём родном языке*»). Практически все радиостанции ФРГ вещают песни на английском языке, а многие исключительно на нём (ср. музыкальный репертуар радиостанции WDR2). Пожилые граждане ФРГ жалуются на то, что по радио крайне редко можно услышать немецкоязычный шлягер, а вместо этого транслируется британо-американская поп-музыка. Многие немецкие исполнители предпочитают в своём творчестве англофонию, ср. музыкальные альбомы Д. Болена, Б. Вайдунга (Т. Андерса), С. Теренци (С. Коннор), С. Крету (Сандры) и т.п. Среди более молодых немецких музыкантов английский уже является нормой для песенного творчества, ср. хроники телевизионного проекта «*Германия ищет супер-звезду*» («*Deutschland sucht den Superstar*», сокращённо «*DSDS*»). Политику установления американского варианта английского первым языком повсеместно в ФРГ ведут представители властных структур, политики, шоумены, равно как и те, кто считает себя космополитом, выстраивая тем самым *вертикаль* для американского варианта английского как престижного языка и *горизонталь* для немецкого как непрестижного (местного) языка.

Весьма отчётливо вертикаль американского варианта английского языка прослеживается в системе высшего образования ФРГ, где языковой статус определяет содержание образовательных стандартов, а престиж того или иного языка является основополагающим для профессиональной ориентации. Иностранные делегации исходят из того, что **знания английского языка в ФРГ будет достаточно**, ведь в немецких университетах давно стало нормой то, что **преподаватели немцы читают студентам-**

немцам лекции на английском языке по наукам естественного и социально-экономического цикла. Вузы с экономикой в качестве профилирующего предмета, а также так называемые «финансовые школы» практически полностью перешли на английский язык. В 250 направлениях из 1 976 существующих в немецком высшем образовании английский – единственный язык преподавания [Klein, 2007, с. 35]. Г. Шмидт констатирует в своей книге «Глобализация» («*Globalisierung*», 2006), что «в немецких университетах даже такие «исконно немецкие» дисциплины, как биогенетика и авионика преподаются и сдаются исключительно на английском языке» [Schmidt, 2006, с. 38].

Ежегодно **немецкий как язык науки теряет приверженцев** не только за рубежом, но и в самой ФРГ. Многие **немецкие научные журналы окончательно перешли на английский язык** под «давлением рейтингов» и «страхом быть вычеркнутыми из библиотечных каталогов за отсутствием читающей аудитории» [Zimmer, 1996]. На английском языке стали проводится все научные конференции в ФРГ и даже конференции по германистике. Немецкий числится как один из «рабочих языков» и стоит в лучшем случае на втором месте после английского, оправдывая обозначение языка горизонтали – «*Nischensprache*» (нем.: *язык ниши*) в противовес американскому варианту английского языка как «*Megasprache*» (нем.: «*мегаязык*») [Stoll, 2000]. Между тем, как отмечает Ш. Кляйн, «английский язык на научных конференциях в ФРГ – зачастую проформа, так как никто из присутствующих не говорит на нём как на родном языке, при том что большинство участников составляют немцы» [Klein, 2007, с. 35].

Падение статуса немецкого литературного языка в образовательной и научной сферах ставит субъектов языковой политики ФРГ перед необходимостью корректировки регуляции главного экспонента языковой ситуации (см. далее). Адекватной моделью языковой политики может стать умеренно-националистическая, предполагающая умеренно-эндогlossный характер функционирования немецкого литературного языка в рамках экзогlossной языковой ситуации.

Усиление языковой критики как артикулятора лингвоконсидерации языковой ситуации в ФРГ в 90-е и 2000-е годы способствует нормализации кодификационных процессов, характеризующихся крайней неравномерностью в истории немецкого языка [Семенюк, 1996, с. 40–44], а также более тесному взаимодействию лингвоконсидерации и языкового планирования, результатом чего становятся лингвоэкологические сценарии регулирования немецкого литературного языка (см. § 4.2.).

2) Языковая политика ФРГ второй половины XX в. – начала XXI в. оказала существенное влияние не только на систему и нормативную базу немецкого литературного языка, но и на его статус внутри страны и за её пределами. Характерной особенностью языковой политики указанного периода является *демократизация литературных норм немецкого языка* как следствие, во-первых, абсолютного отождествления фактической политики государства и политики языка в ключе демократизации немецкого общества после окончания второй мировой войны и, во-вторых, законодательства языковых норм представителями лингвистических профессий.

Так как принципом языковой демократии выступает *примат (предпочтение) интересов личности перед интересами языкового коллектива* (см. подробнее § 4.1.), при языковой демократизации допускается участие в кодификации любого индивидуума языкового коллектива. В этом случае любой, кто получает доступ к каналам массовой информации, может стать законодателем новой моды в языке – явление, определяемое в настоящей монографии как злоупотребление *показательной функцией нормообразования*. В числе наиболее подверженных данной тенденции телевизионных каналов ФРГ следует назвать «ProSieben», среди печатных изданий – немецкоязычные версии «Cosmopolitan» и «Mens' Health».

Языковая политика ФРГ второго этапа американизации представлена деятельностью девятнадцати языковых обществ (*Sprachvereine*), двух языковых фондов (*Sprachstiftungen*) и трёх бюджетных языковых институтов (*staatlich geförderte Sprachinstitutionen*), чьи меры языковой регуляции разительно отличаются друг от друга, к примеру, пермиссивность редакции словаря DUDEN и пуристические памфлеты Союза немецкого языка (*Verein deutsche Sprache, VDS*), созданного в 1997 г. в Дортмунде под руководством профессора В. Кремера специально для борьбы с такими тенденциями американизации, как немотивированным употреблением англоамериканизмов и гибридизацией немецкого литературного языка.

В деятельность союза входит ежегодное объявление общественных деятелей ФРГ, отличившихся англоязычным словотворчеством в номинации «*Sprachpanscher des Jahres*»* (нем.: *враг языка*, буквально: «*смеситель*» языка, от глагола «*panschen*»: *подмешивать, разбавлять водой вино, молоко, бензин и т.п.*) (см. таб. 10).

Год	номинант	причина
1997	Джил Сандер, модельер	За использование англоязычных ксенизмов в интервью «FAZ» 22.03.1996 г., цит. журналом «Spiegel» 01.04.1996 г.: <i>«Ich habe vielleicht etwas Weltverbesserndes. Mein Leben ist eine giving-story. Ich habe verstanden, dass man contemporary sein muss, das future-Denken haben muss. Meine Idee war, die hand-tailored-Geschichte mit neuen Technologien zu verbinden. Und für den Erfolg war mein coordinated concept entscheidend, die Idee, dass man viele Teile einer collection miteinander combinen kann. Aber die audience hat das alles von Anfang an auch supported. Der problembewusste Mensch von heute kann diese Sachen, diese refined Qualitäten mit spirit eben auch appreciaten. Allerdings geht unser voice auch auf bestimmte Zielgruppen. Wer Ladyisches will, searcht nicht bei Jil Sander. Man muss Sinn haben für das effortless, das magic meines Stils».</i>
1998	Рон Зоммер, председатель правления компании «Дойче телеком»	За продукты англоязычного словотворчества « <i>Sunshine-und Moonshine-Tarif</i> », « <i>Short-Distance-Call</i> », « <i>City-Call</i> », « <i>German-Call</i> ».
1999	Йоганнес Людевиг, председатель правления ОАО «Дойче бан»	За продукты англоязычного словотворчества « <i>ticket counter</i> », « <i>service point</i> » « <i>db-lounge</i> ».
2000	Андреас Хельдрих, ректор Мюнхенского университета им. Людвига Максимилиана	За введение в обиход единиц « <i>Masterstudiengänge</i> », « <i>Credit-Point-Systeme</i> », а также за предложение переименовать факультеты в « <i>departments</i> ».
2001	Вольфганг Цохер, председатель союза германских похоронных агентств	За англоязычные нововведения « <i>funeral master</i> » для « <i>Leichenbestatter</i> » и « <i>peace box</i> » для « <i>Sarg</i> ».
2002	Клаус Цумвинкель, председатель правления ОАО «Дойче пост»	За продукты англоязычного словотворчества « <i>One stop shopping</i> », « <i>Global mail</i> », « <i>Mailing Factory</i> », « <i>Fulfillment</i> », « <i>Travel service</i> », « <i>Speed booking</i> » и пр.

2003	Герхард Майер-Форфельдер, президент немецкой федерации футбола	За продукты англоязычного словотворчества « <i>Home & Away Shirts</i> », « <i>Signature Shirts</i> », « <i>Reversible Tops</i> ».
2004	Маркус Шехтер, управляющий телевизионного канала «ZDF»	За продукты англоязычного словотворчества « <i>Kiddie contests</i> », « <i>Webcam Nights</i> », « <i>Nightscreen</i> ».
2005	Герберт Бек, директор Штеделевского художественного института	За продукты англоязычного словотворчества « <i>Member's Night</i> », « <i>Art Talk for Families</i> », « <i>Holbein's Lounge</i> ».
2006	Гюнтер Ойтингер, экс-премьер-министр федеральной земли Баден-Вюртемберг	За утверждение: «Немецкий останется языком семьи, « <i>диалектом домашних развлечений</i> » (« <i>Feierabenddi-alekt</i> »), а английский станет рабочим языком и языком номер один в Германии».
2007	Хартмут Медорн, председатель правления ОАО «Дойче бан»	За подмену немецких обозначений вокзальных служб на английские (« <i>counter</i> » вместо « <i>Schalter</i> », « <i>service point</i> » вместо « <i>Auskunft</i> » и т.п.).
2008	Клаус Воверайт, мэр г. Берлина	За рекламный слоган « <i>Be Berlin</i> », плакат на Бранденбургских воротах « <i>Power for Peace – Power for unity – Power for understanding</i> » за учреждённый фонд в поддержку спортсменов с названием « <i>Hall of Fame</i> ».
2009	Немецкое общество гимнастов	За положительный перенос англоязычных спортивных терминов « <i>Slacklining</i> », « <i>Gymmotion</i> », « <i>Speedjumping</i> » oder « <i>Speedminton</i> » в немецкий литературный язык и название мероприятий « <i>Feel Well Woman</i> », « <i>Sport for Fun</i> ».
2010	Фриц Пляйтген, заместитель руководителя проекта «Рур.2010»	За англоязычную компанию города Эссена, в которой добровольцы были названы « <i>volunteers</i> », города-побратимы « <i>Twins</i> », а города Рурской области « <i>Local Heroes</i> ».

*В 1997 г. номинация называлась «*Sprachschuster des Jahres*» (нем.: языковой халтурщик года).

**Таб. 10. Ежегодные номинации «Sprachpanscher des Jahres»
Союза немецкого языка VDS до 2010 г.**

Как обозначено выше, основная критика союза направлена на использование априорных и апостериорных образований на материале американского варианта английского языка в немецком литературном языке, совокупность которых обозначается деятелями союза и германистами по-разному: *Germeng, Denglis(c)h, Denglitsch, Germish, Engleutsch, Angleutsch, Pidgin-Deutsch / Pigdin German, Anglo-Teutonisch, Neuanglodeutsch* [Hohenhaus, 2001, с. 58]. Председатель VDS В. Крэмер обозначил такую форму языка «*BSE – bad simple English*», ассоциативным дериватом которого является известное сокращение «*BSE – bovine spongiform encephalopathy*» (англ.: *коровье бешенство*) [Krämer, 2001, с. 15]. Метафора «болезни немецкого языка и культуры» также весьма популярна в немецкой и зарубежной германистике, например, в трудах членов VDS Х.Х. Дитера и Г. Шраммена, обозначающих совокупность заимствованных англоамериканизмов англицитом («*Anglizitis*», также часто в номенклатуре медицинского социолекта «*Anglinitis*») [Schrammen, Dieter, 2007]. Содержание метафоры «болезни» немецкого литературного языка можно определить как *инвазивное и манипулятивное заимствование единиц американского варианта английского* как языка вертикали, а также «иностранный язык по умолчанию» в ФРГ обоих периодов американизации.

Считается невежественным не знать англоязычные вывески («*Final sale*», «*Phone shop*», «*Express shopping*», «*Sky-Surfer*», «*Fitness company*» и пр. на витринах прилавков и супермаркетов, рекламных плакатах и информационных буклетах. В действительности же ситуация такова, что люди среднего и пожилого возраста не владеют даже самыми распространёнными единицами английского языка, а употребление немецких эквивалентов расценивается как провинциализм.

Таким образом, языковая политика ФРГ стоит перед необходимостью разрешения следующего противоречия. С одной стороны, средства массовой информации и общественные институты стимулируют использование единиц американского варианта английского языка как языка-макропосредника, что приводит к снижению статуса немецкого литературного языка в ФРГ, непопулярности единиц его корпуса, а также к пермиссивности кодификации. С другой стороны, наблюдается дефицит кодификационных предписаний ввиду ряда назревших проблем: потребности в рекомендации / нерекордации использования англо-американской лексики субъектами, имеющими показательную функцию нормообразования; необходимости отхода от функционального типа языкового плани-

рования и лингвополитической модели языковой демократии; потребности в усилении ретроспективных и рестриктивных тенденций в языковой политике на основе преимущественно корпусной лингвоконсидерации.

Как реакцию на сложившееся противоречие можно наблюдать следующую картину в языковой политике ФРГ обоих периодов американизации: пожилые люди высказываются за националистическую модель, подчёркивая преимущества эндогlossного состояния языка, а молодые люди предпочитают модель языковой демократии, позволяющую более непринуждённо использовать доступные языковые единицы и беспрепятственно привлекать средства из престижного языка-донора.

Выводы по главе III

Экzogлосными тенденциями частного характера на уровне речи немецкого литературного языка являются следующие. В *официально-деловом функциональном стиле и стиле науки* наблюдается тенденция к терминологизации заимствованных англоамериканизмов для нужд специальной и общепотребительной терминологии. В *функциональном стиле публицистики и прессы* установлена тенденция к использованию англоязычных единиц с целью рационального и эмоционального воздействия на реципиента. В *разговорно-обиходном функциональном стиле* выявлена тенденция к использованию англоязычных заимствований в искажённой форме и в функции социальных жаргонизмов. В *художественном функциональном стиле* зафиксированы тенденции к маркировке экzogлосного регистра с целью разделения линий сюжета и инокультурных реалий главным образом через использование англоязычных варваризмов и экзотизмов. Диастратический анализ языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. выявил плюрицентризм языковых и речевых норм и полигlossию системы немецкого литературного языка.

Основными каналами лексической ивазивности выступают тексты стиля публицистики и прессы, а также разговорно-обиходного стиля с установленной тенденцией к диаморфизму соответственно 0,685 и 0,663. Частотность заимствования лексического материала американского варианта английского языка составляет в среднем более двух единиц на страницу немецкого текста, а вкрапления грамматических конструкций – 1:46. Максимальная грамматическая ивазивность наблюдается в текстах научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038), в которых, однако, сохраняется тенденция к изоморфизму.

Инструментами регуляции немецкого литературного языка выступают а) *лингвоконсидерация* и её артикуляторы ортология и языковая критика, б) *языковая политика* и в) *языковое планирование* с присущими им временными акцентами (лингвоконсидерация → прошлое, языковая политика → настоящее, языковое планирование → будущее). В соответствии с объектом воздействия инструменты регуляции подразделяются на корпусный и статусный типы. Для языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. характерны: низкая степень лингвоконсидерации, демократизация и как следствие плюрицентризм языковой политики, функциональное языковое планирование и пермиссивный тип кодификации. Симптомами демократизации литературных норм являются: падение статуса немецкого литературного языка в научной и образовательной среде, создание Союза немецкого языка VDS для борьбы с последствиями демократизации языковой политики и американизации немецкого литературного языка, восприятие американского варианта английского языка в языковой ситуации в ФРГ как языка вертикали.

Глава IV
**РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В РАМКАХ ЭКЗОГЛОССНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ**

§ 4.1. Принципы и модели немецкой языковой политики

Наибольшей проблемой для литературных языков является сохранение самобытности при необходимости интеграции в англоязычное международное пространство. Данное противоречие вызвано противостоянием центристремительных и центробежных тенденций в развитии цивилизации: *центристремительные* силы инициируют поиск оптимального способа преодоления языкового барьера, в то время как *центробежные* силы способствуют стремлению этносов к сохранению неприкосновенности их родных языков в условиях очевидной экспансии американского варианта английского языка [Кабакчи, 2009, с. 78]. Главными виновниками первых тенденций, с точки зрения Е.А. Михайловой, являются средства массовой информации и в первую очередь телевидение [Михайлова, 1999, с. 90].

Внедрение Пенсильванским университетом (*Pennsylvania State University*) индекса цитируемости (*impact factor*) в научной среде, англоязычная привязка коммуникационных и высоких технологий, создающая эффект безальтернативности языкового выбора, формирование целой индустрии преподавания английского языка под эгидой американских обществ «*Rockefeller*» и «*Carnegy*» «в условиях, когда экзаменационные требования разрабатываются в Лондоне и США, когда лучшими преподавателями считаются «*native speakers*», а словари, изданные в Соединенном королевстве и США, расходятся миллионными тиражами» [Кабакчи, там же], не только приносят большие доходы, но и гарантируют «стабильный спрос на английский язык» на рынке образовательных услуг. Е.Б. Гришаева со ссылкой на различных зарубежных лингвистов констатирует, что «ни на какие нужды не тратилось такое количество средств, как в 1950–1970 гг. – на распространение английского языка, а бюджет «*British Council*» в 2001–2002 гг. составил 440,8 млн. фунтов стерлингов» [Phillipson, 1994, с. 9; Maurais, 2003, с. 29; цит. по: Гришаева, 2006, с. 55].

Поиски оптимальных способов кодификации, вызванные необходимостью реагирования как на *интегративные* (глобализационные), так и *дезинтегративные* тенденции в языковом коллективе, обозначенные в § 2.3., приводят к пониманию того, что *оптимальным способом языковой регуляции являются модели языковой политики*.

Моделирование процессов приобрело особую значимость именно в русле регуляции языков, т.е. в результате реконструктивного вмешательства общества в развитие языка и повышения степени его искусственности. Модель создаёт коммуникативную рамку поведения пользователей регулируемого языка с учётом активных тенденций развития. Таким образом, *модель языковой политики – это совокупность стандартизационных мер по использованию языка в рамках сложившейся языковой ситуации*. Следовательно, рамки модели совпадают с рамками языковой ситуации. Стандартом считается образец функционирования языка в соответствии с той или иной направленностью его развития (диаморфизм vs. изоморфизм).

Оппозиционные принципы отношения к Чужому в регулируемом языке формируют две крайние модели языкового регулирования как формы реализации определённой лингвополитической концепции: *консервативную* и *прогрессивную*. Состояние языка при консервативной модели, несомненно, лучше, ибо акцент ставится на сохранение и развитие литературных норм, т.е. повышение качества речи. Прогрессивная модель стремится облегчить пользование языком, снижая степень лояльности к авторитетному языку и либерализуя нормы.

В реальной языковой политике эти модели соответственно конкретизируются в языковом национализме и языковой демократии. Действующие модели языковой политики различаются *степенью идеологизированности*, которая лежит в основе принципов языковой политики. Друг другу противостоят два основных принципа, составляющие идейную основу языковой политики: 1) примат коллективных и государственных интересов перед интересами личности и гражданина; 2) примат человеческой личности и гражданских прав перед интересами государства и языкового коллектива [Кузнецов, 2001, с. 308].

Как можно видеть, рассмотрение тематики языкового регулирования в призме исторического развития немецкого литературного языка неизменно приводит к выделению оппозиционных явлений, составляющих, в сущности, скалярные величины процессов относительной завершённости.

Это продиктовано в частности тем, что развитие вообще, – и в этом видится суть признания диахронной лингвистики на фоне несостоятельности структуралистской парадигмы, – представляет собой секвенцию промежуточных форм, в которой выделение начального и конечного звена затруднено неопределённостью в понимании телеологической составляющей развития [Ясперс, 1991, с. 11]. Таким образом, наши рассуждения строятся большей частью на основе выделения оппозиций и крайних точек определённых участков языкового развития.

Итак, принципы языковой политики как реальной практики языкового планирования основываются на следующей оппозиции: *примат (т.ж. приоритет) коллективных интересов перед интересами индивидуума vs. примат индивидуальных интересов перед интересами коллектива*. В широком смысле данные принципы коррелируют с принципами отношения к Чужому, так как наиболее проблемным полем языковой регуляции, как известно, является соотношение заимствованного и автохтонного материалов. Примат коллективных интересов выражает зачастую необходимость эндогlossного характера развития с высокой степенью регламентации Чужого. Противоположный примат подразумевает потребность в экзогlossном характере развития и влечёт за собой ксенизацию автохтонного языка.

1) Экспликацией первого принципа можно считать усиление элемента рекомендации при кодификации норм немецкого литературного языка, соответствующее консервативной модели языкового регулирования, за счёт чего достигается более высокая степень лояльности к национальному языку. На культурнополитическом уровне это позволяет говорить об укреплении национальной идеи, а применительно к титульному языку – в частности об усиленной регламентации элемента Чужого. Модель языковой политики, основывающаяся на данном принципе, обязывает носителей титульного языка к более внимательному и осознанному обхождению с гетерогенным языковым материалом, причём предпочтение, естественно, отдаётся автохтонным средствам языка. Слагающийся в результате этого *языковой национализм* характеризуется большей частью *моноцентризмом языкового регулирования* (т.е. когда последнее сосредоточено в руках одного субъекта) и, как следствие, большей прескриптивностью, что предполагает преимущественно эндогlossный характер развития автохтонного языка.

Зачастую за эксплицитным стремлением субъектов таких мер языковой регуляции повысить грамотность владения нормами литературными языком скрывается подоплека политического характера, например, национальной консолидации в целях противодействия влиянию престижных языков или раздробленности. В качестве примера можно назвать модель языкового регулирования при деятельности «Всеобщего немецкого языкового союза» («*Allgemeiner Deutscher Sprachverein*») в начале XX в., насчитывавшего в своих рядах тысячи членов – учителей, политиков, коммерсантов, юристов, учёных – и стремившегося объединить кодификационные устремления широких общественных кругов (моноцентризм).

Н.Н. Семенюк отмечает в деятельности данного нормализаторского сообщества «массовые процессы «онемечивания» иноязычных лексем, относящиеся к таким сферам, как язык официальных учреждений, пресса, спорт, торговля, книгоиздание, школа. В теоретическом плане пуризм носил в этот период весьма умеренные формы, так как выдвигались требования замены лишь тех иностранных лексем, без которых язык мог легко обойтись и употребление которых не являлось необходимым. При несомненной пользе «Союза» в его деятельности с самого начала проявлялись и некоторые националистические моменты, усиливающиеся в дальнейшем» [Семенюк, 1996, с. 43].

Противоположную точку зрения представляет американская исследовательница У. Линке: «В пространстве, раздробленном экономически, политически, социально и диалектно и в то же время называемом «немецким», борьба за общий немецкий язык, оборонительная схватка с латынью и иностранными (нем. пренебр.: *welsch*) влияниями на немецкий язык приобретают центральное значение. Путь от «культуры речи» («*Sprachpflege*») ведёт к «культивированию языка» («*Sprachzucht*») и «языковому пуризму» («*Sprachpurismus*») и – через экскурс о взаимосвязи идеи «чистой крови» и «чистого языка» – в результате к «лингвистическому национализму» («*linguistischer Nationalismus*»), в контексте которого заимствованные единицы клеймятся «евреями языка» («*Sprachjuden*»)» [Linke, 1999, с. 313].

Термин «лингвистический национализм» У. Линке лучшим образом характеризует модель языковой политики Германии начала XX в. Небезынтересно, что консолидация – на экстра- и интралингвистическом уровнях – в некоей националистической идее единства является не только реакцией на прежнее состояние «распылённости», но и в настоящее время уже ожидаемой составляющей немецкой языковой политики. Будучи

склонным к ксенизации (экзоглоссному характеру развития) и к сегодняшнему моменту развития высоко политизированным, данный язык не может обойтись без эндоглоссных состояний, сменяющих экзоглоссные ситуации или волны заимствования внутри них. При этом степень прескриптивности регуляционных мер в условиях языкового национализма прямо пропорциональна степени пермиссивности при экзоглоссной динамике развития регулируемого языка. Так, появление подобных союзов типично для истории немецкого литературного языка. В 1997 г. в Дортмунде был основан «Союз сохранения немецкого языка» (нем.: *Verein zur Wahrung der deutschen Sprache, VWdS*), известный в настоящее время как «Союз немецкого языка» (*Verein deutsche Sprache, VDS*). Создание союза является реакцией на процессы американизации немецкого литературного языка ФРГ второй половины XX в. И хотя в рамках деятельности VDS не наблюдается устремлений объединить требования отдельных обществ по языковому регулированию, кодификационные рекомендации союза, обязывающие носителей к большей языковой лояльности, носят пуристический характер и в конечном итоге претендуют на моноцентризм.

Как уже отмечалось, развитие регулируемого языка в рамках модели языкового национализма будет иметь эндоглоссный характер, т.е. предполагать архаизацию; будет также наблюдаться усиление обоих артикуляторов лингвоконсидерации (ортологической лексикографии и языковой критики), причём главный акцент будет сделан именно на регламентацию элемента Чужого. Последнее же чаще всего становится объектом пристального внимания нормализаторов ввиду своей явной неоднородности с самой системой языка, склоняющей к некоей «настороженности» и выбора более традиционной позиции. Модель лингвистического национализма – это манифест повышенной внимательности к языковым изменениям в призме соблюдения языковой чистоты. А так как за чистоту принимается всегда предшествующий отрезок развития, то данной модели присуща ретроспективность и как следствие большая прескриптивность.

2) Экспликацией противоположного принципа, т.е. примата индивидуальных интересов перед коллективными, является либерализация норм литературного языка. Основным признаком описываемого принципа можно считать увлечение носителей языка-реципиента экзоглоссными единицами, однако в большей степени происходящими из определённого языка-донора, который является социально престижным. Либерализация норм – в большинстве случаев реакция на консерватизм предшествующего этапа

языкового развития, посредством которой создаётся определённый баланс между текущим и прошлым функционированием регулируемого языка. Таким образом, *экзогlossная ориентация развития выступает залогом своего рода регенерации языка после его повышенной регламентации.*

Очевидно, что языковая лояльность при экзогlossной динамике будет минимальной, а содержание в речи элемента Чужого, равное степени престижности языка-донора, может превосходить количество автохтонных единиц, при этом вариативность средств языка-реципиента может достичь максимума. Чрезмерная либерализация норм известна как модель языковой демократии, главным недостатком которой наряду со *сниженной лояльностью к национальному языку является злоупотребление показательной функцией нормообразования.*

Если консервативная модель характеризуется тоталитарностью одного субъекта языковой регуляции, обладающего абсолютным авторитетом в плане законодательства норм, то языковая демократизация допускает участие в кодификации любого индивидуума языкового коллектива. В этом случае любой, кто получает доступ к каналам массовой информации, может стать законодателем новой языковой моды с любым процентом содержания элемента Чужого вплоть до презентации исключительно экзогlossного материала. Грамотность перестаёт быть определяющим критерием и уступает место эксклюзивности, экспрессивности, инициативности, компактности, коммуникативной наглядности, словом, антагонистическим характеристикам традиционности.

Показательно, что античный пуризм зародился из необходимости противостояния именно такому способу законодательства языковых норм, доказательством чему служит знаменитое изречение Плиния Старшего «*Ne sutor supra crepidam!*» («*[Сапожник,] суди не выше сапога!*»). Либерализация норм с возможностью их множественной экспликации усиливает и плюрицентризм языкового идиома, а с ним и систему мер языковой регуляции. Как отмечалось выше, языковая политика ФРГ второго периода американизации представлена деятельностью нескольких субъектов, степень лояльности которых к нормам немецкого литературного языка, а также отношение к элементу Чужого неоднородны (см. § 2.3.).

В условиях демократизации норм главный акцент будет ставиться не на лингвоконсидерацию, характеризующуюся ретроспективностью, а на языковое планирование, т.е. проспективный инструмент языковой регуляции. Необходимо вновь подчеркнуть, что в реальной практике языкового

регулируемая детерминация направленности развития регулируемого языка, а также той или иной модели языковой политики может быть затруднена тем, что было охарактеризовано нами выше как незавершённость онтологического плана. Это значит, что описанные здесь стереотипы языкового развития и фиксирующие их модели языковой политики являются предельными *противоположными сценариями определённых онтологических процессов*. Форма и содержание сценариев зависит от конкретных надстроек культурно-социального характера, наиболее значимой из которых можно считать *выбор определённого стандарта для развития*, влияющего на направленность развития национального языка, а также на модель языковой политики. Чем больше степень ксенизации, тем выше будет уровень регламентации языкового функционирования и предписываемой лояльности к автохтонному языку.

С одной стороны, языковая политика направлена на социальные преобразования, то есть воздействует на определённые качества социума-носителя. С другой стороны, лингвополитические модели во многом сами определяются социолингвистической переменной, т.е. социумом-носителем. Тем самым, лингвополитическое моделирование, опираясь на социолингвистические параметры языкового функционирования, закладывает помимо языковых также и нормы социального, культурного, политического и др. взаимодействия носителей между собой, носителей с мультилингвами (не говорящими на регулируемом языке как на родном), носителей и не владеющих регулируемым языком, но заинтересованными в его изучении.

Очевидно, что моделирование в языковой политике в силу своего пропозитивного характера наиболее близко к языковому планированию. Так как моделирование языкового функционирования, по сути, *задаёт определённую траекторию развития регулируемого языка, т.е. фиксирует планируемый стандарт языка*, симптоматичен вопрос о генетическом характере кодифицируемого литературного идиома. Литературные языки склоняются к экзоглосности (многоязыковости) состава норм литературного идиома, которая предполагает функциональный подход в языковом планировании, сужающий содержание в кодификации элемента рекомендации / нерекommendации. Таким образом, для литературных языков подходят скорее модели, приближенные к «левому» (демократичному) полюсу, в то время как – в силу всевозможных причин – архаизирующиеся формы тяготеют к «правому» (эндоглосному полюсу).

Однако необходимо учитывать, что стадиальность, или фазовость, языкового развития требует периодически корректировки той или иной преференции субъектов языковой политики, так как «периоды относительной строгости сложившихся и кодифицированных норм неизбежно сменяются их относительной либерализацией, а затем и их дальнейшей демократизацией» [Семенюк, 1996, с. 31].

Таким образом, действенность определённых моделей языковой политики ограничено прежде всего временными рамками. Зачастую модели устаревают ещё до того, как кодификационные предписания начинают выполняться. *Главное противоречие языковой регуляции и исторического развития литературного языка видится в том, что лингвополитические модели, будучи фактическим выражением языковой регуляции, создают некую статику, стремятся кристаллизовать и сохранить стандарт, определяемый как образец языкового функционирования, что нередко вступает в противоречие с действительными тенденциями языкового континуума. Усугубляется противоречие, как правило, тем, что модели призваны оказывать влияние на развитие языка, так сказать, «обуздать» стихийное развитие.* Вероятно поэтому в отдельных территориально-административных формациях, т.е. там, где баланс языковых форм весьма тонок, существуют модели не только языковой политики, но и модели языковых ситуаций (ср. Испания, Швейцария, Бельгия).

Модели языковой политики в целом подчинены определённому типу языковой политики: экзо- либо эндогlossenному. Тип языковой политики в условиях демократизации литературных норм, которая «захватила самые различные культурные и языковые ареалы» [Порхомовский, Семенюк, 1996, с. 19], предполагает существования определённого количества *лингвоэкологических сценариев*, варьирующих скалярно в рамках крайних принципов языковой политики. «Лингвоэкология» понимается здесь вслед за А.П. Сковородниковым как «основа языковой политики государства и направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения» [Сковородников, 1996, с. 42–49].

Лингвоэкологический сценарий как *пропозиция языкового развития*, представляющая тот или иной «принцип» языковой политики или же определённую точку шкалы между двумя противоположными полюсами,

может стать моделью языковой политики в зависимости от степени авторитетности субъекта и эффективности предлагаемых мер регуляции. Однако указанная выше демократизация литературных норм зачастую порождает лингвополитический плюрицентризм, а с ним и обилие сценариев, реализующих некую концепцию языковой политики.

Преимущество плюрицентризма при законодательстве языковых норм заключается в том, что множество сценариев создают модель, более или менее выгодную всем носителям регулируемого языка. Существенным недостатком является то, что демократизация практически полностью упраздняет элемент рестриктивности и усиливает вариативность языковых средств, а следовательно, носителям становится всё сложнее придерживаться норм, которые значительно проигрывают узусу.

Успех в реализации того или иного лингвоэкологического сценария для создания эффективной лингвополитической модели зависит от многих факторов, особое место среди которых занимает тип языкового планирования, свойственный определённому административно-территориальному образованию. Так, кодификация немецкого литературного языка, традиционно опирающаяся на официальные и полуофициальные способы законодательства литературных норм, характеризуется избытком разрабатываемых лингвоэкологических сценариев и, как следствие, крайней неустойчивостью лингвополитических моделей, а также реализуемых ими типов языковой политики. Безусловно, на практике сценарии не могут претендовать на полноценную реализацию, в особенности при плюралистическом совмещении нескольких из них. Это вызвано главным образом функционально-стилистическим расслоением немецкого литературного языка как следствием его полигlossenности и проистекающей отсюда сложностью охвата кодификацией всех существующих подсистем немецкого литературного языка.

Тем не менее, необходимость его регулирования в рамках экзогlossной языковой ситуации требует выработки лингвополитической модели, отличающейся большей прескриптивностью и дистанцирующей себя от реального узуса. Данное кодификационное требование – в противовес саморегулированию – является оправданием и одновременно подтверждением фазового характера развития немецкого литературного языка и, следовательно, повторения лингвоэкологических сценариев. Неизбежность ужесточения элемента прескриптивности в экзогlossной фазе сужает количество сценариев, однако не предопределяет выбор модели языковой политики.

Языковое регулирование осуществляется в пределах шкалы (см. рис. 6), крайние точки которой можно обозначить как рестрикция (эндогlossenция) и языковая саморегуляция (экзогlossenция). Следовательно, ослабление момента рестриктивности кодификации и усиление экзогlossenности языкового идиома происходят неизменно в направлении левого (экзогlossenного) полюса, представленного крайней лингвополитической моделью языковой демократии, а осознанное использование языка, усиление языковой критики и издание ортологической литературы являются индикаторами противоположной тенденции, крайнюю точку которой кристаллизует модель «языкового национализма».

Рис. 6. Шкала принципов языковой политики

Поляризация принципов языковой политики, положенная в основу данной шкалы, эксплицирует диафазный характер исторического развития немецкого литературного языка. Согласно У. Вайнрайху, в сознании пользователей языка, равно как и в «синхронном» языковом сознании присутствует определённое знание об истории языка, знание (как всегда, ограниченное) об автохтонном или иностранном происхождении языковых явлений, и в соответствии с данным знанием в определённых языковых ситуациях и у определённых групп носителей может возникнуть подчёркнуто лояльное (здесь У. Вайнрайх невольно смешивает понятия «языковой ло-

яльности» и «языкового либерализма», предполагая вектор развития от центра шкалы, противоположный языковому национализму – *комментарий нам*) или националистическое отношение к языку, могущее повлиять на текущую норму и развитие языка [цит. по: Schmitz, 2009].

Лингвополитический центризм, в основе которого лежит подход И.В. ф. Гёте, обозначенный им как «положительный пуризм» («*affirmativer Purismus*», см. § 1.9.), – эксплицирует баланс, который может выступать лишь мерой, но никогда не воплощается в реальную модель языковой политики. Тем самым, на практике модели могут быть менее и более экзо- или эндогlossными.

Умеренно-националистическая (умеренно-консервативная) модель языковой политики, о выгоде которой для корректирующей регуляции немецкого литературного языка говорилось в § 2.3., расположена правее от центра шкалы принципов языковой политики. Необходимость смещения направленности языковой политики ФРГ к эндогlossному полюсу продиктована повышающейся лингвоконсидерацией в пределах языковой ситуации в ФРГ и в частности укреплением и возобновлением ортологической традиции, а также усилением критики языка (см. § 4.2.).

Повышающееся внимание языку свидетельствует об осознании языковым коллективом немецкого литературного языка как стандарта, что характерно для начала фазы эндогlossии. Жалобы на отсутствие у немцев «единого языкового сознания» («*kein einheitliches Sprachbewusstsein*» [Voigt, 1999, с. 189; Schrammen, Dieter, 2007]), свидетельствуют, на наш взгляд, не столько о потере лояльности, сколько о плюрицентризме (или ацентризме, т.е. отсутствии единого центра) регуляции немецкого литературного языка. Именно в силу этого существуют лингвоэкологические сценарии, предусматривающие создание единого нормализаторского органа – Совета по немецкому языку с единообразными кодификационными предписаниями.

Эндогlossные тенденции в языковой политике ФРГ предусматривают смену прежнего стандарта экзогlossного образца, выступавшего второй наддиалектной системой. Экзогlossный стандарт «отвергается» консолидирующимся языковым сознанием и приобретает статус популярного иностранного языка или языка исторических контактов. В целом, социолингвистическая характеристика экзогlossного компонента языковой ситуации в при эндогlossно-ориентированной языковой политике будет зависеть, как и прежде, от степени его популярности в языковом коллективе, однако статус «языка вертикали» язык-донор может утратить.

Таким образом, регуляция определённого компонента экзогlossной языковой ситуации предполагает реорганизацию функций всех её компонентов. Возникающий компенсирующий эффект свидетельствует о целостности процессов и взаимообусловленности конститuentов экзогlossной языковой ситуации.

§ 4.2. Анализ текущих лингвоэкологических сценариев регулирования немецкого литературного языка

Отличительной чертой многих предлагаемых лингвоэкологических сценариев в ФРГ второго периода американизации можно считать *осознанный подход к пользованию немецким языком*. Однако экзогlossное влияние не исчезает в виду одного лишь осознания необходимости корректировки языковой регуляции, оно затухает достаточно медленно. У. Аммон пишет в этой связи: «Что касается доминирования английского языка, то в ближайшее время здесь не намечается каких-либо переломных явлений. В одной только области экономики развитие, кажется, указывает скорее на усиление доминантности английского» [Ammon, 1998, с. 203].

Повышение осознанности, как сказано ранее, является маркёром наступающей фазы эндогlossии, а с ней и «национализации» языковой политики регулируемого языка. Этому способствуют усиление критики функционирования немецкого литературного языка, причём не институциональной, а общественной и индивидуальной, а также укрепление традиции издания ортологической литературы – в целом повышение уровня лингвоконсидерации.

Появление большого числа работ в сфере использования немецкого литературного языка, написанных не обязательно лингвистами, антиципирует скорую смену фазы его языкового развития. Список ортологических трудов, изданных в ФРГ по проблеме американизации немецкого литературного языка, приведён в Приложении 3. Ортологический труд представляет собой пропозицию некоего лингвоэкологического сценария. Перечисленные в Приложении 3 ортологические издания также в большинстве своём представляют сценарии пуристического (правого) толка, предполагающие запрет или отказ от употребления англоамериканизмов [ср.: Jung, 1995; Krämer, 2000; Paulwitz, 2000; Zabel, 2001; Bartsch, 2004; Stein, 2004].

Следует подчеркнуть, что *лингвоконсидерация является прерогативой эндогlossной направленности*, т.е., как правило, более консервативного подхода к языковой регуляции. Плюрицентризм языковой политики ФРГ делает регуляцию немецкого языка областью деятельности не только субъектов языковой политики, но и общественных и научных деятелей и, в частности, тех, кто профессионально имеет лишь посредственное отношение к языку. Таким образом, существующие в современной Германии лингвоэкологические сценарии являются как официальными, так и полуофициальными пропозициями функционирования немецкого литературного языка. Хотя невозможно учесть мнение каждого при создании лингвополитической модели, ортологическая литература подготавливает те изменения в сознании носителей регулируемого языка, которые и определяют выбор той или иной модели языковой политики. Изменения, наблюдаемые в настоящее время в языковой политике ФРГ, качественно обусловили содержание современных лингвоэкологических сценариев, а именно *осознание взаимосвязи функционирования и регуляции немецкого литературного языка*.

До 2005 г. можно констатировать эмоциональный характер выдвигаемых пропозиций, предполагающих ультралевые или же ультраправые сценарии регулирования немецкого литературного языка.

Так, в работе *«Warum Deutsch als Wissenschaftssprache ausstirbt»* («Почему немецкий вымирает как язык науки», 1996) Д. Циммер исходит из необходимости сохранения немецкого литературного языка как вида – одного из крупнейших языков Европейского союза [Zimmer, 1996, с. 3].

Концепция языковой регуляции Х.-Д. Дея опирается на необходимости принятия закона по защите немецкого языка по аналогии с французским *«loi Toubon»* [Deu, 2001], согласно которому развлекательные каналы должны транслировать не менее 40% песен на французском языке, а все рекламные слоганы подлежат обязательному переводу [Molitor, 2004, с. 92–105]).

Министр транспорта ФРГ П. Рамзауер ведёт активную борьбу с англоамериканизмами в сфере логистики и предлагает переименовать *«Laptop»* (англ.: *портативный складной компьютер*) в *«Klapprechner»*, *«Tickets»* (англ.: *билеты*) в *«Fahrscheine»*, а *«Flipcharts»* (англ.: *перекидной блокнот или ежедневник на рабочем столе*) в *«Tafelschreibblock»*.

После 2005 г. преобладает осознанный подход к пользованию немецким литературным языком даже в среде лингвистов, приверженных американской функционалистской традиции [Schmitz, 2009].

Наблюдаемую непопулярность крайних сценариев, или радикализации языковой политики, следует отнести к устойчивым характеристикам начала эндогlossной фазы. Отход от крайней левой лингвополитической модели в инициальной фазе предполагает компромисс между экзо- и эндогlossной направленностью вектора развития немецкого литературного языка, т.е. появление (пусть и на непродолжительное время) тенденции к языковому центризму.

Таким образом, популярность умеренно-правых лингвоэкологических сценариев в нынешней ФРГ объясняется как (1) повышением степени осознанного пользования автохтонным языком или необходимостью такого пользования, что созвучно наступающей фазе эндогlossии, так и (2) вынужденными мерами предотвращения дальнейшего снижения статуса немецкого литературного языка в ФРГ, ср. метафору «спасения болеющего немецкого языка» в статье М. Шрайбера «*Rettet dem Deutschen*» (дословный перевод названия статьи звучит «Спасите немецкому» и обличает устойчивое отклонение от нормы в управлении глагола «спасать» (*retten* + *Akk.*) как характеристику состояния немецкого литературного языка в языковой ситуации в ФРГ) [Schreiber, 2006, с. 182], в фильме Г. Вётцеля «*Wer rettet die deutsche Sprache?*» («*Кто теперь спасёт немецкий язык?*», 2008), в теме с аудио-подкастом «*Sprachen in Gefahr*» («*Языки в опасности*», 2010) телерадиокомпании «Немецкая волна».

(1) Факт осознания экзогlossного влияния американского варианта английского языка на немецкий литературный язык отражён в статистических данных опроса, проведённого в 2008 г. в ФРГ Алленсбахским институтом изучения общественного мнения (*Institut für Demoskopie Allensbach*) по заданию Общества немецкого языка GfdS и Немецкого языкового союза (*Deutscher Sprachrat*) (см. об этом подробнее § 1.1.): согласно полученной статистике, 39% опрошенных выразили своё недовольство заимствованием англоамериканизмов, 58% респондентов старше пятидесяти девяти лет отвергли англоязычные заимствования.

В. Крэмер комментирует повышающийся уровень осознанного пользования немецким языком следующим образом: «Тому, кто прочит ФРГ будущее так называемого «*Globalplayer*» (член мирового сообщества) и настаивает на том, что использование английского языка будет

только расти, можно возразить только одним: *не уметь говорить по-английски является конституционным правом каждого немца* [Krämer, 2001, с. 12]. Д.Е. Циммер постулирует в данном контексте, что «любой язык хорош там, куда он определён не географически, а содержательно» [Zimmer, 1996].

(2) Предотвращение дальнейшего снижения статуса немецкого литературного языка в ФРГ должно основываться на определённой стратегии языкового регулирования, учитывающей все три его инструмента и предполагать определённый лингвоэкологический сценарий функционирования немецкого языка.

Ниже приведены избранные сценарии, иллюстрирующие осознанный подход к регуляции немецкого литературного языка, причём некоторые из них предлагались и ранее [ср.: Götze, 1999, с. 5–6; Bär, 2000, с. 30; Stichel, 2001].

1) Х.-Г. Шмитц выступает за «равные права на ассимиляцию англоамериканизмов и автохтонных (немецких) соответствий (*«gleiche Einbürgerungsrechte der deutschen und englischen Wörter»*) и предлагает пользоваться индексом, содержащемся на электронной странице VDS и «сохраняющим своеобразие немецкого языка», как это делали поколения лингвистов, пуристов и переводчиков со времён Ноткера Лабео (950–1022), известного по своим переводам с латинского и закону анлаута (*notkersches Anlautgesetz*), который лёг в основу немецкого правописания. В качестве примеров лексического равноправия Х.-Г. Шмитц называет графически ассимилированные варианты англоамериканизмов (*cakes* → *Keks*) и предлагает эквиваленты калек (*Handy* → *Händi*) и ксенизмов (*Mountain Bike* → *Bergrad*) [Schmitz, 2009].

2) Р. Хоберг предлагает выработать рациональные и обоснованные критерии пользования заимствованным экзогlossным материалом и обсудить их в общественности, прежде всего, с теми социальными институтами и учреждениями, которые обладают показательной функцией нормообразования, т.е. школами, вузами, институтами повышения квалификации и средствами массовой информации. Большую роль в этом процессе предстоит сыграть, по мнению Р. Хоберга, таким субъектам языковой политики, как GfdS и редакции толкового словаря Duden, которые и должны выработать критерии для оценки «лучшего немецкого языка» в частности в вопросе заимствования англоамериканизмов. На основании данных критериев можно будет определить, служат ли англоязычные заимствования обогащению и дифференциации собственного языка, в каких сферах они встречаются и почему их можно адаптировать фонетически, орфографически и грамматически [Hoberg, 2000, с. 315].

3) Г. Штикель также предлагает создание центрального органа языковой политики – Совета по немецкому языку, который бы состоял не в конкуренции с другими субъектами языковой политики, а тесно сотрудничал бы со всеми действующими языковыми обществами и объединениями, а также с научными школами и посредническими организациями [Stickel, 2001]. Сценарию Г. Штикеля созвучна более ранняя идея Л. Гётце, требующего кооперации большого количества разобщённых языковых обществ и союзов с учреждениями по германистике во всём мире [Götze, 1999, с. 6].

4) Согласно концепции С. Кляйна немецкий должен остаться языком науки, по крайней мере, в немецкоязычных странах. Отдельные публикации на английском языке без единого терминологического аппарата и полноценного владения специальными средствами престижного языка, ещё не составляют науку. Наука, по мнению С. Кляйна, требует более тесных взаимосвязей, новых концепций и публикаций и должна обращаться не только к учёным сообществам, но и к широким кругам общества. «Она – это рассказ тех, кто хочет понять и улучшить жизнь. Лишь если мы вновь научимся рассказывать науку, у немецкого появится будущее как её языка» [Klein, 2007, с. 35].

Итак, во всех вышеприведённых лингвоэкологических сценариях явно присутствует *идея консолидации субъектов языковой политики*, т.е. моноцентризма, соответствующего вектору языкового развития в направлении правого (эндогlossного) полюса. Создание единого языкового органа (Совета по немецкому языку по Г. Штикелю, кооперация германистических учреждений всего мира по Л. Гётце), как, к примеру, Académie française во Франции, или же единой языковой нормативной базы (индекс англицизмов VDS, критерии пользования заимствованным экзогlossным материалом Р. Хоберга, единая немецкоязычная терминосфера по С. Кляйну) отражает необходимость в консолидации мер, т.е. национализации языковой политики.

Единая и общепринятая норма позволила бы не только укрепить позиции немецкого языка в ФРГ и в мире, но и откорректировала бы недочёты реформы правописания от 1996 г., создающие избыточную вариативность языковых средств. Ведь всегда существуют явления, которые не должны допускать варианты с позиции сохранения своеобразия автохтонного языка, например, дифтонгизация «*ir*» в корне слова (см. § 2.3.1.).

Конечно, нельзя говорить о том, что один из этих сценариев обязательно станет моделью языковой политики ФРГ. Очевидно, что все они созрели из самой специфики экзогlossной языковой ситуации в ФРГ с 1945 г. и, так или иначе, имплицитно указывают *эндогlossной вектор ближайшего развития немецкого литературного языка (изоморфизм)*, компенсирующий экзогlossный характер его функционирования в условиях американизации.

§ 4.3. Экзо-эндогlossная (центричная) модель регулирования немецкого литературного языка

Лингвополитический центризм всегда был тем ценным и одновременно недостижимым качеством языковых преобразований, к которому склонялось большинство общественных деятелей и субъектов немецкой языковой политики. Необходимо различать два уровня лингвополитического центризма: 1) собственно языковой (интралингвистический), касающийся преобразований одного компонента языковой ситуации, и 2) надъязыковой (экстралингвистический), относящийся ко её всем компонентам.

1) На собственно языковом уровне центризм имплицитно балансирует между экзо- и эндогlossными тенденциями развития титульного языка, между диа- и изоморфизмом. Диаморфное функционирование приводит к ксенизации немецкого литературного языка, изоморфное опосредует его архаизацию. Ни одна из обозначенных динамик не является единственно верной или абсолютной, что должно удерживать субъектов языковой политики от радикализации её принципов. Реакция общества на языковые изменения должна напоминать компенсирующие движения маятника: от экзогlossной к эндогlossной фазе и наоборот. И чем радикальнее реализуемый принцип в той или иной фазе, тем больше будет амплитуда этих движений – характер языковых изменений. Именно в уменьшении данной «амплитуды» и заключается цель построения сбалансированной модели на данном уровне.

Центризм здесь также предполагает баланс между экзо- и эндогlossными моделями языковой политики. Пермиссивная лингвополитическая модель, являющаяся отражением соответствующей модели политики государства, приводит на собственно языковом уровне к усиленному заимствованию языкового материала языка-донора и последующей ксенизации языка-реципиента (увеличению степени присутствия Чужого). Рестриктивный же характер лингвополитических мер в рамках эндогlossной модели выступает залогом консервации языкового состояния и архаизации регулируемого языка. Центричная модель языковой политики должна опосредовать баланс между обновлением базы языковых ресурсов и её сохранением.

2) В рамках экзогlossных языковых ситуаций с несколькими взаимодействующими компонентами сбалансированность как в количественном (число говорящих), так и в качественном (коммуникативный потенци-

ал), а тем более в эстимационном (оценка говорящими статусных параметров, значимости языка-донора) аспектах невозможна в силу причин, названных в § 1.2. Прецедентом баланса могла бы стать в определённом смысле «швейцарская модель», нацеленная на сохранение множественности языков, входящих в конкретное административно-территориальное образование, посредством полного уравнивания их общественно-социальных функций, т.е. статусной составляющей, как минимум, в рамках данного образования.

Безусловно, на обоих уровнях представление о центризме сталкивается с рядом проблем. В первом случае это, к примеру, отсутствие конкретного лингвополитического принципа (примата): неизвестно, что ставится выше, нужды коллектива или индивида. Принцип, сформулированный И.В. фон Гёте (см. § 1.9.), идеализирован и абсолютно когерентен эпохе классика, а значит, не может быть безоговорочно применён к современной языковой ситуации в ФРГ. В ситуации централизма языковая регуляция может стать не только самоцелью, т.е. своего рода принципом языковой политики, но и привести к идеологизации регулируемого языка (ср. язык национал-социализма). При функциональном двуязычии (на диастратическом уровне, см. далее) также достаточно сложно избежать смешения языков. Цитирование языка-донора в языке-реципиенте в любом случае приводит к появлению тенденции к гибридизации.

Во втором случае идея централизма как функциональной сбалансированности используемых форм языка, хотя и созвучна идее европейского кросскультурализма и «плюрилингвизма» (термин Дж. Пула и М.Феттеса [Pool, Fettes, 1998, с. 2]), однако противопоставлена реальной языковой ситуации в Европейском союзе, ибо подразумевает уравнивание по социальному престижу языков с разной коммуникативной функцией (мажоритарных и миноритарных). Другое противоречие касается ситуации с англоязычным билингвизмом. Хотя билингвизм сам по себе с общеевропейским языком-стандартом или другим языком (равно как и явление глобализации) в Европе не является новшеством, английским языком необходимо владеть, по крайней мере, пассивно, а в ряде европейских регионов в результате уравнивания статусов всех задействованных (миноритарных) языков для английского языка просто не остаётся место в образовательных программах.

Следовательно, баланс как реализация идеи лингвополитического центризма является переменной величиной и зависит от условий и особенностей конкретной языковой ситуации с учётом аспектной специфики регулируемого её компонента.

1) Инвариантом экзо- и эндогlossной динамики **в диафазном аспекте** является синхронно диглоссия при неизбежной полиглоссности идиома. В силу невозможности конвергенции сразу с несколькими языками центризм допускает функциональное двуязычие с языком вертикали при полном дублировании импортируемых единиц, которое в частности означает вспомогательный и обязательный перевод рекламы, брендов и пр.

2) Центризм **в диастратическом аспекте** предполагает отказ от идеи «чистоты» (изоморфизма) и принятие условия изменения внутренней формы языка. Ускорить эти ментальные процессы поможет познание, что кросскультурализм противопоставлен «гомогенной культурной среде, где язык сохраняется в наиболее чистом виде» [Виноградов и др., 2008, с. 116].

3) **В диафункциональном аспекте** экспликацией принципа центризма возможен дополняющий (аддитивный) билингвизм при двухкомпонентной языковой ситуации при условии контроля над средствами массовой информации с целью недопущения злоупотребления показательной функцией словообразования.

Необходимо подчеркнуть, что диафункциональная плоскость наименее поддаётся балансировке в силу лингвосоциологической обусловленности текущих процессов. Так, любая текущая фаза является симптомом предыдущей и для создания и реализации центричной модели необходима преемственность лингвополитической традиции. Само по себе объявление такой модели действительной ещё не будет означать конец или начало ксенизации. Это самый сложный уровень уже хотя бы потому, что он изначально предполагает регуляцию языка средствами языковой политики, где любая коррекция лингвополитического курса может иметь нежелательные последствия для компонентов сложившейся языковой ситуации: создание преимущества для одного будет означать дефицит для другого.

Важной является дифференциация уровней лингвополитических преобразований: микроуровня, где объектом выступает корпус языка, и макроуровня, где преобразования будут направлены на статусную его составляющую. Если на уровне корпуса лингвополитический курс может сбалансироваться инструментами языковой регуляции (создание двуязычных письменных норм, уравнивание элементов рекомендации / нере-

комендации и т.п.), то на макроуровне сместить статусные акценты в одностороннем порядке не представляется возможным. Необходимы достигнутые соглашения, как правило, на более крупном – региональном, межрегиональном, федеральном и др. уровне, которые, однако, в итоге могут уступать идее единого языка-макропосредника. Уравновесить прогрессивные и ретроспективные тенденции кодификации при константной статусной констелляции в рамках языковой ситуации микро- и любого макроуровня возможно средствами сбалансированного языкового планирования (см. далее), эффективность которого может определяться, к примеру, по модели идеальной типики языкового планирования Г. Хармана [Haarmann, 1988, с. 1667].

Языковая политика, как отмечает В.Т. Клоков, «проявляет себя в выборе и пропаганде языков для обслуживания определённых сфер её применения», среди которых называет основными «национальные отношения, отношения между государством и обществом, просвещение, культура, искусство (литература, театр и проч.), наука, техника, религия и т.д.» [Клоков, 1992, с. 14]. Выбор и пропаганда языков в центричной лингвополитической модели должны быть экзо-эндогlossenными в каждой из названных сфер, т.е. исходить из предпосылки не преимущественного плана, так как в этом случае язык вертикали будет в заведомо выигрышной позиции, а осознанного использования средств того или иного компонента языковой ситуации, трезвой оценки возможностей данных компонентов и значения последних для успешности коммуникации.

Таким образом, важнейшей предпосылкой создания или появления центричных моделей является эволюция сознания пользователей регулируемого компонента языковой ситуации, в том числе субъектов языковой политики, предполагающая повышение осознанности пользования регулируемым языком, а также релевантными для достижения баланса компонентами языковой ситуации, готовность и к сохранению Своего, и к лояльности к Чужому.

Любая планируемая лингвополитическая модель автоматически является лингвоэкологическим сценарием, т.е. идеализированным конструктом прогнозируемой реальности, вероятность которой зависит от строгости следования реализуемому принципу. *В центричной модели лингвополитическим принципом выступает относительный баланс между экзогlossenным и эндогlossenным полюсами.*

Применительно к языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. положения лингвополитического центризма эксплицируются следующим образом.

1) *В диафазном аспекте* предполагается диглоссия в сферах, наиболее инфильтрированных англоязычными единицами: компьютерных и Internet-технологий, средств массовой коммуникации, общественной, спортивной и финансово-экономической.

Диглоссия достигается практикой переводческого дублирования, т.е. введения в обиход двуязычных регистров. Там, где это невозможно, к примеру, из соображений экономии места, предпочтение может отдаваться автохтонным средствам либо средствам, заимствованным ранее, ср. галлицизмы в спортивной лексике немецкого литературного языка.

Полностью избежать заимствования и смешения контактных языков в силу наличия в немецком литературном языке ранее сложившихся экзоглоссных ресурсов и синхронной тенденции к гибридизации не удастся. Возможно лишь предупредить дальнейшее смешение посредством разделения регистров. Согласно Г. Харману решающую роль в этом могут сыграть мероприятия по языковому планированию научного и административного характера, противопоставленные менее эффективным групповым и индивидуальным мероприятиям [Haarmann, 1988, с. 1667]. Данная мера предполагает лингвополитический моноцентризм с единым субъектом, являющегося по уставу советом, в состав которого входят представители не только научной и административной элиты, но и всех сфер применения языковой политики, перечисленных выше. Длительное отсутствие конкретных мероприятий административного плана по регуляции функционирования немецкого литературного языка является, по мнению многих германистов, причиной снижения его статуса [Götze, 1999; Voigt, 1999; Földes, 2000; Näser, 2000; Dey, 2001; Linke, 2002; Schreiber, 2006; Schrammen, Dieter, 2007; Шелленбергер, 2004].

2) *Диастратический центризм* исходит из возможности массового изучения английского языка, в результате чего многие лексические явления будут переводиться на немецкий язык и наоборот. Данная мера позволит снизить количество немотивированно, т.е. подражательно заимствованных англоязычных единиц и редуцировать давление речевых стереотипов языка-донора до простого переключения кода (противодействовать тенденции к подражанию англоязычным речевым нормам вследствие переводческого автоматизма). Целью данного уровня является образователь-

ный билингвизм с английским языком в качестве не языка вертикали, а популярного иностранного языка. Наделение языка-донора атрибутом «иностранной» позволит избежать дальнейшего повышения его статуса в языковой ситуации в ФРГ.

3) *Центризм в диафункциональном аспекте* предполагает отказ от идеи «чистоты» и принятие условия изменения внутренней формы немецкого литературного языка. Помимо характерного для данного уровня разделения моделей на корпусные и статусные, модели дифференцируются вслед за Г. Харманом по сферам наиболее эффективного языкового планирования: административной и научной [Haarmann, 1988, с. 1667].

В корпусной перспективе во избежание разбалансирующей (экзоглоссной) динамики возможно:

а) в административном плане:

– единообразить кодификационные требования для англоязычных заимствований в частности с целью упразднения избыточной графической вариативности (усиление письменной нормы фиксации ксенолексики способствует снижению цитационных вкраплений и случаев манипуляции заимствованным англоязычным материалом средствами массовой информации);

– кодифицировать продуктивные механизмы апостериорной деривации на основе заимствованного материала американского варианта английского языка.

б) в научном плане:

– ввести практику ведения параллельных тезаурусов для наиболее инфильтрированных сфер (компьютерных и Internet-технологий, экономики и др.);

– единообразить научную терминологию через частичную германизацию заимствованных термов (при содействии признанных учёных в соответствующих областях).

В статусной перспективе во избежание дальнейшего падения статуса немецкого литературного языка возможно:

а) в административном плане:

– поддерживать статус немецкого языка как рабочего на международных мероприятиях любого уровня, проводимых в Европе, не ниже статуса английского языка;

– создать европейский индекс цитируемости, исключая дискриминацию по лингвистическому признаку (т.е. для публикаций на любом языке);

б) в научном плане:

– продолжать практику защит дипломов и монографий, выполненных на территории немецкоговорящих стран, на немецком языке;

– учредить немецкоязычный журнал для нужд зарубежной германистики (*Auslandsgermanistik*).

Таким образом, лингвополитический центризм отвечает главному требованию к принципу языковой политики: он выступает тем лингвоэкологическим сценарием, который обеспечивает разноуровневый баланс между центробежными и центростремительными тенденциями языкового развития, между социальной обусловленностью и имманентными (внутренними) импульсами языкового развития, между экзогlossными тенденциями и сохранением собственных языковых ресурсов, между пермиссивностью и рестриктивностью языковой регуляции.

Выводы по главе IV

Левая часть шкалы лингвополитических предпочтений имплицитно подразумевает изменение в рамках языкового планирования, правая – сохранение и соблюдение языковых традиций, инструментом которого является лингвоконсидерация. Левая сторона шкалы представляет область экзогlossных тенденций. Прирост заимствованных эффективных средств осуществляется неизменно в фазе эндогlossии (традиций), в то время как инвазивное заимствование индицирует экзогlossный период (инноваций). Компромисс между правым и левым полюсами обозначается лингвополитическим центризмом. Ультраправая лингвополитическая модель ассоциируется с моноцентризмом языковой политики, ультралевая – с полицентризмом. Эндогlossный вектор языкового развития усиливает консолидацию языковых разновидностей и единообразия кодификационных мер, а экзогlossный вектор – языковую вариативность на всех уровнях и лингвополитический плюрализм.

Развитие системы немецкого литературного языка напоминает маятник (отсюда необходимость выделения крайних точек амплитуды языкового изменения), где удаление от центра (позиции И.В. фон Гёте) в определённую сторону прямо пропорционально ожидаемой компенсации развития в противоположном направлении. Периоды ксенизации в истории немецкого языка представляются стадиями «возбуждения», «стремлениями» развиваться далее с целью сохранения коммуникативной пригодности используемых ресурсов. Все эти «стремления» сопровождаются языковыми изменениями, что оправдывает саму суть развития. Эволюции языков как феномену антропологической коэволюции присущ тот же принцип развития, что и человеку: развитие Своего происходит посредством интериоризации эффективного Чужого.

Центризм в языковой политике ФРГ может выступать тем лингвоэкологическим сценарием, который обеспечивает баланс между социальной обусловленностью и имманентными (внутренними) импульсами развития немецкого литературного языка. Важнейшей предпосылкой создания экзо-эндогlossной (центричной) модели языковой политики является осознанное пользование компонентами языковой ситуации в ФРГ, готовность к сохранению Своего и лояльности к Чужому. Лингвополитическим принципом центричной модели выступает относительный баланс между экзогlossным и эндогlossным полюсами. Диафазная плоскость предпола-

гает диглоссию при дублировании импортируемых средств, а также парцелляцию экзо- и эндогlossных регистров. Основным критерием диастратического аспекта выступает баланс диа- и изоморфного функционирования немецкого литературного языка. В диафункциональном аспекте центризм эксплицируется в дополнительном (аддитивном) билингвизме с американским вариантом английского языка как экзогlossном компонентом языковой ситуации в ФРГ.

Как лингвоэкологический сценарий центричная модель является результатом языкового планирования, эффективность которого достигается наилучшим образом на административном и научном уровнях. В отношении регуляции *корпуса немецкого литературного языка* центральными моментами административного языкового планирования можно считать: возможность единообразия кодификационных требований для англоязычных заимствований в частности с целью упразднения избыточной графической вариативности (усиление письменной нормы фиксации ксенолексики способствует снижению цитационных вкраплений и случаев манипуляции заимствованным англоязычным материалом средствами массовой информации); возможность кодификации продуктивных механизмов апоптериорной деривации на основе заимствованного материала американского варианта английского языка. В научном плане регуляция корпуса немецкого литературного языка ФРГ предполагает: ведение параллельных тезаурусов для наиболее инфильтрированных сфер (компьютерных и *Internet*-технологий, экономики и др.); единообразие научной терминологии через частичную германизацию заимствованных термов (при содействии признанных учёных в соответствующих областях). Стержневыми моментами административного языкового планирования *статуса немецкого литературного языка* являются: поддержание статуса немецкого языка как рабочего на международных мероприятиях любого уровня, проводимых в Европе, не ниже статуса английского языка; возможность создания европейского индекса цитируемости, исключая дискриминацию по лингвистическому признаку (т.е. для публикаций на любом языке); учреждение единого совета с функцией главного субъекта немецкой языковой политики. В научном плане регуляция статуса немецкого литературного языка предусматривает: продолжение практики защит дипломов и монографий, выполненных на территории немецкоговорящих стран, на немецком языке; возможность учреждения немецкоязычного журнала для нужд зарубежной германистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для описания изменений в системе немецкого литературного языка ФРГ 1945–2010 гг. предложена теория экзоглоссии, в основе которой лежит противопоставление Своего и Чужого, являющихся одновременно крайними точками языкового развития – эндоглоссным и экзоглоссным полюсами. Аспекты теории экзоглоссии соответствуют её лингвистической специализации: диафазный – контактологической (исторической), диастратический – структурно-функциональной, диафункциональный – социолингвистической. Инструментарием теории экзоглоссии выступает система метаглоссных параметров, позволяющая параметризовать процессы исторического развития немецкого литературного языка. Базовым параметром системы является метаглоссный инвариант оппозиции «экзоглоссия vs. эндоглоссия». Экзоглоссия характеризует такой вектор внешнего влияния на языковое развитие, который направлен на изменение языка (диаморфизм), эндоглоссия представляет фактор внутренней системной стабилизации и направлена на сохранение системы языка (изоморфизм).

Интегральными признаками экзоглоссии являются: 1) многоуровневая асимметрия интегрируемого и автохтонного языкового материала, 2) высокая степень цитируемости языка-донора в языке-реципиенте, 3) интерференция, вызванная заимствованными экзоглоссными единицами в языке-реципиенте и ведущая к формированию устойчивого коррелята нормы (экзоглоссного полюса), и 4) гибридизация языка-реципиента в рамках экзоглоссной языковой ситуации.

Так как причиной любой экзоглоссной языковой ситуации выступает *экзоглоссное влияние*, предполагающее воздействие более развитого языка-донора на определённый язык-реципиент на политическом, экономическом, культурном и пр. уровне, то отношения двух гетерогенных компонентов такого типа ситуации характеризуется несбалансированностью. Следовательно, базовым признаком экзоглоссной языковой ситуации является функциональное неравноправие контактирующих языков, где один компонент выступает языком вертикали (престижным коммуникативным средством) и одновременно языком-донором, а другой – языком горизонтали и языком-реципиентом, реализующим функцию внутриэтнического общения. Характеристикой эндоглоссной языковой ситуации является относительная статика и сбалансированность её компонентов, что позволяет её обозначить как эндоглоссное состояние языка-реципиента.

Экзогlossия как понятие образует трихотомию с коррелирующими понятиями дигlossии и полигlossии, выстраивая с ними зависимость первого (экзо-), второго (ди-) и третьего (полигlossия) порядков: понятием «экзогlossия» обозначается вектор развития немецкого литературного языка, «дигlossией» – функционально-стилистическая стратификация автохтонных и импортированных единиц в системе немецкого литературного языка, «полигlossия» (ресурсная гетерогенность, генетическое расслоение) характеризует состояние самой его системы вследствие экзогlossных влияний. Полигlossия системы немецкого литературного языка как следствие действия общей экзогlossной тенденции к алломорфии предполагает наличие в его составе экзогlossных страт – пластов заимствованной экзогlossной лексики, являющихся «отпечатками» экзогlossных влияний.

Стержневым моментом теории экзогlossии выступает концепция «маятника», предполагающая компенсацию отклонений языковой системы в направлении определённого полюса: степень ксенизации (интеграции Чужого) соответствует степени последующей архаизации системы языка-реципиента (сохранению Своего) и наоборот. Историческое развитие немецкого литературного языка как динамично ксенизирующейся языковой системы подчинено преимущественно экзогlossному вектору развития, в то время как фазы эндогlossии можно рассматривать как «периоды выравнивания».

Таким образом, история немецкого литературного языка представляется поиском равновесия между экзо- и эндогlossными полюсами: экзогlossные фазы неизбежно сменяются эндогlossными и наоборот. Экзогlossные фазы в его исторической канве являются выражением природных (имманентных) импульсов, вызывающих изменения, в то время как эндогlossные периоды отличаются искусственностью (в силу повышения внимания к языку и усиления мер языковой регуляции). Как правило, это происходит в результате реконструктивного вмешательства нормализаторских объединений посредством реализации националистической модели языковой политики, предполагающей эндогlossное функционирование немецкого литературного языка и архаизацию его системы в синхронии. Тем самым, на основе заимствованных в экзогlossной фазе эффективных средств в системе немецкого литературного языка создаются новые эффективные ресурсы в фазе эндогlossии.

Центризм в языковой политике ФРГ может выступать тем лингво-экологическим сценарием, который обеспечивает баланс между социальной обусловленностью и внутренними импульсами развития немецкого литературного языка. Важнейшей предпосылкой создания экзо-эндоглосной (центричной) модели языковой политики является осознанное пользование компонентами языковой ситуации в ФРГ, готовность к сохранению Своего и лояльности к Чужому. Принципом центричной модели немецкой языковой политики мыслится баланс между экзоглосным и эндоглосным полюсами. Диафазная плоскость предполагает диглоссию при дублировании импортируемых средств, а также парцелляцию экзо- и эндоглосных регистров. Основным критерием диастратического центризма выступает баланс диа- и изоморфного функционирования немецкого литературного языка. В диафункциональном аспекте центризм эксплицируется в дополнительном (аддитивном) билингвизме с американским вариантом английского языка как экзоглосным компонентом.

Направленность развития в том или ином направлении предполагает наличие определённого языка стандарта (ориентира развития): в условиях экзоглоссии данным ориентиром выступает некий престижный иностранный язык, в эндоглоссии – одно из бывших состояний немецкого литературного языка, которое расценивается субъектами языковой политики как образцовое.

С 1918 г. в его истории стандартом выступает американский вариант английского языка, оказывающий усиленное влияние на систему немецкого литературного языка с 1945 г. Изменения в его системе, вызванные данным экзоглосным влиянием, обозначены в настоящей работе экзоглосными тенденциями, составляющими в своей совокупности американизацию немецкого литературного языка. Действие экзоглосных тенденций обратно пропорционально лояльности носителей к родному (немецкому) языку, коэффициент которой по данным Алленбахского института изучения общественного мнения в 2008 г. составил 0,42, что подтверждает диаморфное функционирование системы немецкого литературного языка и, следовательно, экзоглосный вектор его развития. Экзоглосные тенденции разделяются на общие (распространяющиеся на всю систему) и частные (характеризующие функционирование отдельных единиц её подуровней).

В качестве общих тенденций в рамках языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. установлены: 1) заимствование англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка, 2) тенденция последнего к алломорфии, 3) преобладание номинальных частей речи (преимущественно имён существительных) над остальными в процессе заимствования.

Общей экзогlossной тенденцией первого периода американизации (1945–1990 гг.) выступает априорный характер новообразований в системе немецкого литературного языка, позволяющий диагностировать заимствование эффективных средств. Второй период американизации немецкого литературного языка (1990–2010 гг.) характеризуется тенденциями к гибридизации и в частности апостериоризации заимствованных и автохтонных единиц, что свидетельствует об образовании эффективных ресурсов. Общими экзогlossными тенденциями для всех уровней системы немецкого литературного языка являются тенденции к апостериоризации и подражанию речевым стереотипам американского варианта английского языка вследствие переводческого автоматизма.

Экзогlossными тенденциями *частного* характера на уровне системы выступают следующие: *на фонетическом уровне* – к лояльности языку-донору, которая выражается в переозвучивании экзогlossных (ранее заимствованных) единиц в соответствии с произносительными нормами американского варианта английского языка; *на морфосинтаксическом уровне* – к колебанию грамматического контура заимствованных единиц, тенденция к упрощению грамматического контура единиц и подмене конвенциональных конструкций стандартными англоязычными, которая может служить как прагматическим, так и стилистическим целям, например терминологизации; *на графическом уровне* – к недостаточной графической адаптации и неполному охвату орфографическими предписаниями всего спектра явлений; *на лексико-семантическом уровне* – к интернационализации заимствованной лексики англоязычного происхождения, образованию гетеролингвальных вариантов, универбации, линейному сокращению лексических единиц, деривации на основе суффиксирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения; *на прагматическом уровне* – к изменению в категории дейксиса, появлению модных слов. В качестве единственной экзогlossной тенденцией *в области фразеологии* зафиксирована интернационализация фразеологических единиц (образование интерфразеологизмов).

Экzogлосными тенденциями *частного* характера на уровне немецкой литературной речи являются следующие: в *официально-деловом функциональном стиле и стиле науки* – к терминологизации заимствованных англоамериканизмов для нужд специальной и общеупотребительной терминологии; в *функциональном стиле публицистики и прессы* – к использованию англоязычных единиц с целью рационального и эмоционального воздействия на реципиента; в *разговорно-обиходном функциональном стиле* – к искажению исходной формы англоязычных заимствований и использованию англоамериканизмов в функции социальных жаргонизмов; в *художественном функциональном стиле* – к маркировке экzogлосного регистра с целью разделения линий сюжета и инокультурных реалий главным образом через использование англоязычных варваризмов и экзотизмов. Диастратический анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. выявил плюрицентризм языковых и речевых норм и полигlossию системы немецкого литературного языка.

Наиболее инфильтрированными сферами лексического состава немецкого литературного языка первого периода американизации являются сферы науки и техники, средств массовой информации, экономики и финансов, моды и спорта; во втором периоде американизации – сферы компьютерных и Internet-технологий, средств массовой коммуникации, экономики, спорта и социальная сфера. Как выявил анализ индекса экzogлосности различных лексико-семантических групп системы немецкого литературного языка периода американизации, наиболее подверженными изменению являются периферийные слои его системы (степень диаморфизма = 0,635), в то время как в дополнительной (0,024) и базисной (0,001) сферах установлена тенденция к изоморфизму. Основными каналами лексической инвазивности выступают тексты стиля публицистики и прессы (0,663), а также разговорно-обиходного стиля (0,685). Частотность заимствования лексического материала американского варианта английского языка составляет в среднем более двух единиц на страницу немецкого текста, а вкрапления грамматических конструкций – 1:46. Наибольшая грамматическая инвазивность зафиксирована в текстах научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038) немецкой литературной речи.

В ядерной сфере немецкого словарного состава наиболее частотны англоамериканские заимствования, начинающиеся на буквы В, С, S, Т; в резервной сфере – на А, Н, М, Z; в периферийной сфере – на А, В, S. Наиболее продуктивны начальные буквы с коэффициентом > 10%: **А** (10,66%), **С** (10,03%), **Н** (13,61%). Среднепродуктивные (с коэффициентом > 5%) буквы: **В** (8,12%), **Н** (7,89%), **М** (8,57%), **S** (9,32%). Низкопродуктивные (с коэффициентом > 1%): **G** (0,74%), **J** (0,77%), **O** (0,72%), **Q** (0,45%), **X** (0,48%), **Y** (0,38%).

Очевидно, что на смену экзогlossenным тенденциям в развитии немецкого литературного языка придёт эндогlossная фаза, выражением которой станет умеренно-националистическая модель языковой политики ФРГ, о чём уже сегодня свидетельствует повышенное внимание к языку. Разделение языков по сферам влияния как следствие их экзо- и полигlossности должно выступить тем положительным фактором, который сыграет важную роль в поднятии статуса немецкого литературного языка в ФРГ и за её пределами. По мнению Б. Обамы, «страна, которая в XXI веке станет мировым лидером в производстве чистой энергии, будет и лидером глобальной экономики XXI века» [Обама, 2009, с. 5], а государственный язык данной страны станет мировым языком-стандартом в данной области.

Сегодня именно Германия является мировым лидером по технологии энергосбережения и использованию альтернативных (возобновляемых) источников энергии. В составе немецкого литературного языка появилось много терминологических единиц эндогlossного образца (не заимствований) именно из области энергетики, к примеру: *Endlager, Verbraucherberatung, Abwärmeberechnung, Abfallbehandlungsanlage, Waldhackschnitzel, Druckwasserreaktor, Ausstieg (aus der Atomkraft), Gezeitenkraftwerk, schneller Brüter, erneuerbar, schadstoffarm, auslegungsüberschreitend, Heizalternative*. Среди них встречаются и англоамериканизмы, но в гораздо меньшем количестве и в виде гибридных терминологических образований, ср.: *Strommix, Best-Practice-Beispiele*.

Таким образом, американизация явилась для немецкого литературного языка определённым этапом развития, который обеспечил коммуникативную пригодность его ресурсов в эпоху глобализации. Она началась с дискурса технических инноваций (1918 г.) и продолжается с дискурсом мирового финансового кризиса (с 2008 г.).

Перспективы. Дальнейшие изыскания в предложенной проблематике могут быть связаны с применением вероятностно-статистических методов в корпусных исследованиях экзогlossных тенденций, что позволит уточнить приводимую нами симптоматическую статистику. Работа открывает новое направление в исследовании языковых ситуаций, охватывающее не только непосредственно языки, контактирующие в силу территориальной близости, но и виртуальные языковые контакты. Представляется, что разработанная в монографии диасистемная методология анализа языковых ситуаций может оказаться полезной при изучении языков, находящихся на грани исчезновения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Специальная литература

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка [Текст] / В.Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1963. – 335 с.
2. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В.Г. Адмони. – СПб.: Наука, 1994. – 154 с.
3. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В.В. Акуленко. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1972. – 215 с.
4. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С. 23–27.
5. Анохина С.П. Прагматика – продолжение грамматики? Грамматика – следствие прагматики? [Текст] / С.П. Анохина // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 224–227.
6. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1973. – Т. XXXII. – Вып. I. – С. 85–95.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт) [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 С.
9. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе: конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений [Текст] / В.В. Бабайцева. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1967. – 392 с.
10. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика [Текст] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 439 с.
11. Беляева С.А. Английские слова в русском языке XVI–XX вв. [Текст] / С.А. Беляева. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1984. – 108 с.
12. Бергер Д. Грамматические трудности немецкого языка [Текст] / Д. Бергер. – СПб.: Лань, 1996. – 208 с.
13. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Языковые контакты и заимствования [Текст] / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина

- // Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1972. – С. 101–170.
14. Блинова О.И. Явление мотивации слова. Лексикологический аспект [Текст] / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во «Либроком», 1984. – 182 с.
 15. Богданов В.В. Семантическая и прагматическая вариативность синтаксических структур [Текст] / В.В. Богданов // Проблемы вариативности в германских языках. – Калинин: Изд-во КГУ, 1988. – С. 152–156.
 16. Богословская В.Р. Активные процессы в спортивной терминологии современного русского языка [Текст] / В.Р. Богословская // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26–30 декабря 2002 г. – СПб.: Изд-во СМУ, 2002. – С. 219.
 17. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: ИЗД-ВО АН СССР, 1963. – 385 с.
 18. Борискина О.О. Национально-специфическое языковое сознание и заимствованное слово [Текст] / О.О. Борискина // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – С. 406–410.
 19. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
 20. Бронник Л.В. На пути постижения многомерности языка [Текст] / Л.В. Бронник // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Серия: Филология. – № 2. – СПб., 2009. – С. 70–79.
 21. Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига // Вестник молодых ученых. – Серия: Филологические науки. – № 1. – М., 2001. – С. 11–16.
 22. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Бурлыгиной [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
 23. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху [Текст] / И.Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
 24. Виноградов В.А. Дейксис [Текст] / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е репр. изд. под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 128.

- 25.Виноградов В.А. Диглоссия. Интерференция. Конвергенция [Текст] / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е репр. изд. под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136.
- 26.Виноградов В.А. Языковая ситуация [Текст] / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е репр. изд. под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 616–617.
- 27.Виноградов В.А., Коваль А.И., Пархомовский В.Я. Социолингвистическая типология [Текст] / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Пархомовский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
- 28.Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие [Текст] / Г.М. Вишневская.– Иваново: Издательство ИГУ, 1997. – 99 с.
- 29.Воронов А.Л. Варианты слов в немецком языке [Текст] / А.Л. Воронов. – Горький: Изд-во ГГПУ, 1973. – 218 с.
- 30.Гавранек Б. К проблематике смешения языков [Текст] / Б.К Гавранек // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 94–111.
- 31.Гавриленко Т.Г. Структурно-семантические и функциональные характеристики англоамериканизмов в современном немецком языке (подъязык вычислительной техники). Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Т.Г. Гавриленко. – Минск, 1990. – 20 с.
- 32.Гизатулин С.Л. Семантическая экономия и избыточность в тексте [Текст] / С.Л. Гизатулин // Филологические науки, 2001. – № 2. – С. 75–94.
- 33.Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (Гл. 6) [Текст] / М.Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995 гг.). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 237–304.
- 34.Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма [Текст] / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 240 с.
- 35.Граудина Л.К. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование [Текст] / Л.К. Граудина // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 397–414.
- 36.Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: функци-

- ональный аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук [Текст] / Е.Б. Гришаева. – Саратов: СГУ, 2007. – 46 с.
37. Гришаева Е.Б. Функционирование плюрицентричных языков в период глобализации [Текст] / Е.Б. Гришаева // Материалы II Международной научной конференции Кемеровского госуниверситета «Концепт и культура». – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. – С. 49–62.
38. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант [Текст] / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
39. Гухман М.М. Литературный язык [Текст] / М.М. Гухман // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – С. 502–548.
40. Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения [Текст] / М.М. Гухман // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М.: ИЗД-ВО АН СССР, 1956. – С. 209–285.
41. Гухман М.М. Функциональная стратификация языка [Текст] / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
42. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX–XV вв. [Текст] / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
43. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. [Текст] / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
44. Данилова Н.К. Семантические стратегии в тексте [Текст] / Н.К. Данилова // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 235–236.
45. Дебов В.М. Североафриканская франкофония (к типологии социолингвистических ситуаций) [Текст] / В.М. Дебов // Вестник Ивановского государственного университета, 2001. – № 1. – С. 77–83.
46. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи [Текст] / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1965. – 318 с.
47. Девкин В.Д. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden [Текст] / В.Д. Девкин // Вопросы языкознания, 2001. – № 5. – С. 113–120.

48. Дегтярёва Т.А. Системный характер семантических изменений в лексике [Текст] / Т.А. Дегтярёва // Ученые записки, 1956. – Том IX. – С. 63–74.
49. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста [Текст] / Т. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8, под ред. Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259 – 336.
50. Дешериев Ю.Н. Социальная лингвистика [Текст] / Ю.Н. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
51. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 286 с.
52. Домашнев А.И. Развитие лексики немецкого языка ГДР и ФРГ и лексикографическая практика [Текст] / А.И. Домашнев // Новые словари и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 5–14.
53. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах [Текст] / А.И. Домашнев. – Л.: Наука, 1983. – 232 с.
54. Дульзон А.П. Грамматика немецкого языка. Морфология [Текст] / А.П. Дульзон. – Томск: Изд-во ТГУ, 1962. – 317 с.
55. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в русском языке. Язык и культура [Текст] / А.И. Дьяков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – 132 с.
56. Едиг Г.Г. Грамматика немецкого языка. Синтаксис [Текст] / Г.Г. Едиг. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967. – 278 с.
57. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки заимствованных слов: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Л.П. Ефремов. – Алма-Ата, 1959. – 12 с.
58. Жирмунский В.М. История немецкого языка [Текст] / В.М. Жирмунский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
59. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976. – 695 с.
60. Журавлёв В.К. Внутренние и внешние факторы языковой эволюции [Текст] / В.К. Журавлёв. – М.: Прогресс, 1983. – 147 с.
61. Залевская А.П. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений [Текст] / А.П. Залевская // Вопросы языкознания, 1999. – № 6. – С. 31–42.

62. Зевахина Т.С. Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Т.С. Зевахина. – М., 1979. – 24 с.
63. Зиндер Л.Р. Общий очерк по теории письма [Текст] / Л.Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1977. – 112 с.
64. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая фонетика немецкого языка [Текст] / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М., Л.: Просвещение, 1965. – 175 с.
65. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка [Текст] / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – Л.: Просвещение, 1968. – 264 с.
66. Ивлева Г.Г. Тенденции развития слова и словарного состава [Текст] / Г.Г. Ивлева. – М.: Наука, 1986. – 135 с.
67. Ильяшенко Т.П. Языковые контакты [Текст] / Т.П. Ильяшенко. – М.: Наука, 1970. – 205 с.
68. Исаев М.И. Нормализационные процессы в языках различных социолингвистических типов [Текст] / М.И. Исаев // Языковая норма: типология нормализационных процессов. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 314–325.
69. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учебное пособие [Текст] / В.В. Кабакчи. – СПб: Изд-во Института внешнеэкономических связей, экономики и права, 1998. – 231 с.
70. Кабакчи В.В. Этика англоязычного межкультурного общения [Текст] / В.В. Кабакчи // Studia Linguistica. – СПб.: Тригон, 1998. – №7. – С. 32–55.
71. Кабакчи В.В. Язык межкультурного общения и языковая конвергенция [Текст] / В.В. Кабакчи // Studia Linguistica. – СПб.: Тригон, 1997. – №4. – С. 64–79.
72. Кабакчи В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация [Текст] / В.В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб: СПбГУ-ЭФ, 2009. – С. 78–97.
73. Казак Е.А. Роль заимствований в формировании различительных элементов американского варианта английского языка: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Е.А. Казак. – М., 1989. – 25 с.
74. Казкенова А.К. Мотивированность заимствованного слова [Текст] / А.К. Казкенова // Вопросы языкознания, 2003. – № 5. – С. 72–80.

75. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков [Текст] / А.Е. Карлинский. – Алма-Аты: Гылым, 1990. – 181 с.
76. Карнаухов О.В. Концепт „Marketing“ и его эквиваленты в немецком языке [Текст] / О.В. Карнаухов // Связи языковых единиц в системе и реализации: когнитивный аспект. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 1999. – С 119–121.
77. Карнаухов О.В. Sprachliche Xenophilie oder Xenophobie? К вопросу семантической обоснованности заимствования англоамериканизмов [Текст] / О.В. Карнаухов // Актуальные проблемы романистики и германистики. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 1998. – Т. I. – С. 45–53.
78. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С.О. Карцевский // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – С. 85–90.
79. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
80. Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М., Л.: Наука, 1966. – 345 с.
81. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
82. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой / [Текст] Р. Келлер. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. – С. 312.
83. Климов Т.А. Языковые контакты / [Текст] Т.А. Климов // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – С. 285–298.
84. Клоков В.Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки [Текст] / В.Т. Клоков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – 130 с.
85. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 249 с.
86. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
87. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 173 с.
88. Колшанский Г.В. Контекстная семантика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

- 89.Копчук Л.Б. Статус обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов [Текст] / Л.Б. Копчук // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.Н. Десницкой. – СПб., 2002. – С. 102–108.
- 90.Коротких Ю.Г. Коллоквиализмы – заимствования современного немецкого языка [Текст] / Ю.Г. Коротких. – М.: Изд-во МГПИ, 1978. – 77 с.
- 91.Коротких Ю.Г. Лексические заимствования в современном немецком языке [Текст] / Ю.Г. Коротких. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. – 109 с.
- 92.Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 С.
- 93.Кострова О.А. Текст и дискурс: границы и переходы [Текст] / О.А. Кострова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 6. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 348–355.
- 94.Краснухин К.Г. Введение в историческую лингвистику [Текст] / К.Г. Краснухин // Проблемы лингвистической прогностики. – Вып. 1. – Воронеж, 2000. – С. 146–152.
- 95.Крушельницкая К.Г. Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления [Текст] / К.Г. Крушельницкая // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 214–224.
- 96.Крысин Л.П. Вопросы исторического изучения иноязычных заимствований в лексике русского языка советской эпохи: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: МГУ, 1965. – 26 с.
- 97.Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» [Текст] / Л.П. Крысин // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965. – С. 104–116.
- 98.Крысин Л.П. Словообразование или заимствование? [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык в школе, 1997. – № 6. – С. 69–74.
- 99.Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – С. 75–115.

100. Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики [Текст] / Л.П. Крысин // Диахроническая социолингвистика. – М.: Наука, 1993. – С. 131–152.
101. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
102. Кубрякова Е.С. О некоторых особенностях развития языка в свете его определения как сложнодинамической системы [Текст] / Е.С. Кубрякова // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. Отв.ред. Б.А. Серебренников. – М.:Наука, 1970. – С. 211–217.
103. Кузнецов А.М. Вариативность в языке и варианты единиц на разных уровнях языковой структуры [Текст] / А.М. Кузнецов // Проблемы языковой вариативности. – М.: МГУ, 1990. – С. 13.
104. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу [Текст] / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 123 с.
105. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции (на материале французского языка): Автореф. дис. ... доктора филол. наук [Текст] / И.Н. Кузнецова. – М., 1998. – 54 с.
106. Кузнецов С.Н. Модели языковой политики в русскоязычном обществе [Текст] / С.Н. Кузнецов // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г. – М.: МГУ, 2001. – С. 308–309.
107. Лабезная Е.М. Явление вариативности в процессе заимствования [Текст] / Е.М. Лабезная // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 220–226.
108. Левковская К.А. Лексикология современного немецкого языка (на нем. языке) [Текст] / К.А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1968. – 320 с.
109. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
110. Липатов А.Т. Интеронимия как семантический феномен в диалоге языков и этнокультур [Текст] / А.Т. Липатов // VII Житниковские чтения: Диалог языков и культур в гуманистической парадигме: материалы международной научной конференции 5–6 октября 2004 г. / отв. ред. Н.А. Новосёлова. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2004. – С. 66–70.

111. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание [Текст] / Т.П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
112. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Текст] / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
113. Луканина М.В. Три аспекта плана содержания газетного текста [Текст] / М.В. Луканина // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 70–72.
114. Люксембург А.М. Реалии в немецком медиатексте: Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. Теория и практика [Текст] / А.М. Люксембург. – Ростов-на-Дону: Логос, 2008. – 230 с.
115. Майоров А.П. Заимствования в лексико-семантической системе языка (на материале англоамериканизмов в современном немецком языке в ФРГ и ГДР): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / А.П. Майоров. – М., 1967. – 24 с.
116. Майоров А.П. Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве [Текст] / А.П. Майоров. – Уфа: Изд-во БГМУ, 1997. – 138 с.
117. Маковский М.М. Теория лексической аттракции [Текст] / М.М. Маковский. – М.: Наука, 1971. – 252 с.
118. Мамардашвили М.К. О философии [Текст] / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии, 1991, – № 5. – С. 3–25.
119. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике [Текст] / А. Мартине. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 81–93.
120. Матвеева А.А. Дейксис как маркер категории «свой – чужой» [Текст] / А.А. Матвеева // Вестник Самарского государственного университета, 2007. – № 1. – Самара: Изд-во СамГУ. – С. 47–52.
121. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания (на материале совр. англ. яз.) [Текст] / Э.М. Медникова. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
122. Мельников Г.П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели [Текст] / Г.П. Мельников // Отв. ред. Л.Г. Зубкова. – М.: Наука, 2003. – 395 с.

123. Меремкулова Т.И. Заимствование галлицизмов в немецком языке в эпоху раннего абсолютизма [Текст] / Т.И. Меремкулова // *Мировая культура и язык: Взгляд молодых исследователей: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции 28–30 апреля 2010.* – Томск: ТПУ. – 2010 – Т. 2. – С. 120–123.
124. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев [Текст] / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
125. Михайлова Е.А. Об интернационализации лексики [Текст] / Е.А. Михайлова // *Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции.* Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 88–92.
126. Михеева Е.И. Неологизмы современного немецкого языка (интегративный аспект на материале имён существительных): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Е.И. Михеева. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 22 с.
127. Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода [Текст] / В.М. Мокиенко // *Русистика.* – № 1–2. – Берлин, 1998. – С. 37–56.
128. Морозова А.Н. Диалектическое единство линейного и надлинейного рядов в динамике высказывания: Автореф. дис. ... доктора филол. наук [Текст] / А.Н. Морозова. – М., 1996. – 35 с.
129. Москальская О.И. История немецкого языка: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / О.И. Москальская. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
130. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка: Учеб. пособие [Текст] / Н.М. Наер. – М.: Высшая школа, 2004. – 271 с.
131. Наумов В.В. Фонетическая структура заимствований в современном немецком языке [Текст] / В.В. Наумов. – Куйбышев: Изд-во КГПИ. 1987. – 72 с.
132. Нейдорф Я.Я. Заимствования и пуризм в немецком языке [Текст] / Я.Я. Нейдорф. – Одесса: Изд-во ОГУ, 1966. – 40 с.
133. Нефёдова Л.А. О функционировании экзотизмов в современном немецком языке [Текст] / Л.А. Нефёдова // *Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции.* Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 107–108.

134. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во Научного центра проблем диалога, 1996. – 760 с.
135. Никифоров Н.Д. Консонантная структура иноязычных заимствований в современном немецком языке (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / Н.Д. Никифоров. – Одесса, 1987. – 16 с.
136. Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании [Текст] / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания, 1996. – № 2. – С. 79–89.
137. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы) [Текст] / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 168 с.
138. Олейник О.В. Немецкие сленгизмы в свете неологической теории: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / О.В. Олейник. – Самара: СамГПУ, 2009. – 23 с.
139. Ольшанский И.Г. О некоторых тенденциях в современной немецкой лексикографии [Текст] / И.Г. Ольшанский // Иностранные языки в школе, 1977. – № 6. – С. 14–22.
140. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования [Текст] / В.М. Павлов. – Л.: Наука, 1985. – 300 с.
141. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. [Текст] / М.В. Панов // Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
142. Пауль Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
143. Пичкур А.И. Коммуникация в интернете: лингвистический аспект [Текст] / А.И. Пичкур // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 86–88.
144. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (принципиальная схема) [Текст] Н.Е. Покровский // Социологические исследования, 2000. – № 6. – С. 3–10.
145. Порхомовский В.Я., Семенюк Н.Н. Языковая норма: типология нормализационных процессов. Введение [Текст] / В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 11–20.

146. Постникова С.В. Синонимы в немецком языке и основные приемы их активизации [Текст] / С.В. Постникова. – М.: Высш. шк., 1984. – 112 с.
147. Раннут М. Пособие по языковой политике [Текст] / М. Раннут. – Таллинн: Atlex, 2004. – 215 с.
148. Ревзин И.И. Структура немецкого языка [Текст] / И.И. Ревзин. – М.: ОГИ, 2009. – 400 с.
149. Розен Е. В. Как появляются слова? Немецкая лексика: история и современность [Текст] / Е.В. Розен. – М.: Изд-во «МАРТ», 2000. – 156 с.
150. Розен Е.В. Лексика немецкого языка сегодня [Текст] / Е.В. Розен. – М.: Высшая школа, 1976. – 128 с.
151. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность [Текст] / Е.В. Розен. – М.: Высшая школа, 1991. – 97 с.
152. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке [Текст] / Е.В. Розен. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
153. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976. – С. 543.
154. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика [Текст] / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.
155. Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык: учебное пособие [Текст] / А.А. Романов, О.Н. Морозова, С.Э. Носкова. – Тверь: Изд-во ТГСХА, 2007. – 222 с.
156. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативный дискурс в парадигме социального конструкционизма [Текст] / А.А. Романов, Л.А. Романова // Культура как текст: сб. научных статей. – Вып. VII. – М.: ИЯ РАН, 2007. – С. 81 – 96.
157. Россихина Г.Н. Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность? [Текст] / Г.Н. Россихина // Филологические науки, 2001. – № 2. – С. 109–116.
158. Россихина Г.Н., Ульянова Е.С. Новые правила правописания немецкого языка [Текст] / Г.Н. Россихина, Е.С. Ульянова. – М.: Изд-во «ЧеРо», 1999. – 112 с.

159. Савицкий В.М. Аспекты теории фразообразовательных моделей: Учеб. пособие к спецкурсу [Текст] / В.М. Савицкий. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. – 80 с.
160. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики [Текст] / В. М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 206 с.
161. Селиванов Г.А. Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) [Текст] / Г.А. Селиванов // Вопросы русского и славянского языкознания: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 1976. – С. 116–127.
162. Семенюк Н.Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка [Текст] / Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
163. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности [Текст] / Н.Н. Семенюк // Вопросы языкознания, 1965. – № 1. – С. 16–19.
164. Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов [Текст] / Н.Н. Семенюк // Языковая норма: типология нормализационных процессов. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 23–44.
165. Серебряная Е.В. Ассимиляция компьютерных англицизмов в немецком языке [Текст] / Е.В. Серебряная // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки. Сборник статей. – М.: Изд-во «Прометей МПГУ», 2004. – с. 386–389.
166. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления [Текст] / А.П. Сковородников // Филологические науки, 1996. – № 2. – С. 42–49.
167. Соболева С.М. Речевое общение в свете прагматического подхода [Текст] / С.М. Соболева // Культурно-языковые контакты: сборник научных трудов. – Вып. 13. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. – С. 65–75.
168. Сорокин Ю.Е. Функции общения и сообщения в художественной речи [Текст] / Ю.Е. Сорокин // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 222–224.
169. Сорокина Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии [Текст] / Т.С. Сорокина // Вопросы языкознания, 2003. – № 3. – С. 92–112.

170. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с французского [Текст] / Ф. де. Соссюр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
171. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
172. Столнейкер Р.С. Прагматика [Текст] / Р.С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике, 1985. – Вып. 16. – С. 419–438.
173. Суперанская А.В. Заимствование слов и практическая транскрипция [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Изд-во АН СССР, 1968. – 481 с.
174. Суперанская А.В. Структура имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
175. Татарникова И.В. Вторичные варианты полиэтнического английского языка в западноафриканском ареале [Текст] / И.В. Татарникова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – С. 47–49.
176. Теймурова С.С. Ортология и ортологическая лексикография. Язык образования и образование языка [Текст] / С.С. Теймурова // Язык образования и образование языка: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 29–30 июня 2005 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2000. – С 305.
177. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 249 с.
178. Туманян Э.Г. Место и значение периодики в образовании литературных языков [Текст] / Э.Г. Туманян // Язык и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1984. – С.14–35.
179. Туманян Э.Г. О природе языковых изменений [Текст] / Э.Г. Туманян // Вопросы языкознания, 1999. – № 3. – С. 86–97.
180. Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания, 1999. – № 6. – С. 79–82.
181. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
182. Федорцова В.Н. Введение в историю немецкого языка: Учеб. пособие [Текст] / В. Н. Федорцова. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. – 47 с.

183. Федорцова В.Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании: Учеб. пособие к спецкурсу [Текст] / В. Н. Федорцова. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. – 80 с.
184. Федорцова В.Н. Интернациональные словообразовательные модели в немецком языке (синхрония и диахрония): Автореф. дис. ... доктора филол. наук [Текст] / В.Н. Федорцова. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 33 с.
185. Федорцова В.Н. Словообразование на интернациональной основе в немецком языке [Текст] / В.Н. Федорцова // Русско-немецкие культурные связи: история и современность. – Самара, 1998. – С.107–112.
186. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка [Текст] / Н.А. Фененко; Под ред. проф. А.А. Кретьова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 140 с.
187. Фергюсон Ч.А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку [Текст] / Ч.А. Фергюсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. – Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 122–127.
188. Филичева Н.И. История немецкого языка: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / Н.И. Филичева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с.
189. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык [Текст] / Н.И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1992. – 176 с.
190. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1964. – 116 с.
191. Хазанович А.П. Синонимия в фразеологии современного немецкого языка: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук [Текст] / А.П. Хазанович. – Л.: ЛГУ, 1958. – 26 с.
192. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 277–289.
193. Хауген Э. Процесс заимствования [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 344–382.
194. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка [Текст] / Н.С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.
195. Черникова Н.В. Признаки языковой нормы [Текст] / Н.В. Черникова // Язык образования и образование языка: Материалы IV Все-

- российской научно-практической конференции 29–30 июня 2005 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2000. – С 336–337.
196. Черняев Н.С. Коллоквиализация языка в медийном дискурсе и «экология слова» [Текст] / Н.С. Черняев // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: Сборник научных трудов, посвящённый 60-летнему юбилею профессора Е.А. Пименова / Отв. ред. Р.Д. Керимов. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2008. – С. 371–379.
197. Шаховский В.И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводных единиц содержания текста оригинала [Текст] / В.И. Шаховский // Тетради переводчика. – Вып. 17. – М.: Международные отношения, 1976. – 205 с.
198. Шаяхметова А.К. О соотношении языков в детском двуязычии [Текст] / А.К. Шаяхметова // Детская речь как предмет лингвистических исследований: Материалы международной научной конференции 31 мая – 2 июня 2004 г. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. – СПб.: Наука, 2004. – 304.
199. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Высшая школа, 1963. – 216 с.
200. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.
201. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику [Текст] / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
202. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике [Текст] / Е.И. Шендельс. – М.: Высшая школа, 1970. – 208 с.
203. Шехтман Н.А. Системность лексики и семантика слова [Текст] / Н.А. Шехтман. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. – 84 с.
204. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелёв. – Изд. 2. – М.: URSS, 2006. – 280 с.
205. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
206. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л.В. Щерба // Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1931. – № 1. – С. 113–114.
207. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 432 с.

208. Щербакова А.В. Об англо-американском влиянии на способ образования новых глаголов в современном немецком языке [Текст] / А.В. Щербакова // Язык в мультикультурном мире: Тезисы и материалы международной конференции. Отв. ред. О.А. Кострова. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 195–196.
209. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование [Текст] / Л.П. Якубинский. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
210. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка [Текст] / В.Н. Ярцева // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979. – С. 7–26.
211. Ясперс К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
212. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich: Grundlegung einer typologischen Syntax des Deutschen [Text] / W. Abraham. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1995. – 707 S.
213. Abraham W. Erklärende Syntax des Deutschen [Text] / W. Abraham. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985. – 334 S.
214. Abresch J. The pronunciation of Anglicisms and English proper names in German: a corpus study [Text] / J. Abresch // Proceedings of the 16th conference on electronic speech signal processing (ESSP). – Prague, 2005. – P. 167–179.
215. Admoni W.G. Die Entwicklungstendenzen des deutschen Satzbaus von heute [Text] / W.G. Admoni. – Linguistische Reihe 12. – München: Hueber, 1973. – 109 S.
216. Admoni W.G. Der deutsche Satzbau [Text] / W.G. Admoni. – Moskau, Leningrad: Verlag „Proswetschscheniye“, 1966. – 334 S.
217. Agricola E. Bestimmt die Sprache unser Weltbild? Zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Sprachphilosophie [Text] / E. Agricola. – Berlin: Akademie-Verlag, 1972. – 264 S.
218. Agricola E. Semantische Relationen im Text und System [Text] / E. Agricola. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1972. – 390 S.
219. Agricola E., Görner H., Kufner R. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch [Text] / E. Agricola, H. Görner, R. Kufner. – 12., unveränderte Aufl. – Leipzig. Bibliographisches Institut, 1985. – 818 S.
220. Ammann H. Die menschliche Rede [Text] / H. Ammann. – Bd. I–II. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. – 337 S.

221. Ammon U. Das Internet und die internationale Stellung der deutschen Sprache [Text] / U. Ammon // Deutsch global. Neue Medien Herausforderungen für die deutsche Sprache. – Köln: Du Mont, 2000. – S. 241–260.
222. Ammon U. Ist Deutsch noch eine internationale Wissenschaftssprache? – Englisch auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen [Text] / U. Ammon. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1998. – 339 S.
223. Auer P. Schreiben in der Hypotaxe – Sprechen in der Parataxe? Kritische Bemerkungen zu einem Gemeinplatz [Text] / P. Auer // Deutsch als Fremdsprache, 39 (3). – Leipzig, 2002. – S. 131–137.
224. Austin Ch. Word order and word order change [Text] / Ch. Austin. – London: University of Texas Press, 1975. – 462 p.
225. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache [Text] / A. Bach. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1961. – 395 S.
226. Back O. Ärger mit Übersetzungsdeutsch? [Text] / O. Back. – Wien: Verlagspostamt, 2003. – 14 S.
227. Baldinger K. Die Semasiologie. Versuch eines Überblickes [Text] / K. Baldinger. – Berlin: Akademie-Verlag, 1957. – 40 S.
228. Bär J.A. Deutsch im Jahr 2000. Eine sprachhistorische Standortbestimmung [Text] / J.A. Bär // Eichhoff-Cyrus K., Hoberg R. (Hrsg.) Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? – Thema: Deutsch. – Bd. 1. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000. – 9–34 S.
229. Bartzsch R., Pogarell R., Schröder M. Wörterbuch überflüssiger Anglizismen [Text] / R. Barzzsch, R. Pogarell, M. Schröder. – Paderborn: IFB-Verlag, 2004. – 6. Aufl. – 220 S.
230. Behagel O. Die deutsche Sprache [Text] / O. Behagel. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1954. – 313 S.
231. Bell R.T. Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems [Text] / R.T. Bell. – London: Batsford, 1980. – 245 p.
232. Beneš E. Die Ausklammerung im Deutschen als grammatische Norm und als stilistischer Effekt [Text] / E. Beneš // Muttersprache, 1968. – Nr. 78. – S. 289–298.
233. Besse M. „Wörterbuch der deutschen Winzersprache“: Digitales Tonarchiv und IPA-Transkription dialektaler Fachwörter aus West-, Mittel-, Südost- und Osteuropa [Text] / M. Besse // Phonus. – Vol. 6. – Saar-

- brücken: Institute of Phonetics, University of the Saarland, 2002. – P. 1–29.
234. Böhm V. Sprache und Kommunikation [Text] / V. Böhm. – Wien, München: Österreichischer Bundesverlag, 1976. – 55 S.
235. Böhm V. Sprache und Sprachgebrauch: ein Annäherungsversuch zwischen Linguistik und Selbstverständlichkeit [Text] / V. Böhm. – Wien, München: Österreichischer Bundesverlag, 1986. – 235 S.
236. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld [Text] / K. Boost. – Berlin: Akademie-Verlag, 1955. – 90 S.
237. Boretzky N. Einführung in die historische Linguistik [Text] / N. Boretzky. – Rowohlt: Reinbek, 1977. – 252 S.
238. Bradean-Ebinger N. Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Finnoskandinavien [Text] / N. Bradean-Ebinger // Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nördlichen Areal. – Budapest: Akadémiai, 1991. – S. 174–176.
239. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten [Text] / P. Braun. – 3., erw. Aufl. – Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer, 1993. – 265 S.
240. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden [Text] / K. Brinker. – Berlin (West): Schmidt, 1985. – 150 S.
241. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung [Text] / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Schwann, 1971. – 939 S.
242. Brinkmann H. Die Konstituierung der Rede Leistung [Text] / H. Brinkmann // Wirkendes Wort, 1965. – Heft 3. – S. 157–172.
243. Brinkmann H. Sprache als Teilhabe: Aufsätze zur Sprachwissenschaft Leistung [Text] / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Schwann, 1981. – 229 S.
244. Brinkmann H. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit Leistung [Text] / H. Brinkmann. – Jena: Biedermann, 1931. – 236 S.
245. Brock-Utne B., Skattum I. Languages and Education in Africa [Text] / B. Brock-Utne, I. Skattum. – Bristol: Symposium Books, 2009. – 356 p.
246. Carstensen B., Busse U. Anglizismen-Wörterbuch. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945 [Text] / B. Cars-

- tensen, U. Busse. – 3 Bde. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1993. – 2014 S.
247. Carstensen B., Busse U. Anglizismen-Wörterbuch. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945 [Text] / B. Carstensen, U. Busse. – 3 Bde. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2001. – 2014 S.
248. Carstensen B. Der englische Einfluss auf die deutsche Sprache [Text] / B. Carstensen // Birke A.M., Kluxen K. (Hrsg.) Die europäische Herausforderung: England und Deutschland in Europa / The European Challenge: Britain and Germany in Europe. Prinz-Albert-Studien. Bd. 5. – München: Saur, 1987. – S. 93–107.
249. Carstensen B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945 [Text] / B. Carstensen. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1965. – 295 S.
250. Carstensen B. Euro-English [Text] / B. Carstensen // Linguistics across historical and geographic boundaries. Trends in Linguistics, 1986. –Vol. 2. – S. 827–835.
251. Carstensen B., Galinsky H. Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache. Entlehnungsvorgänge und ihre stilistischen Aspekte [Text] / B. Carstensen, H. Galinsky. – Heidelberg: Winter, 1967. – 80 S.
252. Christ H. Sprachenpolitische Perspektiven [Text] / H. Christ // Bausch K.-R., Christ H., Hüllen W., Krumm H.-J. (Hrsg.) Handbuch Fremdsprachenunterricht. – 3. überarb. u. erw. Aufl. – Tübingen: Francke, 1995. – S. 75.
253. Crystal D. English as a Global Language [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 150 p.
254. Cooper R.L. Language Planning and Social Change [Text] / R.L. Cooper. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 228 p.
255. Coseriu E. Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik [Text] / E. Coseriu // Hartmann P., Vernay H. (Hrsg.) Sprachwissenschaft und Übersetzen. – München: Hueber Verlag, 1970. – S. 104–121.
256. Curcio M.L. Zunehmende Anglisierungen im Deutschen und ihre Rezeption im Unterricht Deutsch als Fremdsprache [Text] / M.L. Curcio // Zielsprache Deutsch, 1999. – Nr. 30(2). – S. 106–113.
257. Danes F. Papers on Functional Sentence Perspective [Text] / F. Danes. – Prague: Academia, 1974. – 222 p.

258. Danes F. Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats [Text] / F. Danes // Danes F., Viehweger D. (Hrsg.) Probleme der Textgrammatik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1976. – S. 29–40.
259. Debus F. Onomastik [Text] / F. Debus // Althaus H.-P. u.a. (eds.). – Tübingen: LGL, 1980. – S. 187–198.
260. Debus F. Überfremdung der deutschen Sprache? Zur Frage des englisch-amerikanischen Einflusses [Text] / F. Debus // DaF 4, 2001. – S. 195–204.
261. Dillard J.L. Perspectives on American English. Contributions to the Sociology of Language. Reviewed by D. Wepman [Text] / J.L. Dillard // Word. – NY, 1983. – Vol. 34. – P. 48–52.
262. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen [Text] / F. Dornseiff. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1970. – 922 S.
263. Dressler W. Funktionale Satzperspektive und Texttheorie [Text] / W. Dressler // Papers on Functional Sentence Perspective. – Prague: Academia, 1974. – S. 87–105.
264. Drews J. Auf dem Weg zum Denglitsch. Wieviel Angloamerikanisch verträgt die deutsche Sprache? [Text] / J. Drews // C. Meier (Hrsg.) Sprache in Not? Zur Lage des heutigen Deutsch. – Göttingen, 1999. – S. 22.
265. Eichhoff J. Deutsches Lehngut und seine Funktion in der amerikanischen Pressesprache [Text] / J. Eichhoff // Jahrbuch für Amerikastudien, 1972. – No. 17. – S. 156–212.
266. Eckert G. Sprachtypus und Geschichte: Untersuchungen zum typologischen Wandel des Französischen [Text] / G. Eckert. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. – 376 S.
267. Eggers H. Wandlungen im deutschen Satzbau: Vorzüge und Gefahren [Text] / H. Eggers // Muttersprache 93, 1983. – Nr. 3–4. – S. 131–141.
268. Eicher R.W. Glanz und Elend der deutschen Sprache [Text] / R.W. Eicher // Hrsg. von Bund für deutsche Schrift und Sprache. – Ahlhorn: Bund für deutsche Schrift und Sprache, 1994. – S. 1–17.
269. Engel U. Regeln zur „Satzgliedfolge“. Zur Stellung der Elemente im einfachen Verbalsatz [Text] / U. Engel // Sprache der Gegenwart. 1972. – Bd. 19. – S. 17–75.
270. Engel U. Regeln zur Wortstellung [Text] / U. Engel // Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache, 1970. – Bd. 5. – S. 7–148.

271. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache [Text] / U. Engel. – Berlin: Schmidt, 1994. – 316 S.
272. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik [Text] / J. Erben. – Berlin: Akademie-Verlag, 1965. – 316 S.
273. Erben J. Deutsche Syntax. Eine Einführung [Text] / J. Erben. – Bern, Frankfurt am Main, NY: Peter Lang, 1984. – 128 S.
274. Ernst P. Deutsche Sprachgeschichte: Eine Einführung in die diachrone Sprachwissenschaft des Deutschen [Text] / P. Ernst. – Wien: Universitätsverlag, 2005. – 254 S.
275. Essen O. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation [Text] / O. Essen. – Ratingen-Düsseldorf: Henn, 1956. – 112 S.
276. Esser W.M. Zum konsonantischen Element im deutschen Sprachlautkörper [Text] / W.M. Esser // Wirkendes Wort, 1960. – Jg. 10, H. 2. – S. 68–78.
277. Fabricius-Hansen C. Deutsch als Wissenschaftssprache in Skandinavien [Text] / C. Fabricius-Hansen // Debus F. u. a. (Hrsg.) Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert. – Stuttgart: Steiner, 2000. – S. 177–191.
278. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache [Text] / D. Faulseit, G. Kühn. – 6. unveränderte Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. – 286 S.
279. Fink H. Vom Kuhlook bis Fit for Fun: Anglizismen in der heutigen Allgemein- und Werbesprache [Text] / H. Fink. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1997. – 112 S.
280. Fink H. Vom „Macro-Mini“ und der „Hotline“ bis zur „Live-Stohn-Line“ und dem „Grip-Shift-Drehgriff“: Beobachtungen zu Englischem in Illustrierten, der Boulevardzeitung und dem Werbeprospekt [Text] / H. Fink. – Freiberg: Verlag der Technischen Universität Freiburg, 1996. – 72 S.
281. Flamig W. Grundformen der Gliedfolge im deutschen Satz und ihre sprachlichen Funktionen [Text] / W. Flamig // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1964. – Bd. 86. – S. 309–349.
282. Fleischer W. Fremdwort und Lehnwort [Text] / W. Fleischer // Agricola E., Fleischer W., Protze H. u. Mitw. v. Ebert E. (Hrsg.) Die deutsche Sprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 1. Bd. – S. 509–526.

283. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. – 299 S.
284. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer. – Tübingen: Niemeyer, 1975. – 363 S.
285. Fleischer W., Michel G. Stilistik der der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer, G. Michel. – 3. durchges. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1979. – 394 S.
286. Fluck W. Fiction and Fictionality in Popular Culture: Some Observations on the Aesthetics of Popular Culture [Text] / W. Fluck // Journal of Popular Culture, 1988. – No. 21(4). – 49–62 p.
287. Flydal L. Remarks on certain relations between style and language stock [Text] / L. Flydal // Norsk annual for linguistics. – Issue 16. – Oslo: Universitets forlaget, 1951. – P. 240–257.
288. Földes C. Was ist die deutsche Sprache wert? Fakten und Potenzen [Text] / C. Földes // Wirkendes Wort, 2000. – Nr. 50. – S. 275–296.
289. Földes C. Zur Begrifflichkeit von „Sprachenkontakt“ und „Sprachenmischung“ [Text] / C. Földes // Lasatowicz M.K., Joachimsthaler J. (Hrsg.) Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur: Oppelner Beiträge zur Germanistik, Bd. 1. – Frankfurt a.M., Berlin, Bern, Bruxelles, NY, Wien: Peter Lang, 1999. – S. 3–35.
290. Freitag R., Sommerfeldt K.-E. Zu den kommunikativen Bezügen des Satzes [Text] / R. Freitag, K.-E. Sommerfeldt // Deutsch als Fremdsprache, 1978. – Nr. 3 – S. 171–176.
291. Friedhelm D. Entwicklungen der deutschen Sprache in der Gegenwart -und in der Zukunft? [Text] / D. Friedhelm // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. – Nr. 2. – Mainz-Stuttgart: Steiner, 1999. – S. 1–56.
292. Frings Th. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache [Text] / Th. Frings. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1957. – 127 S.
293. Fritz G. Historische Semantik [Text] / G. Fritz. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 1998. – 313 S.
294. Fuchs-Heinritz W., Laubmann R., Rammstedt O., Wienhold H. Lexikon zur Soziologie [Text] / W. Fuchs-Heinritz, R. Laubmann, O. Rammstedt, H. Wienhold. – 3. Aufl. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. – 763 S.

295. Gabelenz G. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse [Text] / G. Gabelenz. – Leipzig: Weigel, 1891. – 502 S.
296. Galtung J. Structure, culture, and intellectual style: An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches [Text] / J. Galtung // Social Science Information, 1981. – Vol. 20(6). – P. 817–856.
297. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik [Text] / H. Glinz. – Bern, München: Francke Verlag, 1962. – 505 S.
298. Glück H. Die Neuen Medien als Motor des Sprachwandels: Schulenglisch als zweite Landessprache? [Text] / H. Glück // Deutsch global. Neue Medien Herausforderungen für die deutsche Sprache. – Köln: Du Mont, 2000. – S. 108–125.
299. Glück H., Sauer W.W. Gegenwartsdeutsch [Text] / H. Glück, W.W. Sauer. – 2., überarb. und erw. Aufl. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1997. – S. 199.
300. Goethe J.W.v. Sämtliche Werke (Artemis-Gedenkausgabe der Bände 1–17) [Text] / J.W.v. Goethe. – Bd. 9. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. – 822 S.
301. Götze L. Anglizismen im heutigen Deutsch – Droht der deutschen Sprache der Ausverkauf? [Text] / L. Götze // Gabi Erlberg, Rainer Frank, Rudolf Steffens (Hrsg.): Deutsch 2000. Fremdwörter – NS-Sprache – Deutschunterricht. – Aachen, 2000. – S. 21–28.
302. Götze L. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache – Normen – Deutsch als Fremdsprache [Text] / L. Götze // Zeitschrift DaF, 2003. – Nr. 3. – S. 131–134.
303. Götze L. Perspektiven einer europäischen Sprachenpolitik [Text] / L. Götze // Educating European Citizens. Dokumentation zum internationalen Symposium am 27.11.1998 in der Deutschen Bibliothek Frankfurt. – Wiesbaden, 1999. – S. 5–6.
304. Götze L., Hess-Lüttich E.W.B. Wahrig. Grammatik der deutschen Sprache [Text] / L. Götze, E.W.B. Hess-Lüttich. – München: Bertelsmann Lexikon Institut, 2005. – 702 S.
305. Götze L., Traoré S. Pseudo-Englisch, „Dummdeutsch“, „Plastikwörter“ und Übersetzungsprobleme [Text] / L. Götze, S. Traoré // Nouveaux Cahiers d'Allemand, 1998. – No. 3. – P. 7.

306. Haarmann H. Anwendung: Sprachen- und Sprachpolitik [Text] / H. Haarmann // Steger H., Wiegand H. E. (Hrsg.) Sprach- und Kommunikationswissenschaft. – 3., 2. Bde. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1988. – S. 1660–1678.
307. Haftka B. Bekanntheit und Neuheit als Kriterien für die Anordnung von Satzgliedern [Text] / B. Haftka // DaF, 1978. – Nr. 3. – S. 157–164.
308. Haftka B. Einige Überlegungen zum Mitteilungswert, „semantischer Wortfolge“ und Satzgliedstellung [Text] / B. Haftka // Linguistische Studien. Reihe A: Arbeitsberichte, 1977. – Bd. 35. – S. 24–53.
309. Haftka B. Reihenfolgebeziehungen im Satz [Text] / B. Haftka // Heidolph K.E. (Hrsg.) Grundzüge einer deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1981. – S. 702–764.
310. Halliday M.A.K. Language structure and language function [Text] / M.A.K. Halliday // Lyons J. (ed.) New Horizons in Linguistics. – Harmondsworth: Penguin books, 1971. – P. 140–165.
311. Harras G. Die Ordnung der Wörter: Kognitive und lexikalische Strukturen [Text] / G. Harras. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1995. – 403 S.
312. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing [Text] / E. Haugen // Language, 1950. – Vol.26. – P. 210–231.
313. Haust D. Formen und Funktionen des Codeswitching [Text] / D. Haust // Linguistische Berichte, 1993. – Nr. 144. – S. 47–49.
314. Heike G. Sprachliche Kommunikation und linguistische Analyse [Text] / G. Heike. – Heidelberg: Winter, 1969. – 87 S.
315. Heine B. Language policies in Africa [Text] / B. Heine // Herbert R.K. (ed.) Language and society in Africa. The theory and practice of sociolinguistics. – Johannesburg, 1992. – P. 23–35.
316. Heinemann G. „Appell zur Bewahrung der deutschen Sprache“. Ansprache vor den Mitgliedern der Friedensklasse des Ordens Pour le mérite für Wissenschaft und Künste Bonn [Text] / G. Heinemann // Reden und Interviews IV. – Bonn: Bundesministerium der Finanzen, Referat Presse und Information, 1973. – S. 156–158.
317. Helbig G. Deutsche Grammatik. Grundfragen und Abriss [Text] / G. Helbig. – München: Iudicium Verlag, 1991. – 161 S.
318. Helbig G. Studien zur deutschen Syntax. Bd. 2.: Grammatik aus kommunikativ-pragmatischer Sicht [Text] / G. Helbig. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984. – 212 S.

319. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht [Text] / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin: Langenscheidt Verlag, 2001. – 656 S.
320. Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart: Untersuchungen im Bereich der Gebrauchssprache [Text] / K. Heller. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1966. – 185 S.
321. Hellwig G. Das Buch der Zitate: 15 000 geflügelte Worte von A bis Z [Text] / G. Hellwig. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2003. – 576 S.
322. Herberg D. Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung [Text] / D. Herberg // DaF, 2002. – Nr. 4. – S. 195–201.
323. Herberg D. Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen [Text] / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens, E. Tellenbach, D. Al-Wadi. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2004. – 393 S.
324. Hoberg R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng? [Text] / R. Hoberg // Eichhoff-Cyrus K., Hoberg R. (Hrsg.) Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? – Thema: Deutsch. – Bd. 1. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2000. – S. 303–316.
325. Hochhaus S. Das Lëtzebuergesche. Ein Beispiel für erfolgreiche Sprachenpolitik oder vom Aussterben bedroht? [Text] / S. Hochhaus. – Bochum: Verlag der Ruhr-Universität Bochum, 2001. – 23 S.
326. Hoffmann M. Funktionale Varietäten des Deutschen – kurz gefasst [Text] / M. Hoffmann. – Potsdam: Universitätsverlag, 2007. – 53 S.
327. Hohenhaus P. „Neuenglodeutsch“. Zur vermeintlichen Bedrohung des Deutschen durch das Englische [Text] / P. Hohenhaus // German as a foreign language, 2001. – No. 1. – S. 57–87.
328. Jakobs E.-M. Textvernetzung in den Wissenschaften: Zitat und Verweis als Ergebnis rezeptiven, reproduktiven und produktiven Handelns [Text] / E.-M. Jakobs. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. – 398 S.
329. Jannis K. Deutsche Jugendsprache: Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen [Text] / K. Jannis. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1998. – 90 S.
330. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung [Text] / O. Jespersen. – Heidelberg: Winters, 1925. – 440 S.

331. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik [Text] / O. Jespersen. – Leipzig: Teubner, 1926. – 258 S.
332. Jünger E. Strahlungen. – Tübingen: Heliopolis, 1949. – 648 S.
333. Jung M. Amerikanismen, ausländische Wörter, Deutsch in der Welt: Sprachdiskussionen als Bewältigung der Vergangenheit und Gegenwart [Text] / M. Jung // Stötzel G., Wengeler M. (Hrsg.) Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der BRD. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1995. – S. 245–285.
334. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache [Text] / W. Jung. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1990- – 488 S.
335. Junker G.H. Der Anglizismen-Index, Gewinn oder Zumutung? [Text] / G.H. Junker. – Paderborn: IFB-Verlag, 2010. – 301 S.
336. Kann H.-J., Koltes M. Englisches Sprachgut im Fernsehen [Text] / H.-J. Kann, M. Koltes // Der Sprachdienst, 1977. – Nr. 21. – S. 68–70.
337. Keller R.E. Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung [Text] / R.E. Keller. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986. – 641 S.
338. Keller R.E. Sprachwandel: von der unsichtbaren Hand in der Sprache [Text] / R.E. Keller. – Tübingen: Francke Verlag, 1990. – 218 S.
339. Klein S. Wissenschaftssprache: Dümmer auf Englisch [Text] / S. Klein // FAZ, 06.07.2007. – Nr. 154. – S. 35.
340. Klein W. Das Ende vor Augen: Deutsch als Wissenschaftssprache [Text] / W. Klein // Debus F., Kollmann F.G., Pörksen U. (Hrsg.) Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert: Vorträge des Internationalen Symposions vom 18.–19. Januar 2000. – Stuttgart, 2000. – S. 287–290.
341. Klein W. Der Mythos vom Sprachverfall, Festvortrag (Festveranstaltung der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften am 25. Juli 1999) [Text] / W. Klein // Jahrbuch der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. – Berlin, 2000. – S. 142–143.
342. Klemperer V. LTI (Lingua Tertii Imperii) – Notizbuch eines Philologen [Text] / V. Klemperer. – Berlin (Ausgabe beim Reclam Verlag Leipzig), 1947. – 361 S.
343. Koch W.A. Einige Probleme der Textanalyse [Text] / W.A. Koch // Lingua, 1966. – Nr. 16. – S. 383–385.
344. Koller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens [Text] / W. Koller. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.

345. Krämer W. Modern Talking auf Deutsch. Ein populäres Lexikon [Text] / W. Krämer. – Aktualisierte Taschenbuchausgabe. – München, Zürich: Piper Verlag, 2001. – 276 S.
346. Langner H. Entwicklungstendenzen in der deutschen Sprache der Gegenwart- Überblick über wichtige Erscheinungen und Probleme [Text] / H. Langner // Wiss. Zs. der PH Potsdam 24, 1980. – H. 5. – S. 673–693.
347. Lapp E. „Jugendsprache“: Sprechart und Sprachgeschichte seit 1945. Ein Literaturbericht [Text] / E. Lapp // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht, 1989. – Nr. 63. – S. 53–75.
348. Lehnert H. Falsch- und Scheinentlehnungen aus dem Englischen [Text] / H. Lehnert. – Berlin: Logos Verlag, 1998. – 126 S.
349. Lengauer H. Kontinuität und Diskontinuität [Text] / H. Lengauer // Barkhoff J., Carr G., Paulin R. (Hrsg.) Das schwierige neunzehnte Jahrhundert. Germanistische Tagung zum 65. Geburtstag von Eda Sagarra. – Tübingen: Niemeyer, 2000. – S. 65–76.
350. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch: In 3 Bänden [Text] / Th. Lewandowski. – Bd. 1. – 5. Aufl. – Heidelberg, Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1990. – 595 S.
351. Linke U. Die Sprache als Körper: Linguistischer Nationalismus und deutsche Sprachpolitik [Text] / U. Linke // Hauschild Th., Warneken B.J. (Hrsg.) Expecting Germany. – Konstanz: Universitätsverlag, 2002. – S. 290–317.
352. Lotscher A. Satzakzent und Funktionale Satzperspektive im Deutschen [Text] / A. Lotscher. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983. – 285 S.
353. Lühr R. Wortfeldbedingte Grade von Interkulturalität in den Sprachen Europas [Text] / R. Lühr // C. Földes (Hrsg.) Interkulturelle Linguistik im Aufbruch. – Tübingen: Niemeyer, 2011. – 157–174 S.
354. Marfurt B. Textsorten und Interaktionsmuster [Text] / B. Marfurt // Wirkendes Wort, 1978. – Nr. 1. – S. 19–36.
355. Mattheier K.J. Allgemeine Aspekte einer Theorie des Sprachwandels [Text] / K.J. Mattheier // Sprachgeschichte. Hrsg. v. W. Besch u. O. Reichmann. – 1. Hb. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1984. – S. 720–730.
356. Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes [Text] / P. Menzerath. – Bonn, Hannover, Stuttgart: Ferdinand Dummlers Verlag, 1954. – 131 S.

357. Meyer G.W. Die Amerikanisierung Europas. Kritische Beobachtungen und Betrachtungen [Text] / G.W. Meyer. – Bodenbach/Elbe: Technischer Verlag, 1920. – 382 S.
358. Michel G. Zur Kooperation von Linguistik und Literaturwissenschaft (Ansätze, Probleme und Möglichkeiten) [Text] / G. Michel // Лингвистические исследования художественного текста. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1983. – 3–21 S.
359. Mohr R. Stahlins Genialität [Text] / R. Mohr // Spiegel, 1996. – Nr. 10. – S. 232–237.
360. Molitor E. Message électronique oder E-Mail? [Text] / E. Molitor. – Göttingen: Universitätsverlag, 2004. – S. 643.
361. Motsch W. Zum Verhältnis zwischen Grammatik und Kommunikation [Text] / W. Motsch // Linguistische Studien. Reihe A: Arbeitsberichte, 1980. – Heft 72/2. – S. 184–191.
362. Müller G. Zeitungsdeutsch = schlechtes Deutsch? (Bemerkungen zur Sprache der Presse) [Text] / G. Müller // Muttersprache, 1991. – Bd. 101. – S. 83–93.
363. Müller R. Hoch- und Kultursprache: Konstituierung eines Systems begrifflicher Merkmale und seine sprachliche Konkretion am Beispiel des neuhochdeutschen [Text] / R. Müller // Ezawa K., Kürschner W., Rensch K.H., Ringmacher M. (Hrsg.) Linguistik jenseits des Strukturalismus. Akten des II. Ost-West-Kolloquiums in Berlin 1998. – Tübingen, 2002. – S. 425–435.
364. Müller S. Deutsche Syntax deklarativ: Head-Driven Phrase Structure Grammar für das Deutsche [Text] / S. Müller. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. – 486 S.
365. Münch W. Grundzüge einer europäischen Bildungs- und Sprachpolitik [Text] / W. Münch // Materialien Deutsch als Fremdsprache, 1990. – Nr. 29. – S. 23–34.
366. Munske H.H. Deutsch im Kontakt mit germanischen Sprachen [Text] / H.H. Munske. – Tübingen: Niemeyer, 2004. – 222 S.
367. Munske H.H. Englisches im Deutschen. Analysen zum Anglizismenwörterbuch [Text] / H.H. Munske // Deutsch im Kontakt mit germanischen Sprachen. – Tübingen: Niemeyer 2004, S. 155–174.
368. Munske H.H. Fremdwörter in deutscher Sprachgeschichte: Integration oder Stigmatisierung [Text] / H.H. Munske // Stickel G. (Hrsg.) Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wan-

- del. IDS-Jahrbuch, 2000. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2001. – S. 7–29.
369. Munske H.H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem [Text] / H.H. Munske // H.H. Munske u.a. (Hrsg.) Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Festschrift L.E. Schmitt. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1988. – S. 46–74.
370. Munske H.H. Umgangssprache als Sprachenkontakterscheinung // Umgangssprache als Sprachenkontakterscheinung // Besch W., Knoop W., Putschke U., Wiegand W. (Hrsg.) Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. – Bd. II. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1983. – S. 1002–1018.
371. Munske H.H. Wortschatzwandel im Deutschen [Text] / H.H. Munske // Cruse D.A. u.a. (Hrsg.) Lexikologie/Lexicology. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. – Bd. 2. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2005. – S. 1385–1398.
372. Noss R.B. Politics and Language Policy in Southeast Asia [Text] / R.B. Noss // Language Sciences, 1971. – No. 16. – P. 25–32.
373. Nübling D., Dammel A., Duke J., Szczepaniak R. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels [Text] / D. Nübling, A. Dammel, J. Duke, R. Szczepaniak. – 3. überarb. Aufl. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2010. – 299 S.
374. Oksaar E. Das Deutsche im Sprachkontakt [Text] / E. Oksaar // Besch W., Reichmann O., Sonderegger S. (Hrsg.). Sprachgeschichte. – Bd. 2. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1984. – S. 846–854.
375. Pasch R. „Kommunikative Dynamik“ zwei Arten der aktuellen Gliederung von Sätzen [Text] / R. Pasch // Linguistische Studien. Reihe A, 1982. – Bd. 99. – S. 164–169.
376. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte [Text] / H. Paul. – Halle (Saale): Niemeyer, 1937. – 428 S.
377. Paulston C. Swedish research and debate about bilingualism: A critical review of the Swedish research and debate about bilingualism and bilingual education in Sweden from an international perspective [Text] / C. Paulston. – Stockholm: National Board of Education, 1982. – P. 12–13.
378. Paulwitz Th., Micko S. Engleutsch? Nein, danke! Wie sag ich's auf Deutsch? Ein Volks-Wörterbuch [Text] / Th. Paulwitz, S. Micko. – 2. Auflage. – Erlangen und Wien, 2000. – 132 S.

379. Pfitzner J. Der Anglizismus im Deutschen. Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse [Text] / J. Pfitzner. – Stuttgart: Metzler, 1978. – 67 S.
380. Phillipson R. English-Only Europe? [Text] / R. Phillipson. – Challenging Language Policy. – London: Routledge, 2003. – 240 p.
381. Pisani V. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden [Text] / V. Pisani // Kratylos, 1966. – No. XI. – H. – S. 125–141.
382. Polenz P.v. Deutsche Satzsemantik. Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens [Text] / P. v. Polenz. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1985. – 389 S.
383. Polenz P.v. Deutsche Sprachgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart: 19. und 20. Jahrhundert: in 3 Bänden [Text] / P. v. Polenz. – 2. Aufl. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1991. – 757 S.
384. Polenz P.v. Geschichte der deutschen Sprache [Text] / P. v. Polenz. – 10., völlig neu bearb. Aufl. von N.R. Wolf. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2009. – 240 S.
385. Pool J., Fettes M. The challenge of interlingualisme: A research invitation [Text] / J. Pool, M. Fettes // Esperantic Studies, 1998. – No 10. – P. 1–3.
386. Probst A. Amideutsch: Ein kritisch-polemische Wort über die anglo-dt. Sprache [Text] / A. Probst. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1989. – 176 S.
387. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache [Text] / E. Riesel. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 468 S.
388. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik [Text] / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau: Verlag „Hochschule“, 1975. – 316 S.
389. Rot S. Language Contact [Text] / S. Rot. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1991. – 320 p.
390. Roth S.K. Politische Sprachberatung als Symbiose von Linguistik und Sprachkritik. Zu Theorie und Praxis einer kooperativ-kritischen Sprachwissenschaft [Text] / S.K. Roth. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – 304 S.
391. Sanders W. Gutes Deutsch – besseres Deutsch: praktische Stillehre der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Sanders. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. – 294 S.

392. Sandig B. Stilwandel und ganzheitliche Analyse [Text] / B. Sandig // Fix U- (Hrsg.) Stil und Stilwandel. Bernhard Sowinski zum 65. Geburtstag gewidmet. – Frankfurt: Peter Lang Verlag, 1996. – S. 359–394.
393. Sandig B. Bewerten in (Autowerbe-)Texten [Text] / B. Sandig // Zeitschrift für Germanistik, 1996. – Nr. 2 (16). – S. 272–292.
394. Sandig B. Formulieren und Textmuster. Am Beispiel von Wissenschaftstexten [Text] / B. Sandig // Jakobs E.-M., Knorr D. (Hrsg.) Schreiben in den Wissenschaften. – Bd. 1.: Textproduktion und Medium. – Frankfurt: Peter Lang Verlag, 1997. – S. 25–44.
395. Schäfer W. Von Handys und Erbox. Zur Diskussion um Anglizismen im heutigen Deutsch [Text] / W. Schäfer // Zeitschrift DaF, 2002. – Nr. 2. – S. 75–81.
396. Scherer K. Vom Fremdwort zum Lehnwort: Eine Untersuchung zur morphologischen Anpassung im Gegenwartsdeutschen [Text] / K. Scherer. – Mainz: Verlag der Johannes-Gutenberg-Universität Mainz, 2000. – 115 s.
397. Schiewe J. Die Macht der Sprache: eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zu Gegenwart [Text] / J. Schiewe. – München: Beck, 1998. – S. 328.
398. Schildt J. Abriss der Geschichte der deutschen Sprache: Zum Verhältnis zum Gesellschafts- und Sprachgeschichte [Text] / J. Schildt. – 2. durchges. Aufl. – Berlin: Akademie-Verlag, 1984. – 259 S.
399. Schildt J. Gedanken zum Problem Homonymie – Polysemie in synchronischer Sicht [Text] / J. Schildt // ZPSK. – Berlin, 1969. – S. 352–359.
400. Schildt J. Kurze Geschichte der deutschen Sprache [Text] / J. Schildt. – Berlin: Volk und Wissen, 1991. – 169 S.
401. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: ein Studienbuch [Text] / T. Schippan. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 306 S.
402. Schmidt F. Logik der Syntax [Text] / F. Schmidt. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1957. – 114 S.
403. Schmidt F. Symbolische Syntax [Text] / F. Schmidt. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1970. – 196 S.
404. Schmidt H. Globalisierung [Text] / H. Schmidt. – München: Goldmann, 2006. – 139 S.

405. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde [Text] / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen, 1964. – 356 S.
406. Schmidt W. Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung: Theoretisch-methodologische Grundlegung [Text] / W. Schmidt. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. – 276 S.
407. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre [Text] / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen, 1983. – 332 S.
408. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache: Ein Lehrbuch für germanistische Studien [Text] / W. Schmidt. – 9., verb. Aufl. – Stuttgart: Hirzel, 2004. – 410 S.
409. Schmitz H.-G. Amideutsch oder deutsch? – Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage [Text] / H.-G. Schmitz // Germanistisches Jahrbuch der GUS „Das Wort“, 2002. – S. 135–165.
410. Schmücker R. Identität und Existenz. Studien zur Ontologie der Kunst [Text] / R. Schmücker. – 2., durchges. u. korr. Aufl. – Paderborn: Mentis-Verlag, 2004. – 646 S.
411. Schneider W. Speak German! Warum Deutsch manchmal besser ist [Text] / W. Schneider. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2008. – 191 S.
412. Schreiber M. Deutsch for sale [Text] / M. Schreiber // Spiegel, 2006. – Nr. 40. – S. 182–198.
413. Schweikle G. Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick [Text] / G. Schweikle. – 5. Aufl. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler Verlag, 2002. – 283 S.
414. Seebold E. Etymologie. Eine Einführung am Beispiel der deutschen Sprache [Text] / E. Seebold. – München: C.H. Beck Verlag, 1994. – 340 S.
415. Semenjuk N.N. Soziokulturelle Voraussetzungen des Neuhochdeutschen bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts [Text] / N.N. Semenjuk // Besch W. u.a. (Hrsg.) Sprachgeschichte. – Bd. 1. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1984. – S. 1746–1765.
416. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod [Text] / B. Sick. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2006. – 240 S.
417. Sinder L.R., Stroewa T.V. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte [Text] / L.R. Sinder, T.V. Stroewa. – Leningrad: Verlag „Proswetschtschenije“, 1977. – 302 S.

418. Skattum I. L'éducation bilingue dans un contexte d'oralité et d'exoglossie: théories et réalités du terrain au Mali [Text] / I. Skattum // Nordic Journal of African Studies, 1997. – Vol. 6. – No. 2. – P. 68–97.
419. Skattum I., Holter K. (Édit.) La francophonie aujourd'hui. Réflexions critiques [Text] / I. Skattum, K. Holter. – Paris: Institut de la francophonie, 2008. – 200 p.
420. Spillner B. Stilsemiotik [Text] / B. Spillner // Stickel G. (Hrsg.) Stilfragen. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1995. – S. 62–93.
421. Stanforth A.W. Deutsch-englischer Lehnwortaustausch // Wortgeographie und Gesellschaft [Text] / A.W. Stanforth // Mitzka W. (Hrsg.) Festschrift für Ludwig Erich Schmitt zum 60. Geburtstag am 10. Februar 1968. – Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1968. – S. 526–560.
422. Stead W.T. The Americanization of the world: or, The trend of the twentieth century [Text] / W.T. Stead. – NY, London: H. Markley, 1902. – 444 S.
423. Steffens D. Neologismen im Deutschen = Angloamerikanismen? [Text] / D. Steffens // Zeitschrift DaF 2002. – Nr. 4. – S. 116–119.
424. Stegner J. Ellipse als Mittel zum Ausdruck der Thema-Rhema-Struktur [Text] / J. Stegner // Meyer-Hermann R., Rieser H. (Hrsg.) Ellipsen und fragmentarische Ausdrücke. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 25–54.
425. Stein D. Rettet die deutsche Sprache. Beiträge, Interviews und Materialien zum Kampf gegen Rechtschreibreform und Anglizismen [1999–2004] [Text] / D. Stein. – Reihe Dokumentation. – Bd. 9. – Berlin: Edition JF, 2004. – 191 S.
426. Stenschke O. Internetfachsprache und Allgemeinwortschatz [Text] / O. Stenschke // P. Schlobinski (Hrsg.): Duden. Von *hdl* bis *cul8r*: Sprache und Kommunikation in den Neuen Medien. – Thema Deutsch: Band 7. – Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2006. – S. 52–70.
427. Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text] / M.D. Stepanova, I.I. Černyševa. – M.: Academia, 2003. – 253 S.
428. Stiven A.B. Englands Einfluss auf den deutschen Wortschatz [Text] / A.B. Stiven. – Marburg: Zeulenroda, 1936. – 151 S.

429. Strecker B. Strategien des kommunikativen Handelns: Zur Grundlegung einer Grammatik der Kommunikation [Text] / B. Strecker. – Düsseldorf: Schwann, 1987. – 326 S.
430. Tesch G. Linguale Interferenz: Theoretische, terminologische und methodische Grundfragen zu ihrer Erforschung [Text] / G. Tesch. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1978. – 302 S.
431. Tschirch F. Wachstum oder Verfall der Sprache? [Text] / F. Tschirch // Muttersprache, 1965. – Nr. 75. – S. 161–169.
432. Tschirch F., Besch W. Geschichte der deutschen Sprache: Entwicklung und Wandlung der deutschen Sprachgestalt vom Hochmittelalter bis zur Gegenwart [Text] / F. Tschirch, W. Besch. – Bd. 2. – 3., erg. u. in teilen überarb. Aufl. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1989. – 304 S.
433. Tellenbach E. Neologismen der neunziger Jahre. Vom Textkorpus zur Datenbank [Text] / E. Tellenbach // I. Barz u. a. (Hrsg.): Das Wort in Text und Wörterbuch. – Leipzig, 2002. – S. 105–118.
434. Trabant J. Die Sprache [Text] / J. Trabant. – München: Beck, 2009. – 127 S.
435. Tsuda Y. Language Inequality and Distortion [Text] / Y. Tsuda. – Amsterdam: John Benjamins, 1986. – P. 8.
436. Ullmann S. Sprache und Stil. Aufsätze zur Semantik und Stilistik [Text] / S. Ullmann. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1972. – 304 S.
437. Vater H. Einführung in die Textlinguistik [Text] / H. Vater. – München: Fink, 1992. – 206 S.
438. Veil H. Anglizismen in unserer Sprache [Text] / H. Veil // Idioma, 1964. – Nr. 3. – S.111–113.
439. Viereck W. Das Deutsche im Sprachkontakt: Britisches Englisch und Amerikanisches Englisch-Deutsch [Text] / W. Viereck // Besch W., Reichmann O., Sonderegger S. (Hrsg.) Sprachgeschichte. – 1. Bd. – Berlin, NY: de Gruyter, 1984. – S. 938–948.
440. Viëtor W. Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen [Text] / W. Viëtor. – Leipzig: O.R. Reisland, 1884. – 392 S.
441. Voigt W. Zur Zukunft des deutschen und anderer Sprachen in Europa [Text] / W. Voigt // Terminologie et traduction, 1999. – Nr. 2. – P. 186–257.

442. Wangler H.-H. Grundriss einer Phonetik des Deutschen mit einer allgemeinen Einführung in die Phonetik [Text] / H.-H. Wangler. – Marburg: Elwert, 1960. – 156 S.
443. Wegener Ph. Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens [Text] / Ph. Wegener. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1885. – 208 S.
444. Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparés aux langues modernes [Text] / H. Weil. – Paris: F. Vieweg, 1879. – 101 S.
445. Weinreich U. On the Description of phonic Interference [Text] / U. Weinreich // Word, 1957. – Vol. 13. – P. 1–11.
446. Weinrich H. „Der richtige und der gute Sprachgebrauch“ [Text] / H. Weinrich // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung (Hrsg.) Schulen für einen guten Sprachgebrauch. – Bd. 3: Der öffentliche Sprachgebrauch. – Stuttgart, 1982. – S. 7–14.
447. Weinrich H. Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache [Text] / H. Weinrich // David C. (Hrsg.) Jahrbuch für international Germanistik, 1969. – Heft 1. – S. 61–74.
448. Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 1.: Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik [Text] / L. Weisgerber. – Düsseldorf: Schwann, 1962. – 431 S.
449. Weiskopf F.C. Verteidigung der deutschen Sprache. Versuche [Text] / F.C. Weiskopf. – Berlin: Aufbau Verlag, 1955. – 135 S.
450. Wexler F. Diglossia, language standardization and purism. Parameters for a typology of literary languages [Text] / F. Wexler // Lingua, 1971. – No. 4. – Vol. 27. – P. 26–39.
451. White D.V. English loan-words in contemporary German [Text] / D.V. White // Modern Languages. – Vol. XL. – Cambridge: Cambridge University Press, 1959. – P. 67–70.
452. Wiese I. Fachsprache der Medizin. Eine linguistische Analyse [Text] / I. Wiese. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1984. – 144 S.
453. Wilske L. Die funktional-kommunikative Beschreibung von Fremdsprachen [Text] / L. Wilske // Sprachkommunikation und Sprachsystem: Linguistische Grundlagen für die Fremdsprachenmethodik. – Leipzig: Enzyklopädie, 1983. – S. 45–65.

454. Wolff G. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch [Text] / G. Wolff. – 4., durchges. u. akt. Aufl. – Tübingen, Basel: Francke, 1999. – 312 S.
455. Zabel H. Denglisch – nein danke!: Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache [Text] / H. Zabel. – Paderborn: IFB-Verlag, 2001. – 296 S.
456. Zabel S. Anglizismen im Radio – eine mediallyinguistische Analyse [Text] / H. Zabel. – Norderstedt: Lehmann Verlag, 2009. – 78 S.
457. Zieglschmid A.J.F. Englisch-amerikanischer Einfluss auf den Wortschatz der deutschen Sprache der Nachkriegszeit [Text] / A.J.F. Zieglschmid // Journal of English and German Philology, 1935. – Vol. 34. – S. 24–33.
458. Zimmer D.E. Deutsch und anders: die Sprache im Modernisierungsfieber [Text] / D.E. Zimmer. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1998. – 156 S.
459. Zöfgen E. Polysemie oder Homonymie? Zur Relevanz und Problematik ihrer Unterscheidung in Lexikographie und Textlinguistik [Text] / E. Zöfgen // Lebendige Romania. – Göppingen, 1976. – S. 425–464.

Электронные публикации

460. Брейтер М.А. Киллер или убийца? (попытка системного подхода к описанию современной русской лексики) [Текст] / М.А. Брейтер // Вестник МГУ, 1998. – №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cie.ru/vestnik/archiva/1-2-0-r.html#r8> (дата обращения: 12.09.2011).
461. Кузнецов С.Н. Языковая политика и языковой планирование [Текст] / С.Н. Кузнецов // Языковая политика. – 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_195.shtml (дата обращения: 22.12.2010).
462. Морозова О.Н., Носкова С.Э. О некоторых тенденциях языковых изменений в германской лингвокультуре [Текст] / О.Н. Морозова, С.Э. Носкова // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2007. – № 1 (6) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tverlingua.by.ru> (дата обращения: 22.12.2010).

463. Мячинская Э.И. Гибридизация русского письма под влиянием английского языка [Текст] / Э.И. Мячинская. – СПб., 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/etyudy/gibridizatsiya-russkogo-pisma> (дата обращения: 14.12.2010).
464. Обама Б. Наука нужна как никогда раньше. Полный текст выступления президента США Барака Обамы 27 апреля 2009 года на ежегодном собрании американской Национальной академии наук [Текст] / Б. Обама // Троицкий вариант, 2009. – Вып. 10 (29N) – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seminarium.narod.ru/x/obama20090427.html> (дата обращения: 13.09.2011).
465. Шелленбергер Ю. Sprachliche Situation und sprachliche Politik im heutigen Deutschland [Текст] / Ю. Шелленбергер // Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET». – Вып 3. – Владимир, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v3/v3_ar05.htm (дата обращения: 22.12.2010).
466. Amerikanische Filme dominieren europäische Bildschirme // EurActiv.com, 2009. – 23 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euractiv.com/de/kultur/amerikanische-filme-dominieren-europaeische-bildschirme/article-180703> (дата обращения: 22.12.2010).
467. Dey H.-D. Ein Sprachschutzgesetz ist unumgänglich. Argumente für Sprachpflege [Text] / H.-D. Dey // VDS. – 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deutsche-sprachwelt.de/berichte/gesetz/dey03.shtml> (дата обращения 23.11.2010).
468. Gesellschaft für die deutsche Sprache. Die Einstellung der Deutschen zu Anglizismen und Fremdsprachen: Ergebnisse der Umfrage 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gfds.de/presse/pressemitteilungen/130608-einstellung-der-deutschen-zur-sprache/einstellung-der-deutschen-zu-anglizismen-und-fremdsprachen> (дата обращения 22.12.2010).
469. Gomes B. Sprachpolitische Situation auf den Kapverdischen Inseln – Afrikanität vs. Latinität [Text] / B. Gomes. – 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univie.ac.at/ecco/kreo-kapverde.htm> (дата обращения 12.02.2011).
470. Götzke M., Völkel L. Sprachen in Gefahr [Text] / M. Götzke, L. Völkel // Deutsche Welle, 2010. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5282703,00.html> (дата обращения 22.12.2010).

471. Haspelmath M. Wörter mit Migrationshintergrund [Text] / M. Haspelmath // Tätigkeitsbericht am Max-Planck-Institut für evolutionäre Anthropologie. – 2008 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.eva.mpg.de/german/press/MPG_JB/jb2009.pdf (дата обращения 22.12.2010).
472. Kampf gegen Anglizismen: Ramsauer feiert sich als Sprachpfleger // SPIEGEL-online, 2010. – [Электронный ресурс]. URL: www.spiegel.de/politik/deutsch-land/0,1518,736912,00.html (дата обращения 22.12.2010).
473. Lenk H. Typen von Entlehnungen [Text] / H. Lenk. – 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/~lenk/entlehnungstypen.html> (дата обращения 16.04.2011).
474. Näser W. Sex, Crime and Action: Amerikanismen und Anglizismen im Deutschen. Eine Brainstorming-Liste [Text] / W. Näser. – 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.staff.uni-marburg.de/~naeser/ws2k2lk-am.htm> (дата обращения 22.12.2010).
475. Näser W. Ergänzende Thesen zu den Anglo-Amerikanismen und zum gegenwärtigen Sprachwandel [Text] / W. Näser. – 2002–2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.staff.uni-marburg.de/~naeser/thesen-sprw.htm> (дата обращения 09.02.2010).
476. Niehr Th. Linguistische Anmerkungen zu einer populären Anglizismenkritik [Text] / Th. Niehr. – 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/germ1/mitarbeiter/niehr/anglizismen.html (дата обращения 20.10.2010).
477. Osterwinter R. Droht die Anglisierung? [Text] / R. Osterwinter // Sprachspiegel, 1998. – Nr. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.duden.de/in-dex2.html?deutsche_sprache/zum-thema/anglisierung.html (дата обращения 23.02.2011).
478. Ruppert M. Vier Millionen Deutsche sind Analphabeten // Tagesschau, 2009. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tagesschau.de/inland/weltalphabetisierungstag100.html> (дата обращения 22.12.2010).
479. Schmitz H.-G. Über die Sprachloyalität der Deutschen [Text] / H.-G. Schmitz // VDS. – 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://vds-ev.de/anglizismenindex/texte/sprachloyalitaet.php> (дата обращения 12.03.2011).

480. Schrammen G., Dieter H.H. Argumente zur deutschen Sprache. Urteile, Vorurteile und unsere Er widerungen [Text] / G. Schrammen, H.H. Dieter // VDS. – 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.VDS-ev.de/denglisch/in-dex.php> (дата обращения 16.11.2011).
481. Schrodt R. Wörter aus der Fremde [Text] / R. Schrodt. – Wien, 2000 [Электронный ресурс]. URL: www.unet.univie.ac.at/~a9902976/index.html (дата обращения 17.04.2009).
482. Stickel G. Memorandum: Politik für die deutsche Sprache [Text] / G. Stickel // IDS. – 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ids-mannheim.de/aktu-ell/sprachpolitik/me010403.html> (дата обращения 12.06.2011).
483. Stoll K.-H. Megasprache Englisch – Nischensprache Deutsch? [Text] / K.-H. Stoll // Tekom-Jahrestagung in Wiesbaden, 2000. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fask.uni-mainz.de/fbpubl/fax/stoll/stoll-0012.html> (дата обращения 25.02.2011).
484. Utz M. Brötchentaste [Text] / M. Utz // Deutsche Welle: Sprachbar, 2008 – [Электронный ресурс]. URL: http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,3842321,00.html (дата обращения 19.01.2011).
485. VDS. Sprachpanscher des Jahres: 1997–2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://VDS-ev.de/denglisch/sprachpanscher/index.php> (дата обращения 22.12.2010).
486. Zimmer E.D. Warum Deutsch als Wissenschaftssprache ausstirbt [Text] / E.D. Zimmer // Die Zeit: Wissen. – 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/1996/30/deutsch.txt.19960719.xml> (дата обращения 19.11.2011).

Лексикографическая и справочная литература

487. Готлиб К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / К.Г.М. Готлиб. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 148 с.
488. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е репр. изд. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 788 с.
489. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова,

- В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Просвещение, 1996. – 147 с.
490. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2003. – 320 с.
491. Словарь иностранных слов / Под ред. Т. М. Капельзона. – М.: Советская энциклопедия, 1933. – 1502 с.
492. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. [Текст] / А.Н. Тихонов. – М.: Культура и традиции, 1985. – Т. 1. – 145 с.
493. Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft [Text] / H. Bussmann. – 3. erw. Aufl. – Stuttgart: Kröner Verlag, 2007. – 783 S.
494. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 4., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim, Zürich, Wien: Dudenverlag, 2006. – 1328 S.
495. Duden. Fremdwörterbuch. – Mannheim, Zürich, Wien: Dudenverlag: Dudenverlag, 1997. – S. 17.
496. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch: in 3 Bd [Text] / Th. Lewandowski. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1990. – 438 S.
497. Normann R.v. Lexikon des treffenden Fachworts für die Wirtschaft [Text] / R.v. Normann. – Köln: Ullstein, 1989. – 472 S.
498. Paul H. Deutsches Wörterbuch [Text] / H. Paul. – 5. Aufl. – Bearb. v. A. Schirmer. – Bd. I–II. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1956. – 782 S.
499. Schülerduden. Wortgeschichte. Herkunft und Entwicklung des deutschen Wortschatzes / Bearb. von Folz J. – Mannheim, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut, 1987. – 334 S.
500. Wahrig Fremdwörterlexikon. – Mannheim, Leipzig, Wien und Zürich: Bertelsmann Lexikon Institut, 2010. – 1056 S.

Электронные и онлайн-словари

501. Besse M., Haubrachs W., Puhl R. Wörterbuch der deutschen Winzersprache. Ein europäisches Wörterbuch zur Sprache und Kultur des Weines [Text] / M. Besse, W. Haubrachs, R. Puhl. – 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.winzer-sprache.de> (дата обращения: 22.12.2010).

502. Brockhaus in Text und Bild. – Elektronische Ausgabe für Office-Bibliothek. – Mannheim: Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus, 2003.
503. Duden. Elektronisches Universalwörterbuch. – Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001.
504. Duden. Langenscheidt. Fachwörterbuch Medizin Deutsch-Englisch, Englisch-Deutsch. – Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001. – Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.
505. Duden. Langenscheidt. Benutzerwörterbuch Weinsprache. – Dudenverlag, Bibliographisches Institut, F.A. Brockhaus AG, Langenscheidt KG, 2001. – Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.
506. Großpietsch J. Winzer-Lexikon [Text] / J. Großpietsch, 2003 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weinziele.com/lexica.php?weinlexikon> (дата обращения 23.02.2011).
507. Großpietsch J. Weinsprache [Text] / J. Großpietsch, 2003 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weinziele.com/lexica.php?weinsprache> (дата обращения 23.02.2011).
508. News und Online Lexikon zu Computer, Internet und eCommerce, 2004–2012 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.at-mix.de/> (дата обращения 25.02.2011).
509. Roche Lexikon Medizin. – 5. Aufl. – Urban & Fischer, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tk.de/rochelexikon/> (дата обращения 25.02.2011).
510. Spoleanski P. Lexikon der Medizin [Text] / P. Spoleanski. – LSM Verlag, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lsmverlag.de/wort/wrtbook_a.htm (дата обращения 25.02.2011).
511. Schöpke H. Chat-Slang: Lexikon der Internet Begriffe aus Chat, e-Mail, Forum und Newsgroups [Text] / H. Schöpke, 2009 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chatslang.de/> (дата обращения 25.02.2011).
512. Strauss A. Cyberslang.de: Die Sprache der Internet-Generation [Text] / A. Strauss. – proforma: die medienagentur, 1999–2011 – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyberslang.de/?id=startseite> (дата обращения 25.02.2011).

513. VDS. Der Anglizismen-Index. – Paderborn, Bern, Wien, 2010. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vds-ev.de/aindex-thema> (дата обращения 29.12.2010).
514. Wahrig.digital. Version 4.0. – Brockhaus Duden Neue Medien GmbH, 2007. – Entwickelt von der Hypermediagruppe am Johanneum Research und der TU-Graz.

Источники примеров

Специальная литература

1. Böge A. Technische Mechanik: Statik – Dynamik – Fluidmechanik – Festigkeitslehre [Text] / A. Böge. – 28. verarb. Aufl. – Wiesbaden & Vieweg+Teubner Verlag, 2009. – 426 S.
2. Böhme G. Einstieg in die Mathematische Logik [Text] / G. Böhme. – München, Wien: Hanser, 1981. – 208 S.
3. Bremer H. Allgemeine Geomorphologie: Methodik – Grundvorstellungen – Ausblick auf den Landschaftshaushalt [Text] / H. Bremer. – Berlin, Stuttgart: Gebrüder Borntraeger, 1989. – 450 S.
4. Bühler F.X. Vom Kopf ins Herz [Text] / F.X. Bühler. – 14. Aufl. – Rott am lech: Menani, 2002. – 168 S.
5. Hellwig P. Computerlinguistik: Was geht und was kommt, entscheidet die Lehre [Text] / P. Hellwig // Willée G., Schröder B., Schmitz H.-Ch. (Eds.) Computerlinguistik: Was geht, was kommt? Computational Linguistics: Achievements and Perspectives. – Bd. 4: Sprachwissenschaft, Computerlinguistik, Neue Medien. – Sankt Augustin: Gardez! Verlag, 2002. – С. 138–142.
6. Hörmannsdorfer E., Doran U. Nanotechnologie! [Text] / E. Hörmannsdorfer, U. Doran. – München: FinanzBuch Verlag, 2006. – 266 S.
7. Kesel A.B. Bionik [Text] / A.B. Kesel. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2005. – 128 S.
8. Knoll A., Christaller Th. Robotik [Text] / A. Knoll, Th. Christaller. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2003. – 129 S.
9. Oehme F. Chemische Sensoren: Funktion, Bauformen, Anwendungen [Text] / F. Oehme. – Braunschweig: Vieweg, 1991. – 152 S.
10. Reischer J. Die Sprache: Ein Phänomen und seine Erforschung [Text] / J. Reischer. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002. – 306 S.

11. Rohlit W. Radioaktivität [Text] / W. Rohlit // Meyers Forum: In 8 Bänden. – Band I. – Taschenbuchverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1992. – 128 S.
12. Seiwert L.J. Selbstmanagement: Erfolgreiche Arbeitstechniken für Führungskräfte [Text] / L.J. Seiwert. – 4. Aufl. – Speyer: GABAL, 1988. – 50 S.
13. Sinell H.–J. Einführung in die Lebensmittelhygiene [Text] / H.–J. Sinell. – 3., überarb. Aufl. – Berlin, Hamburg: Verlag Paul Parey, 1992. – 230 S.
14. Strobach K. Unser Planet Erde: Ursprung und Dynamik [Text] / K. Strobach. – Berlin, Stuttgart: Gebrüder Borntraeger, 1991. – 253 S.
15. Volk R. Allergien [Text] / R. Volk. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1993. – 103 S.

Художественная литература

16. Dische I. Großmama packt aus [Text] / I. Dische. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 2006. – 365 S.
17. Erler R. Fleisch [Text] / R. Erler. – Berlin: Shayol, 2006. – 249 S.
18. Hammerschnitt M. der Zensor [Text] / M. Hammerschnitt. – Hamburg: Argument Verlag, 2001. – 221 S.
19. Harms I. Hard drive. Drei Videos [Text] / I. Harms. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1992. – 103 S.
20. Herrmann E. Das Kindermädchen [Text] / E. Herrmann. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2007. – 447 S.
21. Kamp Ch. von. Paradision [Text] / Ch. von. Kamp. – Düsseldorf, 2004. – 111 S. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://www.christian-von-kamp.de/Paradision2.pdf> (дата обращения: 17.02.2011).
22. Krohn R. Das dunkle Bild der Liebe [Text] / R. Krohn. – Halle: Projekte Verlag, 2005. – 218 S.
23. Petschull J. Der Herbst der Amateure [Text] / J. Petschull. – München, Zürich: Riper, 1991. – 412 S.
24. Rehmann R. Abschied von der Meisterklasse [Text] / R. Rehmann. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1985. – 216 S.
25. Schreiber U.C. Die Flucht der Ameisen: eine geokalyptische Vision [Text] / U.C. Schreiber. – Berlin: Shayol, 2006. – 351 S.

Ссылки

- 26.70 000 Tons of Metal – eine fucking Heavy Metal Kreuzfahrt // 15.02.2010. URL: http://www.lalasreisen.de/karibik/html/heavy_metal_kreuzfahrt.html.
- 27.Aknewelt.de. Pickelbekämpfung mit Valette // 25.10.2005. URL: <http://www.akne-welt.de/forum/aknepille-antiandrogene/127-pickelbe-kaempfung-mit-valette.html>.
- 28.BZ. News aus Berlin. Vermisste Mary-Jane: Leiche von 7-Jähriger im Wald gefunden // 25.06.2011. URL: <http://www.bz-berlin.de/aktuell/deutschland/leiche-von-7-jaehriger-im-wald-gefunden - article1211929.html>.
- 29.Der Westen. Menschliche Wesen, die Filme machen // 28.02.2010. URL: <http://www.der-westen.de/incoming/menschliche-wesen-die-filme-machen-id1486362.html>.
- 30.Die Möbelfreunde. Teller sind Liebe // 12.02.2010. URL: <http://blog.diemoebelfreunde.de/2010/08/20/teller-sind-liebe/>.
- 31.DW. Auch Männer wollen schön sein / Video-Thema // 26.03.2009. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,4129795,00.html>.
- 32.DW. Cybermobbing – der Internetterror an Schulen / Video-Thema // 06.04.2010. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,14970397,00.html>.
- 33.DW. Darwins Revolution / Top-Thema // 06.02.2009. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,4006723,00.html>.
- 34.DW. Fitness für Musliminnen / Video-Thema // 10.02.2010. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,5236324,00.html>.
- 35.DW. Friedrich der Große / Top-Thema // 27.01.2010. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,15690634,00.html>.
- 36.DW. Karneval für alle / 17.02.2007. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,15745128,00.html>.
- 37.DW. Kein Platz für Atommüll // 12.09.2008. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,3640121,00.html>.
- 38.DW. Planking – hinlegen, um aufzufallen / Video-Thema // 15.02.2010. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,15744457,00.html>.
- 39.DW. Was katholische Laien vom Papst erwarten / Top-Thema // 21.09.2009. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15708169,00.html>.

- 40.FAZ. Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher / 31.08.2010. URL: <http://www.faz.net/themenarchiv/2.1183/flachbild-auf-der-ifa-abschied-vom-roehrenfernseher-11022245.html>.
- 41.FAZ. IBM: Das Superhirn aus der Maschine / 11.04.2008. URL: <http://www.faz.net/aktuell/technik-motor/computer-internet/ibm-das-superhirn-aus-der-maschine-1540064.html>.
- 42.Focus. Amoklauf: „Killerspiele“-Debatte flammt wieder auf / 12.02.2009. URL: http://www.focus.de/digital/games/amoklauf-killerspiele-debatte-flammt-wieder-auf_aid_379561.html.
- 43.Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur / 24.12.2009. URL: http://www.focus.de/digital/foto/creative-vado-hd-auf-knopfdruck-zum-daily-soap-regisseur_aid_372130.html.
- 44.Forum Windows FAQ. Es gab einen Hund... / 8.11.2010. URL: <http://forum.windowsfaq.ru/archivede/index.php/t-144350.html>.
- 45.Frankfurter Rundschau. Lukas Papademos: „Griechenland steht am Ground Zero“ / 11.02.2010. URL: <http://www.fr-online.de/schuldenkrise/regierungschef-papademos--griechenland-steht-am-ground-zero-,1471908,11617034.html>.
- 46.Hamburger Abendblatt. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“ / 20.05.2010. URL: <http://www.abendblatt.de/sport/article1503109/Wir-haben-einen-Traum-traeumt-ihn-mit-uns-mit.html>.
- 47.Hamburger Abendblatt. Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel / 09.10.2010. URL: <http://www.abendblatt.de/sport/article2053550/Sebastian-Vettel-verteidigt-seinen-WM-Titel.html>.
- 48.Hauser Exkursionen. Usbekistan-Trekking mit Kamelsafari und Bergwandern / 10.02.2010. URL: http://www.hauser-exkursionen.de/asien/uzk04maerchenstaedte_und_kamelsafari.php.
- 49.Humor.li. Witze der Kategorie Kneipenwitze. Seite 2: Ein Stegreifgedicht. URL: <http://www.humor.li/witze/kneipenwitze/seite-2>.
- 50.Innovations-report. Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups / 22.06.2002. URL: <http://athene.innovations-report.de/html/berichte/studien/bericht-66702.html>.
- 51.KommDesign.de. Wir ohne Sie: Warum PR-Phrasen schlecht sind / 09.07.2009. URL: <http://www.kommdesign.de/texte/phrasen.htm>.

- 52.Life.de. „Deutschland, hab’ Mut!“ / 29.12.2010. URL: http://www.life.de/news/international/deutschland/181048-deutschland_hab_mut.html.
- 53.Men’s Health. Macht Ihre Diät Sie krank? / 22.12.2007. URL: <http://www.menshealth.de/food/diaet-abnehmen/macht-ihre-diaet-sie-krank.92123.htm>.
- 54.PTA (pharmazeutisch-technischer Assistent) in der Apotheke. Gesprächstipps bei Kunden, die alles besser wissen / 2.11.2010. URL <http://www.pta-aktuell.de/praxis/news/6859-Gespraechtipps-bei-Kunden-die-alles-besser-wissen/>.
- 55.Spiegel. Bissl was Fesches / 11.09.1967. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46462481.html>.
- 56.Spiegel. Golf: Die USA triumphieren im Ryder Cup / 22.09.2008. URL: <http://www.spiegel.de/sport/sonst/0,1518,579549,00.html>.
- 57.Spiegel. Himalaya vor der Haustür / 17.02.1954. URL: <http://www.spiegel.de/spie-gel/print/d-28955180.html>.
- 58.Spiegel. Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten / 19.11.2008. URL: <http://www.spiegel.de/netzwelt/tech/0,1518,591336,00.html>.
- 59.Spiegel. Jeder vierte Bundespolizist leidet an Burnout / 01.04.2010. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/vorab/0,1518,686857,00.html>.
- 60.Spiegel. Netzwelt-Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich / 11.11.2008. URL: <http://www.spiegel.de/netzwelt/web/0,1518,589701,00.html>.
- 61.Spiegel. Schumacher toppt Rosenberg / 04.02.2010. URL: <http://www.spiegel.de/sport/formel1/0,1518,675922,00.html>.
- 62.Spiegel. Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab / 05.11.2008. URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/0,1518,588769,00.html>.
- 63.Spiegel. Wut über Koran-Verbrennung: Bundeswehr gibt afghanischen Außenposten vorzeitig auf / 24.02.2010. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,817260,00.html>.
- 64.Süddeutsche.de. Ärger am Hals // 20.01.2010. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/kleiderordnung-im-bundestag-die-schlips-verweigerer-1.1048949>.
- 65.Uni-protokoll.de. Banklehre glücklicher Beruf? // 13.01.2008. URL: <http://www.uni-protokolle.de/foren/viewt/171052,0.html>.

- 66.Uni-protokolle.de. Kokerei // 12.02.2010. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15708169,00.html>.
- 67.Verschwende deine Jugend: Filmrezension // 17.12.2003. URL: <http://www.amazon.de/Verschwende-deine-Jugend-Tom-Schilling/dp/product-description/B0001ARE3K>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BZ – Berliner Zeitung.

DW – Deutsche Welle.

FAZ – Frankfurter Allgemeine Zeitung.

М – медийный (как параметр публицистического текста, тж. далее).

И – информационный.

А – аналитический.

ХП – художественно-публицистический.

МЛ – монологический.

ДЛ – диалогический.

ПЛ – полилогический.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Тексты функционального стиля публицистики и прессы (15)

Текст 1

(Компьютер)

Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten

(Matthias Kremp)

Sie werden immer schneller schneller: die Computer, mit denen Wissenschaftler Genome entschlüsseln, das Wetter vorhersagen oder Molekülstrukturen entflechten. Spielegrafikkarten und Konsolen-Chips sollen solche Superrechner künftig für jedermann erschwinglich machen.

An der Spitze der Schnellsten steht seit Monaten derselbe: Roadrunner. Ein 120 Millionen Dollar teures und 250 Tonnen schweres Rechner-Monstrum hat den ersten Platz in der Top-500-Liste der leistungsstärksten Supercomputer fest für sich gebucht. Exakt 1,105 Petaflop/s schnell ist der von IBM zusammengestellte Zahlenfresser, kann also mehr als eine Billiarde Rechenoperationen pro Sekunde ausführen, eine Zahl mit 15 Nullen. Nicht ganz so fix, aber doch rund 250-mal schneller als ein Standard-PC soll die nächste Generation von Schreibtisch-Supercomputern werden – mit Hilfe umfunktionierter Grafikkarten.

Diesen Trick hat sich der Grafikkartenhersteller nVidia ausgedacht und am Dienstag auf der International Supercomputing Conference in Austin, Texas, vorgestellt. Weil Gamer nach immer detaillierteren Spielwelten gieren, Spielefirmen immer realistischere virtuelle Welten programmieren, entwickeln Firmen wie nVidia und ATI seit Jahren immer schnellere Grafikkarten. Deren Rechenleistung lässt mittlerweile so manchen PC-Prozessor lahm aussehen. In diesem Jahr kam für die Grafikchips erstmals die Teraflop/s-Grenze, also eine Billion Rechenoperationen pro Sekunde, in Sichtweite.

Außer bei 3D-Spielen aber liegt diese gewaltige Rechenkraft in der Regel brach. Für die Hersteller also gilt es, neue Absatzmärkte zu schaffen: Wissenschaft statt „World of Warcraft“.

Playstation-Chips für den Spitzenreiter

Neu ist die Idee nicht. Immerhin sorgen im Roadrunner spezielle Cell-Prozessoren für Mathe-Power. Es sind modifizierte Versionen jener Chips, die in der Playstation 3 für Action und bunte Bilder sorgen. Von den 1.015 Teraflop/s, die Roadrunner schafft, geht der Löwenanteil, nämlich 971 Teraflop/s, auf die Konsolenchips zurück. Die gut 6000 Opteron-Serverprozessoren in Roadrunners Bauch tragen lediglich 44 Teraflop/s bei.

An den typischen Problemen von Supercomputern haben aber auch die Cell-Chips nichts geändert: Die Rechner sind groß, teuer, schwer zu programmieren, uns stehen nur für wenige Projekte zur Verfügung. Die Grafikkarten von nVidia sollen nun dafür sorgen, Supercomputern den Weg direkt in die Büros von Wissenschaftlern und Entwicklern zu ebnen.

Nur noch 10.000 Dollar

Versucht haben das auch schon andere. Erst im September dieses Jahres wagte sich sogar der Großrechnerspezialist Cray auf dieses für ihn ungewohnte Terrain, stellte den Büro-Supercomputer Cray CX vor. Der bietet mit 786 Gigaflop/s ein schon recht stattliches Leistungsvermögen - kostet je nach Ausstattung allerdings auch 25.000 bis 80.000 Dollar.

Schreibtisch-Superrechner, die ihre Kraft aus Grafikkarten schöpfen, sollen dagegen schon für unter 10.000 Dollar angeboten werden, trotzdem viel mehr Leistung bieten als der Cray-PC. Bis zu vier Teraflop/s stellt nVidia in Aussicht und scheint damit nicht zu viel zu versprechen. Mehrere Anbieter, darunter auch Dell, haben seit Montag entsprechende Computer im Angebot oder zumindest angekündigt. Das US-Unternehmen Tycriid etwa bietet für 8500 Dollar eine Maschine an, die 3,7 Teraflop/s leisten soll.

Reichlich RAM

Der darin eingebaute AMD Phenom X4-Prozessor dient in erster Linie zur Verwaltung des Systems. Die Hauptarbeit aber übernehmen vier der von nVidia als „Tesla“ bezeichneten Spezialgrafikkarten. Somit werkeln neben dem AMD-Chip noch weitere 960 Prozessorkerne in dem Hochleistungs-PC. Vor allem aber ist der Rechner satt mit Arbeitsspeicher ausgerüstet. Denn – und das ist der neben der fehlenden Monitorschnittstelle der wichtigste Unterschied zu Standardgrafikkarten – auf jeder der vier Tesla-Karten stecken vier Gigabyte schneller Speicher. Kombiniert mit den acht Gigabyte, die dem Phenom-Prozessor zur Verfügung stehen, ist der kleine Superrechner also mit 24 Gigabyte RAM bestückt.

Sind Grafikkartencomputer also die Zukunft der Hochleistungsrechner? Immerhin konnte nVidia stolz verkünden, dass seine Tesla-Karten nicht nur im Kleinen funktionieren. Das Tokyo Institute of Technology hat gerade einen Großcomputer mit 170 Grafikkarten in Betrieb genommen und ist damit auf Anhieb unter die Top 30 der schnellsten Computer der Welt gekommen.

Supercomputer brauchen fette Netzteile

Dell-Chef Michael Dell allerdings hatte ein paar Zahlen in petto, die zeigen, dass es nur mit einer Erhöhung der Rechenleistung vielleicht nicht getan ist. Vor versammeltem Publikum rechnete er vor, wie viel Aufwand man noch treiben müsse, um per Computer die Leistung des menschlichen Gehirns nach-

zubilden. Dessen Rechenleistung entspreche in etwa 20 Petaflop/s, reichlich mehr also, als die derzeit schnellsten Computer schaffen. Den Preis für einen derart schnellen Rechner taxiert Dell auf 3,6 Milliarden Dollar. Diese Probleme aber sieht er als durchaus lösbar an. Die wahre Herausforderung lauere beim Energieverbrauch. Das menschliche Gehirn nämlich kommt mit etwa 20 Watt aus, einem Wert, der heute kaum ausreicht, um ein sparsames Lowcost-Laptop anzutreiben.

Die von nVidia angekündigten Desktop-Supercomputer aber werden noch weit über solchen Werten liegen. Allein die Grafikkarten in diesen Rechnern benötigen eine Stromversorgung, die ihnen 750 Watt bereitstellt. Hinzu kommen der oder die herkömmlichen PC-Prozessoren, deren Arbeitsspeicher, Festplatten, Lüfter und weitere Laufwerke. Insgesamt dürfte sich der Strombedarf eines solchen Mini-Schnellrechners also bei über tausend Watt einpendeln. Dell hat also Recht: den Supercomputerkonstrukteuren steht noch ein langer Weg bevor.

(Spiegel, 19.11.2008)

Текст 2

(Компьютер)

Amoklauf: „Killerspiele“-Debatte flammt wieder auf

(Claudia Frickel)

Nach dem Amoklauf von Winnenden wird erneut der Ruf nach einem Verbot von „Killerspielen“ laut. Dabei gelten schon seit mehreren Jahren strenge Regelungen.

„Killerspiele“ stehen schon seit Jahren am Pranger. So werden meist gewaltverherrlichende Ego-Shooter bezeichnet, in denen der Spieler meist aus der Ich-Perspektive virtuelle Menschen erschießt. Als typische „Killerspiele“ gelten Games wie „Counter-Strike“ oder „Half-Life“ – und diese werden auch zum Anlass genommen, um eine weitere Verschärfung der Gesetze zu fordern.

Auch der Amokläufer von Winnenden, Tim K., soll in den vergangenen Monaten viel Zeit am Computer verbracht und sich mit Ego-Shootern beschäftigt haben. Die Polizei hat nach eigenen Angaben auf seinem PC unter anderem eine Version von „Counter-Strike“ gefunden. Auch die Amokläufer von Erfurt im April 2002 und Emsdetten im November 2006 spielten solche Games.

Als Folge von Erfurt wurde 2003 das Jugendschutzgesetz verschärft. Die wichtigsten Neuregelungen:

- Computerspiele müssen mit einer Altersfreigabekennzeichnung versehen werden. Sie dürfen nur an Kinder und Jugendliche verkauft werden, die

das entsprechende Alter haben. Die Klassifizierung soll vor nicht altersgerechten Spielen schützen und muss deutlich sichtbar auf der Verpackung zu sehen sein.

- Die Prüfung der Altersbeschränkung übernimmt die „Unterhaltungssoftware Selbstkontrolle (USK)“ – eine industrienaher Einrichtung.

Zuvor waren Kontrolle und Kennzeichnung freiwillig gewesen. Auf den Index gesetzt werden können Games von der Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Medien. In diesem Fall dürfen sie weder beworben noch öffentlich gezeigt werden. 2008 hat die Behörde nach eigener Auskunft 43 Spiele auf den Index gesetzt – auch 2007 waren es 43, im Jahr 2006 47 Computerspiele.

Im Juli 2008 wurde das Jugendschutzgesetz nochmals verschärft. Seitdem müssen die Altersfreigabe-Kennzeichnungen auf Games deutlich größer abgedruckt werden und mindestens zwölf Quadratzentimeter messen. Darüber hinaus gilt: Spiele, „die besonders realistische, grausame und reißerische Darstellungen selbstzweckbehafteter Gewalt beinhalten, die das Geschehen beherrschen“, werden auch ohne Eingreifen der Prüfstelle als „schwer jugendgefährdend“ eingestuft.

Sie dürfen dann weder verkauft noch beworben werden. Als jugendgefährdend gilt zudem, wenn in den Spielen Selbstjustiz als einziges Mittel zur Durchsetzung von Gerechtigkeit gezeigt wird.

Rufe nach schärferen Regeln

Diese Regelungen gehen Kritikern nicht weit genug. Der bayerische Innenminister Joachim Herrmann (CSU) forderte jetzt im Bayerischen Rundfunk erneut ein Verbot von „Killerspielen“. Es gebe Games auf dem Markt, die „völlig unerträglich“ seien und Hemmschwellen herabsetzten.

Auch der Präsident der Deutschen Stiftung für Verbrechensbekämpfung, Hans-Dieter Schwind, hat ein totales Verbot von Computergewaltspielen gefordert. Der „Neuen Osnabrücker Zeitung“ sagte der Professor für Kriminologie: „Dass der 17-Jährige auf der Flucht noch weiter um sich geschossen hat, ist ein Verhalten, das Jugendliche auch in Spielen wie „Counter-Strike“ oder „Crysis“ lernen können.“

Doch die Frage, ob gewalttätige Spiele verboten werden sollten, ist heftig umstritten. Es gibt sowohl wissenschaftliche Studien, die einen Zusammenhang zwischen aggressivem Verhalten von Jugendlichen und brutalen Spielen sehen, als auch andere, die diesen bestreiten. Experten kritisieren zudem, dass Verbote sinnlos seien. Die Landesarbeitsgemeinschaft Multimedia Brandenburg kritisierte in der Vergangenheit eine „pauschalisierte Verteufelung“. Gegner schärferer

Regelungen meinen zudem, dass Verbote ein untaugliches Mittel seien, „um dem Problem der Gewalt bei jungen Menschen zu begegnen“, so beispielsweise die Grünen.

Auch der Kriminologe Christian Pfeiffer äußerte sich eher zurückhaltend, obwohl er als Befürworter eines strengeren Vorgehens gegen „Killerspiele“ gilt. „Alle Amokläufer der vergangenen zehn Jahre, die jünger als 20 Jahre waren“, hätten diese gespielt. Allein reichten diese Games aber nicht aus, um einen Amokläufer zu erschaffen.

„Counter-Strike“ nicht auf dem Index

Dem widersprechen auch die Verkaufszahlen von Ego-Shootern wie „Counter-Strike“: Laut Entwickler Valve wurde die PC-Version inklusive Erweiterungen weltweit seit 1999 rund zehn Millionen Mal verkauft. Das Spiel steht in Deutschland nicht auf dem Index. 2002 stellte die Bundesprüfstelle eine „gewisse Jugendgefährdung fest“. Sie reiche jedoch nicht für eine Indizierung aus.

Große Teile der Serie haben keine Jugendfreigabe, dürfen also nicht an Spieler unter 18 Jahren verkauft werden – genau wie „Half-Life“, das ebenfalls von Valve entwickelt wird. Dieses Spiel wurde weltweit 6,5 Millionen Mal verkauft. Die brutalere US-Version allerdings ist in Deutschland verboten.

(Focus, 12.03.2009)

Текст 3

(Компьютер)

IBM: Das Superhirn aus der Maschine

(Stephan Finsterbusch)

Supercomputer sind zentrale Forschungsinstrumente geworden. Nun macht sich IBM daran, eine technische Schallmauer zu durchbrechen. Das eröffnet auch der Stammzellenforschung neue Horizonte.

IBM steht kurz vor dem Durchbrechen einer technischen Schallmauer. Der amerikanische Hochtechnologiekonzern wird in Kürze einen Computer vorstellen, der doppelt so leistungsfähig sein soll wie alles, was es in der Branche bisher gab. Das eröffnet der Wissenschaft für die Erforschung hochkomplexer Zusammenhänge wie in menschlichen Stammzellen, in Atomkernen oder in Nanostrukturen neue Horizonte. Denn das Gerät werde mehr als 1000 Billionen Rechenoperationen in einer Sekunde ausführen können, eine Spitzenleistung von 1300 sogenannten Teraflops (1,3 Petaflops) haben und damit so stark sein wie mehr als eine viertel Million erstklassiger Laptop-Computer zusammen.

Damit wäre die Maschine in der Branche das Maß aller Dinge. „Wir können sie sehr bald der Öffentlichkeit vorstellen“, sagte Cornell Wright von IBM Cell Software Development auf einer Tagung in Stuttgart. Bereits auf einem für Juni anstehenden Branchentreffen könnte der Computer mit dem Namen Roadrunner die prestigeträchtige Liste der leistungsfähigsten Rechner der Welt offiziell anführen. Als Abnehmer tritt die amerikanische Energiebehörde auf. Sie hatte schon mehrere Hochleistungsrechner der Spitzenklasse in Auftrag gegeben, gekauft und so die Entwicklung der Branche mit ihrem halben Dutzend Anbietern hin zu einen Jahresumsatz von 10 Milliarden Dollar (6,5 Milliarden Euro) beschleunigt.

Kapazitäten kommen der Wissenschaft zugute

Der Aufbau dieser Kapazitäten kommt der Wissenschaft zugute. Institute der Grundlagenforschung oder Unternehmen aus dem Auto- und Flugzeugbau, der Bio-, Nano- und Molekularbiologie mieteten in den vergangenen Jahren massiv Rechenzeiten an den teuren Zahlenautomaten, um dort hochkomplexe Aufgaben und mathematische Simulationen aller Art durchzuspielen. Verlangen doch Forschungen wie die am menschlichen Erbgut, an der Kernfusion oder der Windschnittigkeit einer Autokarosserie die Verarbeitung riesiger Datenmengen. Mit herkömmlichen Computern ist das nicht mehr zu stemmen. So ziehen Leistungssprünge in der Datenverarbeitung oft Fortschritte in anderen Wissenschaften nach sich.

Vor diesem Hintergrund unterstützen die Regierungen Amerikas und Japans die Entwicklung von Supercomputern seit 1995. Das holte die Branche aus ihrer damals tiefsten Krise seit der Entstehung in den sechziger Jahren. Die Ingenieure drückten aufs Tempo. Im Mai 1997 schlug ein IBM-Computer erstmals den amtierenden Schachweltmeister. Im November brachte es ein von Intel bestückter Computer als Branchenprimus auf eine Rechenleistung von einem Teraflop. Flops sind eine zentrale Maßeinheit der Branche und geben die Anzahl der Rechenoperationen in einer Sekunde an. Der erste frei programmierbare Rechner Zuse-1 von 1937 schaffte zwei Additionen in einer Sekunde. Seit Ende der neunziger Jahre kommen die Maschinen auf mindestens hundert Billionen Berechnungen je Sekunde.

Amerikas Vorherrschaft bei Hochleistungsrechnern brechen

Zu jener Zeit machte sich die japanische NEC-Gruppe daran, Amerikas Vorherrschaft bei Hochleistungsrechnern zu brechen. Während Deutschland sein Programm zur Herstellung eines eigenen Hochleistungsrechners bereits eingestellt hatte, fuhren die Japaner mit den Supercomputern der SX-Serie eini-

ge Erfolge ein. Im Jahr 2002 besaßen sie mit dem 250 Millionen Euro teuren „Earth-Simulator“ den vorübergehend stärksten Rechner der Welt. Heute rüsten IBM und NEC die deutschen Forschungszentren in Jülich, München und Stuttgart mit ihren Computern aus.

Takayuki Sasakura, Verkaufschef der NEC-Sparte, meinte, der weltweite Wettbewerb um Höchstleistung und Kunden sei härter geworden. Wie IBM hat sich auch NEC daran gemacht, die technische Schallmauer von einem Petaflop zu durchbrechen. Auf schiere Stärke allein kommt es den Japanern aber nicht an. Vielmehr fertigen sie für ihre Kunden maßgerechte Computer. Die können sie vollständig aus einer Hand liefern. Denn anders als viele Konkurrenten stecken in den Maschinen von NEC ausschließlich Chips und Speicher aus eigener Produktion.

Prozessoren aus Fremdfertigung

Dagegen setzt IBM auch auf Prozessoren aus Fremdfertigung. Werden doch in jedem der neuen Supercomputer der Marke Roadrunner 6900 Opteron-Prozessoren von AMD und 12 900 Cell-Chips aus einem IBM-Joint-Venture mit Sony und Toshiba eingebaut. Diese Kombination solle sicherstellen, dass die komplexen Aufgaben den dafür am besten geeigneten Prozessoren zugeteilt werden, erklärt Cornell Wright von IBM. Datentransfers, Rechenprozesse und Netzwerkkommunikation erledigten Opteron-Prozessoren, komplexere Spezialaufgaben sowie Zuteilungen von Rechenzeiten entfielen auf die Cell-Bauteile.

Mit dem zentralen Rechenbaustein Cell hat IBM bereits kommerziellen Erfolge: Er ist die Schaltzentrale für die Videospielekonsole der dritten PlayStation-Generation (PS-3) der japanischen Sony-Gruppe. Der Hochleistungsprozessor war Ende der neunziger Jahre vom Sony-Ingenieur Ken Kutaragi in den Grundzügen entworfen worden. Kutaragi, der Anfang der neunziger Jahre auch die Playstation erfand, bezeichnete den Cell-Baustein als „einen Supercomputer auf Chipformat, der der Leistungsfähigkeit des Gehirns bisher am nächsten kommt“. Im März 2001 verbündete sich Sony mit IBM und Toshiba zur Weiterentwicklung und Produktion des Cell. Vier Jahre später steckte er in der ersten PS-3. Allein die Entwicklung des Bausteins kostete eine halbe Milliarden Euro. Die Kosten für die neue Nummer Eins unter den Supercomputern hält IBM unter Verschluss. Sie dürften Milliarden von Euro betragen.

Höchstleistungsrechner der nächsten Entwicklungsstufen

Ausgaben ähnlicher Größenordnung peilen auch die Japaner für ihre Höchstleistungsrechner der nächsten Entwicklungsstufen an. Tadashi Watanabe vom Tokioter Großforschungsverbund Riken erklärte, Anfang des kommenden

Jahrzehnts werde auch Japan einen Rechner jenseits der Schallmauer von einem Petaflop haben. Dafür stehen nicht nur milliardenhohe Budgets zur Verfügung. Es werden auch neue Allianzen gebildet. Riken, dessen Schwerpunkt neben der Material- und Atom- auch die Stammzellenforschung ist, vereint in seinen verschiedenen Programmen sechs Universitäten und 160 Unternehmen. So wird NEC nun auch mit den alten IBM-Partnern Sony und Toshiba kooperieren.

Die Amerikaner aber halten dagegen. Die Nationale Dienststelle für Nukleare Sicherheit und das Energieministerium legen gerade die Grundlagen für die Entwicklung einer Exaflop-Maschine aus. Die wäre nicht nur tausendmal stärker als das, was IBM im Verlauf dieses Jahres mit der 1000-Teraflop-Roadrunner-Maschine auf den Markt bringt. Der Hochleistungsrechner der Zukunft könnte rein technisch gesehen das menschliche Denken kopieren; quasi ein Superhirn aus der Maschine.

(FAZ, 11.04.2008)

Текст 4

(Мультимедиа)

Netzwelt-Ticker: Jede 12,5-millionste Spam-Mail ist erfolgreich

(Felix Knoke)

Spammer haben nur selten Erfolg – aber noch immer genug, um viel Geld zu verdienen. Außerdem: Hessen-Wahl findet ohne Wahlcomputer statt, die US-Armee geht mit Kriegs-Videos auf Rekrutenjagd und der Guns-'n-Roses-Blogger bekennt sich schuldig. Das und mehr im Überblick.

Wer fällt eigentlich auf Spam-Nachrichten rein? Wer kauft sich all die Potenz-Pillen, gefälschten Rolex-Uhren und schließt dubiose Geldtransferdeals ab? Die gute Nachricht: Praktisch niemand. US-Forscher haben sich in ein Botnetz gehackt und untersuchten Millionen von Spam-Nachrichten.

Ihre Ergebnisse werfen ein gutes Licht auf die Menschheit: Nur jede 12,5-millionste Spam-Mail führt zum Erfolg. Für Spammer lohnt sich die Nerverei trotzdem. Mit den Einnahmen bezahlen sie die Botnetz-Miete und machen nebenher einen kleinen Reibach. Um das herauszufinden, brachten Forscher der University of California (San Diego) einen kleinen Teil des berüchtigten Storm-Botnetzes unter ihre Kontrolle. Einen Monat lang kidnappten sie 75.869 infizierte Bot-Rechner und manipulierten die von ihnen versandten Spam-Nachrichten so, dass potenzielle Kaufinteressenten auf eine von den Forschern ebenso kontrollierte Website umgeleitet wurden.

Bei 350 Millionen verschickten Spam-Nachrichten kamen nur 28 Käufe zustande – ein Tageseinkommen von immerhin fast 70 Euro. Da die Forscher vermutlich nur 1,5 Prozent des gesamten Storm-Botnetzes kontrollierten, schlossen sie, dass mit dem gesamten Netz von Zombierechnern täglich rund 5.500 Euro eingespielt werden können.

Dass sich Internetkriminalität selbst mit hanebüchen erfolglosen Methoden lohnt, beweisen die sogenannten Nigeria-Betrüger: Seit den achtziger Jahren suchen sie mithilfe von Briefen, Faxen und E-Mails Helfer für eine kleine Finanztransaktion.

Der Trick geht so: Angeblich müssten ein paar Millionen Dollar außer Landes geschafft werden und den Helfern bei dieser Aktion winkt eine große Provision. Die Betrugsmails wecken Mitleid und Gier, eine tolle Mischung! Jetzt packen Spammer noch eine Komponente drauf: Der Sydney Morning Herald fand heraus, dass sie mit Facebook-Profilen versuchen, Vertrauenswürdigkeit vorzutäuschen, um so leichter Opfer zu finden.

(Spiegel, 11.11.2008)

Текст 5

(Мультимедиа)

Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur

(Matthias Matting)

Die Vado-HD-Kamera von Creative filmt in hoher Auflösung – die Bilder ähneln denen einer billig produzierten Vorabendserie.

Es ist schon hübsch, was dieser Simple-Camcorder auf den Bildschirm bringt: Unter günstigen Bedingungen gleichen die mit der Vado HD aufgenommenen Videos durchaus dem, was manchmal so durchs Vorabendfernsehen flimmert. Allerdings ist das „Flimmern“ bei Creative's Kamera leider wörtlich zu nehmen – zumindest, wenn der Hintergrund von einer Leuchtstoffröhre erhellt wird, wie bei mir im Büro. Da nutzt auch die im Einstellungs Menü vorgesehene Umschaltung des Flimmerschutzes von 60 auf 50 Hertz nichts.

Erst beim Gang nach draußen merkt man, dass die Vado HD brauchbare Bilder liefert. Und zwar vorbildlich einfach, auf Knopfdruck. Auf dem zwei Zoll großen Display kann man die Aufzeichnung verfolgen, jedenfalls wenn es nicht zu hell ist – ansonsten ist der etwas flauen Farben wegen bald nichts mehr zu erkennen. Die Bildschirm-Auflösung von 320x240 Pixel lässt von der Schärfe des entstehenden Videomaterials wenig erahnen. Im Prinzip könnte man sich mit der Vado HD wirklich als Hobbyregisseur einer Daily Soap versuchen.

Zwei Stunden filmen

Allerdings muss man dann doch noch einen Batzen Geld für ein ordentliches Schnittprogramm ausgeben. Was Creative vorinstalliert auf dem Speicher der Vado HD mitliefert, genügt wirklich nur allereinfachsten Ansprüchen. Wer ein bisschen mehr mag, kann die Software auf der Website des Herstellers für knapp 20 Dollar upgraden. Auch dann genügt das Programm aber nur den grundlegendsten Anforderungen – es richtet sich vor allem an Nutzer, die schon mit zwei, drei Mausklicks Erfolge sehen wollen.

Die Creative Vado HD besitzt acht Gigabyte eingebauten Speicher, die der Anwender nicht erweitern kann. Ein zehneckiger Clip (die Kamera nimmt AVI-Dateien mit MPEG4-Kodierung auf) in bestmöglicher Qualität braucht etwa zehn Megabyte. Wer Platz sparen will, kann die Aufnahmequalität und die Auflösung reduzieren; bei VGA-Auflösung fallen für zehn Sekunden Film noch 2,5 Megabyte Daten an. Die von Creative angegebenen etwa zwei Stunden maximaler Filmlänge gehen also in Ordnung, ungefähr so lange hält auch der Akku. Wer seinen Rechner nicht in die Knie zwingen will, sollte allerdings besser viele kleine Videoschnipsel anfertigen statt eines langen Films.

Vorbildliche Ausstattung

Vorbildlich ist die Ausstattung der Vado HD. Eine USB-Verlängerung wird ebenso mitgeliefert wie ein HDMI-Kabel. Eine alternative Verbindung zum Fernseher ist über eine AV-Buchse möglich. Nur liegt dafür leider kein Kabel bei. Besitzer älterer Geräte schauen also in die Röhre. Aber mit High-Definition-Material ist ihnen ja eh nicht geholfen. Dank eines Schraubgewindes kann man den Camcorder auch auf einem Stativ platzieren.

Fazit: Gute Bilder mit Flimmerschwäche.

Creatives Vado HD produziert für seine Größe brauchbare Ergebnisse – allerdings sollte man Abstand von Leuchtstoffröhren halten. Das herausstehende Objektiv stört in der Hosentasche. Die Knöpfe reagieren manchmal etwas zäh. Das Gerät ist aber deutlich kompakter als der konkurrierende Kodak Zi6.

(Focus, 24.02.2009)

Текст 6

(Мультимедиа)

Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher

Zur 50. Internationalen Funkausstellung boomt das Geschäft: In Deutschland werden so viele Flachbildfernseher gekauft wie noch nie. Wermutstropfen für Verbraucher: Die Preise sinken nicht mehr so schnell wie früher.

Das Geschäft mit Flachbildfernsehern boomt: Im Schnitt wird sich jeder vierte deutsche Haushalt in diesem Jahr einen neues Gerät kaufen. Die Branche ist zum Start der Funkausstellung IFA euphorisch: Deutschland sei im Flat-TV-Kaufrausch, sagt der IT-Verband Bitkom. Die Messe-Veranstalter versprechen zur 50. Auflage der IFA so viele Neuheiten wie nie zuvor. Unter dem Berliner Funkturm werden zehn Prozent mehr Aussteller erwartet.

Es ist vor allem die Begeisterung der Verbraucher für neue Fernseher, die die Kassen der Unterhaltungselektronik-Branche klingeln lässt. In diesem Jahr sollen gut 9,6 Millionen Geräte verkauft werden, prognostiziert der Bitkom. Das ist 16 Prozent mehr als im bisherigen Rekordjahr 2009. Der Umsatz steigt voraussichtlich um 11,3 Prozent auf 6,6 Milliarden Euro. Der durchschnittliche Preis der verkauften Flachbildfernseher wird zwar wieder sinken, aber diesmal voraussichtlich nur um rund 4 Prozent auf 683 Euro. In den Vorjahren waren Preisstürze im zweistelligen Prozentbereich die Regel.

Hoffnung auf ein andauerndes Geschäft

Die Fußball-WM kurbelte dieses Jahr die Nachfrage in Deutschland an, außerdem der Ausbau von HDTV-Übertragungen. Im ersten Halbjahr sei der Umsatz mit HD-Fernsehern um 34 Prozent in die Höhe geschossen, sagt Hans-Joachim Kamp, Vizepräsident des Elektroverbandes ZVEI und Aufsichtsrat der Gesellschaft für Unterhaltungs- und Kommunikationselektronik (gfu).

Sonys Messestand im vergangenen Jahr – Flachbildfernseher boomen

Insgesamt erwartet die gfu, dass die Verbraucher in Deutschland in diesem Jahr fast 25 Milliarden Euro für Unterhaltungselektronik ausgeben. Damit dürfte sich der Umsatz nur knapp über dem Vorjahreswert von 24,3 Milliarden Euro bewegen. Noch immer stehen laut Kamp rund 25 Millionen Röhrenfernseher in deutschen Haushalten – Grund genug, weiterhin auf ein gutes Geschäft zu hoffen. Die Nachfrage soll durch neue 3D-fähige Geräte angeheizt werden.

Fernsehen soll interaktiv werden

Auch das Internet soll nun in den Fernseher kommen. Die großen TV-Hersteller gehen allerdings dabei verschiedene Wege. Mit dem neuen Standard HbbTV wollen Toshiba und Philips das Fernsehen interaktiv machen. Sony bietet auf seinen Fernsehern ebenfalls Zusatzangebote an. Samsung hat über eine Kooperation mit Yahoo Online-Dienste wie einen YouTube-Zugang, Wetterprognosen und aktuelle Nachrichten im Programm.

Auch in anderen Sparten läuft das Geschäft. Im privaten Telekommunikationsbereich kurbelte die extreme Nachfrage nach Smartphones das Geschäft an. Hier verzeichnet die Branche ein Umsatzplus von 102 Prozent.

Relativ stabil sind die Aussichten für elektronische Haushaltsgeräte, die inzwischen fest zum IFA-Programm gehören. „Wir erwarten im Bereich der Großgeräte ein stabiles Marktvolumen in Höhe von sieben Milliarden Euro“, sagte Kamp. Der Markt für Kleingeräte werde um rund zwei Prozent auf knapp 3,5 Milliarden Euro zulegen.

Mehr Raum für Trends

In einem neuen Ausstellungsbereich, der „iZone“, wird die IFA App-Entwicklern und Herstellern Raum bieten. Allerdings ist der iPhone- und Computer-Hersteller Apple selbst nicht anwesend. Für E-Book-Lesegeräte und das iPad ist der Sonderbereich „eLibrary“ reserviert.

Bereits 1000 Quadratmeter Nettofläche hat die IFA nach eigenen Angaben an mehr als 40 Aussteller aus allen Bereichen vermietet. Zu sehen sind außerdem neue Notebooks, Digitalkameras, diverses Zubehör, Audio-Anlagen, Beamer und Speicherlösungen für die heimischen digitalen Bibliotheken.

(FAZ, 31.08.2010)

Текст 7

Planking – hinlegen, um aufzufallen

(Общество)

(Stephanie Drescher, Natali Petala)

Noch vor kurzer Zeit waren Planker nur ein paar Verrückte, die sich steif wie ein Brett irgendwo hinlegten und Fotos von diesen Aktionen ins Internet stellten. Heute aber ist Planking ein weit verbreiteter Trend. Auch Carsten Wilde und Andreas Krüger sind begeisterte Planker. Gemeinsam mit anderen Planking-Fans entdecken sie immer neue und aufregendere Plätze. Dabei befolgen sie bestimmte Regeln. Für den Berliner Soziologen Stephan Humer ist Planking ein Internet-Phänomen, bei dem es vor allem darum geht, aufzufallen.

SPRECHER:

„Verabredung zum Planking in Paris. Carsten Wilde plankt, wann immer es sich anbietet. Inzwischen hat er auch seine Freunde von seiner ungewöhnlichen Freizeitbeschäftigung überzeugt. Gemeinsam inszenieren sie sich selbst, machen aus dem Planking ein Ereignis, das später als Foto im Internet bestaunt werden kann“.

CARSTEN WILDE (Planker):

„Ja, am Anfang ist es so, dass man sich schon blöd vorkommt und denkt, warum macht man das, weil einfach sich auf die Straße oder auf irgendein Objekt legen, ne? Man beplankt das Objekt, also man ist wie so 'n Brett und lehnt

sich dann auf irgendwas. Wenn man das ein-, zweimal gemacht hat, dann entwickelt man irgendwie auch so 'ne Energie, man merkt so 'n Spirit“.

SPRECHER:

„Je ungewöhnlicher der Platz, desto besser. Denn das Foto konkurriert später mit unzähligen Bildern im Netz. Wichtig ist, dass die Pose stimmt. Denn beim Planking gibt es strenge Regeln: auf dem Bauch liegen, Kopf nach unten, Arme seitlich und die Körperspannung halten. Neugierige Blicke garantiert“.

CARSTEN WILDE:

„Man will sich zur Schau stellen, man will die Reaktionen der Leute auf der Straße oder, ja, in öffentlichen Gebäuden halt sehen und will das mit in dieses gesamte Planking-Kunstwerk mit einbeziehen und das Foto ... Das ist einfach so 'n Gefühl, was in einem selber dann auch so reift und was man so entwickelt. Und ich denke schon, dass die Öffentlichkeit sehr wichtig ist fürs Planking“.

SPRECHER:

„Der Berliner Soziologe Stephan Humer beschäftigt sich mit solchen Strömungen, die im Internet populär werden“.

STEPHAN HUMER (Internetsoziologe):

„Das Wichtigste ist natürlich, dass so was erst möglich geworden ist durch die digitale Vernetzung, also ohne diese Möglichkeiten würd's das so auch wahrscheinlich gar nicht geben, einfach weil man natürlich die technischen Gegebenheiten, um es zu verbreiten, aber auch um es wahrzunehmen, ja gar nicht hätte. Das heißt es ist 'ne typische ..., 'n typisches Ereignis, 'n typisches Phänomen, was wirklich ganz klar mit dem Internet zusammenhängt“.

SPRECHER:

„Das Phänomen hat inzwischen zahlreiche Nachfolger. Das „Horse Manning“ bezieht sich auf den kopflosen Reiter, eine Figur aus den deutschen Volkssagen. Beim „Owling“ imitiert man eine Eule, beim „Batmanning“ eine Fledermaus. „Tebowing“ ist eine Art Gebetshaltung, in der man kniet und mit einem Arm den Kopf abstützt. Dieser Trend ist benannt nach dem amerikanischen Footballspieler Tim Tebow. Mit entspannter Haltung in einen Pool springen, heißt „Leisure Diving“. Ein weiterer Trend ist das Money Facing“.

STEPHAN HUMER:

„Dass eben immer neue Formen auftreten, hängt auch einfach damit zusammen, dass man natürlich sich irgendetwas Neues einfallen lassen muss, in der Hoffnung, das wird vielleicht besser sein, als das, was es vorher gab, das begeistert die Leute ein bisschen mehr und damit hat man vielleicht auch 'ne ganz

gute Chance, damit durchzudringen. Und bei dem einen oder anderen steht tatsächlich wahrscheinlich die Anerkennungsfrage auch im Vordergrund, dass er also sagt, damit habe ich den großen Durchbruch oder werde irgendwie weltweit bekannt“.

SPRECHER:

„Längst hat jedes Phänomen seine dazugehörige Gruppe im Internet. Carsten Wilde gründete vor einem halben Jahr die Seite „Planking Love“, deren Mitgliederzahlen stetig steigen. Auch Fotograf Andreas Krüger ist begeisterter Planker“.

ANDREAS B. KRÜGER (Fotograf und Planker):

„Wenn ich planke, ist es halt irgendwas zu machen, was erst mal keinen Sinn hat, was aber trotzdem Spaß macht so. Es ist jetzt nicht Sport, ich bleibe dann fit. Es ist nicht Musik, oh, ich bin dann irgendwie musikalisch irgendwie gebildet oder so, sondern es ist erst mal sinnfrei. Aber das ist auch das Schöne daran, weil man hat dann trotzdem ein Ergebnis und man erlebt Situationen, die sonst gar nicht da wären“.

SPRECHER:

„Auch wenn viele über solche Trends den Kopf schütteln, sicher ist: Sie verbinden Menschen auf der ganzen Welt miteinander, wortlos, nur über ihre Bildsprache und ihren darüber transportierten Humor“.

(DW, 14.02.2008)

Текст 8

(Общество)

Fitness für Musliminnen

In Köln gibt es ein Fitnessstudio speziell für muslimische Frauen. Die Muslimin Emine Aydemir hat das Studio gegründet. Sie erklärt, dass die Regel „keine Männer“ in normalen Frauen-Fitnessstudios nicht streng genug beachtet wird. Deswegen musste sie immer mit Kopftuch trainieren. Da dies auch für viele andere muslimische Frauen ein Problem ist, hat Emine Aydemir ein eigenes Studio gegründet. Männer haben keinen Zutritt, und diese Regel gilt ohne Ausnahme. Nicht nur Musliminnen kommen hierher: Das Studio ist zu einem internationalen Treffpunkt für Frauen geworden.

SPRECHERIN:

„Die Gegend könnte trostloser kaum sein: Bickendorf, ein Stadtteil im Kölner Westen. Hier gibt es Billigdiscounter und türkische Metzger – und gleich nebenan: das Hayat, Deutschlands erstes Fitnessstudio für muslimische Frauen.

Männer haben hier keinen Zutritt. Seit zwei Jahren kümmert sich Emine Aydemir um muslimische Frauen, die fit werden wollen. Nach den Schwangerschaften wollte sie selbst Gewicht verlieren – fühlte sich in deutschen Frauen-Fitnessstudios aber nicht sicher vor Männerblicken“.

EMINE AYDEMIR (Unternehmerin):

„Das Verständnis ist bisschen anders. Männer dürfen da zwar nicht trainieren, aber die dürfen sich da aufhalten, ihre Freundinnen abholen, oder der Fensterputzer kam rein, der Postbote und ich konnte ohne Kopftuch nicht trainieren. Deshalb habe ich gesagt: Warum gibt’s denn kein Fitnessstudio, wo Männer überhaupt nicht reinkommen dürfen? So ist mir halt dann die Idee gekommen. Dann habe ich gesagt: Ja, dann muss ich das halt machen“.

SPRECHERIN:

„Weil wir mit der Kamera dabei sind, tragen einige Frauen auch heute Kopftuch. Ansonsten gibt es wenig Unterschiede – es geht um die gleichen Themen wie andernorts auch“.

SENGÜL SURAT:

„Ich komme hier, weil ich fühl’ mich hier gut wohl. Ich will fit bleiben, ich will für mich was machen, für meinen Körper“.

EMINE FORTUNA:

„Ich bin zuckerkrank, aber hier Anfang, meine Zucker immer gut, jetzt. Immer unten, ganz gesund, abnehmen, 11 Kilo, 4 Monat“.

SPRECHERIN:

„Aber es geht nicht nur ums Schwitzen. Das Hayat ist auch ein Freiraum, wo Frauen sich treffen und reden können – entspannt, ohne Druck. Und das schätzen vor allem die Älteren, deren Männer sich zu Anfang gegen den Besuch im Fitnessstudio gesträubt haben“.

EMINE AYDEMIR:

„Die sind halt auch gewöhnt, dass die Frau immer zu Hause ist, für den Mann da ist, für die Kinder da ist und immer am Putzen, Kochen. Aber dass sie mal selbstständig irgendwo hinget, und noch Sport, das ist ja Freizeit [so]zusagen, da is’ schon für die ältere Generation schon ein bisschen gewöhnungsbedürftig. Aber das haben wir auch hingekriegt“.

SPRECHERIN:

„Im Hayat trainieren nicht nur türkische oder arabisch-stämmige Frauen, auch Osteuropäerinnen und Deutsche gehören dazu. Trainerin Olga kommt aus Russland – sie spricht mit den Frauen Deutsch – und zur Not mit Händen und Füßen“.

OLGA RACH (Fitnesstrainerin):

„Ich rede selber nicht Hochdeutsch, ja, deswegen, diejenige, welche gegen mir steht, er, sie versteht das schon, Fehler, was ich gemacht habe. Aber ich mach das alles mit. Deswegen wichtig ist natürlich: Sehen. Und Spüren, Fühlen, was ich überhaupt meine. Und wir haben also zwischen fast zwischen alle Teilnehmer eine seelische sozusagen Kontakt“.

SPRECHERIN:

„Emine Aydemir will mit ihrem Fitnessstudio einen Beitrag zur Integration leisten – weil türkische Frauen hier nicht nur unter sich bleiben.

GÜLCICEK CAGLAR:

„Bei den deutschen Frauen habe ich auch gefragt, warum ausgerechnet hier, ihr könntet auch woanders hingehen und so weiter. Aber da meinten die auch: Hier fühlen wir uns wohler und bequemer also halt. Muss ich mich nicht immer wieder verstecken. Oder wenn die zu fett sind und unter einem anderen [Studio] mit Männern zusammen trainieren und so weiter, muss man sich irgendwie verstecken“.

SPRECHERIN:

„Im Hayat wird nicht so kritisch geguckt – auch wenn hier genauso gewogen und gemessen wird wie in anderen Studios. Emine Aydemir weiß: Viele ihrer Kundinnen wollen abnehmen. Wenn nötig, gibt es Tipps und Anleitungen auf Türkisch. Ansonsten wird im Hayat Deutsch gesprochen – auch in den Fitness- und Pilates-Kursen“.

(DW, 25.08.2009)

Текст 9

(Объект)

Cybermobbing – der Internetterror an Schulen

(Annabelle Lutz, Matthias Mayr)

Auf der Internetseite Isharegossip werden Schüler zu Opfern von gemeinsamen Angriffen. Unbekannte beleidigen dort andere Schüler oder zeigen peinliche Fotos von ihnen. Es hat sogar schon gefährliche Drohungen gegeben. Weil das verboten ist, informiert jetzt die Polizei die Schüler über die Gefahren. Einige Schüler versuchen, die Internetseite mit ganz anderen Posts zu stören. Doch wirklich helfen kann nur ein Verbot von Isharegossip.

SPRECHERIN:

„Beschimpft, beleidigt, und jeder an der Schule kann es sehen. Das Berliner Carl-von-Ossietzky-Gymnasium in Alarmbereitschaft wie fast alle Schulen

in Deutschland: Opfer am digitalen Pranger, gemobbt, für alle sichtbar via Handy, via Internet. Die Cyberwelt vergiftet die Realität. Auf der Internetseite Isharegossip kann jeder andere fertig machen – geheim. Die Opfer der Attacken wissen nicht, wer dahinter steckt. Jeder könnte es gewesen sein“.

BERND SCHÖNBERGER (Schulleiter Carl-von Ossietzky-Gymnasium):

„Früher hat man solche Sprüche, wie man sie dort findet, auf Toiletten gefunden. Die konnte man übermalen. Jetzt müsste man virtuell übermalen können, und wie das richtig funktioniert, weiß noch niemand. Insofern ist das sehr perfide. 24 Stunden am Tag, Tag und Nacht kann jemand lesen, dass irgendjemand mich hasst“.

SPRECHERIN:

„Hier in dieser Klasse war die letzte Attacke. Aufklärung ist gefragt“.

POLIZIST:

„Ich sage noch mal: Beleidigung, üble Nachrede, Verleumdung...“

SPRECHERIN:

„Alles Straftatbestände, erklärt Polizeihauptkommissar Scherbarth den Schülern die rechtlichen Konsequenzen von Mobbing. Er erklärt Opfern, wie sie sich schützen können. Krisenprävention nennt das die Berliner Polizei. Sie sucht gezielt den Kontakt zu Schulen, denn es ist auch schon zu brutalen Schlägereien gekommen wegen Mobbing im Internet. Ergebnis: Opfer wehren sich. 150 Beleidigungen wurden bereits angezeigt. Doch es gibt noch schlimmere Szenarien. Einige Schulen in Berlin haben Amokdrohungen erhalten, wie diese Schule in Pankow. Der Senat ist auf das Schlimmste vorbereitet“.

BEATE STOFFERS (Berliner Senat für Bildung, Wissenschaft und Forschung):

„Es gibt feste Notfallpläne. Die schreiben vor, wie eine Schulleitung zu agieren hat. Bei Amokdrohungen ist ganz klar, muss immer die Polizei eingeschaltet werden. Die wird über eine Bedrohungsanalyse feststellen, ob Gefahr im Verzug ist oder nicht“.

SPRECHERIN:

„An seiner Schule gab es zum Glück noch keine Amokdrohung. Aber auch seine Schüler werden über Isharegossip gemobbt. Rektor Schönberger hat sich an die Schülersprecher gewandt. Sie sollten selbst etwas unternehmen, um gemobbteten Schulkameraden zu helfen. Und sie machen das mit Humor, boykottieren die Seite statt mit bösem Klatsch mit ganz anderen Informationen“.

BEN (Schüler):

„Wir haben einfach uns gedacht, dass wir die bösen Posts von Isharegossip weg haben wollen. Dazu haben wir einfach massiv irgendwelche anderen Sachen darein gepostet, zum Beispiel Wikipedia-Artikel über die Tomate oder sonstiges, um einfach andere Sachen da hinzubekommen und die eigentlichen Sachen weg“.

SPRECHERIN:

„Die Idee funktioniert. Die Seite war über Wochen frei von Klatsch. Das geht, weil nur 50 Einträge pro Schule angezeigt werden. Mittlerweile ist die Seite auf dem Index. Doch die Schüler fordern mehr, gehen damit an die Öffentlichkeit, treten im Fernsehen auf“.

TOBIAS (Schülersprecher):

„Die Seite Isharegossip hat überhaupt keine Daseinsberechtigung. Die ist absolut schrecklich. Man hat keine Kontrolle darüber, was im Internet über einen geschrieben wird, wo es landet, wer es liest, und daher muss was dagegen gemacht werden. Und da ist der Boykott der erste Schritt, den wir als Schüler tun können, aber langfristig muss auch ein Verbot her“.

SPRECHERIN:

„Denn auf der Seite wird nicht nur mit Worten gemobbt, auch mit Bildern, die die Schüler entblößen, hinterhältig, anonym“.

CATARINA KATZER (Psychologin):

„Wir können zum Beispiel eindeutig zeigen, dass Cybermobbing, gerade wenn sie Videos, oder Fotos, die andere in peinlichen und unangenehmen Situationen zeigen oder auch Verprügelungsszenen, dass es so eine Art auch Trophäenjagd ist unter den Jugendlichen. Das heißt, wer hat das schlimmste, brutalste Video, oder wer hat die tollsten Nacktszenen seiner Freundin, die er ins Netz stellen kann. Das heißt, hier spielen auch so Anerkennungs- und Leistungsmotive 'ne gewisse Rolle“.

SPRECHERIN:

„Die Soziologin Catarina Katzer forscht seit Jahren über Mobbing im Internet. Isharegossip zeige, wie die Cyberwelt in die Wirklichkeit überschwappe durch Amokdrohungen, brutale Schlägereien. Doch mittlerweile gehören Internetforen wie Facebook zur Realität. Für Schüler eine Realität genauso wie der Schulalltag“.

JAN (Schüler):

„Man geht auch im Unterricht mit den Handys die ganze Zeit zu Facebook und das ist halt so der soziale Netz..., also soziale Kontaktpunkt über das Netz, wo eigentlich alle sind“.

SPRECHERIN:

„Sie teilen dort ihre intimsten Gedanken mit, vergessen die Gefahr aus dem World-Wide-Web“.

LUISE (Schülerin):

„Ich bring Dich um, oder ich komm in der Nacht und töte Dich und so was. Wenn so was jemand schreiben würde über mich, dann hätte ich richtig Angst, weil man weiß ja nicht wer es war und wie krank der ist“.

SPRECHERIN:

„Solche Drohungen auf der Isharegossip-Seite verändern den Schulalltag auf dem Carlvon-Ossietzky-Gymnasium. Denn die Plattform agiert perfide“.

BERND SCHÖNBERGER:

„Es ist gemein, es über die Schulen zu organisieren. Die Schulen sind normalerweise Schutzräume, die manches, das aus der Gesellschaft auf die Jugendlichen eindringt, außen vor halten. Und hier dringt man in diesen Schutzraum ein“.

SPRECHERIN:

„Die Schulen versuchen ihre Schüler zu schützen, sie stark zu machen für die Cyberwelt, mit der sie so selbstverständlich aufwachsen. Denn der nächste Angriff kommt bestimmt“.

(DW, 16.12.2008)

Текст 10

(Cnopm)

Golf: Die USA triumphieren im Ryder Cup

(Frieder Pfeiffer)

Neun Jahre Warten haben ein Ende: Das US-Team hat sich im Prestige-Duell gegen Europas Topgolfer durchgesetzt. Nach drei europäischen Erfolgen sorgten frenetische Zuschauer, leidenschaftlich aufspielende Lokalmatadoren und ein Shooting-Star für den Sieg der USA.

Vielleicht kann diesem 21. September 2008 ja nicht nur eine Sichtweise abgewonnen werden. In erster Linie ist dieser erste Triumph der USA nach acht langen Jahren, in denen der jahrzehntelange Außenseiter vom alten Kontinent den großen Favoriten dreimal düpiert konnte, ein großer Tag für die USA. Das 16,5:11,5 gegen ein europäisches Team, das besonders in der Spitze deutlich unter seinen Möglichkeiten blieb, spricht eine deutliche Sprache. Doch auch für den Prestige-Wettbewerb ist dieses Ergebnis erfreulich.

Die Dominanz der Europäer hatte in den USA zuletzt für besorgniserregende Tendenzen gesorgt. Die erfolgsverwöhnten US-Sportfans sind lange Durststrecken nicht gewöhnt. Der Wettbewerb verlor in den USA an Strahlkraft. Mit dem Sieg kehrt der Ryder Cup wieder in den Fokus der US-Sportöffentlichkeit zurück. Der 38. Auflage 2010 in Wales kann das nur gut tun.

Vielleicht wirkten die europäischen Spieler auch deshalb weit weniger enttäuscht, als die US-Konkurrenz in den Jahren zuvor. Kurz nach Beendigung des finalen Einzels war man sogar fast geneigt, den eigenen Augen nicht zu trauen. Als sich die Spieler bei einer Gruppe irischer Fans für die Unterstützung bedanken wollten, wurde aus der gutgemeinten Geste ein überraschender Jubeltanz. Es war der leidenschaftlichste Auftritt des europäischen Teams. Leider kam er etwas zu spät.

Zuvor war es ein ständiges Hoffen gewesen. Eine Warten auf den entscheidenden „Swing“, den Lee Westwood schon am ersten Tag so sehnsüchtig herbeizureden versuchte. Ein Piekser, der die Leidenschaft in den müde wirkenden Körpern wecken sollte. Doch vergeblich, sie kam nicht, die Wende. Sie kämpften, die Europäer, sie versuchten, sich gegenseitig auf ein höheres Level zu schreien. Ohne Erfolg. Das US-Team hingegen hatte die Zuschauermassen und damit die Leidenschaft auf seiner Seite. Ein europäischer Jubel wirkte wie ein Mückensummen gegen das donnernde Gebrüll des Gastgebers und seiner 40.000 Fans auf dem Valhalla Golfplatz von Louisville, Kentucky.

In dieser Atmosphäre ist es schwer, das grandiose Golf zu spielen, das es erfordert, um im Ryder Cup bestehen zu können. Besonders, da sich der erste Tag aus europäischer Sicht zu einem kleinen Debakel entwickelte. Drei Punkte lagen sie am Freitagabend zurück. Ein Fehlstart, der im Gegenzug dem US-Team den nötigen Anschlag gab. Dort fanden riskante Schläge ihr Ziel, dort fielen die unfassbaren Putts.

Und auf den Grüns entschied sich diese 37. Ausgabe des Prestige-Duells. Die Amerikaner verpassten dem Kurs in Valhalla breite Fairways, wie geschaffen für die kräftigen Longhitter um Lokalmatador J.B. Holmes und Publikumsliebling Boo Weekley, die sich keine Sorge um die Richtung ihrer fulminant langen Schläge machen mussten. So kam jeder relativ mühelos aufs Grün. Dort sorgten dann – neben den sensationell konstanten Putts von Jim Furyk und dem erst 23-jährigen Anthony Kim – die Anfeuerungen für den nötigen Vorteil. Besonders Weekley, Holmes und der ebenfalls aus Kentucky stammende Kenny Perry versetzte der Jubel in eine Stimmung, in der sie unschlagbar schienen.

Diese Stimmung stellte sich im europäischen Team nie ein. Auch, weil die Mannschaft von Kapitän Nick Faldo der Konkurrenz nach dem Fehlstart nicht mehr wirklich nahe kam. Zwei Punkte fehlten nach dem Samstagvormittag, genauso wie am Abend. Mit diesem Rückstand in die abschließenden Einzel am Sonntag zu gehen – gegen die seit Jahren dominierenden Einzelspieler aus den USA nahezu aussichtslos.

Die Hoffnung nahm das Team dennoch mit in den Sonntag. Die Zuversicht, und dies verdeutlichte die lethargische Aura, die das europäische Wochenende prägte, war jedoch bereits am Freitag verloren gegangen.

Dieses kleine Bisschen fehlte, neben der erwarteten Leistung der Führungsspieler Sergio Garcia und Padraig Harrington, am Ende. Denn so früh und unspektakulär der entscheidende verfehlte Putt des Spaniers Miguel Angel Jimenez um kurz nach 17 Uhr Ortszeit am Sonntag den lange ersehnten Ryder-Cup-Triumph auch sicherstellte, so deutlich das Ergebnis scheint: Ein Gleichstand oder ein knapper Rückstand der Europäer hätte dem Verlauf der zwölf Einzel einen anderen Schwung geben können. Vielleicht sogar den erhofften „Swing“. Wildcard-Starter Ian Poulter (England), der immerhin vier Punkte für die Europäer sammeln konnte, sowie die konstanten Graeme McDowell (Nordirland) und Robert Karlsson (Schweden) reichten dafür jedoch nicht aus.

Die US-Golfer spielten mit dem Vorsprung im Rücken inspirierter und zwingender. Teilweise schienen sie sogar vom eigenen Spiel berauscht in einem Tunnel zu verschwinden. Als der auch am Sonntag grandios aufspielende Debütant Kim sein Match gegen den fünf Jahre älteren Garcia, der Europa zuletzt dreimal zum Triumph geführt hatte, bereits am 14. Loch gewonnen hatte, winkte er kurz ins Publikum und verschwand in Richtung Abschlag Nummer 15. Dass er dort gar nicht mehr erwartet wurde, darauf musste er erst hingewiesen werden. So sehr war der Shooting Star des US-Teams in sein beeindruckendes Spiel versunken. „Ich wollte den Fans das geben was sie wollten. Ich hatte eine Gänsehaut“, sagte Kim.

Genau diese Einstellung könnte US-Kapitän Paul Azinger gemeint haben, als er unmittelbar nach dem Sieg seinem Team ein Lob aussprach: „Meine Spieler haben ihr Herz und ihre Seele in diese Woche gesteckt“. Auch der Engländer Faldo bediente sich dieser Worte, als er über seine Mannschaft sprach. Doch wie über den gesamten Ryder Cup hinweg, so wirkte auch im Fazit der Amerikaner lebendiger – und glaubwürdiger.

(Spiegel, 22.09.2008)

Текст 11 (Cnopm)

Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“

Der FC Bayern glaubt vor dem heutigen Endspiel um die Champions League fest an einen Erfolg. Mit einem Brief will die Mannschaft auch den Rest der Nation auf ihre Seite ziehen.

Inter Mailand vor Augen, die historische Chance im Kopf: Als Bayern München am Donnerstagnachmittag mit Sonderflug LH 5018 am Madrider Flughafen Barajas landete, war der Traum vom Champions-League-Sieg und vom Triple allgegenwärtig. Konzentriert und voller Zuversicht präsentierte sich der deutsche Meister und Pokalsieger vor dem Finale heute (20.45 Uhr / live bei SAT.1 und Sky) gegen Inter nach gut zwei Stunden Flug bei der Ankunft in der spanischen Hauptstadt, wo den Bayern-Tross Sonne und Temperaturen von über 20 Grad erwarteten.

Allerdings fiel es den Stars des FC Bayern schon vor dem Abflug aus dem Münchner Regen schwer, sich dem unglaublichen Rummel zu entziehen. Beim Einchecken an den Schaltern 446 und 447 waren Arjen Robben und Co., die in Madrid bezeichnenderweise im Hotel „Eurostars Tower“ abstiegen, von etlichen Fans und Medienvertretern regelrecht belagert worden.

Der guten Stimmung tat dies aber keinen Abbruch – dem Optimismus schon gar nicht, auch ohne den gesperrten Superstar Franck Ribery erstmals in der Vereinsgeschichte gleich drei Titel in einer Saison zu holen. „Das Triple ist möglich! Ich bin überzeugt von der Mannschaft und vom Trainerstab. Die Bayern sind sagenhaft gut drauf“, sagte selbst Ex-Präsident Franz Beckenbauer bei Sport1.

„Ich bin optimistisch, dass wir das packen“

Auch Vorstandschef Karl-Heinz Rummenigge unterstrich vor dem Start zum „Spiel des Lebens“, wie Hamit Altintop das Finale bezeichnete, noch einmal das Münchner Hochgefühl. „Wir sind sehr glücklich und stolz. Ich bin optimistisch, dass wir das packen. Diese Mannschaft hätte es verdient, Champions-League-Sieger zu werden“, äußerte der Bayern-Boss und freute sich einmal mehr über den Zuspruch von allen Seiten: „Wir haben in dieser Saison unheimlich viele Freunde dazugewonnen. Ich glaube, dass uns heute die ganze Republik die Daumen drückt“.

Um endgültig alle Fußball-Fans in Deutschland auf ihre Seite zu bringen, veröffentlichte die Mannschaft um Kapitän Mark van Bommel am Donnerstag sogar einen Offenen Brief. „Wir wissen und fühlen, dass uns Millionen von Fußballfans zuhause in Deutschland gedanklich begleiten. Die Bayern-Fans,

aber auch viele Fußballfreunde, die uns sonst vielleicht eher neutral sehen. Heute Abend sollten alle „Bayern“ sein, das wünschen wir uns“, schrieben Spieler und Trainer-Team.

Gleichzeitig versprach der frisch gebackene Double-Gewinner den Anhängern, „dass wir im Bernabeu-Stadion alles geben werden, für uns, den FC Bayern und letztlich auch für Deutschland. Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“

Robben spricht von „Riesenchance“

Mittelfeldstar Arjen Robben sprach bei seiner Rückkehr nach Madrid, von wo er im Sommer für 25 Millionen Euro zu den Bayern wechselte, von einer „Riesenchance, Geschichte zu schreiben. Wenn wir verlieren, wird das eine Riesenenttäuschung“.

Doch bei allem Hype um die zehnte Teilnahme an einem Europokalfinale richteten die Spieler den Blick auf das Wesentliche. „Man muss das Spiel nicht noch spezieller machen. Alle freuen sich, dass sie hier sind, aber wir müssen versuchen, das Spiel so normal wie möglich zu nehmen“, sagte Robben vor der Krönung „der besten Saison meiner Karriere“.

„Es ist ein Endspiel, aber man muss sich deshalb nicht verrückt machen“, fügte van Bommel an, der 2006 mit Barcelona schon einmal in der Champions League triumphiert hatte. Die Bayern 2010 siedelte er sogar noch höher an: „Wir sind als Mannschaft besser als der FC Barcelona damals“.

Louis van Gaal bemüht sich um Normalität

Auch Erfolgsscoach Louis van Gaal war um Normalität bemüht – auch was den Vergleich mit seinem einstigen Assistenten und jetzigen Inter-Coach Jose Mourinho betrifft. „Das ist kein Streit zwischen van Gaal und Mourinho, sondern zwischen den Spielern. Es ist ein Spiel elf gegen elf“, sagte er gewohnt trocken.

Der Bedeutung war sich aber auch van Gaal, der zwei Tage vor dem Endspiel einmal mehr seinen Verbleib bei den Bayern bis 2011 zusicherte, bewusst: „Es ist schon jetzt meine erfolgreichste Saison als Trainer, ich habe vorher noch nie das Double geholt. Und jetzt haben wir noch die Chance, Champions League Sieger zu werden“.

Bei Präsident Uli Hoeneß ist längst jegliche Skepsis an der Mannschaft und der Arbeit von van Gaal gewichen. „Spielerisch ist das eine tolle Mannschaft, die mit vermeintlicher Leichtigkeit über den Platz schwebt. Wir sind noch eine Klasse stärker als in den letzten Wochen“, betonte Hoeneß. Deshalb glaube er trotz des Ausfalls von Superkicker Ribery („Das tut weh“) auch nicht, „dass wir das Spiel verlieren. Wir haben so viel Selbstvertrauen“.

(Hamburger Abendblatt, 22.05.2010)

Текст 12 (Cnopm)

Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel

Sebastian Vettel hat es geschafft. Der Red-Bull-Pilot ist zum zweiten Mal Weltmeister in der Formel 1. Er benötigte noch einen Zähler, um erneut Formel-1-Weltmeister zu werden. Den holte er locker. So lief das Rennen im Liveticker.

1. Runde: Vettel, der von Platz eins gestartet ist, bleibt in Führung.

6. Runde: Noch 47 Runden bis zum Ziel: Vettel weiter Erster, dahinter Hamilton und Button.

8. Runde: Button ist jetzt an Hamilton vorbei.

14. Runde: Es sieht gut aus für Sebastian Vettel. Er liegt weiter in Führung vor Button und Alonso.

19. Runde: Vettel weiter auf Position eins. Es sieht gut aus für den Deutschen.

20. Runde: Vettel macht einen Boxenstopp, kommt als Fünfter wieder raus.

24. Runde: Safety-Car-Phase wegen Verunreinigung der Strecke.

30. Runde: Inzwischen ist das Safety-Car von der Strecke. Button führt vor Vettel.

37. Runde: Viele Fahrer machen den nächsten Boxenstopp. Vettel ist aktuell Fünfter.

43. Runde: Button führt vor Alonso und Vettel. Für den Deutschen sind es noch zehn Runden bis zum erneuten Titel.

48. Runde: Vettel ist weiterhin Dritter. Jetzt müsste er schon ausfallen, um sich heute nicht den Titel zu sichern.

50. Runde: Gleich hat es Vettel geschafft. Er hält locker seine Position.

53. Runde: Geschafft! Sebastian Vettel reicht Platz drei zum erneuten Gewinn des WM-Titels. Button siegt in Japan vor Alonso.

Sebastian Vettel hat auf dem Weg zu seinem zweiten Formel-1-Titel auch zwei Rekorde ins Visier genommen. Im besten Fall könnte der Red-Bull-Pilot in den verbleibenden fünf Saisonrennen sowohl die Bestmarke bei den Pole Positions pro Jahr als auch den Siegrekord knacken. Mit elf Poles in den bisherigen 14 WM-Läufen fehlen dem Hessen nur noch drei zum Top-Wert von Nigel Mansell aus dem Jahr 1992. Um die 2004 aufgestellte Sieges-Bestmarke von Michael Schumacher zu übertreffen, müsste Vettel allerdings schon alle restlichen Grand Prix in diesem Jahr gewinnen.

Fahrer Pole-Positions Saison

Nigel Mansell (GBR) 14 1992
Ayrton Senna (BRA) 13 1988/1989
Alain Prost (FRA) 13 1993
Mika Häkkinen (FIN) 11 1999
Michael Schumacher (Kerpen) 11 2001
Sebastian Vettel (Heppenheim) 11 2010*

Fahrer Siege Saison

Michael Schumacher (Kerpen) 13 2004
Michael Schumacher (Kerpen) 11 2002
Nigel Mansell (GBR) 9 1992
Michael Schumacher (Kerpen) 9 1995/2000/2001
Sebastian Vettel (Heppenheim) 9 2010

(Hamburger Abendblatt, 09.10.2010)

Текст 13

(Экономика)

Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab

Schlechte Laune an der Börse von New York: Die Kurse an der Wall Street brachen am Mittwoch kräftig ein, der Dow Jones schloss mehr als fünf Prozent im Minus. Auch die der Dax ließ sich nicht von der Obama-Euphorie anstecken.

Rezessionsorgen haben an der Wall Street die Freude über den Wahlsieg von Barack Obama überlagert. Hatte am Vortag die Hoffnung auf mehr Klarheit über den künftigen US-Wirtschaftskurs durch den künftigen Präsidenten noch für Gewinne gesorgt, gerieten am Mittwoch Sorgen über das Ausmaß der weltweiten Konjunkturabkühlung wieder in den Mittelpunkt.

Daten vom Arbeitsmarkt und dem Dienstleistungssektor zeigten, wie sehr die größte Wirtschaftsnation der Welt mit den Folgen der Finanzkrise zu kämpfen hat. Die drei wichtigsten Indizes an der Wall Street weiteten ihre Verluste im Handelsverlauf aus.

Der Dow-Jones-Index der Standardwerte schloss mit 5,05 Prozent im Minus bei 9139 Punkten. Der breiter gefasste S&P-500 verlor 5,3 Prozent auf 952 Zähler. Der Index der Technologiebörse Nasdaq fiel um 5,5 Prozent auf 1681 Punkte.

Der Ausblick auf die US-Konjunktur bleibt düster: Einer am Mittwoch veröffentlichten Erhebung der privaten Arbeitsagentur ADP zufolge haben US-Firmen wegen der Finanzkrise im Oktober deutlich mehr Stellen abgebaut als erwartet. Demnach fielen in der Privatwirtschaft mit 157.000 Stellen so viele Arbeitsplätze

weg wie zuletzt im November 2002. Ähnlich die Zahlen aus dem Dienstleistungssektor: Der Service-Index des Institute for Supply Management (ISM) fiel auf 44,4 von 50,2 Zählern im September. Das ist der tiefste Stand seit Umfragebeginn 1997. Mit einem Stand von unter 50 Zählern signalisiert der Index eine schrumpfende Geschäftstätigkeit des Nicht-Verarbeitenden Gewerbes, das 80 Prozent der US-Wirtschaft ausmacht.

Die Finanzbranche ächzt weiter unter der Finanzkrise: Die Aktien des US-Anleihenversicherers Ambac Financial Group fielen um 31 Prozent, nachdem der Konzern wegen Abschreibungen zuletzt noch tiefer in die roten Zahlen gerutscht war.

Auch die Papiere von Time Warner konnten sich im Verlauf dem Abwärtstrend nicht entziehen. Der Medienkonzern senkte bei der Vorlage seiner Quartalsbilanz auch seine Jahresprognose. Time-Warner-Aktien verloren nach anfänglichen Gewinnen dann doch 2,8 Prozent.

Der Ölpreis sank nach seinem kräftigen Anstieg am Dienstag zur Wochenmitte wieder. Ein Fass US-Leichtöl verbilligte sich um rund 6,5 Prozent auf 66 Dollar.

Auch die deutsche Börse war trotz weltweiter Freude über den Sieg des Demokraten Obama bei der amerikanischen Präsidentschaftswahl nicht in Partylaune: In Frankfurt schloss der deutsche Leitindex Dax 2,1 Prozent tiefer bei 5166 Punkten. Zu dem Zeitpunkt lag der Dow Jones noch bei 1,7 Prozent im Minus.

Im Dax verloren Aktien von ThyssenKrupp 7,6 Prozent auf 15,62 Euro, Deutsche Börse und Linde verbilligten sich um jeweils 6,8 Prozent. Mit Gewinnen gingen lediglich Münchener Rück aus dem Handel: Die Aktie stieg um 0,4 Prozent auf 101,93 Euro. Volkswagen schloss unverändert bei 398 Euro. Alle anderen Werte lagen im Minus. Der MDax gab 3,1 Prozent auf 5906 Zähler nach, der TecDax schloss 4,8 Prozent im Minus bei 572 Punkten.

(Spiegel, 05.11.2008)

Текст 14

(Экономика)

Nordrhein-Westfalen ist Hot Spot für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups

(Josefine Zucker)

Gründerstudie untersucht Standortfaktoren für junge Hightech-Firmen in Deutschland

„Bei Gründungen von Mikro- und Nanotechnik-Unternehmen liegt Nordrhein-Westfalen in Deutschland an der Spitze“, sagt Dr. Uwe Kleinkes, Leiter von IVAM Research. Laut dem Gründungsmonitor Mikro-/Nanotechnik haben

sich hier von 1985 bis 2005 21,4 Prozent aller Start-ups, die sich mit miniaturisierter Technik befassen, angesiedelt. Die Plätze zwei und drei der beliebtesten Bundesländer belegen Bayern und Baden-Württemberg. Mit der Start-up-Studie liegen zum ersten Mal Zahlen zum Gründerverhalten in der Mikro- und Nanotechnikbranche vor.

Wie die Studie zeigt, siedeln Gründer, die sich mit Standortfragen beschäftigen, ihr Unternehmen mit Vorliebe in Clustern an – also an Orten, wo bereits mehrere Unternehmen gleicher technologischer Ausrichtung zuhause sind. Die wachstumsstärksten Unternehmen haben große Mikrotechnik-Cluster wie Dortmund, Berlin, München und Jena als Firmensitz gewählt. Dies bestätigt aktuelle Wirtschaftstheorien, wonach Cluster den Erfolg der ansässigen Unternehmen fördern.

Als größter Mikrotechnik-Cluster Deutschlands mit über 40 Unternehmen ist Dortmund bei Gründern besonders beliebt. Mit dem Gründerwettbewerb start2grow und dem Kompetenzzentrum MST.factory.dortmund hat die Stadt in den vergangenen Jahren ein spezielles Dienstleistungs- und Infrastrukturangebot für Mikro- und Nanotechnik-Gründer aufgebaut. Die Cluster Dortmund, Ruhrgebiet und Aachen beherbergen insgesamt fast 200 überwiegend kleine und mittlere Mikro- und Nano-Firmen.

Der Gründungsmonitor basiert auf einer Befragung von Unternehmern, die zwischen 2000 und 2005 ein Mikro- oder Nanotechnik-Unternehmen in Deutschland gegründet haben. Die Studie wurde von IVAM Research in Zusammenarbeit mit dem dortmund-project durchgeführt. Neben Standortfaktoren wurden die Rahmenbedingungen und Erfolgsfaktoren für Mikro- und Nanotechnik-Start-ups in Deutschland untersucht.

(Innovations-report, 22.06.2006)

Текст 15

(Экономика)

Lukas Papademos: „Griechenland steht am Ground Zero“

Kurz vor der Abstimmung über das Sparpaket signalisieren griechische Abgeordnete, dass sie ablehnen wollen. Der Regierungschef malt das Menetekel an die Wand.

Mit einem eindringlichen Appell hat sich der griechische Regierungschef kurz vor der Parlamentsabstimmung über das Sparpaket direkt an das Volk gewandt.

In einer am Samstag im Fernsehen übertragenen Rede warnte Lukas Papademos: „Wir sind nur einen Atemzug vom Ground Zero entfernt“. Eine ungeordnete Pleite würde das Mittelmeer-Land in ein desaströses Abenteuer führen. Die Folge wären ein Kollaps des Lebensstandards sowie Engpässe bei Treibstoff und Medikamenten.

Die Zustimmung des unter dem Druck der internationalen Geldgeber ausgehandelten Sparpakets durch das Abgeordnetenhaus am Sonntag ist Voraussetzung für das dringend benötigte zweite Hilfspaket über 130 Milliarden Euro.

Theoretisch verfügt die von den Konservativen und der sozialistischen Pasok unterstützte Regierung über ausreichend Stimmen. Allerdings wächst die Zahl der Gegner des im Volk unpopulären Sparkurses.

Rund 20 Abgeordnete der beiden großen Parteien trotzen eindringlichen Appellen der Parteiführungen und drohten mit Ablehnung. Allerdings sind mehr als 80 Rebellen nötig, um das Gesetz zu Fall zu bringen. Die kleine rechtspopulistische Laos-Partei hat der Regierung bereits ihre Unterstützung aufgekündigt.

Das Spar- und Reformprogramm soll mit tiefgreifenden Einschnitten die Forderungen von Europäischer Union und Internationalem Währungsfonds erfüllen. Es sieht unter anderem die Entlassung von rund 15.000 Beschäftigten im öffentlichen Dienst sowie milliardenschwere Privatisierungen vor.

(Frankfurter Rundschau, 28.12.2010)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Тексты официально-делового функционального стиля (15)

Текст 1

(Юриспруденция)

BAföG für Bachelor- und Master-Studiengänge

(Отрывок)

Aus § 7 Abs. 1 a BAföG ergibt sich die Förderungsfähigkeit eines Master-Studiums nach dem Erwerb eines Bachelor-Abschlusses. Unter welchen Voraussetzungen im Einzelnen eine BAföG-Förderung infrage kommt, ist im Folgenden dargestellt. Mit der zum 01.10.2010 in Kraft getretenen BAföG Änderung wurde das Höchstalter für Master-Studiengänge auf das 35. Lebensjahr angehoben.

Voraussetzungen für die BAföG-Förderung

Die Gewährung von Ausbildungsförderung für ein Master-Studium wird an drei wesentliche Bedingungen geknüpft.

Bachelor Abschluss

§ 7 Abs. 1 a BAföG bestimmt ausdrücklich, dass die Förderung eines Master-Studiums mit Mitteln des BAföG nur möglich ist, wenn der Auszubildende zuvor einen Bachelor-Abschluss erlangt hat. Ein anderweitiger erster Hochschulabschluss, insbesondere ein Diplom, berechtigt folglich nicht zur Inanspruchnahme von BAföG-Leistungen für ein Master-Studium.

Master Studium

Das Gesetz verlangt keinen besonderen fachlichen Zusammenhang zwischen dem Bachelor und dem sich anschließenden Master-Studiengang. Es ist vielmehr ausreichend, dass für die Aufnahme eines Master-Studiums irgendein Bachelor-Abschluss erworben worden ist, wenn nur das Master-Studium selbst berufsqualifizierend ist und innerhalb einer bestimmten Zeit absolviert werden kann (Vollzeitstudium über zwei bis vier Semester).

Altersgrenze von 30 Jahren (bzw. 35 bei Master-Studiengängen)

Ausbildungsförderung wird nicht geleistet, wenn der Auszubildende bei Beginn des Bachelor Ausbildungsabschnitts, für den er Ausbildungsförderung beantragt, das 30. Lebensjahr vollendet hat, § 10 Abs. 3 BAföG. Für das Master-Studium liegt die Altersgrenze bei 35 Jahren. Ausnahmen hiervon lässt das Gesetz nur unter engen Voraussetzungen zu, § 10 Abs. 3 BAföG. Ausnahmen gelten etwa, wenn der Auszubildende aus persönlichen oder familiären Gründen, insbesondere der Erziehung von Kindern bis zu zehn Jahren, gehindert war, den

Ausbildungsabschnitt rechtzeitig zu beginnen, infolge einer einschneidenden Veränderung seiner persönlichen Verhältnisse bedürftig geworden ist und er noch keine Ausbildung, die nach dem BAföG gefördert werden kann, berufsqualifizierend abgeschlossen hat.

Zeit zwischen Bachelor und Master-Studium

Oft ist ein nahtloser Übergang in der Förderung zwischen dem Bachelor-Abschluss und dem Master-Studium nicht ohne weiteres möglich, weil zwischen den Prüfungsleistungen für den Bachelor und dem Beginn des neuen Ausbildungsgangs eine Zeitspanne von einigen Monaten liegt. Unter solchen Bedingungen hilft auch die Übergangsregelung des § 15 b Abs. 2 BAföG nicht weiter, wonach ein Zeitraum von nur einem Monat zwischen dem Ende eines Ausbildungsabschnittes und dem Beginn eines anderen unbeachtlich bleibt für den weiteren Bezug von Bafög-Leistungen.

Fachrichtungswechsel während des Master Studiums

Ein Fachrichtungswechsel aus wichtigem Grund im Sinne des § 7 Abs. 3 Satz 1 Nr.1 BAföG ist bei einem Master-Studiengang nicht möglich, wie aus der deutlichen gesetzlichen Anordnung in § 7 Abs. 1a BAföG folgt. Demgegenüber lässt die Regelung einen Fachrichtungswechsel beim Master Studium zu, wenn ein unabweisbarer Grund vorliegt. Ein unabweisbarer Grund gemäß § 7 Abs. 3 Satz 1 Nr.2 BAföG wird zum Beispiel anzunehmen sein, wenn das Studium der Chemie aufgrund einer erstmals aufgetretenen Allergie gegen bestimmte Substanzen nicht fortgesetzt werden kann und eine spätere Ausübung des angestrebten Berufes nicht möglich erscheint. Nach der Verwaltungsvorschrift, die zu § 7 BAföG ergangen ist, liegt ein unabweisbarer Grund immer dann vor, wenn eine Wahl zwischen der Fortsetzung der bisherigen Ausbildung und ihrem Abbruch oder dem Wechsel aus der bisherigen Fachrichtung ausgeschlossen ist.

(BAföG aktuell, 03.10.2010)

Текст 2

(Юриспруденция)

Praxiskommentar Erbrecht

(Отрывок)

g) Holding-Strukturen

89 Ein Unternehmen kann durch eine **Familienholding** geführt werden (vgl. BAUMANN, Familienholding, 123 ff. [Einzelheiten der Ausgestaltung]), häufig in der Form einer AG (vgl. BAUMANN, Familienholding, 44 ff.). Denkbar ist aber auch eine GmbH, bei welcher die Flexibilität er-

laubt, viele der oben genannten Punkte (vgl. N 85) in die Statuten einfließen zu lassen (vgl. STAEHELIN, in: DRUEY/BREITSCHMID, Planung, 122 f.). Familienunternehmen werden häufig vor einem Verkauf noch umstrukturiert (PETER, 74 ff.). Dabei ist darauf zu achten, dass keine latenten Steuern beseitigt werden, weil sonst eine Transponierung (Art. 20 Abs. 1 lit. c DBG) vorliegt, welche zur Besteuerung führt (vgl. Anhang Steuern N 251).

- 90** Der Erblasser kann das Unternehmen sodann an eine Holding der Erben bzw. des Nachfolgers, eine sog. «**Erbenholding**», verkaufen. Damit konnte er lange Zeit einen steuerfreien Kapitalgewinn realisieren (vgl. STAEHELIN, in: DRUEY/BREITSCHMID, Planung, 140). Das BGer hat dieser Praxis allerdings im vielbeachteten Entscheid vom 11. Juni 2004 (vgl. BGer, 12.1.2000, 2A.331/2003) ein Ende bereitet, indem es die Regeln der Transponierung angewendet hat. Das Instrument der Erbenholding wird damit praktisch verunmöglicht. Die Unternehmenssteuerreform II wird eine systematische Regelung der steuerlichen Beurteilung von Transponierung und indirekter Teilliquidation bringen und die Rahmenbedingungen voraussichtlich wieder verbessern (vgl. Anhang Steuern N 253).
- 91** Um die Problematik der fehlenden Möglichkeit eines Austritts aus einer Aktiengesellschaft zu mildern, kann eine **Holding zur Auszahlung von Minderheitsaktionären** errichtet werden. Die Holding, welche durch Dividenden gespiesen werden kann, kann Aktien zurückkaufen und unterliegt auch nicht den Beschränkungen von Art. 659 OR (vgl. dazu N 84; STAEHELIN, in: DRUEY/BREITSCHMID, Planung, 143).
- 92** Um einen **Börsengang** vorzubereiten, kann eine durch Aktionärbindungsvertrag verbundene Familie ihre Anteile durch Einbringung in eine Holding zusammenlegen (vgl. STAEHELIN, in: DRUEY/BREITSCHMID, Planung, 144).
- 93** Im **internationalen Verhältnis** mag die Nachfolgeplanung statt mit einer Holding unter Um-ständen auch mit einem Trust (vgl. N 45 ff.) durchgeführt werden (vgl. BUTTY, 39 ff.).

(H.R. Künzle, 2007)

Текст 3
(Юриспруденция)
Gerichtsentscheidung: Ernsthafte Absicht zur Führung einer Ehe

Gericht	VG Berlin 29. Kammer	Quelle	Juris
Entscheidungsdatum	22.12.2009	Normen	§ 27 AufenthG, § 28 AufenthG
Aktenzeichen	29 K 165.09 V		
Dokumenttyp	Beschluss		

Tenor

Der Antrag auf Gewährung von Prozesskostenhilfe wird abgelehnt.

Gründe

1

Mit Beschluss vom heutigen Tag hat die Kammer den Rechtsstreit dem Vorsitzenden als Einzelrichter zur Entscheidung übertragen (§ 6 VwGO).

2

Abgesehen davon, dass die Kläger entgegen ihrer Ankündigung den für die Bewilligung von Prozesskostenhilfe eingeführten Vordruck nicht eingereicht haben (§ 166 VwGO in Verbindung mit § 117 Abs. 4 ZPO), haben die Kläger keinen Anspruch auf Bewilligung von Prozesskostenhilfe, weil die beabsichtigte Rechtsverfolgung keine hinreichende Aussicht auf Erfolg bietet, §§ 166 VwGO, 114 ZPO.

3

Die Kläger, die ein Visum für den Kläger zu 1) zum Ehegattennachzug zur Klägerin zu 2) gem. §§ 27, 28 AufenthG begehren, haben eine ernsthafte Absicht zur Führung einer Ehe nicht hinreichend substantiiert dargelegt. Für die Annahme einer ernsthaften Absicht zur Führung der Ehe ist erforderlich, dass beide Ehepartner den Wunsch haben, die Ehe als eine auf Dauer angelegte Verbindung zu führen, die auf ein Zusammenleben in einer umfassenden Lebensgemeinschaft ausgerichtet ist (OVG Berlin, Beschluss vom 21. November 2002 – OVG 8 N 120.01 – S. 3 des Abdrucks; OVG Münster, Urteil vom 16. August 2000 – 17 A 3378/98 -, S. 10 des Abdrucks).

4

Die Kläger haben bei ihren jeweiligen Vorsprachen beim Beklagten bzw. bei der Beigeladenen nur rudimentäre Kenntnisse über die persönliche Hintergründe des jeweils anderen Ehepartners gezeigt. So hatte der Ehe-

mann keine Vorstellung darüber, wie die Wohnung der Ehefrau in Bremen aussieht. Er wusste auch über ihre drei Kinder, von denen die zwei Töchter noch in der Wohnung wohnen und beim Einzug des Ehemanns ausziehen sollen, nicht näher Bescheid. Sie hatte keine Kenntnisse über die erste Ehe des Ehemanns mit einer Deutschen, die nach den Unterlagen der Ausländerbehörde ohne dass es zu einem Zusammenleben kam, geschieden wurde, weil er die erste Ehefrau schlecht behandelt hatte. Auch die Angaben zum Kennenlernen waren von erheblichen Widersprüchen geprägt. Während sie zunächst angab, die Eheschließung sei per Internet abgemacht worden, gab sie kurze Zeit später an, dass sie keine E-Mails schreiben könne und auch keine Ahnung vom Internet habe; so kannte sie Begriffe wie Flatrate und Web-Site nicht. Zum Kennenlernen gab er an, man habe sich über das Internet kennen gelernt und stehe seit anderthalb Jahren per E-Mail in Kontakt. Sie gab hingegen an, man stehe seit sechs Monaten in Kontakt. Berücksichtigt man weiter, dass der Kontakt von der Schwester des Klägers, die ebenfalls nach den Unterlagen der Ausländerbehörde über eine Deutschverheiratung, die mittlerweile geschieden worden ist, eingereist ist, vermittelt worden ist, ohne dass die Ehefrau über diese verwandtschaftliche Beziehung informiert gewesen sein soll, und berücksichtigt man weiter die aufenthaltsrechtliche Vorgeschichte des Klägers, können hinreichende Erfolgsaussichten für die vorliegende Klage nicht angenommen werden.

(Bürgerservice Berlin – Brandenburg, 22.12.2009)

Текст 4

(Правительственная деятельность)

**Deutscher Bundestag. Drucksache 17/876. 17. Wahlperiode.
Antwort der Bundesregierung auf die Anfrage der Abgeordneten
(Отрывок)**

Die Bundesregierung hat die Absicht, den Schienenbonus schrittweise zu reduzieren mit dem Ziel, ihn ganz abzuschaffen. Die Prüfung und Überarbeitung der einschlägigen rechtlichen Regelungen zum Schienenbonus ist auf Arbeitsebene bereits aufgenommen worden. Dies gilt auch für die Fortschreibung des Gesamtkonzepts der Lärmsanierung an bestehenden Schienenwegen der Eisenbahnen des Bundes. Die Bundesregierung sieht es als ihre Aufgabe an, differenzierte Aspekte der Lärm-Charakteristik, der konkreten schutzbedürftigen Situationen und der Wirkung auf den Menschen zu betrachten und innerhalb der fi-

nanziellen Rahmenbedingungen zu würdigen. Dazu werden auch neue wissenschaftliche Studien einbezogen, namentlich die Untersuchungen des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie (BMW), die Ergebnisse des Forschungsverbundvorhabens „noise effects“ im Rahmen der deutsch-französischen Kooperation in der Verkehrsforschung (deufrako) sowie eine Studie des Umweltbundesamtes über Wirkungen des Schienenverkehrslärms im Vergleich zu anderen Lärmquellen.

(Frankfurter Rundschau, 28.12.2010)

Текст 5

(Правительственная деятельность)

Landtag des Saarlandes. 12. Wahlperiode. 48. Sitzung

(Отрывок)

Präsident Ley:

Ich danke dem Herrn Minister und eröffne die Aussprache. – Das Wort hat Frau Abgeordnete Petra Scherer.

Abg. Scherer (SPD):

Herr Präsident! Meine sehr verehrten Damen und Herren! Der Schutz von Kindern und Jugendlichen ist eine unserer wichtigsten Aufgaben – als Erwachsene und insbesondere auch als Gesetzgeber, als Legislative. Es ist unsere Pflicht, Kinder und Jugendliche vor Gefahren und vor negativen Einflüssen, mit denen sie in ihrem Alter noch nicht umgehen können, zu schützen. Dazu gehört insbesondere der Schutz junger Menschen vor Gewaltdarstellungen in den Medien. Herr Schreier hat es eben schon angesprochen, bereits seit einigen Jahren wird in der Bundesrepublik über eine Novellierung des Jugendschutzes, insbesondere des Jugendmedienschutzes, diskutiert. Die schrecklichen Ereignisse von Erfurt im vergangenen Jahr haben dann zu einer Intensivierung der Debatte über Aufgaben und Anforderungen an ein neues Jugendschutzgesetz geführt. Im Juni letzten Jahres hat der Bundestag das neue Jugendschutzgesetz verabschiedet, das die beiden bis dahin bestehenden Gesetze, das Gesetz zum Schutz der Jugend in der Öffentlichkeit und das Gesetz über die Verbreitung jugendgefährdender Schriften, zu einem einheitlichen Jugendschutzgesetz zusammenführt. Damit gibt es nun einen einheitlichen und praktikablen Rahmen für den Jugendschutz in der Bundesrepublik. In Kraft treten wird das neue Jugendschutzgesetz des Bundes aber erst voraussichtlich im April dieses Jahres, nämlich dann, wenn der vorliegende Staatsvertrag unter Dach und Fach ist, denn Gesetz und Staatsvertrag sind miteinander gekoppelt. Meine Damen und Herren! Eine Novellierung des Jugendschutzgesetzes wurde insbesondere deshalb notwendig, weil mit den technischen Entwicklungen, insbesondere in den neuen Me-

dien, Schritt gehalten werden muss. Eine Neuregelung war auch dringend geboten, um die Unübersichtlichkeit des geltenden Jugendschutzgesetzes und die Zersplitterung der Aufsichtsstrukturen zu überwinden. Mit dem vorliegenden Staatsvertrag, der auf den von Bund und Ländern vereinbarten Eckpunkten zur Reform des Jugendschutzgesetzes basiert, werden die Zuständigkeiten zwischen Bund und Ländern neu geordnet und wird eine einheitliche Rechtsgrundlage für den Jugendschutz geschaffen. Der Bund bleibt weiterhin zuständig für den Jugendschutz bei den Trägermedien – Filme, Videos, CD-ROMs, – die Länder sind jetzt zuständig für den Jugendschutz in den elektronischen Medien, also Rundfunk, Medien und Teledienste. Durch den Staatsvertrag werden die Aufsichtsstrukturen vereinfacht und die freiwillige Selbstkontrolle der Medienveranstalter gestärkt. Die Bundesprüfstelle für jugendgefährdende Medien kann jetzt alle Medien indizieren. Minister Schreier ist ja eben ausführlich auf den Inhalt des Staatsvertrages eingegangen. Was ich persönlich sehr begrüße: Auch der Jugendschutz in Werbung und Teleshopping wird jetzt im Staatsvertrag geregelt. Meine sehr geehrten Damen und Herren, liebe Kolleginnen und Kollegen! Als zentrale Aufsichtsstelle für den Jugendmedienschutz wird eine Kommission für Jugendmedienschutz eingerichtet, der Vertreter der Landesmedienanstalten, der für Jugendschutz obersten Landesbehörden, und der obersten Bundesbehörde angehören. Als Sitz für diese neue Medienbehörde hatte sich auch das Saarland beworben. Wie jetzt Anfang Januar in der Saarbrücker Zeitung nachzulesen war, ist Saarbrücken als Standort der Kommission leider aus dem Rennen. Wir bedauern sehr, dass das Saarland seine Bewerbung als Sitz dieser neuen Behörde zurückgezogen hat, denn damit wurde eine weitere Chance vertan, das Saarland als Medienstandort weiter zu profilieren. Zudem hätte eine neue Behörde auch neue Arbeitsplätze bedeutet.

(Deutscher Bundestag, 02.03.2010)

Текст 6

(Официальные учреждения и организации)

Protokoll der Sitzung des Komitees für Elementarteilchenphysik

(Отрывок)

2. Berichte zu KET assoziierten Projekten

Status des Komitees für Öffentlichkeitsarbeit

Nachdem sich fünf Kollegen für die Mitarbeit in dem Komitee für Öffentlichkeitsarbeit bereit erklärt hatten, berichtete Herr Mättig über die im Komitee besprochene Aufgabenteilung.

- EPOG Angelegenheiten (alle)
- Web Sites EPOG und teilchenphysik.org (Tobias Haas)

- Masterclasses (Michael Kobel)
- Lehrerfortbildungen (Thomas Trefzger)
- Schulmaterialien (Thomas Trefzger, Michael Kobel)
- LHC Outreach (Herbi Dreiner, Michael Altmann)
- BMBF Förderung (Michael Altmann, Michael Kobel)
- Medienkontakte (Tobias Haas und DESY)

Mit Befriedigung nahm KET zur Kenntnis, dass sich sowohl DESY als auch das MPI München bereit erklärt haben, die Arbeit des Komitees mit ihrer Infrastruktur zu unterstützen. KET bittet das Komitee für Öffentlichkeitsarbeit, bis zur DPG Tagung in Dortmund ein längerfristiges Konzept zur Öffentlichkeitsarbeit zum Beginn der Datennahme des LHC zu erarbeiten. Dabei soll insbesondere auch die Rolle der deutschen Beiträge herausgearbeitet werden. Herr Heuer wies außerdem darauf hin, dass im gerade begonnenen Jahr der Informatik die HEP ihre Beiträge, z.B. aktuell im GRID Computing, einbringen sollte.

**Status der gemeinsamen Theorie – Experiment Workshops zu LHC
(Vorbereitung J.Kühn)**

Herr Kühn berichtete darüber, dass Convenor und Termine für fünf Gebiete zur LHC Physik feststehen (siehe KET Rundbrief vom 24.1.2006 und www.ketweb.de). Auf der KET Web – Seite soll auf dieses Projekt verwiesen werden (Nachtrag: inzwischen geschehen) und die Web Seiten der einzelnen Untergruppen vernetzt sein.

(T. Behnke, 21.01.2006)

Текст 7

(Официальные учреждения и организации)

Erklärung über die eigenständige Erstellung der Hausarbeit

Hiermit erkläre ich, dass ich die vorliegende Hausarbeit selbständig verfasst und keine anderen als die angegebenen Hilfsmittel benutzt habe.

Die Stellen der Hausarbeit, die anderen Quellen im Wortlaut oder dem Sinn nach entnommen wurden, sind durch Angaben der Herkunft kenntlich gemacht. Dies gilt auch für Zeichnungen, Skizzen, bildliche Darstellungen sowie für Quellen aus dem Internet.

Marburg, den 10. April 2006

Marcel Ackermann

Текст 8

(Официальные учреждения и организации)

Resolution des Landesfeuerwehrverbandes Rheinland-Pfalz e.V.

(Отрывок)

2. Seitens des Ministeriums für Inneres, Sport und Infrastruktur wurden in den Dienstbesprechungen mit den kommunalen Spitzenverbänden sowie den Kreis- und Stadtfeuerwehrinspektoren Ansätze zur Bewältigung des demografischen Wandels in den Feuerwehren erarbeitet. In diesem Zusammenhang kommt der Entlastung des Ehrenamtes sowie der Steigerung der Attraktivität ehrenamtlicher Betätigung zentrale Bedeutung zu. Durch in Rede stehenden Maßnahmen werden die intendierten Absichten indes nicht erreicht. Vielmehr resultiert hieraus eine weitergehende Belastung des Ehrenamtes. Von der LFKS nicht mehr durchgeführte Ausbildungen und Seminare sind dann von der Ehrenamtlichkeit zu koordinieren. Schon derzeit bietet sich den Feuerwehrangehörigen eine erhebliche Belastung durch administrative Tätigkeiten, die das Spannungsfeld zwischen Beruf, Familie und ehrenamtlicher Betätigung zunehmend verschärfen. Durch die dezentrale Umsetzung der Regelung zur Landesverordnung Über die Erteilung von Fahrberechtigungen zum Führen von Einsatzfahrzeugen der Freiwilligen Feuerwehren, der nach Landesrecht anerkannten Rettungsdienste und der technischen Hilfsdienste, Einführung des digitalen Funkbetriebs, die sukzessive Implementierung von integrierten Leistellen sowie perspektivisch die Einführung der digitalen Alarmierung werden sich weitere Belastungen ergeben. Somit ist den beabsichtigten Vorhaben eine eindeutige Absage zu erteilen.

(O. Fürst, 19.11.2009)

Текст 9

(Официальные учреждения и организации)

Internationale Woche an der Universität Kassel

Das International Office der Universität Kassel lädt auch in diesem Jahr wieder zur Internationalen Woche ein. Im Rahmen dieser Veranstaltung werden sowohl Informationen als auch Beratung zum Studium und Praktikum im Ausland angeboten.

In 4 Tagen um die Welt:

Montag, 07.05.2012: Amerika

Dienstag, 08.05.2012: Asien und Afrika

Mittwoch, 09.05.2012: Europa (anlässlich des Europatags)

Donnerstag, 10.05.2012: Australien

Die einzelnen Veranstaltungen finden jeweils von 13–14 Uhr statt. Studierende und Angehörige der Universität Kassel haben die Möglichkeit sich über Voraussetzungen, Bewerbungsabläufe und Fristen für eine Auslandsmobilität zu informieren. Die Veranstaltung wird durch einen studentischen Erfahrungsbericht eingeleitet und einen abschließenden Workshop mit Mitgliedern des International Office der Universität Kassel abgerundet.

Parallel wird in den Mensen der Universität Kassel themenbezogenes Essen angeboten.

Wir freuen uns auf Dich. Go International!

(S. Guttenhöfer, 09.03.2008)

Текст 10

(Трудоустройство и трудовая деятельность)

Praktikanten/-innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen

Campus Career Network (www.c2n.de) ist eine bundesweit agierende Personalvermittlung, speziell für Studenten, Absolventen und Young Professionals mit Sitz in Esslingen (Neckar). Deutschlandweit suchen und vermitteln wir Absolventen und Young Professionals an namhafte Unternehmen. Die Campus-Tour.de stellt halbjährlich namhafte Unternehmen an mehr als 80 Hochschulen in ganz Deutschland vor. Zur Verstärkung unserer Personal-Teams in Esslingen am Neckar und in Leonberg suchen wir ab sofort drei Praktikanten/innen Personalrecruiting von Hochschulabsolventen. Eine detaillierte Stellen- und Aufgabenbeschreibung finden Sie hier: <http://www.c2n.de/praktikum/esslingen-leonberg/personalrecruiting-hochschulabsolventen-c2n-35429.htm>

Zur Verstärkung unseres Marketing-Teams der Campustour.de suchen wir ab sofort eine/n Praktikant/in Eventmanagement & Hochschulmarketing. Weitere Infos zur Praktikantenstelle im Marketing finden Sie unter: http://www.campustour.de/media/pdf/stellenanzeige_praktikum_event.pdf

Allgemeine Qualifikation:

Sie haben Interesse und eventuell auch schon erste Erfahrung in den jeweiligen Bereichen. Weiterhin können Sie gut mit Menschen kommunizieren und beherrschen die deutsche Sprache sicher in Wort und Schrift Sie sind teamfähig und zuverlässig. Der Umgang mit dem MS-Office Standardpaket fällt Ihnen nicht schwer. Wir bieten: Heranführung an anspruchsvolle praktische Aufgaben Arbeit in einem motivierten Team ein hervorragendes, freundliches Betriebsklima, beste Erreichbarkeit unserer Niederlassungen mit der S-Bahn, selbstverständlich auch eine Vergütung.

Sonstiges: Standort: Esslingen am Neckar (Personal oder Marketing) oder Leonberg (nur Personal). Start: ab sofort Dauer: 3–6 Monate. Bei erfolgreichem Absolvieren kann die Übernahme in unser Trainee Programm erfolgen. Bitte senden Sie uns Ihre aussagekräftigen Bewerbungsunterlagen, bevorzugt per E-Mail mit Ihrem möglichen Einstiegstermin an die unten genannte Adresse.

Bei Fragen stehe ich Ihnen sehr gerne zu Verfügung und freue mich auf Ihre Rückmeldung,

Benjamin Taxis

Campus Career Network

benjamin.taxis@c2n.de

Tel. +49 (0) 711 / 66 46 36 – 245

(B. Taxis, 23.03.2002)

Текст 11

(Трудоустройство и трудовая деятельность)

Bewerbungstipps für Bewerbung und Lebenslauf

Das Bewerbungsschreiben – Aufbau & Inhalt

Wecken Sie mit einem aussagefähigen, prägnanten Anschreiben das Interesse des neuen Arbeitgebers und überzeugen Sie mit dieser ersten Arbeitsprobe. Bei einem fehlerhaften Bewerbungsanschreiben erhalten Sie keine zweite Chance.

Der Lebenslauf

Der Lebenslauf ist das Kernstück jeder Bewerbung. Viele Personalentscheider lesen den Lebenslauf zuerst, noch vor dem Bewerbungsanschreiben. Achten Sie auf einen gut strukturierten Lebenslauf, in dem sich Ihr beruflicher Werdegang und Ihre Qualifikationen verständlich nachvollziehen lassen.

Die Online-Bewerbung

Zahlreiche Unternehmen bietet Stellensuchenden heute die Möglichkeit, sich online zu bewerben. Lesen Sie auf welchen Besonderheiten Sie bei der Online-Bewerbung achten sollten und erstellen sie Ihre Bewerbung mit dem Bewerbungsmanager.

Die Initiativbewerbung

Unabhängig von bestehenden Stellenausschreibungen können Sie auch die Möglichkeit der Initiativbewerbung (auch Blindbewerbung genannt) nutzen. Sich initiativ oder blind zu bewerben bedeutet jedoch nicht, Bewerbungen wahllos zu versenden.

Das Vorstellungsgespräch

Mit der Einladung zum Vorstellungsgespräch sind Sie Ihrem Ziel, dem Arbeitsvertrag, schon ein großes Stück näher gekommen. Jetzt gilt es, durch einen überzeugenden Auftritt im Job-Interview beim Personalentscheider zu punkten. Die folgenden Praxistipps helfen Ihnen dabei.

Bewerbungsfehler

Personaler bekommen in der Regel mehr Bewerbungen als Stellen verfügbar sind. Damit Ihre Bewerbung nicht sofort aussortiert wird, sollten Sie typische Bewerbungsfehler vermeiden.

Ausbildung

Ein neuer Lebensabschnitt beginnt mit dem Berufseinstieg. Was bedeutet eigentlich «duale Ausbildung» und warum muss der Ausbildungsberuf staatlich anerkannt sein? Für akademische Berufseinsteiger eignet sich gegebenenfalls auch ein Trainee-Programm, das den Berufseinstieg mit einer Ausbildung verknüpft.

Assessment Center

Das Assessment Center ist ein Personalauswahlverfahren, mit dem ein Unternehmen unter mehreren Bewerbern den Kandidaten ermittelt, der den Anforderungen am besten entspricht. Bewerber werden dabei mit verschiedenartigen Problemen des Berufsalltags konfrontiert und deren Lösung bewertet.

Bewerbung ins Ausland

Sie möchten sich im Ausland um einen Job bewerben? Leider lassen sich Bewerbungsunterlagen nicht eins zu eins übersetzen und auch Berufs- und Hochschulabschlüsse sind nicht überall gleich. Hier finden Sie Tipps für erfolgreiche englische Bewerbungen.

(Personalmarkt.de., 17.04.2003)

Текст 12

(Торгово-коммерческая сфера)

Preisnachlass für die Besitzer der Bahncard auch im SaarVV-Beförderungsnetz!

Alle Besitzer einer BahnCard, egal welche Einstufung, ob 25, 50 oder 100 %, erhalten auf Einzelfahrscheine des SaarVV eine Ermäßigung von rund 25 %. Die Ermäßigung gilt nicht für Abos.

Beispiel: Ein Einzelfahrschein des SaarVV der Preisstufe III kostet regulär 2,90 Euro, mit Bahn-Card 2,30 Euro.

Die BahnCard ist beim Busfahrer vorzuzeigen. Wer einen Fahrschein-Automaten benutzt, drückt vorweg die Taste „Einzelfahrkarte BahnCard“, damit wird die Ermäßigung für den angewählten Bereich automatisch ausgewiesen.

Außerdem gibt es bei einem für den Fernverkehr gelösten Bahn-Ticket für die Besitzer der BahnCard ebenfalls Vorteile:

Wer ein sogenanntes City-Ticket über 100 km gelöst hat, darf bei der Hin- und Rückfahrt zum Bahnhof dieses Ticket als SaarVV-Ticket benutzen; außerdem kann er noch einen Gast – auch ohne dass dieser eine BahnCard hat – mitnehmen.

Dies gilt aber nur in den Städten, die als Zielort eines City-Ticket ausgewiesen sind und nur für einen bestimmten Geltungsbereich im jeweiligen Nahverkehr, s. City-Ticket-Städte und Geltungsbereiche.

(Deutsche Bahn AG, 02.06.2004)

Текст 13

(Торгово-коммерческая сфера)

KfW-Kredit

Das Studentenwerk im Saarland e. V. ist Vertriebspartner der KfW – Kreditanstalt für Wiederaufbau, – die Darlehen an Vollzeitstudierende während des Studiums vergibt. Voraussetzungen sind, dass man die deutsche Staatsangehörigkeit besitzt, an einer staatlich anerkannten Hochschule studiert, deren Sitz in Deutschland ist und die Finanzierung im Zusammenhang mit dem Studium stehenden Lebenshaltungskosten steht. Es sind auch Bürger der EU antragsberechtigt, wenn sie sich seit mindestens 3 Jahren in Deutschland aufhalten. Neben der KfW bieten auch private Kreditinstitute und Landesbanken Darlehen für Studierende an, aber die KfW bietet eindeutige Vorteile: Flexible Rückzahlung und lange Repayment-Phase (bis zu 25 Jahren); Beantragung von bis zu 650 € monatlich unabhängig vom Studienfach, dem eigenen Einkommen und dem Einkommen der Eltern; gilt bundesweit und ab dem 1. Semester Karenzzeit bis zum Beginn der Rückzahlung beträgt 23 Monate nach Studienende

Nachteil ist wie bei jedem Bank-Darlehen bzw. -Kredit: Es muss – im Gegenteil zum BAföG – vollständig zurückgezahlt werden. Deshalb sollte unbedingt geprüft werden, ob ein Kredit auch benötigt wird, oder ob eine Finanzspritze durch das Bundesausbildungsförderungsgesetz (BAföG) in Frage kommt. Hier muss nur die Hälfte der Förderung als zinsloses Darlehen zurückgezahlt werden und nicht mehr als 10.000 €. Der BAföG-Satz hängt jedoch vom eigenen Einkommen oder dem der Eltern ab. Der KfW-Kredit kann auch mit dem BAföG kombiniert werden.

Weitere Infos

Servicepoint des Studentenwerks im Saarland e. V.

Gebäude D 4.1 Untergeschoss

Telefon: 0681/302-4992

oder direkt bei der KfW Bank

(Studentenwerk im Saarland e. V., 16.04.2008)

Текст 14

(Культурно-массовое просвещение)

Theater-Disclaimer

Aktualisierung der Seite und Haftung für Inhalte

„Theater Bagage e. V.“ ist bemüht, für die Richtigkeit und Aktualität aller auf seiner Website enthaltenen Informationen und Daten zu sorgen. Eine Haftung oder Garantie für die Aktualität, Richtigkeit und Vollständigkeit der zur Verfügung gestellten Informationen und Daten ist jedoch ausgeschlossen. In keinem Fall wird für Schäden, die sich aus der Verwendung der abgerufenen Informationen ergeben, eine Haftung übernommen. „Theater Bagage e. V.“ behält sich vor, ohne Ankündigung Änderungen oder Ergänzungen der bereitgestellten Informationen oder Daten vorzunehmen.

Auf der Seite enthaltene Links

„Theater Bagage e. V.“ hat in seine Website Links zu anderen Seiten im Internet integriert. Für alle diese Links gilt: „Theater Bagage e. V.“ betont ausdrücklich, dass es keinerlei Einfluss auf die Gestaltung und die Inhalte der gelinkten Seiten hat. „Theater Bagage e. V.“ ist für den Inhalt solcher Websites, die mittels eines elektronischen Links erreicht werden, nicht verantwortlich. Sollten durch diese Inhalte Rechte Dritter verletzt sein, so distanziert sich „Theater Bagage e. V.“ ausdrücklich von den Inhalten dieser Seiten. Diese Erklärung gilt für alle auf www.theater-bagage.de ausgebrachten Links und für alle Inhalte der Seiten, zu denen Links führen.

Urheberrecht

Das Layout der Homepage, die verwendeten Grafiken sowie die Sammlung der Beiträge sind urheberrechtlich geschützt. Die Seiten dürfen nur zum privaten Gebrauch vervielfältigt, Änderungen nicht vorgenommen und Vervielfältigungsstücke weder verbreitet noch zu öffentlichen Wiedergaben benutzt werden. Die Vervielfältigung von Informationen oder Daten, insbesondere die Verwendung von Texten, Textteilen oder Bildmaterial bedarf der vorherigen Zustimmung von „Theater Bagage e. V.“

Hinweise zum Schutz persönlicher Daten

Ihre eingegebenen Daten werden ohne zusätzliche Verschlüsselungstechniken an „Theater Bagage e. V.“ weitergeleitet. Alle gesendeten Informationen können daher unter Umständen während der Übermittlung von Dritten eingesehen werden. Sicherheitshalber sollten Sie keine Informationen versenden, die Sie geheimhalten wollen. Die Integrität der Daten ist im Moment nicht gewahrt.

Verwendung von Google-Analytics

Diese Website benutzt Google Analytics, einen Webanalysedienst der Google Inc. („Google“). Google Analytics verwendet sog. „Cookies“, Textdateien, die auf Ihrem Computer gespeichert werden und die eine Analyse der Benutzung der Website durch Sie ermöglicht. Die durch den Cookie erzeugten Informationen über Ihre Benutzung dieser Website (einschließlich Ihrer IP-Adresse) wird an einen Server von Google in den USA übertragen und dort gespeichert.

Google wird diese Informationen benutzen, um Ihre Nutzung der Website auszuwerten, um Reports über die Websiteaktivitäten für die Websitebetreiber zusammenzustellen und um weitere mit der Websitenutzung und der Internetnutzung verbundene Dienstleistungen zu erbringen. Auch wird Google diese Informationen gegebenenfalls an Dritte übertragen, sofern dies gesetzlich vorgeschrieben ist oder soweit Dritte diese Daten im Auftrag von Google verarbeiten. Google wird in keinem Fall Ihre IP-Adresse mit anderen Daten der Google Inc. in Verbindung bringen.

Sie können die Speicherung der Cookies durch eine entsprechende Einstellung Ihrer Browser-Software verhindern; wir weisen Sie jedoch darauf hin, dass Sie in diesem Fall gegebenenfalls nicht sämtliche Funktionen dieser Website vollumfänglich werden nutzen können. Sie können darüber hinaus die Erfassung der durch das Cookie erzeugten und auf Ihre Nutzung der Website bezogenen Daten (inkl. Ihrer IP-Adresse) an Google sowie die Verarbeitung dieser Daten durch Google verhindern, indem sie das unter dem folgenden Link verfügbare Browser-Plugin herunterladen und installieren: <http://tools.google.com/dlpage/gaoptout?hl=de>.

(BAföG aktuell, 03.10.2010)

Текст 15

(Военное дело)

Aufgaben des Wehrbereichskommandos III / Landeskommandos Thüringen Erfurt

Die Bundesrepublik Deutschland ist in vier Wehrbereiche aufgeteilt. Sie haben ihren Dienstsitz in Kiel (WBK I «Küste»), in Mainz (WBK II) und in München (WBK IV – «Süddeutschland»). Das Erfurter Wehrbereichskommando III (WBK III) ist für den Osten Deutschlands, außer Mecklenburg-Vorpommern, zuständig.

Mit der feierlichen Indienststellung am 1. Oktober 2001 auf dem Erfurter Petersberg hat das WBK III die territoriale Verantwortung für die Bundesländer Sachsen-Anhalt und Brandenburg, sowie für die Freistaaten Sachsen und Thüringen sowie der Bundeshauptstadt Berlin übernommen. Der neue Befehlshaber ist seit dem 27.03.2009 Generalmajor Heinrich Geppert. Er ist unmittelbarer militärischer Vorgesetzter von rund 7 500 Soldatinnen und Soldaten sowie zivilen Mitarbeiterinnen und Mitarbeitern. Das Kommando ist die vorgesetzte Kommandobehörde für das Standortkommando Berlin, das Führungsunterstützungsregiment 38, die Landeskommandos in Sachsen-Anhalt, Brandenburg, Sachsen und Thüringen mit Sitz in den jeweiligen Landeshauptstädten, einem Feldjägerbataillon, dem Wehrbereichsmusikkorps III, von drei Truppenübungsplätzen, vier Sportfördergruppen, sowie weiteren Kleindienststellen.

Die große Anzahl der unterschiedlichen Truppenteile zeigt allein schon die vielfältigen Aufgaben der Soldaten im Wehrbereich III.

Das Erfurter Kommando hat im Wesentlichen zwei operative Aufgaben. Zum einen werden für die Einsätze der Bundeswehr in den verschiedenen Einsatzländern wie z. B. in Afghanistan oder in den Balkanstaaten die Soldaten der Führungsunterstützung (u.a. satellitengestützte Fernmeldeverbindungen), der Feldjägertruppe und zahllosen Einzelspezialisten abgestellt. So befinden sich derzeit täglich annähernd 200 Soldaten in den Einsatzländern.

Weitere wesentliche Aufgabengebiete sind die Ausbildung von Soldaten auf den Truppenübungsplätzen bis hin zur Förderung von Sportlern unterschiedlicher Sportarten und Disziplinen in den vier Sportfördergruppen.

Das andere operative Standbein betrifft den direkten Schutz der eigenen Bevölkerung. Mit den Landeskommandos sowie den zivilen Strukturen angepassten Bezirks- und Kreisverbindungskommandos in Deutschland wurden neue Kommandostrukturen aufgebaut, um in Katastrophen- und Krisenfällen noch effizienter reagieren zu können, wenn die zivilen Katastrophenschutzbehörden

Unterstützung anfordern. Dabei werden die Einsatzkräfte in den zivilen Behörden und Ämtern nach Anforderung Soldaten der Bundeswehr und militärischer Technik, wie zum Beispiel bei dem Elbehochwasser 2002 und im Frühjahr 2006, nachhaltig unterstützt.

Das Landeskommando Thüringen ist zuständig für den Freistaat Thüringen und hat ebenfalls seinen Sitz in der Landeshauptstadt. Kommandeur ist Oberst Karl-Martin Hofeditz.

Das Bezirksverbindungskommando in Weimar und die 23 Kreisverbindungskommandos stellen die Bindeglieder zum Landesverwaltungsamt und zu den Landkreisen und kreisfreien Städten in Thüringen dar. Sie werden von besonders qualifizierten Reservisten, die in der jeweiligen Region ihre Heimat haben, geführt. Bei Bedarf, wie in einem Katastrophenfall, werden sie aktiviert, um den jeweiligen Katastrophenschutzstäben beratend zur Seite zu stehen. Die zivilen Entscheidungsträger im Katastrophenschutz werden somit frühzeitig über mögliche und machbare Unterstützung durch die Bundeswehr verlässlich informiert.

(H. Geppert, 02.07.2003)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Ортологические монографии, изданные в ФРГ по проблеме
американизации немецкого литературного языка с 2000–2010 гг.
(в хронологическом порядке)**

1. Krämer W. Modern Talking auf Deutsch. Ein populäres Lexikon [Text] / W. Krämer. – München, Zürich: Piper Verlag. – 2000. – 261 S.
2. Paulwitz Th., Micko S. Engleutsch? Nein, danke! Wie sag ich's auf Deutsch? Ein Volks-Wörterbuch [Text] / Th. Paulwitz, S. Micko. – 2. Auflage. – Erlangen und Wien, 2000. – 132 S.
3. Zabel H. Denglisch – nein danke!: Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache [Text] / H. Zabel. – Paderborn: IFB-Verlag, 2001. – 296 S.
4. Bartzsch R., Pogarell R., Schröder M. Wörterbuch überflüssiger Anglizismen [Text] / R. Barzzsch, R. Pogarell, M. Schröder. – Paderborn: IFB-Verlag, 2004. – 6. Aufl. – 220 S.
5. Stein D. Rettet die deutsche Sprache. Beiträge, Interviews und Materialien zum Kampf gegen Rechtschreibreform und Anglizismen [1999–2004] [Text] / D. Stein. – Reihe Dokumentation. – Bd. 9. – Berlin: Edition JF, 2004. – 191 S.
6. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod [Text] / B. Sick. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2006. – 240 S.
7. Schneider W. Speak German! Warum Deutsch manchmal besser ist [Text] / W. Schneider. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2008. – 191 S.
8. Junker G.H. Der Anglizismen-Index, Gewinn oder Zumutung? [Text] / G.H. Junker. – Paderborn: IFB-Verlag, 2010. – 301 S.

Научное издание

КОБЕНКО Юрий Викторович

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФРГ: АМЕРИКАНИЗАЦИЯ И ЭКЗОГЛОСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Монография

Издано в авторской редакции

Научный редактор *кандидат филологических наук,
доцент И.А. Черемисина Харрер*

Дизайн обложки *Т.А. Фатеева*

**Отпечатано в Издательстве ТПУ в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета**

Подписано к печати 14.04.2014. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 20,94. Уч.-изд. л. 18,94.
Заказ 295-14. Тираж 500 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Издательства Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONALQUALITYASSURANCE по стандарту BSENISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ТПУ**. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
Тел./факс: 8(3822)56-35-35, www.tpu.ru